

Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне

Иркутск, 2014

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(2Рос–4Ирк)
И 90

Научный редактор:
д.и.н., профессор Ю.А. Петрушин
Зам. научного редактора:
д.и.н., профессор С.И. Кузнецов
Научный рецензент:
д.и.н., профессор Ю.П. Горелов (Кемерово)
д.и.н., профессор Н.Д. Ростов (Барнаул)

Редакционная коллегия:
А.В. Ануфриев (ответ. секретарь)
А.А. Иванов, д.и.н. профессор
И.В. Чапыгин, к.и.н., доцент

Авторский коллектив:
А.В. Ануфриев, к.и.н. О.Н. Астраханцев, к.и.н. И.А. Воронов, д.и.н. С.П. Звягин, д.и.н. А.А. Иванов, д.и.н. П.А. Новиков, к.и.н. Т.М. Новикова, к.п.н. А.В. Петров, д.и.н. Ю.А. Петрушин, к.и.н. Г.И. Романов, к.и.н. Т.В. Федорова, к.и.н. Л.В. Шапова

И 90 Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы. Коллективная монография; [под ред. Ю.А. Петрушина]. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2014. – 448 с. ил.

Этим изданием Иркутская региональная общественная организация развития гражданского общества «Клуб «Губерния»» начинает серию публикаций «Вернувшийся полк», посвященную участию жителей Прибайкалья в войнах и военных конфликтах XIX–XX веков.

Настоящая книга создана иркутскими историками с привлечением малоизвестных архивных документов. На ее страницах подробно рассказывается о боевом пути сибирских стрелковых дивизий, ушедших на фронт из Иркутска, о подготовке офицерских кадров для фронта, о жизни города и иркутян в 1914–1917 гг. Издание проиллюстрировано уникальными фотографиями. В приложении приведены списки Георгиевских кавалеров-иркутян, найденные в архивах Иркутска и Москвы, а также воспоминания старожилов – участников войны, собранные сотрудниками историко-этнографических экспедиций Иркутского государственного университета.

Объем книги не вместил всего материала, найденного авторами. С электронным вариантом издания и не вошедшими в книгу сведениями можно ознакомиться на сайте Клуба «Губерния» <http://guberniya38.ru>

ISBN 978-5-905847-95-0

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Оттиск», 2014
© Клуб «Губерния», 2014

Матвеев
Дмитрий Геннадьевич,
Президент ассоциации
«Байкальская Виза»,
Председатель
«Клуба «Губерния»,
Председатель фонда
«Вернувшийся полк»

Дорогой читатель!

Сегодня ты держишь в руках необычную книгу...

Эта книга – долг памяти нашим предкам, прошедшим ужасы кровавой битвы под Варшавой и Ригой, в Шампани и на кавказских кручах. Об участии в этой войне говорить боялись и не любили. Но им было чем гордиться. Сотни иркутян стали Георгиевскими кавалерами. Только на подготовительном этапе, в ходе работы в архивах Иркутска и Москвы, найдены имена более 150 иркутян, награжденных за свой подвиг Георгиевскими крестами и медалями ... Но это только начало. Около 50 тысяч воинов дала Иркутская губерния, тысячи иркутян погибли в той войне и эта книга – дань благодарных потомков своим героическим предкам.

Десятки людей вложили свой труд в издание книги – это и историки, и сотрудники музеев и архивов, и просто неравнодушные люди, болеющие за историю своего родного края! Огромное спасибо им!

Первая мировая война – это великое напоминание для нас о том, что в жизни есть высшие ценности, ради которых иногда действительно нужно жертвовать многим, даже жизнью. Память об этой войне, о героизме русских офицеров и солдат, о великом патриотическом настрое, который объединил всю нацию в 14-ом году, должна быть возвращена в нашу историю. Героев Первой мировой войны нужно чтить, так же, как мы чтим героев Великой Отечественной... Память о Первой мировой войне должна стать мощным ресурсом для строительства нашей современной страны.

Великий советский полководец, маршал Советского Союза Г.К. Жуков, вспоминая о своем призыве в российскую императорскую армию в 1915 году, писал: «Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. ... Однако считал, что если возьмут в армию, *буду честно драться за Россию*». Именно за Россию дрался он и миллионы простых солдат и офицеров. Им была уготована тяжелая судьба и несправедливое забвение. И только сейчас, почти через сто лет, восстанавливается справедливость. Чтобы отдать долг памяти тем, кто прошел тяжелый путь фронтов Первой мировой.

Нельзя забывать ратный подвиг русских воинов, проявивших героизм на полях сражений Великой войны. Это наша история, она может быть сладкой и горькой, но она наша и другой не будет.

Эта книга – возвращение малой доли той исторической памяти, которую мы утратили ...

Авторский коллектив и Фонд «Вернувшийся полк» выражает глубокую признательность тем людям, без которых данная книга не увидела бы свет...

Честь и хвала людям неравнодушным, любящим свою страну и её героев!

Панько Александр Георгиевич,
генеральный директор
ООО «Центр отдыха Ерши»,
депутат Думы города Иркутска,
сопредседатель «Клуба «Губерния»,
член общественного фонда
«Вернувшийся полк»

Черкасов Геннадий Иванович,
генеральный директор
ООО «Восток ЛТД»,
член Совета «Клуба «Губерния»,
член общественного фонда
«Вернувшийся полк»

Аблов Анатолий Анатольевич –
генеральный директор ООО
ГК «ЭлитЛайн», Председатель
попечительского совета
ОГБУСО «Реабилитационный
центр для детей и подростков с
ограниченными возможностями»

**Ковальский
Станислав Александрович** –
генеральный директор
ЗАО «СибЭнергоРемСтрой»

Ильичев Иван Викторович –
Исполнительный директор
ЗАО «Управляющая компания
«ВостСибСтрой»

Тененбаум Татьяна Олеговна –
Исполнительный директор
ассоциации «Байкальская Виза»

Фонд «Вернувшийся полк», Иркутское региональное отделение Российского военно-исторического общества благодарит всех, кто словом, делом и рублем помог в подготовке этой книги.

Особая благодарность автору идеи издания:

Тарасову Сергею Николаевичу, подполковнику запаса, исполнителю директору Иркутской региональной общественной организации развития гражданского общества «Клуб «Губерния».

Меценатам:

Матвееву Ивану Дмитриевичу, генеральному директору ООО «Байкал Строй», члену общественного фонда «Вернувшийся полк», Президенту благотворительного фонда «Развития и поддержки Иркутской специализированной детско-юношеской спортивной школы по художественной гимнастике» под руководством заслуженного тренера России и СССР О.В. Буяновой, члену Клуба «Губерния».

Смирнову Владимиру Владимировичу, генеральному директору ООО «Смартур», члену Попечительского совета Фонда «Милосердие», члену Клуба «Губерния».

Горбатенко Олегу Михайловичу, члену Совета Клуба «Губерния», члену общественного фонда «Вернувшийся полк».

Особую благодарность за предоставленные материалы коллектив издания выражает:

– сотрудникам ГАУК «Иркутский областной краеведческий музей» и лично директору **Люстрицкому Дмитрию Георгиевичу**;

– сотрудникам МБУК «Музей истории города Иркутска» и лично директору **Терновой Ирине Ивановне**;

– сотрудникам Государственного архива Иркутской области и лично руководителю Архивного агентства Иркутской области **Овчинникову Сергею Геннадьевичу**;

– сотрудникам Российского военно-исторического архива и лично заместителю директора архива **Мачикину Евгению Геннадьевичу**;

– декану филологического факультета ИГУ, профессору **Собенникову Анатолию Самуиловичу**;

– известному иркутскому фотографу, коллекционеру **Рудольфу Георгиевичу Берестенёву**.

И всем тем, кто помог в издании данной книги.

Введение

Уважаемый читатель! Перед тобой книга об Иркутске и иркутянах, жителях Приангарья, их судьбах в годы Первой мировой войны. Замысел книги рождался в преддверии 100-летия этой войны. Войны, унесшей жизни и искалечившей 20 миллионов людей, в том числе тысяч сибиряков, сотен иркутян. Войны, которая закончилась сломом государства, исключившим Россию из числа стран-победительниц. Войны, которая принесла русскому народу огромную горе и обиду за почти глухую бесследность трагедии в нашей национальной памяти.

Как известно, резко обострившееся на рубеже XIX–XX столетий соперничество великих держав за колонии, сферы влияния и рынки сбыта вылилось в итоге в вооруженное противостояние глобального масштаба. Противостояние стран Антанты (Россия, Англия, Франция) и австро-германского блока (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) привело к войне. Поводом к началу Первой мировой войны послужило убийство сербскими националистами в г. Сараево 15 (28) июня 1914 г. наследника австро-венгерского трона Франца-Фердинанда и его жены. 15 (28) июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Россия, вступаясь за Сербию, начала общую мобилизацию. 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России, а 21 июля (3 августа) 1914 г. – Франции. Англия, ссылаясь на нарушение немецкими войсками нейтралитета Бельгии, объявила войну Германии. Вскоре к Антанте примкнула Япония. Вооруженный конфликт приобрел глобальный характер.

Все страны-участницы конфликта ориентировались на молниеносную войну. Германия рассчитывала быстро разгромить Францию, а затем Россию. Натиск русских войск, пока Германия расправляется с Францией, должна была сдерживать Австро-Венгрия. Россия соответственно образовала два фронта – Северо-Западный и Юго-Западный. После вступления в войну

Турции, возник Кавказский фронт. Верховным главнокомандующим стал дядя царя, великий князь Николай Николаевич (младший), а с августа 1915 г. им стал сам Николай II.

Идя навстречу просьбам союзников, русское командование развернуло наступательную операцию в Восточной Пруссии. Германия вынуждена была снять с Западного фронта часть войск и отправить их на защиту Восточной Пруссии. В итоге русские войска были вытеснены из Восточной Пруссии, потеряв около 200 тыс. человек. Это позволило остановить наступление неприятеля на Париж.

В августе-сентябре 1914 г. на Юго-Западном фронте развернулась победная для России Галицийская битва. На Кавказе русские войска нанесли серьезное поражение туркам. Существенно возрастала роль Восточного фронта в войне. Стало понятно, что война приобретает затяжной характер.

Следующий, 1915 год, начался для России благоприятно. Была взята 9(22) марта австрийская крепость Перемышль¹. Но затем русская армия потерпела ряд неудач. Она покинула Галицию, Польшу, понесла большие людские потери. Боевые действия стали приобретать позиционный характер. Войска «зарывались» в землю.

В 1916 г. Юго-Западный фронт под командованием генерала А.А. Брусилова развернул широкомасштабное наступление против австрийцев. «Брусиловский прорыв» стал крупнейшей победоносной операцией русских войск Первой мировой войны. Наступление русских войск позволило ослабить натиск немцев на союзников в районе Вердена. Русские войска также одержали ряд побед на Кавказе. На прошедшей в Петрограде конференции представителей союзных армий было решено начать общее наступление на всех фронтах весной 1917 г. Однако Февральская революция 1917 г. в России резко изменила военную обстановку на фронте, политическую ситуацию в стране в целом.

Брестский мир (март 1918 г.), заключенный Советской Россией с Германией, носил сепаратный характер, исключивший нашу страну из числа стран-победительниц Первой мировой войны.

¹ Селиванов А.Н. (1847–1917). С 1906–1910 гг. – Иркутский генерал-губернатор. Командовал осадной армией под Перемышлем. Награжден Св. Георгием III ст.

Он еще более усложнил ее понимание и оценку в общественно-политической жизни нашего государства и отечественной историографии.

Видимо, ни одна война, разразившаяся над Россией в Новое время, не была так противоречиво оценена, а зачастую оболгана в истории, в народном сознании, как эта, «империалистическая», «германская». Она была почти забыта в сознании потомков. «Империалистическая» была перечеркнута революцией. Она «переросла в гражданскую войну» и как бы перестала существовать. В отличие от Европы, у нас почти нет памятников войнам Первой мировой войны, пока недостаточно исследовательских работ, опубликованных мемуаров по этой теме, особенно о глубоком сибирском тыле.

Первая мировая война привела к своеобразной «перезагрузке» понимания ее характера, места и роли человека в окружающем его мире. Миллионы жертв Первой мировой были перекрыты десятками миллионов жертв Второй, Великой Отечественной 1941–1945 гг. войны. Эта, последняя, стала вехой национальной истории, первая, нет. Герои Первой мировой скрывали свои награды от новой Советской власти. Зачастую по этим наградам они и страдали от репрессий, не получали пенсий и пособий, в «лучшем случае», были забыты властью. Но эта война сохранилась в народной памяти, кстати, тоже темы малоизученной. Отношение простого человека к этой войне приоткрывает малоисследованный пласт народного сознания. Суть его сводилась к тому, что война эта была обычному человеку непонятна, не нужна. Первая мировая война, не несла никаких перспектив решить дело со свободой, землей, миром и спокойствием. Это делало ее бессмысленной в глазах народных масс.

Миллионы крестьян, рабочих, мастеровых, призванных из далекой Сибири, были озабочены сохранением своих жизней, думами об оставшихся без кормильцев семьях. Население Иркутской губернии накануне войны насчитывало 707 733 человека. За годы войны (до сентября 1917 г.) в губернии было моби-

лизовано 11,5 % новобранцев, что составляло почти половину мужского трудоспособного контингента¹.

Зачастую «народные массы» отвечали на происходящее дезертирством, отказом выходить на позиции, отрицательным отношением к офицерам, братанием с противником, критическими разговорами в очередях. Огромное горе и страдание война принесла тем, кто оказался в плену. Надвигалась перспектива поражения в этой войне, а с ней и призрак новой революции. В дальнейшем на это восприятие наложились еще более драматичные для России события – две революции и Гражданская война, а затем и отношение к Первой мировой войне со стороны победившей Советской власти.

Все эти вопросы стали предметом неоднократных обсуждений редколлегии и авторского коллектива будущей книги. Местные власти, ученые-историки, предприниматели, общественность города, интеллигенция в обстановке приближающегося 100-летия Первой мировой войны остро ощутили потребность и необходимость воссоздания этого события через призму богатой и во многом уникальной истории города Иркутска.

Как в таких случаях бывает, свою роль сыграло провидение, видимо, божий промысел, высокое духовное самосознание иркутян, всегда отличавшее культурную жизнь сибирского общества как дореволюционного, так и современного периода. Под воздействием этой идеи творческие люди нашли друг друга и объединились. Возник творческий коллектив, поставивший перед собой цель: реализовать проект по написанию истории города Иркутска в годы Первой мировой войны. Это стало возможным еще и потому, что Иркутск, как крупный научный и учебный центр Сибири, обладает зрелыми исследовательскими кадрами, составляющими основу исторической школы, способной решать самые сложные задачи по изучению, пропаганде истории родного края, нашего Отечества. Об этом знают и иркутские предприниматели, объединяющиеся в Клубе «Губерния». И вполне закономерно, что руководитель этого Клуба Д.Г. Матвеев выступил с инициативой осуществить и финансово

¹ Шапова Л.В. Иркутская губерния в период Первой мировой войны и Февральской революции // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVI–XXI вв. Иркутск, 2012. С. 421.

поддержать проект по подготовке издания книги об истории нашего города в годы Первой мировой войны.

Важно, что авторский коллектив был свободен в выборе концепции, структуры и логики построения работы. Это оказалось едва ли не самым сложным делом. Как мы уже отмечали выше, события Первой мировой войны в отечественной историографии не получили должного и объективного освещения, тем более взвешенных оценок. Следовало также учитывать своеобразие города Иркутска как центра культурной жизни Восточной Сибири, глубокого тылового рубежа со своими особенностями. С учетом этих аргументов была выстроена структура работы. Она подчинена логике событий того периода и проецировалась на глубокий тыл.

Подбор и расположение материалов соответствует такому подходу. В первой части нашего труда под названием «Фронт» представлены материалы о начальных событиях войны, её восприятии властью и сибирским обществом, мобилизационных мероприятиях, формировании и отправке на фронт воинов-иркутян, а также – и это главное – их ратных делах и подвигах на полях сражений.

Во второй части книги (она называется «Тыл») мы обращаемся прежде всего к проблеме подготовки военных кадров, резерва для фронта. Как известно, Иркутск выполнял значительную роль в деле подготовки и обучения младших офицерских кадров для фронта. Здесь действовали юнкерское училище, школы прапорщиков. Среди выпускников военных училищ было немало Георгиевских кавалеров. Многие из воинов-сибиряков нами возвращены из безвестности, о них узнают наши современники.

Заключительное место во втором разделе книги отведено повседневной жизни тылового города Иркутска. Еще совсем недавно повседневная жизнь людей почти не изучалась отечественной историографией. Ныне этот аспект соотношения индивидуальности и социальной реальности получил свое развитие. В отношении повседневности на первый план выходит проблема обусловленности поведения личности внешними факторами, в нашем случае – условиями военного времени. Через

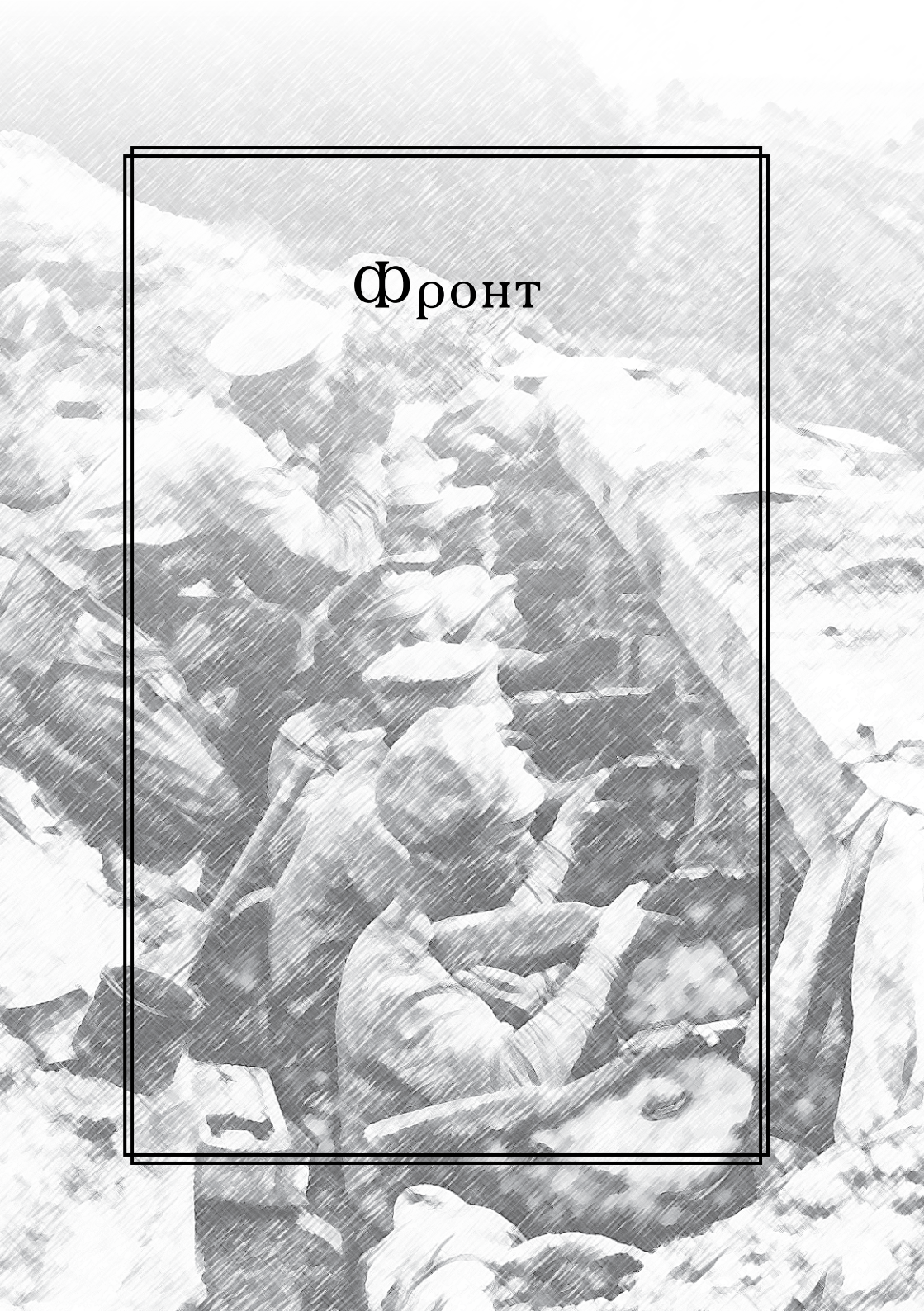
призму повседневности мы попытались раскрыть в своей работе отношение иркутян к войне, власти, церкви, военнопленным. В работе представлен разнообразный материал о повседневной жизни иркутян в годы войны, их жизненный уровень, питание, рыночные цены, торговля товарами каждодневного спроса. Не обойдены вниманием проблемы рабочего и леворадикального оппозиционного движения, участия в этих процессах политических ссыльнопоселенцев. Благодаря введению в оборот новых исторических и историографических источников, удалось полнее реконструировать повседневную культуру Иркутска периода войны.

Теоретико-методологической основой нашей работы является принцип историзма и цивилизационного подхода к освещению событий. Прежние оценки Первой мировой войны в отечественной историографии основывались на классовом принципе познания истории. Вместе с уничижительной оценкой царской власти за бортом изучения оставался ратный подвиг солдат и офицеров Первой мировой войны, тружеников тыла. Основываясь на цивилизационном подходе, авторы статей постарались вернуть из небытия и забвения сибиряков, иркутян, участников Первой мировой войны, показать тяготы и лишения, настроение жителей тыла. Человек стал главным объектом нашего исследования.

В приложении работы представлен обширный список наших земляков – Георгиевских кавалеров, награжденных в Первую мировую войну. Может быть, их родственники найдут в списке своих дедов и прадедов. Так восстанавливается нарушенная некогда связь поколений. В этом мы видим исполнение долга историков перед нашими предками, отдававшими силы и жизни за Отечество!

*Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук,
профессор, Почётный работник высшего
профессионального образования РФ*

Фронт

Часть 1

Иркутяне на фронтах Первой мировой войны

Основой организации русской армии начала XX века были армейские корпуса, как высшее тактическое соединение. В 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней в Китае в Приамурском военном округе образованы 1-й Сибирский (штаб в Никольске-Уссурийском), 2-й Сибирский (в Хабаровске) армейские корпуса, а из прибывавших из Сибири подкреплений и 3-й Сибирский. Последний в ноябре 1900 г. расформирован в Чите, вновь образован в январе 1904 г. в Порт-Артуре. После начала Русско-японской войны в 1904 г. в Сибирском, Казанском и Московском военных округах из резервных частей развернуты 4-й, 5-й и 6-й Сибирские армейские корпуса соответственно. Все шесть Сибирских корпусов с отличием участвовали в боевых действиях против японцев. В июне 1905 г. на театре войны в Маньчжурии образован 7-й Сибирский армейский корпус, объединивший 53-ю и 71-ю пехотные дивизии, сформированные в Одесском и Казанском военных округах.

В июне 1906 г. управления 4-го, 5-го, 6-го и 7-го Сибирских армейских корпусов были расформированы. По окончании Русско-японской войны 1-й Сибирский армейский корпус (1-я и 2-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, Уссурийская конная бригада), 3-я, 6-я и 9-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии расквартированы в Приамурском военном округе, 2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, Забайкальская казачья бригада) и 3-й Сибирский армейский корпус (7-я и 8-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии) – в 1906 г. в восстановленном Иркутском военном округе. Этот округ имел 9 крупных гарнизонов: Ачинск, Березовка, Иркутск, Канск, Красноярск, Кяхта, Песчанка, Стретенск (Сретенск), Чита. Всего же в России подобных гарнизонов было 188.

В 1910 г. Восточно-Сибирские дивизии переименованы в Сибирские. Во Владивостоке восстановлен 4-й Сибирский армейский корпус, объединивший 3-ю и 9-ю Сибирские стрелковые дивизии. В Хабаровске образован 5-й Сибирский армейский корпус из 6-й Сибирской стрелковой дивизии и сформированной из войск Амурской области 10-й Сибирской стрелковой дивизии. В Омском военном округе образована 11-я Сибирская стрелковая дивизия. Так за первые десять лет XX века военная группировка в Азиатской России проделала путь от линейных батальонов через стрелковые бригады до могучих армейских корпусов.

Беспрецедентными темпами в Сибири развивается военная инфраструктура: многочисленные военные городки с казармами и офицерскими флигелями, полевые лагеря и т.д. Гарнизоны сибирских стрелков играли важную роль в экономической жизни прилегающих районов.

Боевой путь 3-го Сибирского армейского корпуса

К началу 1914 г. в Иркутске располагался штаб и управления Иркутского военного округа, военное училище и кадетский корпус. Округ охватывал всю территорию Восточной Сибири площадью 7 826 029 кв. км с населением около 3 млн человек: Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области.

В самом Иркутске дислоцировались 7-я Сибирская стрелковая дивизия, героически сражавшаяся в Порт-Артуре в годы Русско-японской войны, включавшая 25-й имени генерала Кондратенко, 26-й, 27-й и 28-й Сибирские стрелковые полки и 7-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. К началу Первой мировой войны дивизия была укомплектована личным составом примерно наполовину. Также планировалось, что при мобилизации каждый из ее полков выделит по 19 офицеров, 1 военному чиновнику и 262 унтер-офицера и солдата на форми-

рование второочередных полков 12-й Сибирской стрелковой дивизии: 45-го, 46-го, 47-го и 48-го Сибирских.

В Иркутске размещались: штаб 3-го Сибирского армейского корпуса, Иркутская казачья конная сотня, Иркутская конвойная команда, Иркутский дисциплинарный батальон, госпиталь с военно-фельдшерской школой, обозные мастерские, несколько военных складов.

Из воспоминаний Павла Васильевича Шапошникова, служившего в 26-м Сибирском стрелковом полку в Иркутске (во время Первой мировой войны он был командиром роты, а затем батальона в этом полку):

«...7-я Сибирская стрелковая дивизия мирно стояла лагерем в таежной глуши, верстах в десяти от станции Михалево, между Иркутском и озером Байкал. Полки – 25-й Сибирский стрелковый генерала Кондратенко, 26-й, 27-й и 28-й Сибирские стрелковые, 7-я Сибирская артиллерийская бригада, 5-й Сибирский саперный батальон – по очереди стреляли на обширном стрельбище, прямо в тайге. Где-то в стороне училась стрелять артиллерия, потрясая мирные дали лесов своими очередями по мишеням. Трещал перекатами частый ружейный огонь стрелковых батальонов...

Вечером господа офицеры 26-го Сибирского стрелкового полка собирались на чашку чая, на рюмку водки – по желанию. Лениво прочитывали газеты и журналы, набросанные в изобилии на столе читальни офицерского собрания.

Только что был убит наследник австрийского престола сербом Принципом в Сараево, куда эрцгерцог приехал на маневры. Газеты были полны описания событий, предположений, ком-

Генерал от инфантерии А.Е. Эверт

ментариев. Иногда проскальзывала в них мысль о возможной войне. Но мы были далеки от таковой...

Кто-то кому-то что-то уступит, поступится национальным самолюбием, и опять будет тихо – такова была общая мысль.

Но наши прогнозы не сбылись! 14 июля¹ полк выступил в Иркутск, а 19 июля была объявлена мобилизация. Началась Первая мировая война, перевернувшая весь мир»².

С июня 1912 г. командующим войсками Иркутского военного округа был генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт. С августа 1914 г. он командовал 4-й армией Юго-Западного фронта, участвовавшей в Галицийской битве.

Резиденция командующего войсками Иркутского военного округа и наказного атамана Забайкальского казачьего войска находилась в бывшем особняке купца М.Д. Бутина (в настоящее время – Дом актера). Штаб округа, управление дежурного генерала размещались в доме Файнберга (ныне – полуразвалившееся здание на ул. Халтурина, 1).

Развертывание при мобилизации

Телеграмма о мобилизации была получена в штабе 3-го Сибирского армейского корпуса 18 июля в 2 часа ночи. Первый день мобилизации – 18 июля. Укомплектования для штаба корпуса начали прибывать с 4-го дня мобилизации. Штаб корпуса пополнился людьми до штата военного времени 31 июля, лошадьми, чуть ранее – 28 июля. Посадка штаба корпуса и отправление: 1-го эшелона 3 августа в 9 часов вечера, 2-го эшелона того же числа – в 11 часов вечера³.

«Огромные расстояния и плохие пути сообщения округа, замедляющие прибытие запасных на сборные пункты, препятствуют назначению определенных территориальных районов для войсковых единиц». Недостаток людей в Иркутском военном округе восполнялся за счет Омского (70 159 человек) и Казанского (40 669 человек) округов. По мобилизационному расписанию (с 1912

¹ Здесь и далее все даты по старому стилю.

² Шапошников П.В. На войну // Военно-исторический вестник. 1964. № 24

³ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.

г. носившему наименование № 18 измененное) в Иркутском округе в начале войны было призвано 41 689 запасных. 18 июля 1914 г. началась мобилизация войск округа, в ходе которой их численность увеличилась с 60 000 до 210 000 человек. Около четверти мобилизованных, призванных из запаса, составляли уроженцы Восточной Сибири, половину – Западной Сибири, еще четверти – Поволжья. 26 июля Иркутская казачья сотня была развернута в трехсотенный дивизион, оставленный в Иркутске. Во время Первой мировой войны в Иркутской губернии призвано в армию 11,5 % от всего населения губернии. Уездными воинскими начальниками округа принято и отправлено на фронт 1230 добровольцев.

П.В. Шапошников писал: «Я попал в качестве коменданта на станцию Зима, где и пробыл до отправления полка на фронт 29 июля, когда полк уже погружался в вагоны для отправки на фронт. На какой фронт – мы не знали...

На войну! Сибирские стрелки в дороге. МБУК МИГИ

На сборы на войну мне оставалось несколько часов, в течение которых я со своим денщиком Петром Ярониным (Петька, как звала его почему-то моя 11 рота, веселый уфимец!) собирался, заколотивши в ящик все мои скромные обер-офицерские вещи. Я их никогда не получил потом: все пропало в Военном Городке, в цейхгаузе полка.

Даже не попрощался ни с кем в городе. Стал в строй своей роты и зашагал на станцию. А там уже стоял поезд из теплушек на батальон, с классным вагоном для офицеров. Ни пышных проводов, ни речей, ни цветов уходящим на смерть от граждан Иркутска не было. Некогда было...

26-й Сибирский стрелковый полк, как и остальные полки дивизии, выделил из своего состава второочередные полки: 45-й, 46-й, 47-й и 48-й – Сибирские же. Состав офицеров уменьшился вдвое. Солдатский же состав был пополнен мобилизованными до штатного числа – 4600 человек. Офицеры – прапорщики запаса и произведенные из училищ – постепенно прибывали в полки уже в пути, по железной дороге».

Дорога на фронт

«Наш эшелон – 3-й батальон под командой старого капитана Вахнина – двигался до Челябинска почти без остановки. На станции Челябинск – остановка на два дня. Прибыли новые офицеры: подпоручик Александр Матвеев из Казанского училища, подпоручик Шаев – из Александровского, Москва; прапорщик Эсенгарт, Шишагин, Лукин, Новоселов – из Петербурга, доктора Безайс и Вакар также оттуда. Кадровых офицеров было мало. Вот они: командир 9-й роты капитан Зененко, младший офицер подпоручик Феденев; 10-й – штабс-капитан Лютостанский, подпоручики Леонид Валицкий и Яхья Солтык; 11-й роты – штабс-капитан Леонид Лукьянович Гофман и я, подпоручик Павел Шапошников; 12-й – штабс-капитан Янышев и вновь зачисленный в нее прапорщик Лукин... Большинство – легли в боях под Августовым, Лыком, Летценом, Гродно в течение трех-четырёх месяцев войны 1914 г.»¹.

Обучение личного состава производилось в пути, прямо в вагонах. «Кроме общих обязанностей солдата, офицера, конечно, и больше всего, говорили о поведении военного в бою». О качестве такой экстренной подготовки говорят следующие строки из воспоминаний П.В. Шапошникова: «Два дня остановки в Челябинске – непрерывные строевые учения. Необходимо было «сбить» роты, приучить мобилизованных к строю, командам, узнать их способ-

¹ Шапошников П.В. На войну // Военно-исторический вестник. 1964. № 24.

ности и дать им возможность узнать своих начальников-офицеров. Батальон смотрел «вездесущий» полковник Януарий Цихович – командир полка. Разнес капитана Вахнина за плохое равнение при прохождении батальона»¹.

При перевозке мобилизованных были проблемы не только технического свойства. Комендант станции Зима в июле 1914 г. П.В. Шапошников вспоминал: «Из вагонов неслись песни, звуки гармонии и крики подвыпивших «чалдонов», будущих лихих сибирских стрелков, крепких, как таежные кедр, тяжелых на подъем, но безудержных и упрямых, если уж поднялись, часто доходящих до штыка в атаках 1914–1915 гг. Расстояния в Сибири длинные. По 5-6 дней езды в душном вагоне нервировало людей, надоедало. Поэтому кое-где были опасные взрывы, почти бунты. Против кого? Да против всех и никого! Чтобы поразмяться. Была и агитация против «начальства». Ведь Сибирь в то время была полна политических ссыльных»².

Впоследствии, в 1916 г., «Инструкция начальника поезда по передвижению эшелона на Театр военных действий» была доработана – ему предоставлялись права командира батальона, а солдат, для предотвращения массовых побегов, полагалось размещать в вагонах повзводно, а не по уездам, как это было ранее.

«Только в Самаре, на десятый день пути, – продолжает П.В. Шапошников, – мы узнали, что едем на австрийский фронт. На Люблин ломилась армия Ауфенберга. Наши чуть теснили. В Пензе – остановка. Вышел из вагона, вошел в зал первого класса и... остановился в изумлении. Передо мной за большим столом сидит группа немецких пленных офицеров, человек пять. Два из них в серебряных касках, в плащах-накидках светло-серого цвета, с синими воротниками, в лакированных сапогах с кирасирскими козырьками. Прямо с Курфюрстендамм, из Берлина! Рядом часовой с берданкой – из ополченцев. Немцы взяты в плен где-то в Восточной Пруссии или под Млавой.

У нас, окружающих и проходящих по залу, не было чувства озлобления к пленным врагам. Было только любопытство...

¹ Шапошников П.В. Указ. соч.

² Шапошников П. На станции Зима // Военная быль. 1964. № 68.

В Курске – остановка. Жадно читаем телеграмму Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Он «колени преклоненно» просит прощения у императора за поражение нашей 2-й армии в Мазурских озерах. В Галиции наши взяли Львов, Галич... В то же время – распоряжение по эшелону: переменить направление. Мы едем вместо Галиции в Восточную Пруссию на поддержку разбитым там частям. Настроение не изменилось: «Наломаем немцам, остановим их!» – было общее мнение сибиряков».

«Двигаемся. Белосток, Брест-Литовск. Навстречу поезда. Полны ранеными из-под Бишофсбурга, Алленштейна, Сталупенена. Из полков 1-й и 2-й армий. Жадные расспросы о боях, о немцах... Офицеры спокойно рассказывают о пережитом. Мелькают фамилии товарищей по училищу, просто знакомых: убитых, раненых... Никакой запуганности или паники от неудачи на Мазурских озерах. Это – эпизод войны...

Ночью высадились в г. Граево, конечном пункте русской железной дороги. Разместились в палатках в городском саду. 3-й Сибирский корпус отсюда начал свое развертывание для движения в Восточную Пруссию. Постепенно подходили эшелоны 7-й и 8-й Сибирских дивизий. Эшелоны корпуса растянулись почти от Курска и до границы. Наша артиллерия подошла только дня через три. Поэтому пришлось ждать сосредоточения до 28 августа...»¹

С 4 по 27 августа штаб корпуса, так же как и части корпуса, находился в пути. Первой к фронту, в Ломжу, 23 августа прибыла 8-я Сибирская дивизия. 29-й и 30-й Сибирские полки с 1-м дивизионом 8-й Сибирской артиллерийской бригады 26 августа образовали Ломжинский отряд генерал-майора Нестеренко, затем Пепеляева².

27 августа пунктом высадки штаба 3-го Сибирского корпуса был назначен Осовец, крепость, оборона которой вошла в анализы военного искусства. В виду того, что назначенный командовать 3-м Сибирским корпусом генерал от инфантерии Радкевич прибыл в крепость Осовец раньше штаба, начальник штаба корпуса с офицером Генерального штаба выехали из Белостока ближайшим поездом и прибыли в Осовец в 11.30. ночи 27 авгу-

¹ Шапошников П.В. На войну // Военно-исторический вестник. 1964. № 24.

² РГВИА. Ф. 2520. оп. 1.

ста. Здесь узнали, что корпус вошел в состав 10-й армии. Эшелоны штаба корпуса прибыли в Осовец на другой день, около 8.00. и 15.00. Ко времени высадки в Осовце собрались вся 8-я Сибирская стрелковая дивизия с артиллерийской бригадой, но без парков и части 7-й Сибирской дивизии и артиллерийской бригады не в полном составе. 28 и 29 августа эшелоны частей корпуса выгружались в Осовце и Граево. В 4 часа ночи на 29 августа получено приказание Главнокомандующего фронтом о сосредоточении 3-го Сибирского армейского корпуса к Граеву для движения на г. Лык с целью прикрыть со стороны Мазурских озер наступление 22-го армейского корпуса от Августова на Маркграбово (ныне Олецко) и далее на Гольдап.

Таким образом, восточно-сибирским стрелкам предстояло воевать в Сувалкской губернии России и юго-востоке Восточной Пруссии. Этот юго-восток в XIII веке назывался Ятвягией (Судовией) и входил в конфедерацию пруссов (балтов). По административному же делению 2004 г. это преимущественно Подляское и незначительной частью Варминьско-Мазурское воеводство Польши. То есть сибиряки действовали южнее нынешней Калининградской области РФ. Боевой путь сибиряков приурочен как к российским тогда поселениям – Щучин, Граево, Райгруд, Августов, Сувалки, Сейны, так и германским – Арис (ныне Ожиш), Иоганнисбург (Пиш), Лык (Элк), Летцен (Гижицко).

Эти места отличалась множеством озер. «Соединяясь протоками в целые группы, они представляют большей частью глубокие водоемы среди возвышенных, холмистых и песчаных берегов; низменные и болотистые встречаются сравнительно редко. Поэтому подступы к берегам удобны и перешейки между озерами, даже наиболее узкие, по свойствам почвы вполне проходимы. Все озера плато образуют несколько отдельных групп... Наиболее важная Мазурская из 3 больших озер Мауеръ, Левентинъ, Шпирдинъ и нескольких более мелких. Между первыми двумя озерами – самый важный перешеек, прорезываемый железной дорогой Лык-Кенигсберг и запираемый долговременным фортом Бойен у г. Летцена, на остальных укрепления временно-го профиля. Все озера соединены каналами, прорезывающими перешейки, образующими водную линию в 70 верст. Линия Ма-

зурских озер, пересекая все операционные линии от Гродны и Белостока к крепости Кенигсберг и к переправам на р. Висла, представляет серьезную преграду для наступательных действий русских войск, заставляя их форсировать переправы на непроходимых вброд протоках и каналах. Обход этой преграды с юга стеснен огромными лесами, а обход с севера приводит переправам через р. Ангерап, на левом берегу которой обороняющийся имеет прекрасную позицию на высотах Куклинсберг»¹.

По приказанию фельдмаршала Гинденбурга в сентябре 1914 г. форт Бойен был переименован в крепость Летцен, а на работы по ее усилению назначено несколько инженерных рот и 15 000 рабочих. Вокруг прежнего форта «создан целый укрепленный район (на восточном берегу Левентинского озера, вокруг горы Пропоткен, а затем к Спирдинскому озеру и г. Николайкен и далее от г. Рейн до Мазурского озера) с широким применением средств временной и долговременной фортификации (в т. ч. сильных искусственных препятствий, фланкирующих пулеметных капониров), и с распространением обороны на фронт в 75 км и в несколько линий в глубину»².

Наступление на Лык

На Лык корпус двинулся в 7.00. 30 августа двумя колоннами. Правая колонна генерал-майора Трофимова (25-й, 26-й, 27-й, 28-й и 31-й Сибирские полки и 1 батальон 32-го Сибирского полка, 1-й дивизион 8-й Сибирской артбригады и 2-й дивизион 7-й Сибирской артбригады) прямо на Лык, получив задачу овладеть этим городом. Левая колонна под началом генерала Пепеляева³ (1-я бригада 8-й Сибирской дивизии, 2-й и горный дивизионы 8-й Сибирской артбригады, три сотни 44-го Донского казачьего полка) получила задачу обеспечить со стороны Бялы операцию

¹ Военно-географический очерк восточных областей Германии. Скобелев, 1914. С. 6-7.

² Будберг А.П. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25 января – 8 февраля 1915 г. // Отдельный оттиск из «Вестника» Общ-ва русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско. С. 7.

³ Пепеляев Николай Михайлович умер в 1916 г. Его сыновья Виктор и Анатолий сыграв видную роль в Белом движении в Сибири.

по занятию Лыка. Два батальона 2-й бригады 8-й Сибирской дивизии с 3-м Сибирским мортирным дивизионом прикрывали переправы у Гонионза и Гончаровской гати через Нарев.

Станция Лык

Хотя расстояние до Лыка было 24 версты, но шли без привала до вечера с частыми остановками, так как большую часть пути пришлось совершить по неприятельской стране с враждебным населением, нередко обстреливавшим русские войска. Около 17.00. передовые части вошли в соприкосновение с противником.

С рассветом одновременно началось наступление правой колонны на промежуток между озерами Лыкским и ближайшим к нему с запада обходом этого озера с севера. Наступление стало успешно развиваться, когда около 6 часов утра было получено от штаба армии телеграммой № 84 приказание – отвести корпус к Граеву и Щучину для обороны р. Бобра. Изменение планов «вызвано сосредоточением значительных сил германцев в районе Сувалок и желанием лучше прикрыть район Гродно-Белосток»¹. Всего в прерванном наступлении 3-й Сибирский корпус потерял 3 офицеров и 114 нижних чинов убитыми, 13 офицеров и 456 солдат ранеными, 70 солдат пропало без вести².

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 12.

² Там же. Л. 7 об.

Архивный документ¹

Реляция боя 31 августа у г. Лыка.

25 Сибирский стрелковый полк в составе левой колонны 7 Сибирской стрелковой дивизии 30 августа в 8 час. утра выступил из м. Граево на д. Сарикен, полк следовал в колонне главных сил... Около 8 час. утра 4 рота, следовавшая впереди, рассыпалась в цепь, т. к. со стороны противника был открыт довольно частый огонь. Энергичное наступление 1 батальона заставило противника отступить и переменить позицию. Противником в это время был открыт сильный оружейный огонь шрапнелью и бризантными снарядами. Пулеметная команда, находящаяся при 4-ой роте, своим губительным огнем способствовала успешному наступлению, особенно выделялся огнем взвод подпоручика Остроумова. Когда во 2-ой роте были ранены все офицеры, и нижние чины под действием сильного огня из тяжелых орудий, под нажимом противника дрогнули, подпор. Остроумов огнем из пулеметов уничтожил почти всю наступающую роту противника, чем дал возможность удержаться роте на позиции и перейти в наступление. Командир 2-ой роты, лично руководя наступлением роты, был ранен в плечо, но после перевязки остался в строю и продолжил руководить ротой и оставил боевую линию лишь будучи вторично ранен в грудь. Подпоручик Лихнер, оставшись командовать 2-ой ротой, продолжил энергично наступать, показывая собой пример храбрости и мужества, был ранен при занятии окопов, на которые он бросился впереди нижних чинов. По долгу службы обязан засвидетельствовать, что офицеры вверенного мне полка при атаке... выказали особое мужество и успешное наступление полка, было главным образом следствием такого поведения офицеров. Командир 1-ого батальона подполковник Степаненко выказал большую неустрашимость и мужество при занятии перешейка, лично вел 2 и 4 роту, которые были без офицеров... Не могу не упомянуть поступок заведующего оружием ... Ковригина, который лично, под страшным огнем тяжелых орудий противника, повел 2 патронные двуколки в 1 батальон в самый тяжелый

¹ Этот и следующие документы выявлены А.В. Ануфриевым и И.В. Чапыгиным в фондах РГВИА.

момент, т. е. у нижних чинов совсем почти не было патронов. Подпоручик Тютюник, имея под своим командованием часть конных разведчиков, безстрашно углубился в расположение неприятеля и доставил ценные сведения о противнике, под ним в упор была убита лошадь.

Дух офицеров и нижних чинов был превосходный, держали себя под огнем великолепно, только шрапнельный огонь, пока люди не обстрелялись, на некоторых действовал плохо. Взятые были ряд окопов, причем немцы бросали своих раненых и убитых...

Что касается до нижних чинов, то многие из них действовали молодцами, о чем будет отдан приказ по полку с указанием фамилий наиболее отличившихся... *[Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала]*.

Рапорт командира

28-го Сибирского стрелкового полка от 2.09.1914 г.

«Стрелок 16 роты вверенного мне полка Иван Чупкин, считавшийся без вести пропавшим под Лыком, сего числа был подобран первой ротой производившей разведку. Стрелок Чупкин был ранен в грудь навылет, производя разведку на опушки леса. Чупкин был со своим товарищем раненым в руку и который был вторично смертельно ранен. Чупкин пролежал в лесу весь день боя и ночь с 31 августа на 1 сентября. А затем начал пробираться в Граево. По словам Чупкина противник целый день укреплял позиции у подорожных построек, которые были заняты двумя полками пехоты. Во время следования от Лыка до Граева Чупкин никаких частей противника не видел».

По приходе обратно в Граево и Щучино, части корпуса выставили авангарды: Граевский отряд (7-я Сибирская дивизия) – к д. Богуша и Конопки, Щучинский отряд (8-я Сибирская дивизия) – к Липнику и Кайново. В 4 часа 2 сентября получен приказ командующего армией о сосредоточении корпуса к м. Гониодъ, имея ввиду переход на следующий день к Штабину. 4 сентября

корпус беспрепятственно дошел до назначенного района – Штабин, Гродиск, Кириевщин у с. Ястржембны.

По сосредоточению корпуса в указанном районе, командующим армией предполагалось возложить на корпус овладение г. Августовым без содействия соседних войск. 5 сентября предписано посвятить тщательной рекогносцировке и подготовке операции. Но наступление приказом командующего армией 5 сентября № 445 отменено и корпусу приказано остаться на своем месте. Согласно того же приказа 22-й армейский корпус остается также на месте, 2-й же кавалерийский сосредоточивается к местечку Домброво. Таким образом, и второе наступление 3-го Сибирского корпуса, на этот раз на Августов, было отменено, на этот раз до начала.

Колебания высшего русского командования в использовании последних первоочередных соединений помешали решительно переломить ход Первой мировой войны уже в 1914 г. Сказался печальный опыт закончившейся 2 сентября Восточно-Прусской операции. В ходе этой операции восточнее Сольдау, в 160 км от

Генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф

сибиряков 16-17 августа были окружены 13-й и 15-й корпуса 2-й русской армии генерала А.В. Самсонова, а севернее – 1-я русская армия генерала П.К. Ренненкампфа.

Могли ли сибиряки изменить развитие событий? Очевидно, да, если бы прибывающие на фронт соединения задействовались решительно и в одном месте, а не разбрасывались кордоном вдоль фронта. Если бы у русского командования был свой четкий и цельный замысел, а не план «действовать по обстановке, в ответ на действия немцев». Ведь в то время, когда 3-й

Сибирский корпус «прикрывал район Гродно-Белосток», 2-я армия на Нареве была усилена двумя свежими корпусами и снова перешла в наступление¹.

Архивный документ

Из воспоминаний Жарникова Андрея Сергеевича (1890 г. рождения, с. Баншиково Иркутской губернии).

«Воевал я на фронте против Германии. Брал город Августов (за него у меня крест Георгиевский), город Лык. Я пошел на фронт в 1912 г. три года действительной отслужил в Иркутске, а потом в 1914 г. нас организовали на фронт. Ехали 18 дней до города Лык, и там сражение было у нас. Теперь мы отступили до Августова и стали брать его. Помню, это было 8 сентября, какой-то праздник. Дошли до озера Лык, а потом отступили. Вооружение плохое, силы не хватало. У нас были трехлинейки образца 1893 г., пушки, тяжелые батареи. Командовал войсками Эберт, ротный командир капитан Колосов. Я был и командиром взвода. Меня ранило в Польше в местечке Калары...»

Из воспоминаний Хорошева Василия Бонифатовича (1890 г. рождения д. Макарово Киренского уезда).

«В 1912 году я уже на службе был в Иркутске... Когда война началась, мы стояли в летних лагерях под Иркутском. А служили последний год. После того, как известие получили, на завтра выехали. Приехали на зимние квартиры в Иркутск (приказ дежурного, чтобы завтра все в 4 часа были готовы, приготовили лошадей). 2 августа из Иркутска выехали, со станции Иннокентьевской, а 30 августа на границу приехали. Когда мы выгружались, налетел самолет. Наши, давай в него из винтовок палить. Он бомбы три бросил и улетел. Поехали в польскую деревню, а они не верят, что мы сибиряки. У нас кухня полевая. Весь обед скормили полякам. На завтра приказ – выступать. Поехали через Осовец – крепость, на самой границе стояла. Значит, бой у нас на завтра был. Я в артиллерии был, в четвер-

¹ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002. С. 189.

той батарее. Начали немецкий город обстреливать. Немец пустил снаряд прямо к орудиям, тут и рвутся. Смотрим, раненного тащат наводчика, ну тут и пошло. Мы даже обедать не стали, все расстроились. Вдруг 2 казака едут. Один к командиру. Дали нам новый приказ – сняться с позиций. Поехали обратно. Дней 12 стояли в Августовских лесах, немцы ходом шли...»

Ввиду сосредоточения значительных сил противника на фронте Остроде – Ортельсбург – Млава и в районе Пильвишек (2-я кавалерийская дивизия), Вальковишек (1-й и 27-й корпус), Вержболова (Саксонский корпус) 6 сентября приказом № 3 10-й армии предписано прикрыть район Белосток – Гродно – Августов – Визна. Для этого 3-м Сибирскому корпусу приказано оборонять реку Бобр, на фронте от д. Шушалево до устья р. Лека, заняв позицию у Штабина, на правом берегу. С 22 августа 10-й русской армией командовал генерал-лейтенант В.Е. Флуг¹.

Генерал-лейтенант В.Е. Флуг

Августовское сражение

Приказом № 5 от 13 сентября корпусам 10-й армии приказано перейти в наступление, причем 3-й Сибирский корпус, усиленный 2-й Финляндской стрелковой бригадой, должен был овладеть г. Августов. Приказом № 10 образованы отряды, которым поставлены следующие задачи: отряду генерал-лейтенанта

¹ Подробно о его впечатлениях см.: Флуг В. X армия в сентябре 1914 г. Воспоминания участника // Военный сборник Общ-ва ревнителей военных знаний. Книга 5. Белград, 1924. С. 231-260.

Трофимова (7-я Сибирская дивизия) – атаковать Августов по ту сторону Августовского канала, обезопасив себя со стороны Граево и Райгорода. Дивизии необходимо устроить переправу через канал у шлюза Борки и у Соснова, что и было сделано 26-м Сибирским полком. Отряду генерала Редько (8-я Сибирская дивизия) – атака Августова со стороны Бялобжеги. 2-я Финляндская бригада генерал-майора Нотбека переходит из Липска в Бруски, обеспечивая правый фланг корпуса и атаку Августова с востока¹. А.Е. Редько был «строгим, сухим и требовательным начальником»².

Наступление началось утром 14 сентября, последовали бои на подступах к Августову. В 6.00. 15 сентября 26-й Сибирский полк был направлен от д. Нетты, на лес между Райгородским шоссе и каналом, 25-й – севернее шоссе, а 28-й уступом за 25-м – на Жарново. К 8.00. 26-й полк занял Неттский лес по западную сторону канала. Это заставило немцев быстро очистить Бялобжеги. Теснимые с юго-запада 25-м и 26-м полками, немцы хотели было остановить наше наступление атакой на левый фланг, для чего выдвинули к д. Жарново колонну, но последняя попала под фланговый огонь 28-го Сибирского полка и отошла к Августову. Затем все три полка повели атаку на последние позиции немцев перед Августовым и заставили немцев очистить окопы и отойти через Августов по шоссе на Сувалки. В 12.00. 25-й и 26-й полки вошли в Августов. Картину можно оценить строчкой поэта-эмигранта, участника этой войны А.И. Несмелова: «...Но двигались лесами корпуса, / Вдоль пепелищ, по выжженному следу. / И облака раздули паруса, / Неся вперед тяжелую победу».

Так началось выполнение плана командарма Флуга: сковать противника фронтальным ударом 2-го Кавказского корпуса (генерал-адъютант П.И. Мищенко) и 22-го армейского корпуса (генерал от инфантерии А.Ф. фон-дер Бринкен), и перехватить

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 18 об.

² Елисеев. Наши туркестанские начальники // Военная быль. Париж, 1963. № 6. Май. С. 9.

отступавшие германские войска ударом 3-го Сибирского и 1-го Туркестанского корпусов на Августов – Лык¹.

16 сентября части 3-го Сибирского корпуса оставались в Августове и его окрестностях и занимались укреплением позиций. В 12 часов ночи 17 сентября получена шифрованная телеграмма штаба армии с приказанием – выступить из Августова на Сувалки для действий против сообщений противника, начавшего общее отступление из Сувалкской губернии.

17 сентября в 6 часов утра выступил авангард корпуса – 2-я Финляндская бригада. У Новинки авангард вошел в соприкосновение с противником, развернулся и стал наступать вдоль шоссе, тесня передовые части немцев. У д. Щепки было взято около 170 пленных, а к темноте авангард занял с боя д. Ольшанки, Боршева Гора, Юридики. С началом боя авангард подкрепили 25-м Сибирским полком с артиллерией, который наступал левее авангарда на Подкрамовск, заняв его к вечеру. Вправо от авангарда вдоль железной дороги направлялся 27-й Сибирский полк на д. Юридику. Противник (3-я резервная дивизия) отошел на главную позицию к северу от Ольшанки. На 12 часов ночи русскими была назначена атака – «каждая часть против себя, держа направление вдоль шоссе». Двукратная русская атака была германцами отбита, причем, русская артиллерия огня не открывала, а часть даже свернула орудия к походу. Днем 18 сентября планировалось продолжить атаки, а к правому флангу сибиряков подошли части 22-го корпуса. Однако 18 сентября германцы сосредоточили против 3-го Сибирского корпуса значительные силы, и перешли в энергичное наступление против левого фланга русских.

25-й Сибирский полк подвергся атакам на фронте Новый Цисовск – Подкрулевец, а главная колонна генерала Редько – у деревень Ходорки и Кириановка (Курьянка). К полудню 25-й полк был сбит, отступил частью на д. Подповинку, частью на Юзефов. Командир полка полковник Хильченко был ранен. Выдвинуты два батальона из корпусного резерва. Из штаба 7-й Сибирской дивизии направлен капитан Генерального штаба

¹ Залесский К.А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 217.

Вайналович. Ему удалось собрать и успокоить 4-й батальон 25-го полка, и потом, совместно с батальонами 27-го и 28-го полков, 32-м полком, перейти в довольно успешное наступление¹. Прорыв германцев не удался благодаря свежим батальонам корпусного резерва из 26-го и 27-го полков и могущественной поддержке артиллерии правой колонны (1-я батарея 3-го Сибирского мортирного дивизиона, 2-я горная батарея 8-го Сибирского горного дивизиона, 7-й Сибирской артбригады), которая, развернувшись на линии деревень Дора – Гатко, ураганным огнем обстреливала оставленные нами деревни и лес позади них и не только остановила наступление германцев, но заставила их очистить захваченные позиции, которые на другой день были снова заняты нами.

Прикрывая фланг и тыл

Тем временем левая колонна генерала Редько (29-й и 30-й Сибирский полки) двигалась к Сувалкам. Марш продолжался, несмотря на очень опасное положение, так как по проходе д. Ходорки противник, занимавший Рачки, был с фланга и тыла дивизии. Поэтому у Ходорки был оставлен заслон 30-го полка с частью 8-й артбригады. Основная часть колонны со 2-й легкой, 2-й горной и 2-й мортирной батареями двинулась к шоссе Рачки – Сувалки, достигнув его к полудню.

Немцы с утра повели атаку на заслон полковника Ижицкого со стороны д. Суха-Весь, громя его многочисленной артиллерией. 30-й Сибирский полк геройски держался, несколько раз переходил в контратаки во главе с командиром. Услышав в тылу звуки горячего боя и получив сведения, Редько развернул колонны, оставив на северо-восточной опушке леса небольшой арьергард, вступивший в перестрелку с немцами. 29-й Сибирский полк с тремя батареями занял позиции у д. Стоки и д. Концеборга, из которых горная стала фронтом к тылу бригады, чтобы поддерживать арьергард. Несмотря на помощь 3 рот, 30-й полк, потеряв 50 % нижних чинов, 75 % офицеров и 5 орудий, отошел к лесу, что создали Кириановки. Справа 29-й полк также не выдержал страшного

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 33 об.

ружейного и орудийного огня и, потеряв 50 % состава, отступил к лесу Ур. Барсуки. Туда же отошли батареи, чьи командиры решили отойти к шоссе Августов – Сувалки.

Русско-Германская граница в районе г. Сувалки

И русские, и немцы особенно большой неудачей считали потери знамен или артиллерийских орудий. Поэтому журнал военных действия 3-го Сибирского корпуса подробно описывал следующий эпизод (дословно): «Но батареи пошли по лесной дороге к д. Пиавно, занятой противником. Выйдя из лесу (три: 2-я легкая, 2-я горная, 2-я мортирная. – П.Н.), батареи втянулись, по-видимому, в д. Юзефово. Здесь были обстреляны артиллерийским и пулеметным огнем, понесли в короткое время громадные потери и остались в деревне. Уйти смогла только 2-я горная батарея. Отошла она на запад в лес, где было решено закопать орудия и снаряжение, а людям с лошадьми постараться выйти к своим лесам. Все это сделать удалось»¹.

В штабе корпуса стало известно об опасном положении колонны генерала Редько к вечеру 18 сентября. Для оказания помощи приказано выдвинуться полковнику Циховичу с его 26-м Сибирским полком и с 1-й батареей 7-й Сибирской артбригады, присоединив по дороге 32-й Сибирский полк, бывший на дороге Щебра – Рачки. Отряд Циховича вышел из Гатно в 8 часов утра 19 сентября и к 14.00. подошел к левому флангу колонны

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 35.

Редько, дав возможность 30-му Сибирскому полку успокоиться, устроиться и несколько продвинуться вперед к восточной части д. Кириановки. С утра 19 сентября бой возобновился, но не такой интенсивный. Тогда же на шоссе Августов – Сувалки в цепи 5-го Финляндского полка был захвачен автомобиль с германским офицером, везшим приказ в Ольшанку, как он думал, к немцам. Из приказа выяснилось, что на северо-запад от нас наступал 2-й корпус генерала Моргена, левее его – 36-я ландверная дивизия, справа и с юга к нему подходила 1-я дивизия. Путь на Сувалки преграждали части 3-й резервной дивизии, и, как показал осмотр убитых, поддержанные многими другими частями (9 полков)¹.

Следует привести и наиболее интересные фрагменты еще одного свидетельства о боях 30-го Сибирского полка². «К семи часам вечера (17 сентября), уже в сумерках, артиллерийский огонь резко оборвался, зато загоравшаяся ружейная перестрелка на правом фланге полка указала на начало наступления немцев. Густыми колоннами из-за Гребня у деревни Суха-Весь противник двинулся к переправе через речку Распуду у Ходорки, с видимой целью вытеснить с переправы занимавшие ее роты полка. Однако попытка эта кончилась для пруссаков полной неудачей. Подтянутый из резерва 3-й батальон полка, развернувшись в строй поротно, пройдя артиллерийскую нашу позицию, примкнул вплотную к берегу речки, а затем, переправившись у деревни Ходорки на тот берег, открыл по наступавшим немцам губительный огонь пачками и залпами. Огонь этот и, в особенности, выдержанные залпы 10-й роты, произвели в рядах немцев страшное опустошение. Остатки цепей скоро в панике разбежались, оставляя на полях груды раненых и убитых. За гребнем немцы снова устроились и, подкрепленные свежими частями, снова пошли в атаку, но с теми же результатами. Только к восьми часам вечера, когда уже совершенно стемнело, попытки отобрать у нас переправу прекратились. Перестрелка затихла совсем и только стоны многочисленных раненых немцев нарушали водворившуюся кругом общую тишину. На этом и закончился бой полка у деревни Ходорки 17-го сентября...

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 41.

² Козинцев А. Славный подвиг 30-го Сибирского стрелкового полка // Военный сборник, издаваемый по Высочайшему повелению. 1916. Март. № 3. С. 73-86.

Резерв полка быстро таял, и к часу дня (18 сентября) в нем оставался лишь единственный взвод, прикрывавший знамя. К счастью, в это время к правому флангу подошел возвращенный к полку из главных сил 4-й батальон. Опираясь на свежий батальон, полковник Ижицкий решил постепенно вывести весь полк из под перекрестного огня и расположиться на высоте фольварка Концебор, выровнявшись с соседним 29-м Сибирским

Капитан 30-го Сибирского стрелкового полка В.П. Гулидов

полком, выдвинутым к этому времени из главных сил правее 30-го Сибирского полка.

Укрепившись своею 1-й ротой в самом выселке Стоки, полк начал отходить ротами правого фланга, а затем отошли и левофланговые роты. При отходе, хотя ротам и было указано новое направление точно, но люди, инстинктивно поворачиваясь лицом к выстрелам противника справа, отошли значительно южнее от новых позиций, благодаря чему на линии фольварка Концебор боевой порядок полка оказался слишком растянутым и отброшенным от дороги на Сувалки. Пришлось еще раз

передвинуть роты левого фланга к центру. Между тем пруссаки, приняв передвижение рот за вынужденное отступление, около пяти часов дня, перешли в энергичное наступление от выселков Стоки и Малый Концебор, отчего наши левофланговые роты дрогнули и, более слабые характером стрелки, начали беспорядочно отходить назад.

Командир полка сам бросился в цепь и лично принялся ободрять и устраивать отходивших стрелков. Три раза он останавливал людей левофланговых рот и лично водил их в атаку в штыки на приближавшихся пруссаков. Мягкая пашня, размок-

шая под лившим с утра дождем, до крайности затрудняла движение вперед. Стрелкам приходилось сбрасывать все снаряжение и бросаться на «ура» с одними винтовками. Немцы под этими молодецкими ударами вынуждены были скоро остановить свое наступление. Между тем отступившие уже далеко назад стрелки с помощью конных офицеров и ординарцев были собраны в тылу у знамени, устроены и образовали сводные роты, которые под командою офицеров, собравших их, снова двинулись вперед и поддержали штыковые атаки оставшихся впереди своих товарищей.

Такие настойчивые атаки русских смутили немцев, и натиск их прекратился. Явилась возможность измученным вконец стрелкам передохнуть, в чем все, после двухдневного без пищи и сна боя, крайне нуждались. Пока полк отдыхал, из главных сил через старшего адъютанта штаба дивизии получилось известие, что на Сувалки дивизия не пробилась и Сувалки по-прежнему в руках противника. Главные силы дивизии, втянувшись в общий бой правее полка, также никаких решительных успехов не добились, благодаря чему полк оказался без пути отступления и почти окруженным по линии Ольшанки – Сувалки – Концебор – Стоки.

Еще одно усилие немцев в направлении Стоки – Ольшанка или наоборот, и кольцо их могло сомкнуться вокруг полка. Стало необходимым во что бы то ни стало перейти в наступление, отобрать у пруссаков выселки Стоки и, бросив дорогу на Сувалки, перебросить свой тыл снова на дорогу Ходорки – Кириановка – Щебры. Сразу задача эта казалась почти невыполнимой; но перспектива окружения не оставляла для колебаний места и переход в наступление был решен командиром полка бесповоротно.

В это время получилось из дивизии новое распоряжение: оставшиеся в главных силах дивизии два батальона 29-го Сибирского полка предположено было бросить на правый фланг в поддержку действовавшим уже в том направлении двум батальонам того же полка, а 30-му Сибирскому полку приказано было рассчитывать только на свои силы, и полк начал подготавливаться к решительному моменту.

Между тем проливной дождь продолжал поливать как из ведра измученных бойцов. Туман и сумерки заволакивали уже густой пеленой поле битвы. В это время к резерву полка подтянулись с крайнего левого фланга остатки 6-й роты с собранной командой от рот 3-го батальона, и командир полка решил бросить весь полк в штыковую атаку и пробиться к выселкам Стоки.

Передав 6-й роте знамя, освободив тем последнюю, сравнительно свежую 8-ю роту, полковник Ижицкий выдвинул ее вперед для штыковой атаки. За 8-й ротой, уступом справа, была поставлена знаменная рота, далее предполагалось по мере наступления поднимать попутные части боевого порядка и присоединять их к атаке. Стрелять было строго запрещено.

Около восьми часов вечера 8-я рота двинулась на силуэт выселков Стоки. В это же время справа разгоралась напряженная ружейная и пулеметная трескотня – то наступали последние два батальона соседнего полка. С замиранием сердца наступавшие роты 30-го полка ждали, что трескотня выстрелов этих батальонов вот-вот перейдет в могучее «ура», но, к сожалению, этого не случилось – батальоны соседнего полка залегли, ограничившись лишь перестрелкой. 30-й же полк, между тем, подобно лавине, молча и безостановочно продвигался вперед к намеченной цели и, что удивительно, продвигался почти беспрепятственно: немцы, как по команде, очищали полку дорогу, поспешно уходя назад и лишь беспорядочно, не целясь, на бегу стреляли в воздух. Очевидно, вид идущего в атаку полка был настолько внушительным, что пруссаки не могли выдержать и спешили удрать, не желая столкнуться с русскими грудь с грудью. Таким образом, полк без выстрела прошел от фольварка Концебор до выселков Стоки включительно. Даже деревню, весьма пригодную для упорной обороны, немцы бросили. В 8 часов вечера без единого выстрела полк занял обратно Стоки. Кольцо было раздвинуто, и на этом закончился бой 18 сентября...

19-го сентября 30-му полку надо было умереть, но ни в коем случае не отступить перед ломившимися всеми силами немцами. Полк правильно понял свою задачу и и сделал всё для ее выполнения. Сам отважный командир, заметя отступление своих

правофланговых рот, бросился к угрожаемому пункту и лично остановил отступление. В лесу, где происходило это, творилось нечто невероятное и потрясающее: третий день, почти не спавшие сибирские стрелки медленно, шаг за шагом, отходили под практически проливным дождем картечи, рвавшей над верхушками деревьев. Лес стонал и грохотал злобными отзвуками эха ружейных выстрелов и разрывов сверху; треск ломавшихся от ударов пуль верхушек и сучьев деревьев, едкий дым, спиравший дыхание в груди, стоны раненых – дополняли картину баталии, достойную кисти самого талантливого художника. Слабонервные люди, не выдерживая этого ада, шалели и метались по лесу как угоревшие. Офицерам приходилось таких ошалевших хватать за воротники и встряхивать, чтобы привести в сознание.

Остановив во многих местах личным примером отступление и устроив затем роты, полковник Ижицкий вернулся снова к правому флангу, но и этот фланг уже отошел назад. Послав с ординарцами приказание отступившим ротам идти на поддержку левого фланга в лесу, командир полка сел верхом и поскакал туда сам.

Припомнив эффект вчерашних переходов в наступление, командир полка решил бросить вперед в штыковую атаку все, что было под рукой. Воодушевленные несколькими, от сердца сказанными словами своих командиров, роты 3-го батальона в 12 часов дня стройно двинулись вперед. Минут через пять лес впервые в тот день огласился мощным «ура». Немцы настолько не ожидали такого поворота дела, что ближайшая их линия была поднята без сопротивления на штыки, и лишь немногим удалось бежать назад. Следующие линии штыкового удара уже совсем не принимали и, как вспугнутые собаками зайцы, побежали от стремившихся к ним ураганом сибирских стрелков. В поддержку третьему батальону подоспели 1-й и 4-й батальоны, и атака стала общей полковой.

Шесть раз доблестный полк, как бурный поток, смывая все на своем пути, обрушивался штыками на пруссаков. Вся площадь леса, на которой произошли эти удары сибирских богатырей, была буквально усеяна трупами врагов. Наступление немцев

было окончательно сломлено, а остатки полка свободно отошли и, выйдя из сферы огня, собрались для отдыха у своего знамени на открытой лесной поляне южнее Восточной Кириановки...

Выполняя поставленную задачу – прикрыть с фланга операции корпуса, славный 30-й полк в трехдневной не на живот, а на смерть борьбе с целой дивизией немцев честно и доблестно выполнил свой долг перед царем и Родиной, хотя и понес колоссальные потери, как офицерами, так и стрелками. Прикрывая фланги и тыл корпуса, он своей кровью обеспечил весь успех этой операции: без помехи со стороны Ходорки, Кириановки и Щебры, благодаря 30-му полку город Сувалки был взят, а немцы побежали назад через свою границу»¹.

Немцы хорошо запомнили эти бои, один восточно-прусский гренадер, впоследствии убитый, писал: «в этих проклятых лесах русские показали свои волчьи зубы. Мы думали сначала, что это – японцы». Очевидно, Русско-японская война не прошла бесследно для сибирских стрелков!

Утром 19 сентября из штаба армии поступили приказания отойти к Августову, которому, по полученным штабом армии сведениям, угрожали большие силы с запада. Противопоставить им можно было только 2-ю Туркестанскую бригаду, ведущую бой при поддержке выдвинутой 1-й Финляндской бригады. Ввиду того, что обстановка в общем была благоприятной для нас, командир корпуса приказа командующего армией об отходе не исполнил, а донес, что энергичное наступление генерала Мищенко на Сувалки и 22-го корпуса в направлении на Пиавно приведет к блестящим результатам. Отряд генерала Мищенко в составе 22-го и 2-го Кавказского корпусов еще ранее получил задачу наступать правее сибиряков, на север на Губы и Сейны. Приказание об отступлении было отменено и отдано другое – приказ командующего армией об энергичном наступлении всеми корпусами.

20 сентября части 2-го Кавказского корпуса заняли Сувалки². В ходе проведенной операции Августовские леса были очищены от неприятеля, 10-й армией взято до 3000 пленных и 20

¹ Козинцев А. Указ. соч. С. 73-86.

² Немцы заняли Сувалки 18 августа, преследуя отступавшую 1-ю русскую армию.

орудий. Однако сам командарм Флут из-за разногласий («за опасную активность», «за недостаток методики» – занятие Сувалок на 2 дня раньше назначенного штабом фронта числа) с командующим Северо-Западным фронтом Н.В. Рузским и с генерал-квартирмейстером М.Д. Бонч-Бруевичем 23 сентября был отстранен от командования и переведен в распоряжение Верховного Главнокомандующего¹.

Русская пехота на марше

Ключевую роль Бонч-Бруевича подтверждают его же воспоминания: «10-й армией командовал генерал Флут, тупой и чванливый немец. Вероятно, под влиянием военной литературы, в изобилии появившейся после Русско-японской войны, он вознамерился поразить мир своими стратегическими талантами. Решив окружить германские главные силы, Флут начал проделывать какие-то непонятные маневры, сводившиеся к фронтальному медленному наступлению одних корпусов и к захождению плечом других. Такое направление корпусов 10-й армии вызывало у меня резонные опасения, что корпуса эти очень скоро столкнутся друг с другом; а наружный фланг тех, что заходят с юга левым плечом, будет атакован германскими войсками. По моему настоянию, генерал Флут был вызван в

¹ Залесский К.А. Указ. соч. С. 217.

Белосток. Прижатый к стенке, он так и не мог сколько-нибудь членораздельно объяснить необходимость всех тех «стратегических вензелей», которые по его вине описывали входившие в 10-ю армию корпуса. Вскоре Флуг был отчислен от должности и заменен более способным и разумным генералом»¹.

Стиль мемуаров характеризует их автора. О действиях «более способного и разумного» генерала от инфантерии Ф.В. Сиверса по предписанной ему кордонной схеме еще будет сказано. Что касается Флуга, то ему не надо было читать книги, чтобы использовать опыт Русско-японской войны. Ведь когда М.Д. Бонч-Бруевич состоял «в прикомандировании к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук», В.Е. Флуг участвовал в сражениях в Маньчжурии. Да и вряд ли Флуг, один из немногих, с кем начальник штаба Верховного Главнокомандующего в 1915–1916 гг. М.В. Алексеев был на «ты»², был «тупым».

20 сентября бой на фронте 3-го Сибирского корпуса и 2-й Финляндской бригады прекратился. Противник отходил по всему фронту. 21 и 22 сентября посвятили разысканию орудий и зарядных ящиков, оставленных батареями 8-й Сибирской артбригады. «При движении вперед на фронте Курианки были найдены 5 орудий 6-й батареи из отряда полковника Ижицкого, затем вырыты 4 горных орудия 2-й горной батареи, разысканы 5 орудий 2-й легкой батареи. Гаубиц найти не смогли»³.

Огромные потери 17–20 сентября выразились в следующих цифрах. 7-я Сибирская дивизия: убито 9 офицеров и 123 нижних чина, ранено 19 офицеров и 629 солдат, без вести пропало 130 нижних чинов. Полки 8-й Сибирской дивизии потеряли: 29-й – 30 офицеров и 1998 нижних чинов, 30-й – 64 и 2041, 32-й – 12 и 767 соответственно. 2-я Финляндская бригада лишилась 22 офицеров, 1 священника и 1039 нижних чинов. Пленных взято 700 человек, кроме того много раненых, особенно в господском дворе Довспуды.

Таким образом, продолжал автор журнала, «перешедшие в наступление наши войска взяли часть орудий, потерянных нами

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 47.

² Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. С. 20.

³ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 44.

во время ожесточенных непосильных боев 30-го и 29-го полков у Ходорки». 21 сентября противник отступил частью на Сувалки, частью на запад в пределы Восточной Пруссии, где укрепился на линии дд. Версбовен, Чимохен и Санин.

2-я Финляндская бригада возвращалась в свой корпус, когда противник подошел на шоссе Августов – Сувалки. 23 сентября войска 7-й Сибирской дивизии, особенно 28-й и 25-й полки, ввязавшись в бой с немцами, обошли их с трех сторон и сумели посеять в их рядах панику. Сибиряки заняли д. Версбовен. Но приказ начальника дивизии генерала Трофимова «отойти» не позволил развить успех. Причина – корпус вырывался вперед и не выполнил задачу составить уступ за левым флангом армии. Трофеи сибирских стрелков – под Лыком около 50 пленных и обоз, под Августовым – 200 пленных, под Сувалками – 3 офицера и 700 немецких солдат. Только в бою 23 сентября 25-й Сибирский полк взял 3 пулемета и 32 ящика с лентами.

Участившиеся колебания

24 сентября атака укрепленной позиции д. Версбовен, Чимохен и Санин не состоялась, так как в 7.00. пришло из армии соответствующее приказание «вследствие изменившейся обстановки». Корпус окопался в тех местах, где его застало приказание. Цель – охватить правый фланг противника для содействия генералу Мищенко, частям которого немцы оказывали упорное сопротивление. Однако к вечеру 24 сентября штаб корпуса получил телеграмму штаба армии, гласившую, что хотя общее наступление приостановлено, но частное, 3-го Сибирского корпуса, может быть осуществлено. Была подтверждена обязанность наступать, стараясь глубже выйти в тыл. Ночью на 25 сентября корпусу придана бригада 59-й пехотной дивизии генерала Оглоблина.

3-й Сибирский корпус наступал 25–26 сентября. На следующий день было предположено продолжить наступление на Маркграбово, однако ночью на 27 сентября получена телеграмма о приостановке наступления и укреплении на занятых позициях. О противнике было известно, что его позиции, протянувшиеся

от Маркграбово на Бакаларжево, заняты пехотными частями, легкой, а также тяжелой артиллерией, располагавшейся довольно плотно. С утра 27 сентября начался бой, на фронте артиллерийский, а против 11-й Сибирской дивизии и отряда генерала Редько стала наступать и пехота силой до бригады с 2 батареями. Немцы стремились охватить левый фланг 31-го Сибирского полка, на помощь которому был двинут 32-й полк.

Днем 11-я Сибирская дивизия направилась в Просткен в свой корпус, на смену был выдвинут 28-й Сибирский полк с 3 батареями. Ввиду ослабления корпуса на 1,5 дивизии командир корпуса просил вернуть под начало 1-ю бригаду 7-й Сибирской дивизии, выделенную в состав 22-го армейского корпуса. Вместо возврата командующий армией приказал «в упорный бой не ввязываться, а отойти назад с наступлением темноты»¹.

Журнал корпуса указал, что «причиной отказа от наступления послужила необходимость сосредоточения войск в районе за Вислой, где назревало генеральное сражение с австро-германской армией и «бесцельность наступательных операций на нашем второстепенном фронте»². Почему «бесцельность операций» не определили месяцем ранее – неліцеприятный вопрос к русскому командованию.

4 октября 1914 г. около 13.00. прибыл к штабу 3-го Сибирского корпуса 44-й Донской казачий полк, сменив 36-й Донской. С утра 5 октября обнаружилось наступление противника на всем фронте укрепленной позиции, причем севернее шоссе Чимохен – Велишкен силы противника составляли порядка трех батальонов. Южнее противник занял д. Соболлен, Зеескен, Доршен и начал обстреливать огнем легкой и тяжелой артиллерии наши позиции.

Неоднократные попытки германцев продвинуться из д. Соболлен были отбиты нашим артиллерийским огнем с большими для него потерями. Нашим артиллерийским огнем германцы были выбиты из д. Зеескен и Доршен, где оставили часть обоза. Утром батальон 27-го Сибирского полка перешел в наступление, атаковал д. Гуттет, взял ее, захватив два германских орудия.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 56 об.

² Там же. Д. 337. Л. 3 об.

Германцы, имея превосходящие силы, перешли в контратаку и охватили правый фланг батальона, в силу чего батальон, бросив захваченные орудия, должен был отступить к д. Ивашкен¹.

8 октября противник, сосредоточившись за ночь в лесу западнее Романовен, с 5.30. утра начал энергично наступать на фронте Дуткен – Боржимен. Казаки 44-го Донского полка быстро отступили. Противник, выставив с фронта несколько батарей, начал охватывать с севера д. Дуткен и с юга Боржимен. Батальон 14-го Финляндского полка, занимавший позиции на левом фланге у д. Боржимен, в беспорядке отступил, увлекая за собой батальоны 30-го Сибирского полка. 8-й Финляндский полк у Дуткена с трудом удерживал свои позиции. Около 1 часа дня Боржимен был потерян. Наша горная батарея (4 орудия у финляндцев) плюс 4 орудия 7-й Сибирской артбригады, продолжали вести огонь. Полковник Ижицкий, подчинив себе 8-й Финляндский полк (подполковник Кречмер), ввел в бой все остальные батальоны полка и, упорно отбиваясь от наседавшего противника, держался в районе Куково – Дуткен до подхода других частей корпуса.

С утра 13 октября на фронте Бурниень – озеро Биялла началась ружейная и артиллерийская стрельба, а к 3 часам дня сильный огонь нашей артиллерии заставил передовые части противника постепенно отодвинуться от Боржимен на главные позиции. Против Дуткена немцы пытались вновь перейти в наступление, но при помощи поддержки, высланной 30-м Сибирским полком от Кавказского полка, были остановлены. Против 29-го Сибирского полка был замечен отход мелких партий противника из передовых окопов, по-видимому, вследствие нашего артиллерийского огня. Число стрелявших германских батарей по той же причине заметно сократилось. Сибиряки выслали вперед сильные разведывательные партии.

В ночь на 27 октября из штаба 10-й армии привезли приказ № 18, по которому на 3-й Сибирский корпус совместно с 22-м корпусом возлагалась задача – занять исходное положение для форсирования Мазурских озер и овладения Летценом. 3-му Сибирскому корпусу и 4-й Финляндской бригаде было приказано

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 337. Л. 7.

теснить отступающего противника и достигнуть 28 октября юго-восточного угла Левенттского озера и северо-восточного угла озера Спордин, затем овладеть и обеспечить за собой переправу между озерами Левентт – Вайново – Бувелно – Тивино¹.

На Летценский укрепленный район

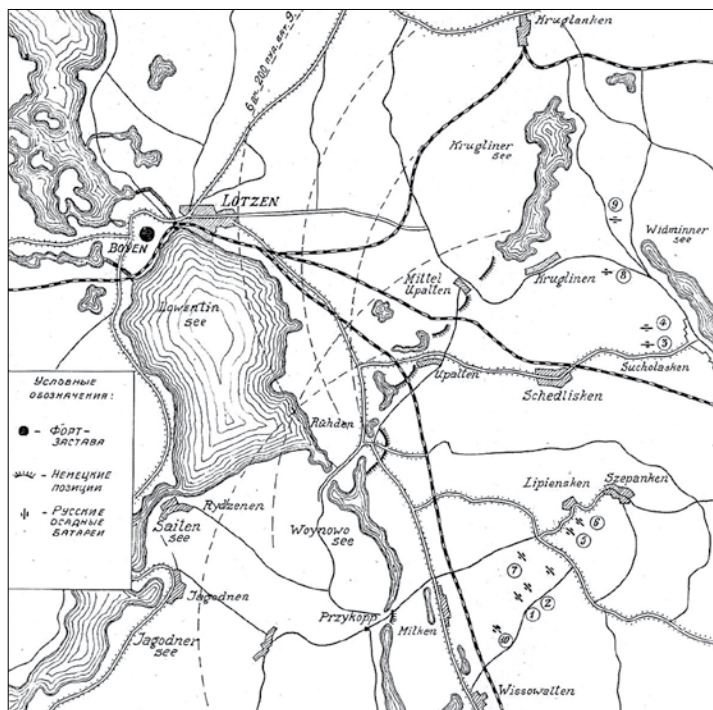
27 октября в 12 часов дня начали наступление. 7-я Сибирская дивизия с фронта Берехов – Скормацко начала движение на фронт Талькет-Фгрестинет. Перед соединением отходила кавалерийская дивизия противника, поддерживаемая пехотными частями. В наступлении участвовала и 4-я Финляндская бригада. В 20.00. расположились на ночлег. Ночь на 28 прошла спокойно. Имея ввиду, что последующей на 28 октября задачей для корпуса будет овладение переправами на линии укреплений от Левенттского озера до Николайкен включительно и направление главного удара на перешеек между озер Сайтеш и Ягобнер, 7-й и 8-й Сибирским дивизиям приказано занять соответствующие линии.

С 8.00. 28 октября началось наступление, которое для сибирских дивизий развивалось по-разному. В 11.50. правая колонна 8-й Сибирской дивизии с боем овладела д. Малинкен, и продолжила наступление на Ципркен. Германцы, выбитые из Малинкена, заняли окопы западнее этой деревни, а их артиллерия открыла огонь. В 13.00. левая колонна сибиряков заняла с боя д. Клепп-Конопкет, а в 20.00. расположилась на отдых. Два батальона 7-й Сибирской дивизии также с 8.00. наступали к перешейку озер Бувелпо – Трипло. К вечеру выяснилось, что противник занимает сильно укрепленные позиции (с засеками и проволокой) западнее этого перешейка. Разведчики 15-го и 16-го Финляндских полков заняли Арисы.

Ночлег с 28 на 29 октября корпус провел в расположении: 8-я Сибирская дивизия – в д. Милькен-Виисоватет. Штаб – Паммерн. 28-й Сибирский полк – на опушке у Бувельно, 27-й – впереди, остальные части – в районе Ублик – фольварк Япо-

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 337. Л. 50.

вет – Пиапкет – Даповет. Штаб корпуса с тяжелой артиллерией расположился в Даповет.

Летценский укрепленный район

В ночь на 29 октября пункты, занятые 8-й Сибирской дивизией, немцы обстреливали тяжелой артиллерией. Тем временем передовые части 7-й Сибирской продвигались вперед. Противник освещал расположение прожекторами и использовал тяжелую артиллерию, занимая укрепленную позицию на перешейке Чиршпинен (Черштиентет) силами не менее двух батальонов с артиллерией. Днем 29 октября шел артиллерийский бой.

30 октября на участке 8-й Сибирской дивизии бой носил практически характер артиллерийской борьбы. Разведка 32-го Сибирского полка прапорщика Кузнецова, подползшего на 150 метров к окопам противника у высоты 160, выяснила, что силы

противника составляют не менее 6 батальонов, 4 легких, 2 тяжелых и 1 гаубичной батареи¹. Также задействована артиллерия из Летцена. Днем русские проводили артиллерийскую подготовку наступления – предстоящего штурма неприятельских окопов на перешейке. Пехота продолжалаaproшные (окопные) работы.

Генерал от инфантерии Е.А. Радкевич

В ночь на 1 ноября велись работы по сближению – части 7-й Сибирской дивизии сблизились с противником на 300 шагов. Днем части, наступавшие против Бувельно, утвердились в первых домах этой деревни. В 12.30. дня командующий армией приказал отправить оставшиеся два Финляндских полка в свой корпус, на их смену из резерва выдвинул 25-й Сибирский полк.

В ночь на 2 ноября сближение сократило расстояние до германских проволочных заграждений до 50 шагов. Поскольку 8-я Сибирская дивизия, не имея тяжелой артиллерии, боролась с артиллерией противника менее успешно, начальником 7-й Сибирской было приказано командиру тяжелого дивизиона и гаубичной батареи отправиться в распоряжении соседа². Так как германские позиции располагались на узких перешейках, для определения противника нужны были воздухоплавательные аппараты.

3 ноября работы по сближению с противником выведены в проволочные заграждения. На рассвете рота 31-го Сибирского полка овладела германским редутом против перешейка Пргри-коп, выбив сторожевые части. Рота была атакована подкрепле-

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 338. Л. 8.

² Там же. Л. 12.

ниями и засыпана снарядами, но удержала редут. На остальных участках корпуса наблюдалась редкая стрельба. Согласно телеграмм командующего армией № 3881 и № 703, на группу командира корпуса (3-й Сибирский и 26-й корпуса, 2-я бригада 84-й дивизии) была возложена задача овладеть линией Летцен – Николайкен.

4 ноября противник с 7.30. до 11.00. атаковал редут. Не добившись успеха, германцы очистили окопы у Прггрикопа по восточному берегу оз. Бувелно и Войново и отошли к высоте 167, что западнее Прггрикопа. Силы противника – не более бригады с артиллерией.

«Дальнейшее продвижение армии было остановлено в мертвую укрепленным Летценским районом. Штаб фронта поставил армии задачи: основную – прикрыть правый фланг фронта, специальную – овладеть указанным укрепленным районом. В распоряжение командарма-10 передали несколько десятков орудий Осовецкой крепости, а позднее и четыре 12-дюймовые гаубицы. Рассчитывали, что до весны доблестный 3-й Сибирский корпус, руководимый таким выдающимся начальником, как генерал Радкевич, и сильная крепостная артиллерия, направляемая искусным и энергичным генералом Бржозовским, сломят немецкое сопротивление и овладеют постепенно всем Летценским районом»¹.

Последующие события показали излишний оптимизм фронтowego и армейского командования, его надежду на «авоську»: сибиряки будут успешно преодолевать препятствия и артиллерийский огонь, захватывать небольшие участки передовых позиций противника, но ни разу не смогут удержаться и закрепиться. Причина – огонь сильной, хорошо укрытой преимущественно тяжелой артиллерии и пулеметов, для погашения которых у русских не было достаточных средств. Район боев был артиллерийским учебным полигоном мирного времени, где все подступы были немцами пристреляны.

¹ Будберг А.П. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25 января – 8 февраля 1915 г. С. 10.

д. Чершпинен 5 ноября 1914 года

5 ноября на участке 7-й Сибирской дивизии у Чершпиенге-на в 7.00. окопы противника были атакованы 27-м и 28-м Сибирскими полками, которые после штыковой атаки взяли редут на высоте 158 и окопы южнее. 27-й Сибирский полк захватил 3 пулемета и 6 полевых орудий. Германцы отступили на Домбровкен. Немецкие контратаки на левый фланг 7-й Сибирской дивизии отразил встречным ударом батальон 28-го Сибирского полка, обойдя противника с юга и захватив 2 орудия. Трофеи 27-го и 28-го Сибирских полков: пленных – 1 офицер, 87 нижних чинов; 8 полевых клиновых орудий, 4 тяжелых орудия, одна 6-дюймовая мортира образца 1914 г., 6 пулеметов, в том числе 3 – русских, ручной прожектор, телефоны, много артиллерийских снарядов¹.

Против 7-й Сибирской дивизии дрались части 76-го ландверного полка, 1-й, 74-й и 71-й ландверные батальоны, 3 тяжелые и 3 легкие батареи. С начала ноября производились работы по выбору позиций для пребывающей осадной артиллерии, исправлялась железная дорога Лык – Видлiten. К корпусу прибыли авиационные отряды лейтенанта Янука и Осовецкой крепости, а также воздухоплавательный отряд. Таким образом, 5 ноября 7-я Сибирская дивизия захватила 13 орудий и 6 пулеметов. А.А. Керсновский отмечал «удачное дело сибиряков у Бакаларжева, где захвачено 600 пленных и 19 орудий».

Генерал-майор Н.А. Бржозовский

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 338. Л. 16.

Архивный документ

Из представления ст. унтер-офицера Ивана Соснора к Георгиевскому кресту 3 степени: «... предварительно разведав, где находится неприятельская батарея, вышел со взводом в тыл ей, привел в замешательство немцев, захватил 6 орудий и упорно оборонял их до подхода всей роты».

6 ноября медленное наступление продолжилось. Группе генерала Радкевича было приказано продолжить операции против укреплений на озерах, фланг группы обеспечивали бригада 59-й дивизии с артиллерией и 36-й Донской казачий полк, расположенный в районе Иоганнисбург (ныне Пиш) – Бяла. 7 ноября на фронте 8-й Сибирской дивизии занята железнодорожная станция Бхор. Отмечены контратаки германских рот. На следующий день – резка проволоки, «маневренная война».

9 ноября около 16.30. наблюдатели со змейкового аэростата обнаружили наступление батальона противника на д. Марцыпо-воля. Удачной стрельбой одной русской батареи германцы, занявшие окраину, были принуждены к отступлению. Гаубичная батарея прицельным попаданием взорвала зарядный ящик тяжелой батареи противника, и зажгла блиндаж, из-за чего та замолчала¹. С утра 10 ноября немецкий аэроплан бросил 5 бомб в змейковый аэростат у Уедамкен, но безрезультатно. Отмечены удачные действия мортирной батареи и змейкового аэростата. Воздушной разведкой обнаружено несколько германских редутов.

Архивный документ

Рапорт начальника 7-й Сибирской стрелковой дивизии командиру 3-го Сибирского корпуса от 2. 12. 1914 г.

«Представляю, ходатайствую о награждении нижних чинов 28-го Сибирского стрелкового полка георгиевскими крестами и медалями согласно представляемого списка. Кроме тех нижних чинов 2 и 4 батальонов которые были представлены за бой под Боржименом, так как

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 338. Л. 25.

эти батальоны в ночь с 10 на 11 число потеряли свои позиции и отступили. Означенные н. ч. отмечены в списке цветным карандашом».

Рапорт командира 28-го Сибирского стрелкового полка начальнику 7-ой Сибирской стрелковой дивизии от 21 ноября 1914 г.

«Не могу отнестись безучастно к героическим подвигам отдельных чинов и ... закрыть глаза на все ими содеянное за все 10 дней... в особенности, когда лишь благодаря работе этих богатырей не только полк, но и вся дивизия своевременно обнаружила в ночь с 18 на 19 октября отход немцев от Боржигмена. А 9 и 10 ноября эти богатыри вели ожесточеннейший бой за обладанием Боржигменом.

В силу изложенного... прошу представляемым обрат-но ходатайством дать дальнейшее движение по коман-де».

Как известно, к концу 1914 г. в русской армии начал нарастать «снарядный голод». Не миновала эта печальная участь и сибиряков. В журнале военных действий 3-го Сибирского корпуса записано: «11 ноября 1914 г. – недостаток снарядов тяжелой артиллерии не позволил достойно ответить немцам, таковых не жалевших»¹. Вечером 30-й Сибирский полк при поддержке 26-го Сибирского полка захватил редут и 2 кольцевых окопа на высоте 148, что западнее Марциноволя.

11–12 ноября на фронте было без перемен. Противник все время обстреливал работающих сильным огнем. Ввиду отсутствия бомб для тяжелого дивизиона и прекращения стрельбы из них, немцы ободрились; их батареи, легкая и мортирная, появились вновь на своих местах в районе высоты 167 против перешейка Руден, пехота появилась на южном скате высоты 167. Командир корпуса поэтому приказал доставить 8 осадных орудий для обстрела этой высоты.

К 17.30. 13 ноября опасное положение сложилось у д. Марциноволя, разрушенной тяжелой артиллерией немцев. Почти все окопы и убежища разбиты, 30-й Сибирский полк пять дней

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 338. Л. 31.

находится в непрерывных боях, понес большие потери, 2-й батальон сведен в две роты. Немцы атаковали силами двух полков, не спавшие по ночам люди сделались крайне нервными и впечатлительными. Начальник 8-й Сибирской дивизии опасался худшего. Командир корпуса приказал держаться во чтобы то ни стало и выделил 27-й полк. К 21.00. обстановка изменилась к лучшему. Атаки отбиты. Русской тяжелой артиллерии подвезли снаряды. 14 ноября части продолжали медленно продвигаться вперед, закрепляя пройденное пространство.

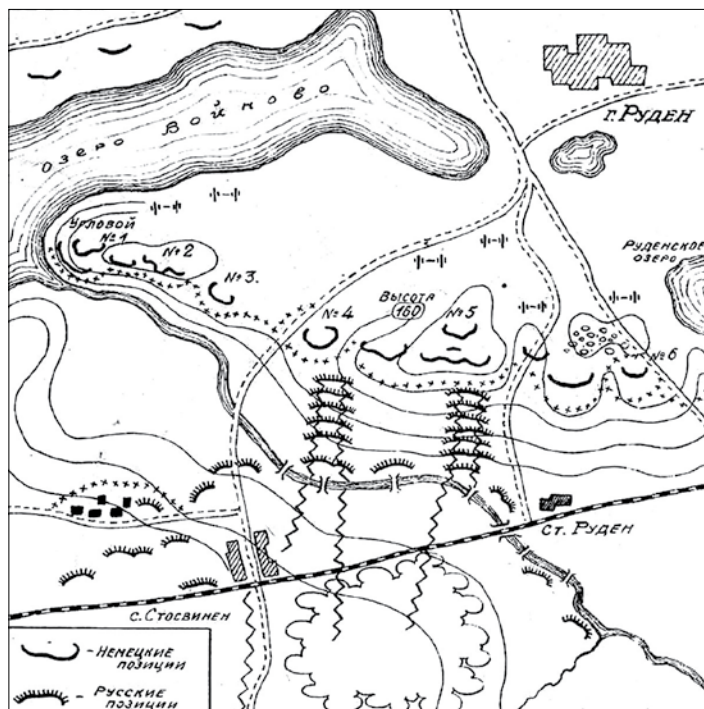
16 ноября начальники 7-й и 8-й Сибирских дивизий старались избавиться от задачи овладеть Папродкенскими высотами. Аргументы – будут громадные потери. Наилучшее решение – поручить соседу. Велись взаимные окопные работы¹.

На 18 ноября группе генерала Радкевича приказано продолжить подготовку по овладению передовыми укрепленными позициями у Летцена и на перешейках южнее его – телеграмма командующего армией № 4446. Днем 18 ноября без перемен. Части продолжали укрепляться и вели апроши. Потери за день – несколько человек. С обеих сторон задействована тяжелая артиллерия, стрелков вдохновляли «наши осадные батареи». 26-й Сибирский полк начал установку трех батарей 6-дюймовых пушек.

19 ноября русские вели апрошные работы. Противник продолжал укрепляться. Пленный солдат 33-го фузилерного полка рассказал, что 1-й армейский корпус 3 ноября форсированным маршем двинулся из района Гумбинена в Растенбург, куда прибыл 9 ноября². Ввиду усиленного движения противника, 7-й Сибирской дивизии приказано укрепить фронт 28-го и 25-го Сибирских полков проволочными заграждениями. В 22.40. 19 ноября командующий армией спустил приказ – 20 ноября всей армией перейти в наступление и разбить противника, занимающего 80–85 батальонами линию Мальвишкен – Николайкен. В частности, группе Радкевича (3-й Сибирский и 26-й корпуса) овладеть позициями немцев восточнее Летцена.

¹ Подступы, расположенные зигзагами и прикрытые насыпями ровики, для безопасного приближения атакующего к фронту крепости или для прикрытия сообщений.

² РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 339. Л. 2.

Немецкие и русские позиции у д. Руден

В день наступления с утра был густой туман, в 12 часов открыт артиллерийский огонь. Пользуясь туманом, части медленно продвигались вперед, отказавшись от решительной атаки. Атаку решено перенести на ночь, овладеть редутами не удалось. Части окопались в 50–100 шагах от противника. Произведенные атаки не увенчались успехом, 30-й Сибирский полк понес большие потери и был выведен в резерв. Всей группе приказано перейти к постепенной атаке.

В ночь на 23 ноября были отбиты немецкие контратаки. 24 ноября противник против соседнего 26-го корпуса 84-й дивизии сделал несколько вылазок. Ночью на 24 ноября немцы, ободренные прежними успешными ночными атаками, дважды атаковали правый фланг 84-й дивизии, но были отбиты.

Успехи немецких вылазок последних дней против частей 84-й дивизии и недостаточный отпор, оказанный Челябинским и Анапским полками, вызвал меры, целью которых было наказать немцев и отучить их от начатых нападений на наши передовые части. Командующий армией приказал: заменить 17-м стрелковым полком один из полков 84-й дивизии, и заложить фугасы. 25 ноября 7-я и 8-я Сибирские дивизии усиливали позиции. 26-й Сибирский полк занял еще одну высоту рядом с занятой ночью, возвел на них кольцевой окоп, связался ходами сообщения с тылом и повел сапу вперед. 26 ноября – немецкие контратаки. Строительство окопов. 27 и 28 ноября – без перемен.

29 ноября на фронте 7-й Сибирской дивизии с 8.00. артиллерийский огонь по всему фронту, с 9.00. – неприятельские цепи, а с 11.00. – наступление противника по всему фронту. 29-й Сибирский полк у д. Марциноволя тремя ротами перешел в контратаку, но под сильным пулеметным огнем отошел. К 19.00. наступление германцев отбито. В 27-м Сибирском полку дело доходило до штыков.

1 декабря – укрепление позиций, закладка фугасов, устройство проволочных заграждений, апрошные работы. На озере Спирдинг обнаружен немецкий пароход. Начальнику 7-й Сибирской дивизии и войсковому старшине Казачихину отдан приказ утопить его огнем 2-х горных орудий. Казачихин с 27 ноября возглавил отряд частей 57-й дивизии и 3-го Сибирского корпуса на перешейке между озерами Зехтер-зее и Варшау-зее. 2 декабря на большей части фронта тихо. Для отдыха 7-й и 8-й Сибирских дивизий на передовых позициях командующий армией передал генералу Радкевичу 18-й, 19-й и 20-й стрелковые полки. Сибирские полки отводятся в резерв 10-й армии¹.

9 декабря на участке 8-й Сибирской дивизии головы сап² приблизились к проволочным заграждениям на 95–110 шагов. 10 декабря у д. Корцевена разъезд конных разведчиков 30-го Сибирского полка в 32 человека внезапно атаковал 3 роты немцев, нанес им значительные потери и обратил в бегство. 11 декабря

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 339. Л. 28.

² От франц. *sape*, буквально – *мотыга*, *saper* – *вести подкоп*, способ отрывки рва, траншеи (хода сообщения) под огнем противника для приближения к его укреплениям.

20-й стрелковый полк был сменен 32-м Сибирским полком. В течение дня проводились перемещения ввиду предстоящей атаки. На 12 декабря назначена атака противника всей армией с целью выбить его с занимаемых позиций. 3-му Сибирскому корпусу, усиленному 5-й стрелковой бригадой, дана задача овладеть Попродкенскими высотами и позициями противника на высотах 167 и 160 у д. Руден¹.

За Нитлицким болотом

Исходная – 7.00., артиллерийский огонь – в 8.00. На правом боевом участке – атака высоты 160. 30-й Сибирский и 20-й стрелковые полки проделали один проход. Кто-то крикнул «ура». Немцы всполошились, открыли огонь. Атака отбита, отход. К высоте 167 проходы проделать не удалось.

На среднем боевом участке генерала Трофимова перед атакой к 6.00. 26-й Сибирский полк должен был пройти Нитлицкое (Неетлицкое) болото. Полк начал движение в 3 часа ночи. Во многих местах топко, люди проваливались по колено и выше. В темноте, в полной тишине, полк сбил сторожевые заставы и на их плечах ворвался в передовые окопы, во дворик, восточнее мельницы. Далее 1 батальон двинулся на Цу-Попроткен и окопы по сторонам его. Попад под боковой огонь с высоты 140, командир батальона послал в атаку 4-ю роту, которая и захватила ее. 1-я рота, пройдя восточнее Цу-Попроткен, захватила вторую линию окопов, ворвалась в лес и двинулась к его восточной опушке. Попутно захватила легкую батарею из 6 орудий, сняла ее прикрытие и поставила своих часовых, далее севернее – тяжелую батарею из 4 орудий. В 8.30. вышла на опушку леса в тыл окопам против 18-го стрелкового полка. Другие роты двигались уступом, причем захватили 160 пленных. 4-й и 3-й батальоны двинулись на север. Резервы отсечены болотом.

Одновременно с 26-м Сибирским полком должны были атаковать 18-й и 19-й стрелковые полки. Они находились от 60 до 1000 шагов от окопов противника, когда началась сильная стрельба, – в 26-м Сибирском полку атаковали, но частью за-

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 339. Л. 39.

легли, частью отступили. В 9.00. наступающие были усилены батальоном 29-го Сибирского полка, но снова отбиты. В 14.00. добавлен еще один батальон и отдан категорический приказ атаковать. В 18.00. двинулся батальон 19-го стрелкового полка. В 19.30. он занял Цу Марциноволю, но слишком поздно для 26-го Сибирского полка.

Два батальона 27-го Сибирского полка под началом полковника Афанасьева с горной батареей ждали прохода 26-го Сибирского полка, когда он выиграет пространство и для их выхода. В итоге стало светать, а сильный артиллерийский огонь с высоты 165 заставил идти цепями. Продвижение затнулось. Только к 10.00. отряд Афанасьева достиг резервов 26-го Сибирского полка у северной окраины болота. Горная батарея укрылась в перелеске до вечера. Сосредоточенный артиллерийский огонь противника на участке между батальонами 26-го и 27-го Сибирских полков и лесом, не прекращался до вечера и связь с батальонами, вырвавшимися вперед, была утрачена¹. Все попытки командира 26-го Сибирского полка восстановить ее не дали положительного результата. По докладу случайно спасшегося капитана Бейнара следует, что, когда батальоны вышли на восточную опушку леса, то были встречены огнем из окопов против 18-го и 19-го стрелковых полков. Одновременно немцы наступали со стороны Цу-Марциноволя, Трухсена и д. Попродкена. Им удалось окружить прорвавшиеся батальоны сибиряков. Последним пришлось пробиваться, но это удалось немногим. Отходу помог огонь горной батареи на южной опушке Попродкерского леса. К 24.00. части отошли на прежние места.

Интересно, что с этого места в журнале военных действий 3-го Сибирского корпуса вырезано несколько листов. Описание боев – не последовательное. Вероятно, досадная неудача наступления вызвала и подчистки в документации.

Причинами неудачи 12 декабря в журнале названы: отсутствие связи, донесений из-за огня немецких крепостных орудий со стороны Шимонкена по болоту. Общие потери корпуса за 12 декабря – 28 офицеров и 2706 нижних чинов. Бои подтвердили прежний состав противника перед корпусом: 33-й и 45-й ак-

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 339. Л. 46.

тивные полки 1-го армейского корпуса, 33-я и 70-я ландверные бригады дивизий Эйнема, 135-й и 139-й отдельные ландверные полки, 6 ландштурменных батальонов.

13 декабря армии приказано продолжать сближение с неприятелем, беспокоить его сильными партиями, делать проходы, где можно вести минные галереи! 14 декабря д. Нидзвецира оказалась занятой ротой противника, выбить которую отряду войскового старшины Казачихина не удалось, так как подоспевший германский пароход открыл орудийный огонь по нашей разведке. До конца января укреплялись тыловые позиции на линии деревень Ней – Юха – Берхгоф – Клауссен. За 16 декабря построено 1900 шагов окопов полного профиля, 37 блиндажей, устроено 490 погонных сажень козырьков, 82 ниши. Командующий армией приказал прикрыть фронт 25-го и 28-го Сибирских полков самовзрывными фугасами самым спешным образом, а также обратить внимание на надежность укрепленных позиций, защищающих Чершпинтенский перешеек. Немцы, очевидно, берегут снаряды.

За 17 декабря на тыловой позиции построено 2500 шагов окопов, 14 землянок и 26 крытых отхожих мест. Очевидно, именно об этих позициях Р.Я. Малиновский напишет: «Окопы строились саперами и сделаны были на славу: глубокие во весь рост, со ступенькой, покрыты козырьками, крутости одеты жердями. Хорошие блиндажи с перекрытием в два наката. Сектора обстрела расчистили – видимость до 800 метров. Проволочное заграждение – в 2 кола»¹.

18 декабря против 28-го Сибирского полка захвачено два солдата. Заболевшего тифом Казачихина во главе отряда 44-го Донского казачьего полка, сменил войсковой старшина Давыдов. Казачихин сдал командование 19 декабря, обратно вернулся 30 декабря. К 18 декабря окопы и ходы сообщения на тыловой позиции Ней – Юха – Друтлинг окончены. 21 декабря на ней устраивались искусственные препятствия и расчищался обстрел. 22 декабря отбиты немцы, атаковавшие правый фланг 32-го Сибирского полка севернее д. Сасвинен. У генерала Редько головы сап продвинулись на 60–65 шагов от проволоки про-

¹ Малиновский Р.Я. Солдаты России. М.: Воениздат, 1978. С. 138.

тивника¹. 23 декабря на фронте без перемен. 25 декабря 8-й Сибирский горный дивизион отправлен во Львов. Тем временем особого оживления противника на фронте 3-го Сибирского и 26-го армейских корпусов не было замечено, но меры предосторожности все-таки были приняты.

28–31 декабря правый фланг 32-го Сибирского полка и окопы 31-го Сибирского полка во многих местах разрушены артиллерийским огнем. 31 декабря замечено и ведение немцами контрапрошей. Ввиду кануна нового года приказано усилить бдительность и тревожить противника партиями разведчиков.

1 января 1915 г. около 0.30. на участке 31-го Сибирского полка взвод немцев подполз к сапу и кидал ручные гранаты, одновременно был атакован редут № 2. Огнем всех видов нападавшие немцы отбиты. Затихло к 2 часам ночи. На фронте 7-й Сибирской дивизии у д. Марциноволя немцы, прекратив перестрелку, безоружными вылезли на бруствера окопов, как бы предлагая перемирие, но огнем нашей пехоты и артиллерии принуждены были скрыться. Взяты двое пленных 33-го фузилерного полка. Отмечены случаи заключения перемирия на участке 19-го стрелкового полка для уборки убитых и раненых. Штаб армии циркулярно подтвердил запрещение заключать соглашения с противником и, в частности, перемирие без его разрешения².

В начале января обычная перестрелка. 5 января состоящие при корпусе авиационные отряды: Особого назначения, 4-й Сибирский и Осовецкий объединены под началом старшего лейтенанта Яцука. Ведется артиллерийская борьба. 6 января проведены опыты уничтожения проволоки пулеметным огнем. Удовлетворительные результаты достигнуты на расстоянии не более 400 шагов, на большее – ничтожны. Против Рудена от голо-лов открытых сап до проволоки осталось 18 шагов.

7 января воздушной разведкой признаков присутствия крупных частей противника в районе Николайкена не обнаружено. 9 января озера Войпово и Бувельно замерзли, пригодны для прохода стрелковых цепей с пулеметами. Днем наша артиллерия удачно обстреляла позиции противника против д. Кл. Воля.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 340. Л. 8.

² Там же. Л. 16.

Попадание в орудие и блиндажи. 10 января воздушная разведка немецких позиций и опросы пленных достаточно определили группировку противника.

14 января – день рождения императора Вильгельма – приказано быть особо бдительными. В 15.15. – 17.00. русские отбили атаку высоты 125 от Шонвае. Данные о готовящемся подарке императору Вильгельму и слух среди жителей о прибытии к немцам 35 000 баварских войск. 13 января телеграммой генерала Сиверса № 384 отдан приказ по армии, чтобы при наступлении немцев держаться во что бы то ни стало, ни на шаг не отступая. 30-й Сибирский полк выведен в корпусной резерв с расквартированием в районе Ублик, Бувельно и Гр. Конопкен.

14 января согласно приказа Верховного Главнокомандующего 4-й (1-й) Сибирский авиационный отряд спешно отправляется в распоряжение генерала Плеве к Яблонну. Из немецких окопов раздавались крики «ура», очевидно праздновали. 16 января опытная стрельба нашей осадной артиллерии, выпущено 600 снарядов. И немцы стали чаще стрелять и подтянули резервы. 18 января по данным разведки у противника значительная артиллерия. Под влиянием наших разведок немцы отодвинули полевые караулы за проволоку. Приказано приступить к укреплению 2-й тыловой позиции на линии Страдаунг – Лык.

19 января 1915 г. охотники 27-го Сибирского полка бросили в окоп немцев 7 гранат и пачку прокламаций. 22 января отдан приказ по фронту о беспощадном отношении к немцам. Это распоряжение вызвано употреблением немцами снарядов с удушливыми и ослепляющими газами¹.

25 января ... на участке 8-й Сибирской дивизии спокойно, апрошние работы продвинулись: на правом участке крытой сапой № 1 пройдено всего 18 шагов, крытая параллель удлинена на 6 шагов, общая ее длина 122 шага, на левом участке работы по очистке окопов от снега.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 341. Л. 7.

Оборона Лыка

Русская Ставка колебалась, выбирая направления главного удара, появились первые симптомы будущей нехватки военных материалов. 25-26 января 1915 г. 8-я и 10-я германские армии нанесли удар по флангам 10-й русской армии. Корпуса последней стали беспорядочно отходить, обнажая фланги центрального 20-го армейского корпуса. Только на левом фланге у Лыка 3-й Сибирский корпус, схватившийся с тройными силами германцев (40-й резервный генерала Литцмана и 1-й армейский корпуса генерала Коша, 4-я кавалерийская дивизия), «держал врага мертвой хваткой, не давая продвинуться ни на шаг»¹. Начальник штаба германского Восточного фронта генерал Э. Людендорф позднее напишет: «Командиры и войска стремились изо всех сил скорее продвинуться вперед. Но для широкого стратегического взаимодействия движение происходило всё-таки слишком медленно. Лык, который прекрасно защищался 3-м Сибирским корпусом, пал только к утру (1 февраля). Этот корпус избежал уничтожения и отошел через Августов за болота верхнего Бобра»². Здесь он даст немцам новый энергичный отпор. По мнению А.А. Керсновского, стойкость полков 7-й и 8-й Сибирских стрелковых дивизий под Лыком спасла 10-ю армию от повторения участи окруженной 2-й армии Самсонова. С выводом солидарны и современные исследователи³. Однако русский 20-й корпус в начале февраля 1915 г. был окружен и почти в полном составе 40 000 бойцов при 170 орудиях погиб в Августовских лесах. Соппротивление же 3-го Сибирского корпуса трем германским Э. Людендорф назвал «восхитительным». Командующий 10-й русской армией Сиверс 25 апреля отстранен и уволен в отставку. Тяжело переживая поражение армии, Ф.В. Сиверс застрелился.

Рассмотрим, как эти события отразил журнал военных действий 3-го Сибирского корпуса. 27 января корпусу приказано возможно скорее отходить на позицию Лык – Ней – Юха. С на-

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос. Т. 3. С. 257.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. С. 125.

³ Залесский К.А. Первая мировая война. Биограф. энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 184.

ступлением темноты приказано корпусу отойти на линию Нюха – Скомацко – Юогаупрен.

28 января, ввиду обозначившегося отхода нашего левого фланга значительными силами противника, командарм-10 генерал Сиверс телеграммой № 895 приказал корпусу, не останавливаясь на позиции Ней – Юха – Рогалитен, отойти на позиции Ней – Юха – Лык – оз. Гр. Зельмент. Чтобы артиллерия могла занять позиции скорее, ее повели в голове колонны главных сил, а для рекогносцировки артпозиций заблаговременно высланы офицеры¹.

Схожую картину рисует и генерал А.П. Будберг: «27 января боковые авангарды 3-го Сибирского корпуса, спешно выброшенные к Арису и Дригалену, вполне остановили и задержали немецкое наступление (на север, на Арис – Вошеллен), что и дало возможность блестящим образом выполнить совершенно неосуществимую, казалось бы, задачу благополучной и полной эвакуации всех осадных батарей, действовавших против Летцена... Менее чем за 2 суток артиллеристы («благодаря огромной энергии и выдающейся доблести своего начальника генерала Бржозовского») успели снять с позиций, перевезти по дековильке² в далекий тыл, погрузить там на поезда и отправить в Осовец все тяжелые орудия с боеприпасами, причем последние эшелоны, грузившиеся на станции Видминен, ушли оттуда рано утром 28 января, преследуемые артогнем, а на перегоне между (пограничными) станциями Просткен и Граево обстреляны передовыми разъездами немецкой конницы... Немецкие войска, занявшие 28 января весь район расположения осадных батарей, еще накануне громивших их Летценские позиции, должно быть были очень удивлены и поражены, не найдя там ничего кроме оставленной дековильки»³. 3-й Сибирский корпус продолжал успешно держаться в районе Лыка и озера Зельмент, но с утра 30 января и ему стало грозить окружение. Обнаружилось движение немецкой дивизии из Граево на Райгород, с потерей последнего для «доблестных сибиряков» закрывались все пути к Августову... У 3-го Сибирского корпуса не было резервов, поэтому из Сувалок к Райгороду на саних перебросили бригаду 28-й пехотной дивизии.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 341. Л. 18.

² Полевая узкоколейная железная дорога.

³ Будберг А.П. Указ. соч. С. 26.

Снова журнал: 30 января... в отряде генерала Братанова немцы всю ночь атаквали правый фланг отряда густыми цепями, но пулеметным и залповым ружейным огнем отбиты; все позиции сохранены. Люди сильно утомлены. 31 января в штабе армии были получены, очевидно, достоверные сведения об обходе нашего левого фланга значительными силами противника, почему было отдано словесное приказание командующим армией об отходе частей корпуса на линию деревень Николайкен – Высокен – Писанищен.

Вся тяжесть управления боями под Августовым легла на начальника 7-й Сибирской дивизии генерала Трофимова. Именно он, после отъезда генералов Радкевича и Гернгросса, вступил в командование группой из 3-го Сибирского и 26-го корпусов. По свидетельству участников боев, благополучный для русских исход был результатом «талантливое и доблестное руководство Трофимова, награжденного за это орденом святого Георгия 4-й степени. Трофимов получил дивизию с поста военного губернатора и до Августова считался очень заурядным начальником»¹. Намеченное противником окружение вылилось лишь во фронтальный удар.

Хольмсен пишет, что в ночь на 31 января арьергард 3-го Сибирского корпуса дал бой на линии Бартоссен – Нейндорф, в 5 км впереди Лыка. И хотя Вошеллен на севере был русскими уступлен, все попытки немецкой 80-й резервной дивизии по правому берегу р. Лык ворваться в г. Лык были отбиты. С ними рухнули германские надежды отрезать сибиряков.

Только 1 февраля немцы вступили в Лык, куда приехал сам император Вильгельм. Его приезды обычно завершали успешную операцию – не на этот раз. Оборонительные действия 3-го Сибирского корпуса, по признанию немцев, были превосходно организованы и велись с замечательным упорством. По их данным потери корпуса достигали 8000 человек при первоначальном составе в 23 000 (30 % некомплект). Соединения сохранили все 102 орудия.

¹ Будберг А.П. Указ. соч. С. 44.

Главная улица Лыка. Собор

Днем 31-го января неприятель против 8-й Сибирской дивизии наступал довольно вяло. В отряде генерала Братанова немцы вели наступление на его правый фланг, но были отбиты. На левом фланге немцам удалось обойти фланг лесом и захватить нашу батарею. Но через 2 часа батарея была взята обратно за исключением одного орудия, которое немцам удалось увезти¹. Левый фланг генерала Братанова отошел к д. Сиббъ, где держался сколько было нужно. На фронте Маикенского отряда спокойно. Обозы усиленно проводились через Августов. 84-я дивизия под напором немцев отошла к перешейку между озерами Белое и Нельско.

1–2 февраля штаб 3-го Сибирского корпуса находился за р. Бобр в местечке Сидра, а группа Трофимова успешно отбивала нападавших немцев. 2 февраля русские очистили Райгород. Постепенно очищая тыловые позиции, они заняли последнюю арьергардную позицию на северном берегу озера Зельмент к востоку от Лыка, прикрывая планомерное отступление к Августову. Продвижение немцев задержано и у г. Рачки. В дальнейшем немцы так и не смогли определить «отступили ли русские по доброй воле, или под их давлением», постоянно натываясь на стойкого врага в окопах на меняющихся позициях.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 341. Л. 39.

3 февраля 1915 г. всю ночь шел бой от вокзала в Августове и к 2 часам дня немцы были отброшены: взято 2 орудия. Путь на Лиск был расчищен и по нему немедленно двинуты части 28-й дивизии и ее обозы. С утра немцы повели ряд ожесточенных атак на позиции 3-го Сибирского корпуса, доводя дело до штыков; небольшие части германской пехоты стали появляться перед переправами через канал, прочно занятыми войсками 53-й дивизии... Около 5 часов вечера немцы вновь атаковали 8-ю Сибирскую дивизию и оттеснили 32-й Сибирский полк; но его подкрепил резерв и наступление было отбито. Около 19.00. начался отход от Августова через Бялобржеги на Штабин, прикрываясь арьбергарами.

4 февраля немцы заняли оставленный сибиряками Августов. Для преследования к переправам бросились 80-я резервная и 4-я кавалерийская дивизии к Штабину, а 79-я – к Каменной. Но было поздно, оба русских корпуса без потерь отошли на левый берег Бобра, удержав переправы¹.

6 февраля мост у Ястржембны еще не взорван, но каждую минуту готов к нему, взорван около полуночи с 6 на 7 февраля. 7 февраля местные жители говорят, что Штабин очищен, как и д. Остров. Всю ночь пехота и обозы шли к Линску. Все мужское население немцы уводят с собой.

Через Бобр

Ночью 8 февраля получен приказ по армии, во исполнение которого для выручки частей 20-го корпуса, 3-му Сибирскому корпусу приказано содействовать наступлению 26-го корпуса, удерживая находящиеся перед его фронтом части неприятеля. Приказ по корпусу поставил задачи: 8-й Сибирской дивизии овладеть Южной и Северной Ястржембной и д. Островом и притянуть к себе неприятеля. 7-й Сибирской дивизии овладеть д. Штабин и всеми близлежащими деревнями правого берега р. Бобр. Начать наступление в 11 часов дня. В полдень 8-я Сибирская дивизия готовилась к переходу; укладывала доски под железнодорожным мостом.

¹ Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 146.

Артиллерия 7-й Сибирской дивизии зажгла Штабин и Чарнылус, немцы выбиты и прячутся в складках местности.

29-й Сибирский полк переходит Бобр; головные части заняли д. Остров; одна рота 31-го Сибирского полка заняла южную часть Южной Ястржембны и часть леса к востоку от нее, захвачено 8 пленных. К 4 часам дня у д. Остров собралось около 2 батальонов 29-го Сибирского полка и продолжают распространяться влево для связи с 31-м Сибирским полком в Южной Ястржембне. В 31-м Сибирском полку сильные потери. Захвачено еще 8 пленных и 1 пулемет., затем еще 47 пленных и 1 пулемет. На фронте 7-й Сибирской дивизии артиллерийский бой. К 8 часам вечера 31-й и 29-й Сибирские полки продвинулись на высоту 63,3 – северный край Южной Ястржембны. 29-й полк взял 9 пленных. Получено приказание из-за обнаружения гибели 20-го корпуса не наступать дальше, а обороняться пассивно. 8-я Сибирская дивизия попала под перекрестный артогонь и понесла большие потери. Разрешено части корпуса за ночь отвести на южный берег Бобра. 9 февраля ночь прошла спокойно. Части 8-й Сибирской отошли на южный берег Бобра, мосты разрушены. Приказано организовать самую тщательную разведку, чтобы не терять соприкосновение с противником, а дальнейшее разрушение мостов не производить.

К этому времени немцы были с большими потерями отбиты от Прасныша (при ключевой роли 2-го Сибирского корпуса). Поэтому они отказываются от наступления на Белосток и оттягивают свою 10-ю армию на заранее подготовленную тыловую позицию. Осада Осовца снимается. В ответ генерал Рузский 17 февраля ставит русской 10-й армии весьма туманную задачу: «стремиться очистить район Ястржембна – Липск – Сопоцкин от немцев и, ввиду обнаруженного их отхода к северу, своим наступлением разъединить их силы». Отход немцев проходил планомерно и без помех с русской стороны. Однако 22 февраля обозначился русский нажим на 40-й резервный корпус, против которого наступали 3-й Сибирский и 26-й корпуса через Августовский канал на запад. Атака сибиряков 23 февраля была так настойчива, что противнику пришлось вернуть выступившую на Сувалки половину 2-й пехотной дивизии¹. Остальные русские части продвигались очень осторожно, а 24

¹ Хольмсен И.А. Указ. соч. С. 254.

февраля германцы нанесли контрудар и вынудили правый фланг 10-й армии к отходу на Гродно. Напротив, 25 февраля 3-й Сибирский корпус ворвался в позицию противника в направлении Кольница – Бялобжеги. Немецкий командарм Г. фон Эйхорн готовился 27 февраля наступать на Францки и на Махарцы, но русские и на левом фланге уклонились от удара, уйдя за реку Бобр. Отошли назад и немцы.

11 марта 3-й Сибирский и 26-й корпуса снова перешли в наступление против того же фронта «Августовский канал – Сувалки». Атаковали и соседи через Сейны на Липниак. 14 марта от озера Выгры до озера Дусь разыгрались упорные фронтальные бои с переменным успехом. «Русские цепко удерживали захваченное пространство, а при удобных условиях переходили в контрнаступление» ... Затем до середины апреля наступило затишье. 3-й Сибирский корпус с 3-й кавалерийской дивизией располагался вдоль р. Шешупа (ныне Шяшупе) от верховьев до Людвинава (Людвинавас). Так сибиряки оказались севернее, чем в январе.

Таким образом «неожиданно, 10-я армия снова воспряла, образуя твердый оплот против дальнейшего наступления германцев. Борьба весной 1915 г. проходила под тяжелым для противника знаком – отхода назад от течения рек на заранее подготовленные позиции в 1-1,5 переходах от госграницы с уступкой захваченной территории. Новый командующий армией генерал Радкевич, искусно маневрируя, ни разу не подставил своих войск под готовившиеся противником опасные удары и, систематически и неуклонно отеснял противника»¹.

На Шешупе

2 апреля 1915 г. по смене полка 27-й пехотной дивизии и 29-го Сибирского полка они должны отойти: первый к д. Балинка, второй – в Ястржембну². В 23.00. 4 апреля 30-й Сибирский стрелковый полк сменен 112-м пехотным Уральским, после чего выступил в д. Каменка. Штаб 8-й Сибирской дивизии выбыл в 13.00. на станцию Ново-Каменку. Объявлен следующий порядок перевозки осталь-

¹ Хольмсен И.А. Указ. соч. С. 259.

² РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 344. Л. 2.

ных учреждений: 5 апреля – телеграфисты, саперы; 6 апреля – 2-й Сибирский тяжелый дивизион и 3-й Сибирский мортирный дивизион с парками; 7 апреля – 30-й Сибирский полк с обозами и все санитарные учреждения. Командующий армией приказал с прибытием 29-го, 31-го и 32-го Сибирских полков приступить к смене 73-й пехотной дивизии от р. Шешупы у Сапроки до Смэюницы. 32-й Сибирский полк в корпусном резерве д. Красна, фольварк Сувалки. Об этом приказ по корпусу № 27. В распоряжении 3-го Сибирского корпуса временно (до прибытия 3-го Донского) остается 34-й Донской казачий полк. Перевозка частей корпуса со станции Сокорка на станцию Олита. Оперативное отделение штаба корпуса выбыло из д. Домураты на станцию Ново-Каменка. Весь день 5 апреля продолжалось отправление эшелонов, переброска продолжалась и 6 апреля.

Утром 8 апреля 3-му Сибирскому корпусу приказано укрепиться на линии Густайце – Боунтики – Милуш – Цытки – Иигмуптово включительно и остаться здесь. Сувалкинский губернатор просит сообщить, какие дороги подлежат немедленному ремонту, ему ответили, что дороги Симпо – Камитце, Красна Цегельца и Симпо – Олита.

В ночь на 11 апреля в 1.00. против 7-й Сибирской дивизии не менее 2-х рот немцев выскочило из окопов и атаковали 3-й батальон 27-го Сибирского полка на позиции у высоты 105 от дороги Людвинов Красна¹. Встреченные перекрестным огнем, они смешались и бежали в свои окопы. Были попытки атаковать и 1-й батальон, но также отбиты. Около 3.30. артогонь усилился и немцы начали наступать на 25-й Сибирский полк со стороны Гурупе и фольварка Сувалки – Нове, а также на 28-й Сибирский полк со стороны Малины и Михайловки. Немцы снова отбиты огнем и около 4.30. отошли в свои окопы.

15 апреля ввиду наступления немцев на Россиен и Таурена, частью, видимо за счет ослабления фронта 10-й армии приказано перейти в наступление, и 3-му Сибирскому корпусу взять Мариамполь – Людвинов и Кальварию. Корпусу подчинена 2-я гвардейская кавалерийская дивизия.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 344. Л. 15.

16 апреля после артиллерийской подготовки немцы атаковали правый фланг 31-го Сибирского полка. Их остановили. С рассветом началась русская артиллерийская подготовка и наступление пехоты. В 9.00. роты 29-го Сибирского полка начали наступление, в 10.00. началось успешное наступление 7-й Сибирской дивизии, особенно в 25-м Сибирском полку. Ружейный огонь немцев был слаб, главное противодействие оказывала их артиллерия. На участке 31-го Сибирского полка немцы на огонь вообще не отвечали. К 13.00. в 7-й Сибирской дивизии тяжелая артиллерия почти прекратила огонь по недостатку снарядов, а немцы буквально засыпали дивизию снарядами. Вследствие этого удачное сначала наступление 25-го Сибирского полка приостановилось... Сибирские стрелки подошли на 300 шагов к проволочной линии, и, попав под сильный огонь, окопались. Полк нес тяжелые потери¹. Цепи Копорского полка продвинулись на 1000 шагов к западу от фольварка Яворово, а цепи Невского полка дошли до высоты Невине – Нарты. Противник сопротивления им не оказывал, но против 7-й Сибирской упорно держался. К 18.00. 7-я Сибирская продвинуться дальше не могла из-за сильного огня, в 8-й Сибирской передовые части продвинулись вперед на 500 шагов и закрепляли пространство. На 20.00. 25-й Сибирский полк подошел у Новнишки на 100 шагов к проволоке. Несмотря на сильный огонь, это полк настойчиво шел вперед и ночью думал атаковать немцев. 28-й Сибирский также предполагал атаковать ночью д. Малину. Помимо значительных людских потерь, в корпусе выведено из строя 3 орудия.

В ночь на 17 апреля правифланговый 2-й батальон 25-го Сибирского полка прошел 2 ряда проволочных заграждений и подошел к 3-му. Здесь он был встречен сильнейшим огнем немцев. При проходе через 3-й ряд 5-я и 6-я роты смешались и разбежались, частью сдались в плен. 3-й батальон прошел все ряды, в 3 часа ночи выбил немцев из кольцевого окопа восточнее д. Вазнишки. Русские захватили пулемет и пленных. Подразделения 28-го Сибирского полка прошли заграждения и атаковали фольварк Сувалки Новы. В 27-м Сибирском – усиленная разведка, роты у Посудоне переходят в атаку для облегчения положения 25-го Сибирского. Прапорщик Лейнистрейн был ранен и, окруженный немцами, застрелился.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 344. Л. 27.

Около 5 часов утра 18 апреля немцы атаковали полуроту 31-го Сибирского полка, бывшую впереди всех. Рота, спешившая ей на выручку, попала под фланговый огонь и понесла большие потери. Полурота же почти целиком уничтожена штыками. В 10.00. 3-й батальон 25-го Сибирского полка под губительным огнем вынужден отойти из кольцевого окопа в свои. По 8-й Сибирской дивизии немцы ведут ураганный огонь. На 13.00. правый фланг 25-го Сибирского полка продолжал наступление, центр и левый фланг достигли заграждений и готовились к штыковой атаке. В 8-й Сибирской дивизии прежний напряженный огонь. 16.00. – 25-й Сибирский полк на прежних позициях приводит себя в порядок. Потери в частях очень велики, в некоторых – задержки с их выяснением. Выведено из строя 1 орудие.

Напряженные бои сделали ночь и день 18 апреля бесконечными: кроме вышеописанного, было и отбитие немецкой разведки, резка проволоки. 28-й Сибирский полк дважды безуспешно атаковал фольварк Сувалки – Новы. У немцев вскрыты сильные укрепления. Движение в русских окопах вызывало сильнейший огонь немцев, что, ввиду несовершенства русских позиций, вело к большим потерям.

В итоге приказано: 25-му и 28-му Сибирским полкам закрепиться, рекогносцировать новые позиции для артиллерии для подготовки атаки Мармы и Михайловки. Разрешено 29-й Сибирский полк отвести на прежние позиции, оставив у Ковали сильные заставы, чтобы не терять этих окопов. Ввиду неперемennого условия взять Кальварию – поставлена задача овладеть сначала Малиной и Михайловкой.

В ночь на 19 апреля немцы при малейшем движении открывали сильнейший огонь, сообщение было трудно поддерживать даже ночью. Прошел 3-й день, как нельзя вынести раненых и убитых, поднести пищу. У начальников дивизий запрошены планы на атаки. Артиллерийская подготовка с 20 апреля была сначала перенесена на 21-е, а потом – и на ночь на 22-е. Были предприняты все возможные меры подготовки и пополнения снарядами. В полночь на 21 апреля немцы контратаковали 7-ю Сибирскую дивизию на всем фронте, но были отбиты.

В 21.00. 21 апреля части 3-го Сибирского корпуса начали атаку: 25-й Сибирский полк – Сувалки Новы, 28-й Сибирский – Малину, 31-й и 29-й – высоту 69,3 и казармы¹. Очевидно, имелись ввиду казармы 2-го лейб-уланского Курляндского полка в местечке Кальвария. Подавить огонь немцев не удалось, но в общем подготовка атаки была расценена штабистами как удовлетворительная. Потери 20 и 21 апреля были на порядок меньше предшествовавших дней. Выбыло из строя 2 орудия 3-го Сибирского мортирного дивизиона: одно – разрывом своего снаряда в стволе, другое расшатано. Таким образом, к широко известному историкам «снарядному голоду» следует добавить менее учитываемый износ (расстрел) орудийных стволов. Артиллерийская подготовка русских закончилась в 22.00, полки выдвинулись к проволочным заграждениям. В 0.15. 22 апреля 28-й Сибирский полк взял Сувалки Стары. В 2.00. 25-й Сибирский полк атаковал Сувалки Новы и кольцевой окоп, но атака не удалась, стрелки окапывались в 100 шагах от немцев. 28-й Сибирский полк прошел лес у фольварка Францишково. Роты 31-го Сибирского полка, встреченные сильным огнем, смешались и начали отходить. Для их поддержки были выдвинуты 3 роты. Потери большие, 2 роты уничтожены почти целиком. К 7.00. бой стих, русские части остались у проволочных заграждений немцев.

В полночь на 25 апреля 1915 г. немцы наступали, но были отбиты. Русским на 26 апреля поставлена задача – укрепляться и вести разведку². С рассветом 2 мая 1915 г. началось общее русское наступление. Подготавливается атака Сувалки-Новы. Затем приказано продолжать наступление, закреплять захваченное³. Ночью на 4 мая... немцы скопились напротив батальона 25-го Сибирского полка, но рассеяны артиллерией, дивизия движется вперед сапами, большинство посылаемых для резки проволоки убито или отбито, общий процент убитых больше 30; 32-й Сибирский полк также идет сапами... В 3 часа ночи 5 мая атаковал и отряд генерала Чаусова. Таким образом, первые числа мая 1915 г. сибирские стрелки провели в атаках.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 344. Л. 41.

² Там же. Л. 50.

³ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 346, л. 7.

11 мая заполнявший журнал военных действий записал: «в 3 часа 30 минут дня Италия объявила войну Австро-Венгрии Общее ликование в войсках». 23 мая поступил приказ о погрузке в эшелоны полков 7-й Сибирской дивизии в Олите, на Симпо, а уже утром 27 мая прошел через Олиту (Алитус) последний эшелон. Штаб корпуса выехал в Олиту 24 мая. 28 мая полки были в район Жураны.

На юго-западных подступах к Ковне

По сосредоточении полков у Жарство и Ингованги генералу Трофимову предписано вступить во временное командование группой (8-я Сибирская дивизия, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, Ковенский отряд ополчения с его тяжелой артиллерией). Задача: нанесение противнику решительного удара и очищение от немцев Козлово-Рудских лесов¹. 27 мая 7-я Сибирская дивизия стремительным натиском отбросила немцев за линию Ворсели, Попутине, Жвеги, Пришмонты, захватив более 500 пленных, 1 орудие, пулемет и большое количество припасов². ... 30 мая в 15.00. генерал Трофимов прибыл в Црелы. Тревожная запись «патронов нет».

31 мая генералу Трофимову приказано вступить в командование всеми войсками между Неманом и 34-м корпусом, то есть 8-й Сибирской, 43-й пехотной (генерал Слюсаренко) дивизиями, 2-й гвардейской и 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (конница генерала Эрдели) с задачей занять фронт Скраведве – Кветышки – Киве, имея наблюдение на участке от Немана до шоссе, после занятия выделить в резерв за левый фланг, примерно в район Живавода – Моргово части 43-й пехотной дивизии. Подчинена генералу Трофимову и бригада генерала Казнакова. Приказано действовать возможно энергичнее. У Ковенского коменданта экстренно испрошены патроны в Ирены. Выслал 400 тонн на автомобилях³.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 346, л. 50.

² Там же. л. 52.

³ Там же. л. 56.

Идет маневренная война. На фронте у генерала Редько с 14.00. германская артиллерия обстреливала 30-й Сибирский полк. У Живахова окопы совершенно скрыты. Отбиты 3 атаки, убыль в ротах велика, подбито 3 пулемета, замечено скопление немцев у Демброво. Немцы, атаковавшие Михайлишки, бежали в лес. На 22.30 30-й Сибирский полк отбил 5 германских атак, потери велики, особенно от артиллерии. Полк подкреплён батальоном¹... 44-й Донской казачий полк приказано сменить 9-м Ломжинским конным и отправить в 3-й Сибирский армейский корпус. Взято трофеев: батальоном 27-го Сибирского полка пулемет и 6 пленных, 172-м Лидским пехотным полком – 89 пленных. 2 июня по прибытии 2-й Кубанской дивизии 490-я, 237-я и 4-я Ковенская дружины ополчения вернулись в Ковно (ныне Каунас). За 2-3 июня 172-м Лидским полком взят 1 пленный, 30-м Сибирским – 29².

6 июня командованием корпуса повторена просьба о возвращении 44-го Донского полка. Ответчено, что по смене его пришлют. 7 июня штаб 8-й Сибирской дивизии перешел в Скерсоболе. 8 июня 44-й Донской казачий полк прибыл и направился в Цазгайкеме³. 9 июня ведущий журнала военных действий корпуса записал «немцы взяли Львов».

10 июня конница Эрдели сменилась 2-й Кубанской дивизией, все спокойно. 11 июня возбуждено ходатайство об отпуске на тыловую позицию еще 50 000 рублей. Ночью 25-й Сибирский полк сменил 170-й пехотный и расположился: 3 батальона в цепи, 1 взвод в Гуделе, в 5-м часу 170-й полк выступил в Мархотроки⁴.

Ночь на 17 июня прошла в редкой перестрелке с противником. Командующий армией уведомил, что ничего не имеет против отхода на позицию у р. Еся, при натиске на Ковну, приказывал ускорить работы по укреплению р. Еси, выделив сильные резервы: полк – в корпусный и не менее полка – в дивизионные⁵. По данным армии же войска против Ковны ослаблены. Генерал

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 346, л. 65.

² Там же, л. 78.

³ Там же, л. 90.

⁴ Там же, л. 97.

⁵ Там же, л. 101

Трофимов ответил, что длина фронта по отходе на р. Есю будет 37 верст и трудно иметь большие резервы: в дивизионные можно выделить только 3 батальона, а в корпусный – всю остающуюся конницу. ... Население Ковенского района генерал Трофимов просил выселять не через Праю, а через Дорсупишки. 27 июня войска 3-го Сибирского корпуса посетил командующий армией генерал Радкевич и выразил благодарность за боевую службу.

1 июля 1915 г. на участке Даукше Невополь немцы силами 2-х рот перешли в наступление, дошли до р. Довины, но отброшены русским огнем. 6 июля приказано, возможно, полнее знакомиться с тыловыми позициями и путями к ним. Подтверждено вновь требование «бережливо обращаться с патронами»¹. Командующий армией приказал выделить полк, но не Сводный 8-й Сибирской дивизии с батареей в армейский резерв. Выделен 32-й Сибирский и 2-я батарея 8-й артбригады.

8 июля 3-й Сибирский корпус отходил под натиском немцев. Сибирским стрелкам содействовали 3 сотни 44-го Донского казачьего полка. В 22.00. несмотря на ослабление армии на корпус, решено оставаться на прежних позициях, иметь сильные резервы, вести энергичную разведку, укреплять тыл, частичное наступление и прочее². Установлена связь с Ковенским отрядом.

9 июля 1915 г. вероятно стал самым мрачным днем в истории 3-го Сибирского корпуса. Соединение потеряло 461 солдата убитыми, 245 ранеными и 603 пропавшими без вести. Ранено 3 офицера, а еще 4 осталось на поле сражения³. Сибирские стрелки бросили 2 пулемета.

11 июля 26-й и 27-й Сибирские полки вернулись в состав корпуса. К 6.00. 12 июля густые цепи немцев заставили 31-й Сибирский полк начать отход. В армейский резерв решено вывести не 26-й Сибирский полк, а 27-й Сибирский. К 3.00. 16 июля немцы перешли в наступление против левого фланга «ковенцев» (Ковенского отряда) и начали теснить охранение сибирских стрелков. 25 июля из Гродно сибирским стрелкам прислали вагон колючей проволоки⁴.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 347, л. 8.

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, л. 42.

отошли в свои окопы. Немцы усиливали свои позиции, а их тяжёлая артиллерия разрушала русские окопы.

Бои за Вильно

18 августа 1915 г. 3-му Сибирскому корпусу приказано удерживать позиции во чтобы то ни стало. Немцы рыли окопы в 1000 шагах впереди русских. В 7-й Сибирской дивизии противник следовал по пятам за отходящими подразделениями, но огня не открывал. Подтверждена важность удержания позиций для общего положения дел. В 10.00. штаб корпуса перешел в Скорбуцяны¹. Всего в корпусе осталось около 12 000 человек, а фронт корпуса – 22 версты. Части измучены страшно и ночью отходили и теперь работают под огнем. Группа генерала Флуга расформирована, с указанием держаться «во что бы то ни стало, напрягая все упорство, силу и умение». Командир 3-го Сибирского корпуса запросил о назначении 31-й ополченской бригады, которая находилась в тылу соединения. Разрешено пользоваться ополченцами для работ и на пополнение. Рекогносцирована тыловая позиция по линии высота 73,1, что севернее Олони – озеро Лукна, далее по р. Лукна через Мадзюны до р. Меречанка.

19 августа эвакуация раненых производилась через разъезд Колчуны... Немцы строили редут против высоты 80,4, русская артиллерия мешала. В 20.00. приказано уничтожить перемещение частей. Указано внимательнее отслеживать соблюдение немцами обычаев ведения войны. Задача на следующий день – наступлением правофланговых частей оказывать содействие наступлению 5-го Кавказского армейского корпуса. Задача на 21 августа: удержаться, стремясь выдвинуть окопы вперед и выделить не менее 3 полков резерва, готовиться к переходу в наступление². Задача на 22-е: произвести усиленную разведку, развивая малейший успех поддержкой ближайших резервов, а правофланговым частям 8-й Сибирской дивизии наступать с 51-й дивизией³.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 349, л. 2.

² Там же, л. 12.

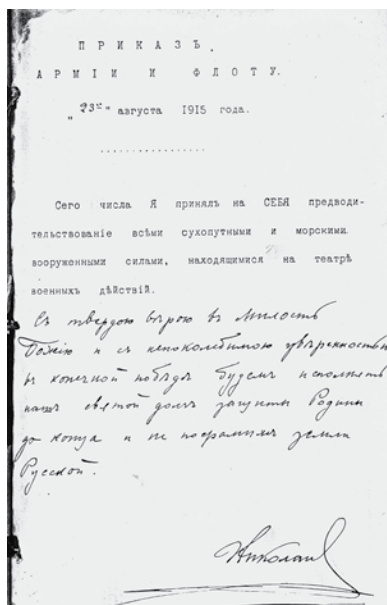
³ Там же, л. 14.

23 августа приказано 8-ю Сибирскую дивизию оттянуть в армейский резерв в район Ландварово к вечеру 24 августа. 26 августа сибирские стрелки узнали, что во главе армии стал Николай II. 28 августа приказано на следующий день 7-ю Сибирскую дивизию перевести на станцию Подбродзье и далее пешим порядком в Гедриоцы, посадка в 10.00¹.

Ночью на 29 августа немцы атаковали и взяли высоту 82,7, на поддержку выслан батальон 27-го Сибирского полка. Ввиду этого нельзя грузить и других – не будет дивизионного резерва, артиллерия вся на позиции. Запрошен генерал Мебель о порядке смены 7-й Сибирской дивизии. К 5.00. 29 августа по-

следний полк сменен и штаб корпуса выехал в Вильну. 8-я Сибирская дивизия подчинена Гвардейскому корпусу, их общая задача: прикрыть подступы к железной дороге у Исквенцян – Безданы и удержаться на фронте Едайцы Жукитки – Мейшаюла. Штабу корпуса приказано перейти в Безданы к утру 30 августа. Направляемая в Нюментин(ш) 3-я гвардейская дивизия, 1-я и 2-я Кубанские казачьи дивизии со времени установления связи. Задача – энергичное наступление с целью отбросить немцев на Нилькомур.

Таким образом, в ночь на 30 августа командующий 10-й армией подчинил отряд генерала Тюлина командиру 3-го Сибирского корпуса генералу Трофимову. Отряд Тюлина сдерживал наступление немцев северо-восточнее Вильно, а под его прикрытием развернулся 3-й Сибирский корпус фронтом на север и

Приказ императора Николая II
о вступлении в должность Верховного
Главнокомандующего

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 349, л. 24.

северо-восток, загнув правый фланг армии¹. В результате почти окруженная 10-я армия выведена из кольца и у Сморгонь – Крево перешла к позиционной войне, шедшей до 1917 г.

Интересно, что, по данным И.П. Шамякина, немцы высылали белорусское население из прифронтовой полосы в район Сува-лок, то есть на 150 км².

30 августа 1915 г. 27-й Сибирский полк возвращен на Безданы частью походным порядком. Штаб корпуса в 12.00. прибыл в Безданы и запросил о положении дел в 8-й Сибирской дивизии у Тюлина. Обнаружено наступление противника в разрез 7-й и 8-й Сибирских дивизий, приняты меры. Приказано требовать от конницы полной энергии. Задача на 31 августа: перейти в решительное наступление; всю конницу правого фланга с 1 1/2 – 2 батальонами пехоты двинуть на Подброзье – Яншики с целью взять озерный район. 7-й Сибирской и 3-й гвардейским дивизиям наступать на фронт з. Якубиш – кн. Павлюканцы, 8-й Сибирской упорно держаться; всем, кто за ночь высадится, перейти за левый фланг «наступной» группы³.

31 августа 7-я Сибирская дивизия наступала, к 9.00. авангардами достигла линии Концепты – Стакинцы. Приказано потребовать от казаков полной разведки и наступления, отчисляя дурных. «Немцы наступают». 8-й Сибирской дивизии приказано перейти на фронт Казимиржев – Подброзье – Минкели, выделив полк в резерв к правому флангу⁴.

3 сентября приказано подготовить соображения об отходе на Виленскую позицию... Приказано отойти... 3-й Сибирский армейский корпус отдан в группу Флугу⁵. 4 сентября шел упорный бой в полках 7-й дивизии. «Связь нарушена, резервов нет».... Для очищения боевого района приказано все обозы и линейные парки спешно отправить за р. Березину по дороге Цюденитки – Отмяны – Боруны – Переход⁶. По переправе предписано 3-му

¹ Ковалев Е. Донские батареи в Свенцянском прорыве // Военная быль. Париж, 1961. № 49. С. 3.

² Шамякин И.П. Знамена над штыками. Повести, рассказы. Пер. с бел. М.: Воениздат, 1978. С. 84.

³ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 349, л. 29.

⁴ Там же, д. 249, л. 34.

⁵ Там же, д. 350, л. 11.

⁶ Там же, д. 350, л. 14.

Сибирскому корпусу сосредоточить «тылы» в районе Хохло – Городок. Для прикрытия дать сотни с 1-2 орудиями, распоряжение сделано. Приказано войскам развивать крайние усилия.

Виленское военное училище

В 13.45. 4 сентября 27-й Сибирский полк связался с 26-м Сибирским у Шуки, 26-й устраивается на новой позиции, 27-й понес большие потери, ротами начинают командовать фельдфебели. Ходатайствовано о сокращении фронта корпуса до участка Быстрицы – Безданы, левее встанет гвардия, тогда будет резерв. Приказано подготовиться к дальнейшему отходу, то есть очищению Вильны, причем 3-му Сибирскому корпусу приказано держаться, имея в виду отход на фронт Быстрица – Недзвятка, обратив внимание на стык со 2-м корпусом. 5 и 6 сентября – отход происходил в общем благополучно¹.

Германская атака 7 сентября на фольварк ф. Олесин была отбита огнем и штыками. В 23.00. немцы опять наступали на 25-й Сибирский полк, отбиты, но потери полка большие². Финляндцы за ночь осадили назад и 28-й Сибирский полк стал обстреливаться во фланг и тыл, туда двинул батальон и удалось посадить фин-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 350, л. 18.

² Там же, л. 20.

ляндцев в окопы. Просили штаб армии организовать подводы и эвакуацию раненых от Боруны... 8 сентября 7-я и 8-я Сибирские дивизии отошли благополучно, укрепляют новую позицию. На 21.00. в 8-й Сибирской дивизии спокойно, атака на 26-й Сибирский полк отбита, немцы ушли в лес.

9 сентября приказано армии отойти на 2 перехода, начав отход главными силами в 2 часа ночи. 3-му Сибирскому корпусу предписано отойти со всеми мерами скрытно на фронт Жупраны-Новоселки включительно. 10 сентября части отходили.

Ночью 12 сентября 1915 г. была перестрелка. Предписано укреплять позиции с полной энергией. Транспорт 3-го Сибирского корпуса был найден(!) в Полоцке и двинут в Бетенковичи. В 14.30. 12 сентября немцы открыли сильный огонь по 29-му и 30-му Сибирским полкам. Много окопов разрушено. В 16.00. началось наступление пока в 3000 шагах, отдельные германские партии – в 1000 шагах. На господский двор Мыссой наступала рота, которая подошла на 700 шагов. На 18.45. огонь продолжается особенно по господскому двору Мыса и 31-му Сибирскому полку, наступление продолжается уже в 400 шагах. Резервы наши подведены. В 20.00. ожидается атака, мало осталось снарядов...

Ночь на 13 сентября в 8-й Сибирской дивизии прошла спокойно, 7-я Сибирская дивизия в 20.00. выступила на смену 5-го Кавказского корпуса. В 12 часов ночи 27-й Сибирский полк подошел к д. Мидовичи. В это время 5-й Кавказский корпус был потеснен немцами у Крево и немцы направились в тыл 16-му полку на Закровье. 27-й Сибирский полк был направлен для его выручки. Тем временем против 8-й Сибирской дивизии открыт сильный германский огонь¹. В 32-м Сибирском полку большие потери. Разрушены окопы у господского двора Мыссой. Недоумение штабистов 3-го Сибирского корпуса: «5-й Кавказский корпус считает, что 7-я дивизия подчинена ему, почему?» В армию включаются 38-й и Осовецкий корпуса. 3-му Сибирскому корпусу было приказано упорно оборонять фронт Алешинки-Крево исключительно, укрепить позицию и не в одну линию, иметь сильные резервы и хорошие пути для переброски их.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 350, л. 33.

14 сентября немцы продолжали сильный обстрел 8-й Сибирской дивизии. Сделан выговор генералу Олохову, что не сменил 29-й Сибирский полк, когда это было очень важно. Высшим ко-

мандованием одобрено предложенное штабистами сибиряков расположение стыка с гвардией у Пасинки.

А.В. Эллерц – в 1910–1916 гг. офицер 27-го Сибирского стрелкового полка

На 15 сентября состав полков: 25-й Сибирский – 1557 бойцов, 26-й Сибирский – 1004, 27-й Сибирский – 1045, 28-й Сибирский – 1431, 29-й Сибирский – 1172, 30-й Сибирский – 889, 31-й Сибирский – 697, 32-й Сибирский – 601. Итого всего 8396 штыков. При штате полка в 4245 человек. Тем временем «цепи немцев в 1000-800 шагах от наших окопов 8-й Сибирской дивизии, идет перестрелка». Тут же в журнале запись «Государь Император ждет от войск действующих в направ-

лении Полоцка – Свенцяны особой доблести¹. 4-я Финляндская дивизия подчинена 3-му Сибирскому корпусу. Приказано вернуть веру в себя, пополнения и снаряды скоро будут. 16 сентября при корпусе временно остался 14-й Оренбургский казачий полк. Бой. Взято в плен: 1 немец Кенигсбергской ландверной дивизии у Закровья, 1 той же части у Закошь и у д. Суцков взято 135 солдат и 3 офицера 264-го резервного полка и 2 пулемета. Русские перешли в контратаки.

На 17 сентября боевой состав 3-го Сибирского корпуса вырос более чем на 300 человек². На фронте спокойно, редкий артиллерийский огонь. Генерал Радкевич поздравил части с годовщиной

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 350, л. 40.

² Там же, л. 44.

Курьянки и Ольшанки. Речь о юбилее боевого крещения год назад.

Ночь на 20 сентября прошла спокойно, русские разведчики обнаружили непрерывный ряд окопов в 1000–1200 шагах. Были встречены огнем и не взяли пленных. Немцы укрепляются спешно, начато уже проволочное заграждение. Днем 22 сентября артиллерия немцев обстреливала фронт 7-й Сибирской дивизии, поднимался привязной шар.

Попытки наступать 2–4 октября 1915 г.

Ночью на 23 сентября русские перешли в наступление. Сначала резали проволоку. На 17.00. сильный огонь в 7-й Сибирской дивизии, потери есть, патронов нет. «24 сентября в 12 часов ночи корпус перешел в наступление. Местность сильно освещается. Усиленный огонь. 27-й Сибирский полк режет проволоку, немцы бросают против нас бомбы, наступают медленно. В итоге 8-я Сибирская дивизия не выдержала огня – и все отошли в основные окопы. 25 сентября приказано возможно лучше закреплять успехи войск 7 дивизии»¹.

27 сентября спокойно. Ввиду отъезда генерала Гернгросса в отпуск генерал Трофимов вступил в командование группой из 26-го армейского и 3-го Сибирского корпусов и 3-й гвардейской дивизии. Противник продолжал укрепляться, с русской стороны велись поиски разведчиков. 29 сентября на фронте 30-го Сибирского полка захвачен пленный 214-го резервного полка. Получена телеграмма генерала Попова, рекомендующая оборудование из безоружных солдат гренадерских команд, снабженных лопатами и вооруженных холодным оружием и ручными гранатами².

В ночь на 30 сентября смена 29-м Сибирским полком 31-го Сибирского закончилась благополучно. За сутки взято 2 пленных. Изменилось расположение: 1) 29-го Сибирского полка, занявшего 2 батальонами позицию от р. Татарки южнее д. Цары до высоты, что восточнее мостика через Татарку, севернее монастыря Суцков, имея 1 батальон в участковом резерве за центром. 2)

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 350, л. 47.

² Там же, д. 351, л. 5.

31-го Сибирского полка – 1 батальон которого в дивизионном резерве у фольварка Заборье и 2 батальона в корпусном резерве в д. Сенки.

Около 22.00. получена директива командарма, ставящая группе задачу на рассвете 2 октября прорвать расположение противника на узком 2-х верстном фронте по обе стороны железной дороги. Для этого воспользоваться артиллерией 5-го Кавказского корпуса, а в качестве резерва – самим корпусом, переходящим 1 октября в район Сивица-Рьдки. Цели: прорвать расположение и нанести поражение, задержать замеченную переброску на другие фронты.

1 октября состоялось совещание генерала Трофимова с генералом Жданко и Чернавиным относительно прорыва. Телеграмма № 550 генералу Попову о невыгодности операции у Сморгони и просьба отложить атаку на 3 октября. В ответ – телеграмма генерала Радкевича, возлагающая командование группой и ведение предстоящей операции на командира 5-го Кавказского корпуса генерала Истомина. Задача 8-й Сибирской дивизии (генералу Романову) в течение ночи на 2 октября – «на всем фронте вести усиленную разведку, после разрушения артиллерией окопов и проволочных заграждений энергично атаковать противника на фронте двор Мыссой (главный удар) включительно Михневичи, прорвать фронт и овладеть его позицией»¹. 7-й Сибирской дивизии (генералу Мясникову) одновременно атаковать от Михневичи исключительно до Богуши. 26-й армейский и 3-й Сибирский корпуса должны атаковать в первую очередь.

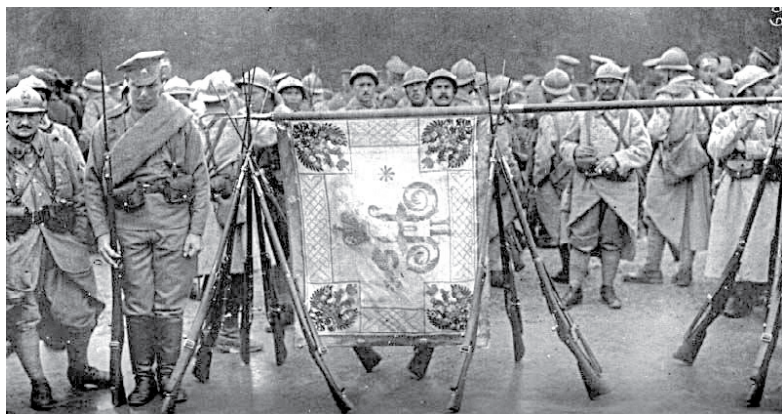
С 5.15. 2 октября артиллерия начала редким огнем подготовку наступления. Общую атаку дважды переносили, в итоге назначена на 13.00. На 15.50. полки 8-й Сибирской дивизии медленно наступают под сильным огнем, прошли свои проволочные заграждения и выслали партии для резки проволоки. Командир 25-го Сибирского полка подполковник Петр Иванович Проневич ранен пулей в грудь навывлет, умер от ран, командование перешло к подполковнику Никулину. Заняты Богуши. Артиллерия дивизий «не может оказать требуемой поддержки наступлению вследствие ограниченного числа снарядов». К 19.45. части окапы-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 351, л. 9.

вались. Наиболее выдвинулись 25-й и 26-й Сибирские полки к проволоке противника. Приступили к уничтожению проволоки, легко отбили контратаку ружьями и ручными гранатами.

Штурм 3 октября в 6.00. Поддержка из резервов. Перерезать проволоку не удастся. Штурм повторился в 24.00. – атака не удалась. В 22.30. телеграмма генерала Радкевича оценила предусмотренные генералом Истоминым меры для организации прорыва и указала на невыполнение условий директивы. Взрывы проволоки пироксилином удались лишь в ничтожной мере.

Ожидание 2-й Финляндской дивизии, 4 октября – предписано не ждать. 12.55. попытки 29-го Сибирского полка атаковать не удались, начали окапываться в 50-80 шагах от проволоки. Истомин запросил Трофимова: «Можно ли рассчитывать на дальнейший успех?» Ответ: «Сомневаюсь: усиление, а проволока не разрушена». 17.10. – задача прежняя: приказано напряженно стремиться к прорыву. В 21.00. 7-я Сибирская дивизия отбила контратаку. Приказ по корпусу в 22.00. 4 октября «ввиду достижения цели – не только приостановилось оттягивание частей противника с нашего фронта, но, наоборот, воздушной разведкой установлен подход подкреплений с запада в направлении на Ошмяны» командарм приказал наступление приостановить, и разрешил отвести войска на более выгодные позиции¹.

Знамя одного из Сибирских стрелковых полков

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 351, л. 9.

Потери за 2-4 октября: 19 офицеров и 1104 нижних чинов.

К 5.00. 5 октября части заняли прежние окопы, беспрепятственно отойдя. В 12.00. 6 октября группа генерала Истомина расформирована, 5-й Кавказский корпус отошел в резерв армии. Восстановлена прежняя группа генерала Трофимова, на фронте – редкая перестрелка. 7 октября – немцы энергично укреплялись. 8 октября ввиду стоящей засухи Главнокомандующий приказал принять меры наблюдения за лесными участками, дабы не допустить лесных пожаров в ближайшем тылу. 12 октября начальниками дивизий приказано осмотреть занимаемые позиции и донести об их недостатках.

В ночь на 14 октября на фронте 28-го Сибирского полка полурота немцев вышла из окопов, видимо, для захвата секрета. Наша поддержка их спугнула, и они отошли за проволоку. На засаду 26-го Сибирского полка немцы наступали, но были отбиты и унесли всех убитых. Изучение фронта корпуса показало: 1) для главного удара не пригоден, 2) на демонстрацию потянет мало, 3) короткий удар может иметь успех. 15 октября усиленная разведка пленных не дала. Приказано развить укрепления в глубину, устраивая 2-ю линию окопов в 2-3 верстах сзади.

25 октября приказано довести позиции до высокой степени совершенства, создав укрепленные полосы. 28 октября – имеются сведения, что немцы собираются отходить, усилить разведку. 31 октября для работы на позиции Дауптишки-Ленковщицна приказано из резервов 7-й и 8-й Сибирских дивизий назначать ежедневно по 450 рабочих.

9 декабря приказано беспощадно уничтожать дезертиров. 10 декабря от 28-го Сибирского полка приказано ежедневно высылать по 600 рабочих на Сивицкую позицию. 23 декабря был царский смотр¹.

1 января 1916 г. приказано частных лиц в окопы водить «только не валом». 8 января – немцы пассивны и работают в окопах. Сибирские стрелки также активно вели хозяйственные работы. 13 января 7-я Сибирская дивизия и 5-й Сибирский саперный батальон временно подчинены 26-му армейскому корпусу, сменившему 8-ю Сибирскую и 65-ю дивизии.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 352, л. 37.

После 14 января, 3-й Сибирский корпус находился в резерве. 17 января генералу Богдановичу сделан выговор за недостаточно укрепленную позицию¹. Приказано обратить внимание на проверку посторонних лиц, прибывающих в части.

Зима 1915-1916 гг. на Восточном фронте прошла относительно спокойно, без крупных боев. Но уже 5 марта 1916 г. началось десятидневное русское наступление у озера Нарочь. Частично оно было вызвано необходимостью помочь союзной Франции, испытывавшей с 8 февраля сильный немецкий натиск на Верден.

Замысел наступления

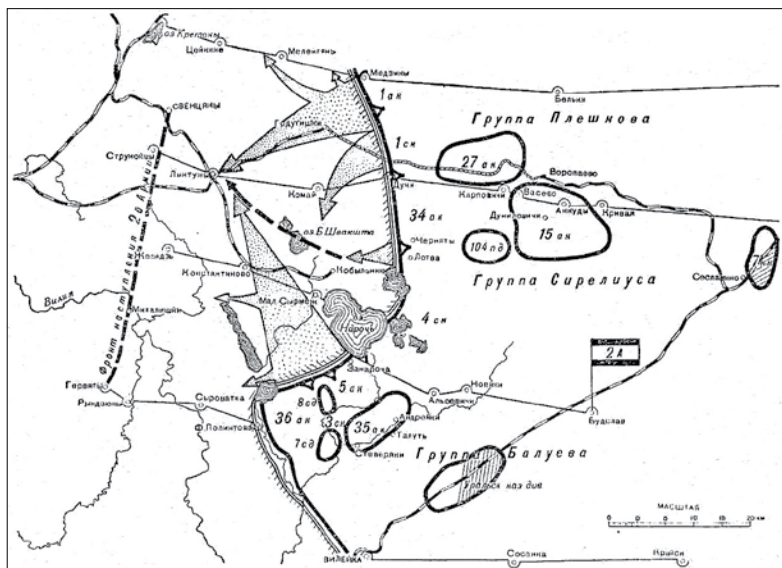
Первоначальная инициатива на проведение данной операции исходила от командующего Западным фронтом А.Е. Эверта, который 4 и 13 января предложил Ставке Верховного Главнокомандующего нанести удар пока водоёмы ещё скованы льдом². Однако согласование со Ставкой, сбор ударной группировки и снабжение необходимыми военными материалами затянулось. Только 3 марта директива Ставки поставила 2-й армии конкретную боевую задачу: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими 5 марта в решительное наступление с целью разгромить противника, находящегося перед фронтом, а затем наступать далее, чтобы прочно утвердиться на линии Свенцяны – Михалишки – Гервяты. Вспомогательный удар наносила соседняя справа 1-я армия. Остальные армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой, а при успехе 2-й армии перейти в общее наступление, с целью достижение линии Вилькомир – Вильна – Делятичи. То есть русское командование рассчитывало отбросить германские войска на 130 км.

Почему русское командование решило наносить главный удар 2-й армией, увеличив её состав с 4 до 9 корпусов? Во-первых, потому что именно на участке Западного фронта русские обладали над противником наибольшим превосходством, созданным еще в 1915 г. для прикрытия кратчайших путей к Москве и

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 353, л. 12.

² Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русс. фронте мировой войны. М., 1938. С. 9.

Петрограду. Во-вторых, утрата более густой железнодорожной сети в оккупированных противником приграничных районах снизила возможности для маневра этими резервами русской армии. В-третьих, в зимних условиях местность на фронте 2-й армии была наиболее выгодной для наступления. Но вести его пришлось уже весной!

План наступления у оз. Нарочь

Заболевшего 27 февраля командующего 2-й армией генерала В.В. Смирнова временно заменил генерал А.Ф. Рагоза. Поскольку штабу армии было трудно непосредственно руководить атакой 9 корпусов, входивших в нее, были созданы три группы: генерала Плешкова из 1-го, 27-го армейских, 1-го Сибирского, 7-го кавалерийского корпусов; генерала Балугева из 5-го, 36-го армейских и 3-го Сибирского корпусов с Уральской казачьей дивизией; генерала Сирелиуса из 34-го армейского и 4-го Сибирского корпусов. Импровизированная структура управления и стала одной из причин неудачи операции. Атака предполагалась одновременная на флангах группами Плешкова и Балугева. Группе Сирелиуса было предписано «энергично демонстриро-

вать» и «сковывать противника». Еще 2 армейских корпуса, 15-й и 35-й, находясь в резерве фронта, предназначались для развития прорыва.

Операции предшествовала передислокация соединений. Находившийся в резерве 3-й Сибирский корпус был выдвинут ближе к линии фронта – к 24 февраля в район Андрейки – Русками – Выгановичи – Слобода – Небышино. Особо предписывалось соблюдать секретность от агентуры и аэропланов. На 10 дней предстоящей операции отпустили по 200 снарядов на 3-дюймовую пушку, по 100 – на 48-линейную пушку и по 50 – на 6-дюймовую гаубицу.

Штаб 3-го Сибирского корпуса так проинформировали о задаче 2-й армии: «Разбить немцев в направлении на Литупы между озерами Вишневским и Нарочь. Наступают 5-й и 36-й корпуса. 3-й Сибирский корпус в 2-х группах поддерживает: 2 полка получают участок Стаховцы-Гарасевичи; а 6 полков в районе Ижа-Любки обеспечивают исходное положение к вечеру 3 марта. По занятии позиции приказано рекогносцировать на случай атаки проходимость болот на Железняки – Смяровичи... По прорыве фронта предполагается выдвинуть 3-й Сибирский корпус на Шеметовщину между 5-м и 36-м корпусами и наступать на фронт Константинов-Куцки»¹. Были опрошены командиры, как лучше наступать: с подготовкой и днем или внезапно на рассвете.

Наступление у оз. Нарочь

С рассветом в 8.15. 5 марта русские начали артподготовку, а 12.35. части группы Плешкова пошли в атаку. Сначала им удалось вклиниться в оборону противника на фронте шириной 2 км, но затем они попали под перекрестный огонь и к 19 часам были вынуждены отойти в свои окопы. Группа Балужева атаковала в 15 часов, но к концу дня 5 марта также отошла в исходное положение. Предназначенный для развития прорыва 3-й Сибирский корпус в этих атаках не участвовал, обеспечивая центр группы Балужева. Из частей корпуса лишь один 29-й Сибирский

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 353. Л. 27.

полк находился непосредственно на фронте, наблюдая за болотом Оступы.

В ночь на 7 марта после целого дня артподготовки 1-й Сибирский корпус вновь атаковал немцев. Штурм был удачный, сибиряки заняли германские окопы на фронте в 1000 шагов. Но утром 7 марта, когда атака соседнего справа 1-го армейского корпуса успеха не имела, на обнаженный фланг сибиряков обрушились контратака немцев и сильный огонь из уцелевших укреплений. Стрелки 1-го Сибирского корпуса были вынуждены с большими потерями отойти. Атака, взятие вражеских окопов и вынужденный отход повторялись несколько раз. К 10 марта выяснились огромные потери: 22-я пехотная дивизия потеряла 8900 чел., 1-я Сибирская – 7612 чел., 2-я Сибирская – 5152 чел., то есть эти дивизии, потеряв до 50 % состава, стали небоеспособными. Поэтому Плешков ввел в стык между корпусами резерв – 27-й армейский корпус. Пехотный штурм несколько раз откладывали, но русская артиллерия вела огонь с 10.00. утра 10 марта, в течение всех дней и ночей до 13 марта. Этот обстрел и обеспечил русским некоторый успех. Начальник 1-й Сибирской дивизии Ф.А. Подгурский телеграфировал 11 марта: «Полки ворвались без особенного сопротивления противника, подавленного могущественным огнем артиллерии»¹. На рассвете 13 марта сибирские стрелки овладели двумя линиями германской позиции, но дальше продвинуться не смогли. Вечером командующий армией приказал прекратить атаки. Атаки в группе Балужева, в том числе с участием 3-го Сибирского корпуса 9 и 18 марта решительного успеха также не имели.

Всего в Нарочской операции с русской стороны участвовало 407 052 пехотинца и 18 428 кавалеристов при 982 орудиях. При этом 2-я русская армия потеряла убитыми и ранеными 1018 офицеров и 77 427 солдат, или 30,3 % состава. Немцы признали свои потери в 20 000 чел., но исследователь Н.Е. Подорожный считает эту цифру заниженной в 1,5–2 раза². Хотя русские и не добились успеха, ни один германский полк не отправился с Вос-

¹ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. М., 1940. С. 361.

² Подорожный Н.Е. Указ. соч. С. 150.

точного фронта во Францию, а с 9 по 17 марта немцы приостановили атаки Вердена.

Уточним боевую работу 3-го Сибирского корпуса в Нарочской операции. 7 марта было приказано продолжать наступление 3-м Сибирским и 5-м корпусами между Нарочь и Большие Оступы и выйти на фронт господский двор Августово – Мокрицы. Утром 8 марта части 7-й пехотной дивизии 5-го корпуса, наступая по южному берегу Нарочи, заняли две линии германских окопов и пленили более 1000 чел., в том числе 17 офицеров. Этот «одержанный в озерной теснине успех» – продвижение на 2-3 км станет наибольшим в Нарочском наступлении. Немцы с трудом удерживали последнюю линию, но и атакующие исчерпали ближайшие резервы.

Еще в ночь на 8 марта бригаде 8-й Сибирской дивизии предписано перейти из фольварка Гарова к деревне Стаховцы и подключиться к атаке 5-го армейского корпуса. Но пройти за ночь по размытым дорогам 12 км сибиряки не успели. 9 марта с рассветом приказано начать пристрелку, с 6.00. подготовку и по особому приказу – атаку¹. В 13.00. приказано перейти в атаку. Немцы встретили наступление сильным огнем и контратаками, которые русские легко отбили. На 16.00. – «русские части идут вперед медленно, под сильным огнем. Батарея немцев от господского двора Августова фланкирует их. В 18.50. приказано остановиться». 9 марта выяснились потери 8-й Сибирской дивизии за 7 марта – 1 убит, 14 ранено, 1 контужен, за 8 марта – 60 солдат убито, 267 ранено, 35 контужено. 7-я Сибирская дивизия потерь не имела. Днем 9 марта шел дождь, а ночью на 10 марта прояснило, и ударил мороз до 4 градусов – начались обморожения.

В 3.30. 10 марта части 3-го Сибирского корпуса начали наступление вместе с 10-й дивизией. В 6.00. 29-й и 32-й Сибирские полки вошли в Длинный лес, что на подступах к д. Мокрицы. Движение шло медленно, так как лес был опутан колючей проволокой, а части сильно обстреливала артиллерия. «При выходе из леса 8-я Сибирская дивизия встречена сильным огнем и устраивается на опушке, приказано подготовить атаку. 15.00. – «части закрепляются по западной и северной опушкам леса».

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 354, л. 7.

Ночью взято в плен 7 немцев 249-го полка 75-й резервной дивизии. Атака ночью высоты «Фердинандов нос» была отменена, приказано укрепляться. Высота названа под влиянием карикатур на царя Болгарии – союзника Германии.

Потери за 9 марта: 8-я Сибирская дивизия – убито более 94 нижних чинов, 479 ранено и контужено, 5 пропало без вести, 9 офицеров ранено; 7-я Сибирская дивизия – 2 офицера ранено, 32 солдата ранено и контужено. Следующие сутки, 10 марта, в 8-й Сибирской дивизии 117 нижних чинов убито, 556 ранено, 140 контужено, 379 остались на поле сражения; 10 офицеров убито, 5 ранено, 3 контужено. 7-я Сибирская – ранено 2 офицера и 18 нижних чинов, 9 контужено. В последующие сутки потери были меньше.

Немецкие пулеметчики. Частная коллекция

11 марта спокойно, части закрепляются. Противник нервен и бдителен. В журнале военных действий характерная запись: «Нет снарядов и решено продолжить атаку»¹. Ночь на 12 марта прошла в оживленной перестрелке, русских разведчиков

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 354, л. 13.

встречали пулеметами. К полудню русские расценивали свою артподготовку, как «очень удачную: попорчены окопы, проводочная сеть». Но против 8-й Сибирской дивизии проволока на «Фердинандовом носу» не разрушена. «Командарм признал, что трудно рассчитывать на быстрый успех и надо вести войну приступным образом»¹. От термина «приступ», а не преступление!

Приказано: 1) атаку произвести в ночь на 13 марта. 2) в 3.00. открыть ураганный огонь и вести его до 3.30, после чего перенести огонь в тыл и пехоте атаковать. Она была встречена сильным огнем, проволока оказалась мало поврежденной, а в испорченных местах германцы поставили рогатки. Русские батальоны залегли и стали резать проволоку. Атакующие части усиливались, и атаку было решено повторить. Причины неудачи: плохая подготовка, недостаток снарядов и износ тяжелых орудий. В 8.00. части снова перешли в атаку, части 26-го и 32-го Сибирских полков проникли за проволоку небольшими группами. В 10.00. – атака отложена до темноты, пока же было приказано окопаться и накапливаться за проволокой. Никакое движение до сумерек было невозможно, так как немцы били людей на выбор. На 16.00. не велась и артподготовка «во избежание поражения своих, лежащих у проволоки». К 21.00. окончательно выяснилось, что прорвать живой силой заграждения не оказалось возможным, а потому приказано отойти, чтобы снова начать подготовку. За 13 мая установлен печальный рекорд – в 3-м Сибирском корпусе убито 20 офицеров и 733 солдата, ранено 38 офицеров и 4306 солдат, пропало без вести 29 офицеров и 553 солдата.

В 4.30. 14 марта немцы открыли ураганный огонь и наступали на стык 7-й и 8-й Сибирских дивизий. Русские резервы подтянуты, их артиллерия отвечала. В 7.00. около батальона немцев ворвалось в лес между 30-м и 32-м Сибирскими полками. Туда направлен с юга 31-й, а с севера 26-й Сибирский полки. Подразделения некоторое время не сообщали подробности происходившего из-за перерыва связи. Было лишь известно, что «есть пленные». К 10.30. 30-й и 32-й Сибирские полки под давлением противника очистили Длинный лес, отойдя на вы-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 354, л. 15.

соту 92 и восточнее Длинного леса. Северную и южную части леса по-прежнему занимали русские. 31-й Сибирский полк захватил 2 пулемета, 1 офицера и около 10 нижних чинов четырех полков. К полудню выяснилось, что у противника пришли на «Фердинандов нос» 343-й и 344-й полки, а, может быть, и вся 86-я дивизия и 34-й резервный полк 80-й резервной дивизии. В 15.00. 8-я Сибирская дивизия атаковала середину Длинного леса. Всего пленено 33 чел. из 34-го резервного полка, 1 офицер и 3 солдат 343-го полка, 3 солдат – 344-го.

15 марта наступление русских продолжилось. К 16.00. 8-я Сибирская дивизия, за исключением правого фланга, заняла прежние окопы в Длинном лесу. Потери в некоторых частях больше 50 %¹. Сильные немецкие контратаки. Далее в журнале военных действий 3-го Сибирского корпуса запись: «Государь Император приказал раз начатое наступление продолжать настойчиво до конца». 16 марта на фронте редкий огонь. Приказано ждать контратаки немцев и врываться на их плечах в их окопы.

Группа генерала Плешкова перешла к обороне и три корпуса стали у железной дороги. 17 марта – спокойно. Около 17.00. немцы атаковали, но отбиты. Приказано в ночь атаковать «Фердинандов нос», 5-й армейский корпус помогает сибирякам с севера. С 3.15. до 8.00. 18 марта 7-я Сибирская дивизия провела эту атаку, но у противника оказалась такая «масса пулеметов, что наша артиллерия, несмотря на хорошее воздействие, не смогла их потушить». 19 марта у германцев слышен гул смены войск, а взятые в 7.00. 5 пленных 46-го активного полка показали, что их сменяет какой-то полк 85-й дивизии. Перед 31-м Сибирским полком у немцев есть ряд проволоки в 34 кола, местами оплетены пни или поставлены колья.

В ночь на 21 марта, точнее к 5.45., 3-й Сибирский корпус был сменен на фронте 35-м армейским и отошел в резерв. Тяжелая артиллерия осталась на месте. Командарм сделал суровые упреки за неудачу операции генералу Плешкову. Это сообщено начальникам дивизий с напоминанием 7-й Сибирской за «не подталкивание 25-го Сибирского полка в атаку 17 марта», 8-й Си-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 354, л. 21.

бирской – за потерю связи 17 марта на несколько часов¹. В свою очередь, 23 марта начальник 7-й Сибирской дивизии «просил снять с него ответственность за неудачу атаки 17 марта, так как командир корпуса 2 раза приказывал отступать. Комкор не счит возможным снять упрек». Приказано в кратчайший срок переработать опыт. Старшие начальники запрошены откровенно... не лучше ли производить дневные атаки после подготовки.

К 23 марта потери 3-го Сибирского корпуса за Нарочскую операцию составили 129 офицеров и 9115 нижних чинов. На 2 марта же соединение насчитывало 44 166 бойцов. Таким образом, корпус потерял убитыми и ранеными до 21 % личного состава на территории современного Мядельского района Минской области Беларуси.

С 9.00. 5 апреля группа генерала Балуюева была расформирована, а 3-й Сибирский корпус отошел во фронтовой резерв в район господского двора Бениц.

В полночь на 16 апреля 3-й Сибирский корпус включен в 4-ю армию. 11 мая отдан приказ во исполнение новой наступательной операции: 1) к 18 мая закончить все подготовительные работы; 2) организация связи до самых мелочей; 3) образование погребков при батареях для однодневного запаса гранат (200 легких)². 12 мая приказано донести, разработан ли план и порядок наступления. «Государь Император заметил по поводу операции 15 апреля, что связь была плоха и начальники дивизий крайне удалены от войск»³.

Ввиду поражения итальянцев, приказано ускорить подготовку операции, обратив особое внимание на обучение войск. Таким образом, и в мае начало русской операции ускорили военные трудности у Италии, подобно тому, как в марте – у Франции. Всю подготовку предписано закончить к 25 мая. Генерал А.Е. Эверт предписал впредь производить атаки волнами, причем на полк рекомендуется давать не более 1000 шагов. 17 мая приказано экономить гранаты до решительной операции.

С 18.00. 19 мая немцы открыли огонь сначала по позиции тяжелой артиллерии, затем по тылу корпуса, а потом и по передо-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 354, л. 28.

² Там же, д. 355, л. 5.

³ Там же, д. 355, л. 8.

вым позициям. Огонь продолжался до 1 часа 10 минут 20 мая¹. 23 мая в штабе 3-го Сибирского корпуса узнали, что «началось удачное наступление на нашем Юго-Западном фронте, взято 13 000 пленных. Что касается главного удара Западного фронта, то будут неоднократно переноситься и его дата, и его направление (с виленского на барановичское). Так, 23 мая командир 3-го Сибирского корпуса запрошен, «будет ли закончена подготовка к 28 мая, если нет, то почему, и когда кончится». 24 мая подтверждена необходимость иметь офицерский запас на время боя. 25 мая отдан приказ о порядке производства атаки на позиции германцев.

28 мая отдан приказ по 3-му Сибирскому корпусу о прорыве противника на уступах 26-го корпуса, левее 2-го Кавказского. Задача – прорвать укрепленную позицию противника на участке от дороги монастырь Сутков-Олешопки до Лити д. Сельце – южная опушка Новоспасского леса, по достижении рубежа вдоль западной опушки леса закрепиться. В развитие этого отданы приказы по дивизиям. Приказано 29 или 30 мая дать полный отдых солдатам по случаю праздника Троицы. Немцы тем временем укреплялись, особенно у Новоспасского леса. Русским «приказано скорее кончать устройство наблюдательных пунктов, ставить войска на участки, проверить связь войск, кончать передовые плацдармы. 31 мая приказано не поднимать так много шаров, чтобы не выказывать группировки». Немцы огнем и вылазками мешали русским работам, а сами работали.

Приказано 2 и 3 июня дать войскам полный отдых от работ и занятий². 3 июня немцы атаковали передовые позиции сибирских стрелков, но отбиты. Недавними дождями передовые плацдармы русских были почти уничтожены, основные окопы тоже находились в скверном состоянии. Таким образом, первоначальный план А.Е. Эверта атаковать южнее Сморгони был нарушен упреждающими действиями противника и погодой.

В 22.00. 4 июня 20-й, 26-й, 3-й Сибирский и 2-й Кавказский корпуса перешли в состав 10-й армии. Ночью же на 7 июня немцы вели наступление на плацдармы, но были отбиты. 7 июня

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 355, л. 10.

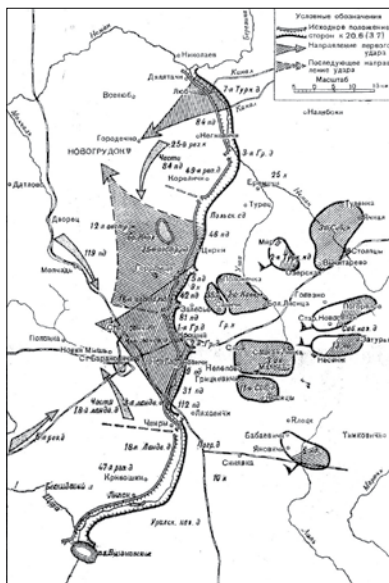
² Там же, л. 19.

пришел приказ об отводе 3-го Сибирского корпуса в резерв фронта в ночь на 11 июня. Ввиду сдачи окопов 2-му Кавказскому корпусу приказано привести их в полный порядок. По запланированной смене предписан отход в район Кучки – Мороски – Домаши – Великое Село Борковщина.

Под Барановичами

9 июня район нахождения 3-го Сибирского корпуса в резерве изменен на Рудищи, Мир, Залужье, станция Свержень (южнее Столбцов), Дрозды¹. 13 июня штаб корпуса прибыл в д. Воложин, то есть сибирских стрелков перебросили к северо-востоку от Барановичей. В этом районе 4-я русская армия за 19–25 июня провела 5 артподготовок, 5 атак и имела 4 отсрочки наступления, захватила австро-германскую позицию от р. Сервечь до Заосье, но добиться прорыва так и не смогла². Русские потеряли до 80 000 чел., противник – 25 000 чел.

18 июня 3-му Сибирскому корпусу приказано в ночь на 20 июня перейти в район Мир, Великое Село... р. Уша (приток Немана), Малая Недвядка – выдвинуться к фронту. В 7.00. 19 июня приказано начать артподготовку и при удаче предполагается ночью сделать разведку и в 2 часа одновременно атаковать переправы через

План наступления
в районе Барановичей

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 355, л. 26.

² Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 132-135.

Ушу. Артподготовка утром 19 июня прошла удачно и решено, что в 2 часа 20 июня будет атака.

Атака 20 июня имела большой успех на участке 46-й дивизии (взято 1600 пленных и т. д.), но, не поддержанные резервами, отошли назад к ночи и ночью. Поэтому намечены задачи: 1) развитие успеха 9-го, 35-го и 3-го Кавказского корпусов; 2) смена 46-й дивизии на участке Грацевичи – Дробыши и 3) удар на фронте Осташин – Грацевичи. 3-й Сибирский корпус передан в распоряжение 4-й армии, приказано атаковать в ночь на 21 июня. 21 июня атака отложена на сутки. Приказано вести артподготовку с 7.00. 3-й Сибирский корпус предупрежден, что вечером, вероятно, будет сменять 46-ю дивизию. Затем задача изменена, корпуса первой линии опять атакуют, а сибирским стрелкам приказано быть готовыми развить успех 46-й дивизии или сменить ее. 22 июня введен в бой 3-й Кавказский корпус для развития успеха и образованы группы Драгомирова и Угланова. С утра 23 июня приказано начать подготовку атаки Кутовщинского леса, что и предписано 3-му Сибирскому корпусу. Чтобы разобрать части, атака на день отложена. Решено, что подготовка начнется утром 24-го, до той поры беречь снаряды. 23 июня к 2.00. смена закончена. Русские батареи пристреливались.

Атака началась в 2 часа 25 июня. Передовые части начали подход к проволоке; оказалось, что против Карчева оба прохода не проделаны. 26-й Сибирский полк против Трацевичи задержался у проходов из-за сильного огня. 27-й Сибирский полк прошел выдвинутую вперед сопку и нарвался на не пробитую проволоку. Русская артиллерия обстреливала удушливыми снарядами Карчевский лес. Атака не удалась. «Ждем ясной погоды», – написал офицер¹. С 12.00. новая подготовка атаки, но у русских было мало артиллерии и мало тяжелых снарядов. В 21.00. новое наступление, к 23.00. стало ясно, что и эта атака не удалась. Убыль личного состава за 24-25 июня составила до 43 офицеров и 2259 нижних чинов². Все они приходятся на 7-ю Сибирскую дивизию. 8-я Сибирская дивизия же потеряла всего 30 чел.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 355, л. 37.

² Там же, л. 38.

В каждый из 2 дней второй попытки прорыва у Скробово 3-й Сибирский корпус потерял людей более чем в 2 раза больше, чем за 15 дней первой попытки у Нарочи. 26 июня приказано сменить 7-ю Сибирскую дивизию 8-й Сибирской. Предписано проверить наличие противогазных средств. Атаку 26 июня приказано не производить, продолжать методическую подготовку тяжелой артиллерией. Немцы забросали проходы у Карчевой рогатками. Приказано атаковать завтра. 27 июня атака отложена с подготовкой до 1 июля, приказано готовиться к будущей операции, но уже 30 июня 4-й Сибирский корпус ушел к Пинску, а операция приостановлена¹.

Так, на месяц позднее знаменитого «Брусиловского прорыва» Юго-Западного фронта пытался наступать Западный фронт генерала А.Е. Эверта. Он атаковал «южнее Барановичей, направление на которые считалось главным в русском наступательном плане», но безуспешно². Видный военный теоретик А.А. Свечин пишет об этом наступлении, что «неприятель ввел в бой все силы до последнего человека. Несколько большая дружность и энергия с нашей стороны – и вместо тягостной неудачи возможен был большой успех»³. С другой стороны, документы свидетельствуют, что у командования Западного фронта были основания действовать так, а не иначе.

К сентябрю 1916 г. остановилось у Ковеля и наступление Юго-Западного фронта. Из-за нерасторопности Ставки и нерешительности других командующих фронтами оно не было развито в наступление всех фронтов. Впоследствии Брусилов указывал: «если бы были реализованы все возможности (1916 г.)», то «решительный перелом и конец войны значительно бы ускорился при меньших жертвах и без последующих испытаний (1917 г.)»⁴.

В 8.00. 1 июля 1916 г. к фронту 3-го Сибирского корпуса подошли сильные партии вражеских разведчиков, которые отби-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 355, л. 44.

² Риттер Х. Критика мировой войны. Наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне. Пер. со 2-го нем. изд. А. Наумова и А. Кайзера. Пг., 1923. С. 141.

³ Свечин А.А. Общий обзор сухопутных операций // Энцикл. словарь библиогр. ин-та Гранат. 7-е изд. Т. 46. Четырехлетняя война 1914–1918 гг. и ее эпоха. Вып. 1. С. 90

⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.-Л., 1929. С. 190.

ты. День 2 июля прошел спокойно. Приказано готовиться к будущему наступлению: 1) готовить плацдармы, 2) мостовой материал, 3) разведку усилить, 4) артиллерии экономно выполнять прежние задачи. Приказано оказывать содействие 9-му корпусу огнем артиллерии.

3 июля 30-й Сибирский полк сменил 31-й Сибирский на его участке, а последний отошел к д. Кешиче-Рафалово. 25-му корпусу приказано сменить 3-й Сибирский на участке Цирин Митропольщина, выделив 8-ю Сибирскую дивизию в армейский резерв в лесу у Полонечка. С 16.00. 3-й Сибирский корпус включается в группу генерала Ирманова.

Ночь на 4 июля прошла спокойно. 8-я Сибирская дивизия сменена 46-й пехотной и отошла в Полонечский лес. Приказано в ночь на 5-е 25-му корпусу сменить 3-й Сибирский на участке до Дробыши, а последнему стать в армейский резерв в Полонечском лесу, причем приказано сосредоточиться преимущественно в южной части леса. По просьбе командира 25-го корпуса смену отложили на сутки.

В 1.45. 6 июля благополучно закончилась смена 7-й Сибирской дивизии на 46-ю. В 14.00. расформирована группа генерала Ирманова. 7 июля – в расположении 3-го Сибирского корпуса без перемен. Приказано готовиться к будущей операции, изучая дороги к фронту Митропольщина – Цыгода и установить тесную связь со штабами 46-й, 55-й, 67-й и 52-й дивизий. Тяжелая артиллерия от сибирских стрелков передана в 25-й и 35-й корпуса. 8 июля 8-я Сибирская дивизия перешла в лес урочище Россось, ее штаб – в д. Гутик. 7-я Сибирская дивизия в местечке Полонечка. 10 июля пришел приказ – 12 июля возобновить активные действия с целью привлечь на себя больше противника, причем 3-му Сибирскому корпусу дана задача: оставаясь на месте быть готовым поддержать 35-й и 3-й Кавказский корпуса¹. 11 и 12 июля без перемен.

13 июля приказано в ночь на 14-е ввести 8-ю Сибирскую дивизию в Полонечский лес. Ввиду переполнения леса, возбуждено ходатайство о неисполнении, что и разрешено. Генерал Эверт

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 6.

напомнил, что наши частичные атаки на фронте 4-й армии, вследствие неорганизованности никогда не удадутся.

15 июля стало известно, что немцы прибегают к последнему средству образования новых частей – сведению их из эрзац-батальонов: на Щаре обнаружен 402-й полк 201-й дивизии. 16 июля 3-му Сибирскому корпусу приказано в ночь на 18 июля сменить 61-ю и 64-ю дивизии на фронте фольварк Румок – Дробоши. 17 июля приказано обратить внимание на собирание газов в улавливатели для определения их природы¹.

Георгиевский кавалер
иркутянин Голубев. Частная коллекция

18 июля части 61-й и 7-й Сибирской дивизии сменены на 8-ю Сибирскую с приданным 44-м Донским казачьим полком. Пункты обороны: фольварк Румок, д. Великое село, дорога д. Кринки – Некрашевичи, господский двор Осташин. Резервы: местечко Гурец и д. Луки. День 18 июля на фронте корпуса прошел спокойно.

На участке 7-й Сибирской дивизии разведчики 26-го Сибирского полка заняли отдельными постами кусты на левом берегу р. Сервечь, севернее мельницы, что против господского двора Тутановичи². Около 15.00. противник силой около 2 рот под прикрытием огня артиллерии повел наступление и оттеснил разведчиков. После двухнедельного перерыва в потерях, объяснимого нахождением частей корпуса в резерве, 18 июля в 7-й Сибирской дивизии 2 стрелка убито, 1 ранен. Разведкой выяснено, что р. Сервечь

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 10.

² Там же, л. 12.

имеет ширину 20 шагов, глубину 1,5 аршина, берега обрывисты, но доступны.

20 июля 1916 г. вошедшая в состав 3-го Сибирского корпуса 7-я Туркестанская стрелковая дивизия заняла расположение на фронте. На позиции встали ее 11-й, 12-й, 24-й и 25-й Туркестанские полки¹. Сформированная летом 1915 г. 7-я Туркестанская дивизия отличалась некратностью входящих в нее полков: 11-го, 12-го, 24-го и 25-го Туркестанских стрелковых. Первые два полка до войны квартировали соответственно в городах Керки и Самарканд. В 1914–1915 гг. 11-й и 12-й Туркестанские полки входили в 3-ю Туркестанскую бригаду-дивизию. 24-й и 25-й Туркестанские полки сформированы во время Первой мировой войны, первый из них входил в 6-ю Туркестанскую бригаду-дивизию. Позднее 6-я Туркестанская бригада (20-й, 21-й, 22-й и 24-й Туркестанские полки) распределена между 3-й Туркестанской (20-й и 21-й Туркестанские) и 2-й Заамурской дивизиями (22-й Туркестанский). Надо полагать, пополнение 3-й Туркестанской дивизии понадобилось потому, что из нее выделили два коренных полка (11-й и 12-й Туркестанские) в только что образованную 7-ю Туркестанскую.

К 22 июля продолжающиеся дожди сделали долину р. Сервечь трудно проходимой, а местами совершенно непроходимой. 23 июля корпусу поставлена задача – активно оборонять участок от д. Осовая до фольварка Дробыши с целью захвата у противника отдельных местных предметов, усиленной деятельностью держать противника в напряженном ожидании нашей общей атаки².

24 июля приказом по 4-й армии № 710 3-му Сибирскому корпусу предписано выделить сильные дивизионные и корпусный резервы, а также 2 полка в армейский резерв. Так как корпус занимал растянутый фронт (до 60 верст), состав полков 7-й Туркестанской дивизии был 3-батальонным, то выделение в армейский резерв представлялось затруднительным. Командир корпуса просил ограничиться выделением 1 полка, что и было разрешено.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 15.

² Там же, л. 21.

Для недопущения переброски войск из района 3-го Сибирского корпуса штаб армии приказал на 25 июля боевым участкам сосредоточить артиллерийский огонь по определенным пунктам и выслать разведывательные партии для захвата пленных¹. В итоге 25 июля была произведена разведка при крайне невыгодных условиях болотистой долины Немана и Сервечь...

В ночь на 26 июля после артиллерийской подготовки двинулись сильные партии русских разведчиков, но это движение было сейчас же открыто. Вражеские ракеты, прожектора, заградительный огонь. И поиск по всему фронту корпуса потерпел неудачу. Только у господского двора Тугановичи удалось овладеть рощей на левом берегу Сервеча, оттеснив оттуда полевые караулы противника. Начальнику 7-й Сибирской дивизии приказано: 1) прочно удерживать позиции; 2) принять меры от газовых атак; 3) вновь произвести разведку и подготовить ее артогнем. Задача – захват пленных; 4) строить окопы не прямолинейно.

27 июля – разведка установила только крайнюю бдительность противника. Вследствие требования главнокомандующего армиями Западного фронта командующий 4-й армией поставил 3-му Сибирскому корпусу задачу «готовиться к ряду небольших операций по постепенному овладению местными предметами, занятие которых могло бы улучшить наше положение»². В ночь на 28 июля на участке 7-й Сибирской дивизии произведена смена частей: к утру правый участок (полковник Элерц) занял 28-й Сибирский полк с артиллерией. Левый участок – 25-й Сибирский полк с артиллерией. Дивизионный резерв (полковник Бутенко) – 27-й Сибирский полк. В корпусный – 28-й Сибирский полк. По-прежнему главное внимание на организацию разведок, чтобы «тревожить и по возможности пленить».

31 июля проведена смена на участке 8-й Сибирской дивизии. 31-й Сибирский полк встал на место 29-го Сибирского, перешедшего в армейский резерв. Три батальона 30-го Сибирского полка – в дивизионный резерв, на его место 32-й Сибирский.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 27.

² Там же, л. 32.

1 августа 1916 г. командир корпуса приказал генералу Братанову приступить к энергичным работам по устройству передовых плацдармов на участке 25-го Сибирского полка, расширив и удлинив Трощевичский плацдарм к северу, а против Бытковщины – к югу, доведя размер первого до 2-х батальонов, а второго – до 4-х. В свою очередь, 2 августа противник производил работы по всему фронту, в рощице восточнее д. Гносечи с применением железа. В тылу противник убирал хлеб. 3 августа противник по-прежнему очень бдителен. Редкая перестрелка¹.

В ночь на 4 августа обычные поиски русских разведчиков. Подобраны австрийские гильзы, отсюда «у д. Карчово возможно австрийские части». 5 августа в журнале военных действий запись «повелением Государя Императора Западному фронту приказано продолжать операцию в Пинско-Ковельском районе, прочно удерживая все пространство к северу от него». Агентура сообщала о замеченных перевозках немцев, поэтому Главнокомандующий Западным фронтом приказал принять все меры к полной готовности встретить наступательные попытки. Особое внимание к укреплению позиций. Командир корпуса ввиду недостатка рабочих просил для приведения в должный порядок 2-й и 3-й линии укреплений выделить дружины (гос. ополчения) и саперные роты из числа находящихся в распоряжении начальника инженеров армии.

6 августа – противник по-прежнему пассивен, бдителен. 7 августа – «нового в расположении противника не замечено». Повторное указание – на цель – создать неодолимую для противника преграду». 8 августа в состав корпуса прибыл 3-й Сибирский мортирный дивизион.

Ночью на 12 августа у господского двора Тугановичи убит мадьяр. Найденные при нем документы принадлежат к 3-му австрийскому активному полку. Этим установлено, что на фронте 3-го Сибирского корпуса действует 35-я австрийская дивизия. В ночь на 13 августа разведчиками 8-й Сибирской дивизии было произведено нападение на рощу южнее господского двора Кайшовки. Разведчики преодолели 1-ю полосу заграждения, но затем попали под перекрестный пулеметный огонь и отошли.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 41.

В ночь на 14 августа проведена смена в 7-й Сибирской дивизии – 26-й и 27-й Сибирские полки заняли позиции, 28-й Сибирский отошел в резерв дивизии, 25-й Сибирский – в корпусный резерв. 15 августа стали очевидными «невыгодные условия разведки из-за дождей». В ночь на 16 августа 44-й Донской казачий полк сменился 1-м батальоном 25-го Туркестанского полка.

19 августа проведена смена в 8-й Сибирской дивизии. 29-й и 30-й Сибирские полки сменили 31-й и 32-й Сибирские. Потерь не было. 20 августа севернее д. Подгайная принят перебежчик 2-й роты 24-го рабочего батальона¹. 21 августа обнаружена установка противником фугасных бомб с электровзрывателями у его же проволоки. При разведке 22 августа утонуло 2 стрелка 7-й Туркестанской дивизии, 23 августа – еще 3 стрелка той же дивизии.

Ночью на 26 августа у Кайшовки разведчиками 30-го Сибирского полка при столкновении с разведчиками противника пленен германец 404-го пехотного полка. При попытке бежать он был убит. Начальнику штаба 7-й Сибирской дивизии указано разведывательные партии противника, переправляющиеся через Неман, пропускать с целью окружить и пленить.

Ночью на 28 августа на участок 24-го Туркестанского стрелкового полка северо-восточнее д. Бирг вышли бежавшие из плена 3 нижних чина. Они показали, что в июле шла переброска германских войск от фронта в Гродно и замена их австрийцами. В ночь на 31 августа проведена смена в 7-й Сибирской дивизии. На позиции встали 27-й и 26-й Сибирские полки.

1 сентября 1916 г. разведчики 12-го Туркестанского полка взяли 2-х пленных, а 28-й Сибирский полк сменен 26-м Сибирским. Начало сентября для 3-го Сибирского корпуса было примечательно исключительно действиями разведчиков и принятием перебежчиков². Выходили к своим и русские, бежавшие из плена: 11 сентября – 2 человека, 19 сентября – 3. Обычные суточные потери корпуса не превышали 3-4 раненых.

Рассмотрим, как провел конец 1916 года 3-й Сибирский корпус. 1 ноября дожди сильно заболотили подступы к противни-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 356, л. 57.

² Там же, д. 357, л. 1.

ку. Ночью 27-й Сибирский полк занял позицию Рудати Дробыши включительно. 25-й полк отошел в Полонечский лес в дивизионный резерв. 9 ноября железная дорога до Налибовки будет продолжена после окончания работ Минск – Камень. Корпусу приказано «сообразить меры борьбы с огнеметами противника». 10 ноября указано, что при захвате у немцев перископной мачты необходимо направить ее в Главное артиллерийское управление. Войска корпуса имеют только 26 осветительных ракет. Приказано ускорить работы по возведению городков.

13 ноября Неман разливается от дождей. Поэтому приказано к 22 ноября разработать новый план обороны. 14 ноября приказано иметь проволоку в 8 кольев и перед сторожевыми окопами 7-й Туркестанской дивизии. Возбужден вопрос об образовании в корпусах саперных полков.

17 ноября приказано перебросить управление 4-й армии на Юго-Западный фронт, поэтому 3-й Сибирский корпус с 24 часов 21 ноября был переподчинен 2-й армии. 20 ноября приказано усиленно совершенствовать позиции тяжелыми блиндажами. Для постройки узкоколейной станции у Малых Жуковичей приказано 7-й Сибирской дивизии дать 300 рабочих.

Всего за ноябрь 1916 г. по данным этого документа корпус потерял 10 стрелков убитыми, 1 – перебежавшим к противнику, 3 – утонувшими.

Стычки разведчиков

Ночью 6 декабря в штыковой схватке у Бытковщины взято 2 немца 8-го резервного полка. Большое внимание войска уделяли укреплению позиций, на 8 декабря ежедневный наряд на такие работы составил: 7-я Туркестанская дивизия – 939 человек, 8-я Сибирская – 1005, 7-я Сибирская – 1220. 2 декабря 55 офицеров 3-го Сибирского корпуса откомандированы в 131-ю пехотную дивизию. Эта дивизия 4-й очереди формировалась в Минске, включала 521-й, 522-й, 523-й и 524-й пехотные полки без общепринятых в русской армии «географических» названий.

В ночь на 18 декабря 35-й армейский корпус сменил части 3-го Сибирского на участке от Тераевичи включительно до Дро-

быши. 19 декабря немцы «весело встречали Новый год». 21 декабря у Бурки вышли 4 перебежчика 334-го германского полка, 23 декабря пленен германец 402-го полка. В ночь на 26 декабря у ручья Петуховка произошла стычка между русскими и немецкими разведчиками. 1 немец убит, а 4 из 48-го резервного полка захвачены в плен. В ночь на 27 декабря на русский сторожевой пост против Пятиугольного леса вышли 2 перебежчика 402-го резервного полка. Захвачен пленный австриец 62-го пехотного полка у д. Кайшовка. Наконец, в ночь на 31 декабря перешел у Тысечей эльзасец 334-го пехотного германского полка. Подобное продолжалось и в 1917 г.

31 декабря разрешено организовать штурмовые команды по образцу немецких, по усмотрению командира корпуса. Командир корпуса приказал довести численность команды конных разведчиков в 7-й Туркестанской дивизии до 100 нижних чинов и 2 офицеров, дабы они играли роль при атаке головных штурмующих колонн. Войскам у железной дороги и в поездах приказано оказывать содействие в расчистке заносов¹.

Артиллеристы. МБУК МИГИ

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 358, л. 23.

4 января 1917 г. Главнокомандующий армиями Западного фронта приказал сократить срок открытия заградительного огня до 2,5-3 минут. 6 января приказано установить пулеметную охрану станции Замирье 4-мя пулеметами 3-го Сибирского корпуса, что, и возложено на 25-й Сибирский полк¹. 8 января командир корпуса приказал подвергать опытному окурированию вновь прибывающие пополнения перед постановлением людей в строй.

9 января 1917 г. возбуждено ходатайство о возвращении корпусу 2 полков из армейского резерва, взамен 8 батальонов, выделенных на формирование новой дивизии. 11 января отдано распоряжение о строительстве учебных городков. 13 января в стычке разведчиков южнее д. Бозки захвачен в плен ефрейтор батальона ландштурма Дрезден, еще 1 немец убит. 14 января от южной окраины Новосильского леса перебежал румын 62-го австрийского пехотного полка, причем он был ранен своими и упал перед нашей проволокой. 13 января признано желательным нахождение частей в корпусном и дивизионном резерве не менее 2-х недель. 25-й Сибирский полк сменил 27-й Сибирский.

18 января ранены 2 стрелка 8-й Сибирской дивизии и немецким снарядом слегка повреждены 3 орудия 5-й батареи 8-й Сибирской артбригады. Огонь корректировал немецкий аэроплан. Русские быстро отреагировали – 19 января вышел руководящий приказ об устранении недочетов в расположении батарей.

27 января 1917 г. формируемой при 3-м Сибирском корпусе дивизии был присвоен номер – 17-й Сибирской стрелковой, а входящим в ее состав полкам предписано именоваться 65-м, 66-м, 67-м и 68-м Сибирскими стрелковыми². 17-я Сибирская стрелковая дивизия принадлежала к соединениям 4-й очереди. Таким образом, с начала 1917 г. 3-й Сибирский корпус включал 4 дивизии: 7-ю, 8-ю и 17-ю Сибирские, 7-ю Туркестанскую.

А.А. Керсновский указывает, что при 3-м Сибирском корпусе формировалась еще и 15-я Сибирская дивизия, но, судя по журналу военных действий корпуса, она действовала где-то отдельно. Ее полки отмечены: 58-й Сибирский 18 июня 1917 г.

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 359, л. 2.

² Там же, л. 13.

арестовал командира, а в офицерское собрание 60-го полка 1 октября брошена граната, ранившая 17 офицеров.

Дивизии 4-й очереди формировались силами корпусов. Для этого 4-батальонные полки переходили на 3-батальонный штат, а освобождавшиеся батальоны сводились в полки с добавлением сформированных пополнений. Корпусам предстояло снабдить новые дивизии командным составом, техникой, ослабив и без того ослабленные потерями кадры и расстроенные обозы. Преимущества 12-батальонных дивизий очевидны, сомнительна их польза при сборе поротно, без артиллерии. Новообразованные полки представляли собой «лишь одетые в серое полчища, лишенные духа и спайки». Катастрофически не хватало кадровых офицеров. Весной 1917 г. формирование пришлось прекратить, а некоторые сформированные дивизии расформировать как небоеспособные.

31 января приказано бережно относиться к малочисленным у нас минометам, отнюдь не стреляя из них увеличенными зарядами и никаких опытов. Разведчики 32-го Сибирского полка выяснили, что р. Невда вышла из берегов и затопила долину. Видимо, противник выше по реке устроил запруду. 3 февраля предписано в сведениях о потерях указывать национальность перебежчиков на сторону противника¹. 5 февраля среди потерь появились обмороженные.

12 февраля в распоряжение командира Гренадерского корпуса передано 14 минометов. 18 февраля партия разведчиков 31-го Сибирского полка направилась на д. Красное Село, подошла к проволоке противника, залегла. Найдя узкий проход через 5 колов, 6 разведчиков поползли по проходу. На выходе из полосы натолкнулись на дозор противника в белых халатах, бросивших гранаты и обстрелявших. Ответным огнем 2 немца были убиты, а несколько ранены. Остальные, захватив раненых, отступили. Русские разведчики взяли германские трупы, но были обстреляны из пулемета, причем, тяжело ранили старшего разведчика Минайчева. Бросив трупы и забрав своего раненого и винтовки убитых немцев, русские разведчики отошли. Сорвать погоны и личные знаки не удалось, так как убитые были в наглухо застег-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 359, л. 16.

нутых халатах¹. Летчики вели активное наблюдение за противником.

22 февраля партия разведчиков в 30 человек от 11-го Туркестанского стрелкового полка под началом командира 8-й роты капитана Половцева пытались проникнуть к противнику. Половцев убит взрывом, разведчики вернулись, забрав труп капитана и раненого ефрейтора Медкова. В этот же день партия разведчиков 32-го Сибирского полка направилась к фольварку Людвикову по левому берегу р. Руты. Не доходя 400 шагов к проволоке противника, разведчики натолкнулись на засаду, встречены ружейным огнем. Сибирские стрелки повели наступление, засада скрылась. Найдена каска с ландверным крестом, 9 гранат и перчатки.

26 февраля 30-й Сибирский полк сменил на позициях 32-й Сибирский, а 28-й Сибирский сменил 26-й Сибирский. 3 марта у д. Старый Перелон приняты 2 перебежчика 335-го германского полка. Оба познанские поляки. Они сообщили, что «ходят слухи о больших беспорядках в России, на почте недостачи съестных припасов. Думают, что на нашем фронте произошла или происходит какая-то перегруппировка. Приказано добыть пленных, за поимку обещают награду в 100 марок. В Германии частые беспорядки из-за недостачи съестных припасов»².

4 марта около 1.30. противник силами до роты, в белых халатах, незаметно подошел к нашей проволоке и стал стрелять и бросать гранаты по сторожевым постам. Сосредоточенным огнем он был отогнан. На месте остался тяжелораненый капрал, который вскоре скончался. По опросе его командиром роты показал, что он был из ландштурменного батальона Козель. 7 марта приказано 7-й Сибирской артбригаде сняться с позиции и перейти в район 9-го армейского корпуса, что и исполнено 8 марта. Тогда же приказано приступить к погрузке на станции Замирье 44-го Донского казачьего полка. 10 марта дивизиям приказано в период весеннего половодья организовать узловую оборону. 13 марта 27-й Сибирский полк встал на позиции отдельный двор Любаничи-д. Руковъицы, а 25-й Сибирский

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 359, л. 31.

² Там же, д. 360, л. 3.

отошел в корпусный резерв. К 15 марта начальникам дивизий приказано представить соображения по узловой обороне затопляемых участков.

14 марта 26-й Сибирский полк встал на позицию от д. Руковицы включительно до Тераевичи исключительно. 28-й Сибирский полк перешел в дивизионный резерв в район Долматовщина – урочище Малевка. 15 марта – ледоход. 16 марта прибыли и включены в состав корпуса 32-я особая сотня Оренбургского казачьего войска и 87-я ополченская конная сотня. День прошел в редкой перестрелке. 17 марта с 20.00. до 20.40. непрерывный немецкий обстрел, сильно разрушен окоп на западном берегу Немана против Бкуинска, занимавшие его караулы отошли на восточный берег. Противник 3 раза пытался выходить из окопов, но нашим огнем загонялся обратно. Германцы доходили до оставленных нами окопов от южной опушки Б. Куписки, входили в них, но выбиты огнем. К полночи все стихло – «положение восстановлено. Разрушенные окопы приводятся в порядок».

Генерал-майор В.А. Афанасьев –
начальник штаба
3-го Сибирского армейского корпуса
в апреле–июле 1917 г.

19 марта поверх льда на Немане воды на $\frac{1}{4}$ аршина. Лед очень крепкий. 21 марта приказано в ежедневных сводках о потерях отдельной рубрикой помещать дезертиров. Это стало весьма характерной приметой революционного времени, первым тревожным звонком будущего развала русской армии. 22 марта ушел 11-й авиационный отряд, прибыл в местечко Мир 6-й Сибирский корпусный отряд. Вследствие разлива Немана оставлены некоторые участки позиции. 23 марта – ледоход на Немане. Вода быстро прибывала, поднявшись на 1 аршин. На

следующий день на 3 аршина. Русскими были оставлены окопы западнее дороги Понемеи – Новое село. 27 марта прибыль воды в реках продолжается. Днем 28 марта – редкая перестрелка. 28-й Сибирский полк занял позицию 26-го Сибирского, отошедшего в дивизионный резерв.

2 апреля появилась возможность выполнить приказ от 21 марта – сделана запись о 9 солдатах, дезертировавших из 17-й Сибирской дивизии. А 4 марта еще о 5-ти. Около полуночи на 6 апреля противник пытался навести мосты через р. Ирвиг у мельницы. Огнем русских пулеметов рабочие противника были разогнаны. Во исполнение приказа командарма полк 17-й Сибирской дивизии выступил по новому назначению.

9 апреля 3-мя самолетами противник произвел налет на м. Турец. Сброшено 29 бомб – ранено 4 стрелка 7-й Туркестанской дивизии, 2 киргиза, местные жители: мужчина, женщина и 2 детей. Убита местная жительница. 10 апреля противник пробовал выходить из окопов у Новосельковского леса, огнем русской артиллерии загнан обратно. При этом случайным попаданием взорван фугас противника.

Командир корпуса обратил внимание начальника 17-й Сибирской дивизии на дезертирство, «ставшее в частях дивизии обычным явлением. Приказано донести о причинах». Как видно, редкие поначалу дезертиры в корпусе будут именно из этого соединения 4-й очереди.

16 апреля на участке 7-й Туркестанской дивизии заняты сопки и выдвинутые окопы, оставленные из-за разлива. День прошел в редкой перестрелке, 27-й Сибирский полк сменил на передовой 25-й Сибирский. Последний отошел в корпусный резерв. 17 апреля у д. Руковица замена 28-го Сибирского полка на 26-й Сибирский. Первый отправлен в дивизионный резерв.

20 апреля в дивизии передано распоряжение об организации разведывательных поисков с целью захвата пленных¹. На участке 27-го Сибирского полка у д. Кайшовка вышло из окопов противника и направилось в нашу сторону 3 офицера и 1 солдат. Когда они подошли к р. Ирвиг, по ним был открыт огонь из пулеметов, после чего они залегли. Высланным разведчикам уда-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 360, л. 42.

лось их захватить. Пленные оказались 51-го пехотного австрийского полка. Около полуночи был ранен ручной гранатой и взят офицер того же полка Поин, шедший к нам сдаваться.

23 апреля партия разведчиков 31-го Сибирского полка под командованием офицера, переправившись через Ирвинг по гати Любаничи – Ирвинг, разобрала 6 рогаток противника, скрепы которых были перерезаны накануне. Пользуясь шумом воды офицер и 12 стрелков пробрались на плотину, где обнаружили 2 фугасы – металлические стержни с шашками. От стержней в окопы противника шел провод, который перерезали и разбили фугасы, причем 46 шашек и шнур унесли с собой. Дальнейшей работе помешал рассвет. Партия разведчиков 26-го Сибирского полка пробовала прослушивать вражеский телефонный провод, но результатов не получили.

Писарская команда 28-го Сибирского стрелкового полка.

28 апреля около 19.00. вследствие порчи мотора у лесничества Буды снизился немецкий самолет. Аппарат сгорел, летчик-унтер-офицер Нельде и наблюдатель-офицер лейтенант Дункель взяты в плен. Пленные из 43-го авиационного отряда¹. Всего за день противником выпущено 200 снарядов, а полеты совершало

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 360, л. 47.

3 немецких аэроплана. 30 апреля 30-й Сибирский полк встал на позицию, а 29-й Сибирский отошел в дивизионный резерв.

В ночь на 1 мая 1917 г. получен боевой приказ. Задача 3-му Сибирскому корпусу прежняя: дивизии армейского резерва распоряжением командира корпуса перейти в район м. Турец, при первой возможности поставить 17-ю Сибирскую дивизию на позиции и вывести в резерв другую какую-либо. В дальнейшем смену армейского резерва производить распоряжением командира, лишь донося штабу армии о времени смены¹. Состояние аппаратов в Сибирском корпусном авиационном отряде крайне неудовлетворительное, вполне исправны лишь 2.

7 мая 25-й Сибирский полк сменил на позиции 27-й Сибирский, отошедший в резерв. В 7-й Туркестанской 25-й Туркестанский полк сменил 12-й Туркестанский². 8 мая 28-й Сибирский полк сменил 26-й Сибирский. 9 мая на средний участок 8-й Сибирской дивизии выступил 65-й Сибирский полк, а 29-й Сибирский отошел в армейский резерв. Около полуночи на 10 мая участок 32-го Сибирского полка занял 67-й Сибирский. Так же в ночь на 10 мая участок 8-й Сибирской дивизии от фольварка Румок до отдельного двора Любакиш заняла 17-я Сибирская. Таким образом, регулярная ротация полков между передовой и резервом осуществлялась как в рамках дивизий, так и корпуса в целом.

В ночь на 10 мая произошло событие, отразившее нарастание анархии в России³. «Толпой солдат было разграблено имение князя Святополк-Мирского – господский двор Замирье. Квартировавший там 6-й Сибирский корпусный авиационный отряд перешел в д. Островки. Аппараты (самолеты) и мастерские целы, пострадало лишь личное имущество летчиков»⁴. От грабежа солдаты перешли к обсуждению боевых приказов. 15 мая часть войск «отнеслась к приказу об увеличении участка 3-го Сибирского корпуса отрицательно и выполнение приказа встречает затруднения. 16 мая – в частях продолжается обсуж-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 361, л. 2.

² Там же, л. 7.

³ О влиянии революции на войска см.: Войсковые комитеты действующей армии (март 1917 г. – март 1918 г.). Сб. док-тов. М.: Наука, 1982. 607 с.

⁴ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 361, л. 10.

дение последнего боевого приказа. Нет надежд, что он будет выполнен в указанный срок»¹. 18 мая над позициями корпуса летали 2 неприятельских самолета.

К 19 мая на фронте корпуса спокойно. Относительно выполнения боевого приказа положение дел следующее: 25-й и 28-й Сибирские полки боевой приказ выполнили, 27-й Сибирский полк занять позицию отказался, а 26-й Сибирский и приказ выполнить отказался, но и арестовал прибывших для беседы начальника дивизии генерал-майора С.И. Богдановича, командира полка полковника Шершнева и командира 3-го батальона, однако вскоре всех освободил. Части 28-го Сибирского полка сменили гренадер на участке Пираевичи – д. Рудаки, 25-й Сибирский полк сменил ротами 66-го Сибирского полка у господского двора Осташин II и направился в резерв в д. Вишково. По дороге его роты были встречены какими-то конными людьми, сказавшими солдатам, что 66-й Сибирский полк решил открыть фронт. После этого роты возвратились и занимают участок совместно с ротами 66-го Сибирского полка². Вывод в резерв состоялся лишь 21 мая.

*Личный состав 3-го Сибирского мортирного дивизиона
(на переднем плане Георгиевский кавалер, ст. фейерверкер Е. Маньков). МБУК МИГИ*

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 361, л. 14.

² Там же, л. 17.

22 мая на участке Березовец принят перебежчик-эльзасец 46-го ландштурменного полка. 25 мая над расположением летали 4 самолета противника. В ночь на 26 мая 31-й Сибирский полк сменил гренадер на участке д. Рудаши – фольварк Дробыши включительно. Этим закончено выполнение боевого приказа и увеличение участка корпуса. 27 мая 27-й Сибирский полк сменил 25-й Сибирский, последний отошел в дивизионный резерв.

В ночь на 1 июня 1917 г. в 17-й Сибирской дивизии 68-й Сибирский полк сменил 66-й. Потери в корпусе: 1-2 раненых в день, почти исключительно в 17-й Сибирской дивизии. 4 июня собрался кружок любителей сценического искусства. «Изголодавшаяся» по развлечениям военная публика позволила получить доход в 5486 руб. на благотворительные нужды, при плате выступающим по 50 руб. Потерь в корпусе 4 и 5 июня, так же как 8 и 9, не было¹.

6 июня над расположением 3-го Сибирского корпуса летало 8 самолетов противника. Командир корпуса приказал 7-й Сибирской дивизии землянку – офицерскую столовую передать в распоряжение Исполнительного корпусного комитета для работы в ней столовой. К утру 9 июня закончилась смена 7-й Сибирской дивизии. День 11 июня на участке 17-й и 8-й Сибирских дивизий прошел в редкой артиллерийской перестрелке. Летало 3 аэроплана. 17-я Сибирская дивизия «по своему настроению небоеспособна».

В ночь на 14 июня фронт перешли 2-е наших, бежавших из плена: Павел Шаранов 172-го Лидского полка и Иван Чернышев 416-го Верхне-Днепровского. Они показали, что бежали из Восточной Пруссии, где находились у помещика. По дороге скрывались, не видели войск противника, день спали в лесу, а ночью передвигались. В Германии ждут мира сепаратного с Россией... Работать заставляют много.

16 июня 3 русских аэроплана летали на разведку, аппарат с летчиком Яковлевым у станции Осиновщина был атакован неприятельским самолетом, пулемет отказал, летчик был ранен

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 362, лл. 4-6.

разрывной пулей, но сумел сесть на свой аэродром¹. Яковлев скончается 23 июня.

22 июня дезертировал 1 человек из 30-го Сибирского полка, принято 2 перебежчика из 334-го полка, эльзасцы: еврей и лютеранин. В ночь на 25 июня 12-й Туркестанский полк сменен 25-м полком и отошел в дивизионный резерв. В 17-й Сибирской дивизии 65-й Сибирский полк сменен 66-м и отошел в дивизионный резерв. 29 июня 7-й Сибирской дивизии приказано сменить пулеметы 8-й Сибирской у Лыковичи².

В полночь на 1 июля 1917 г. из рощи с монахами вышла партия разведчиков и забросала наших разведчиков гранатами. Потерь нет. 3 июля в стычке разведчиков у Тугановичи ранено 5 нижних чинов 29-го Сибирского. 10 июля принят перебежчик батальона Аннирм у Кореличи, 11 июля – перебежчик 46-го ландверного полка – новых сведений не дал, 12 июля южнее Тощевичи 2 перебежчика 404-го полка, у д. Бзегувец – еще 2 перебежчика 336-го полка³. Таким образом, сутки в самой середине 1917 г. дали 3-му Сибирскому корпусу характерный баланс – 4 вражеских перебежчика при 1 своем раненом. Более наглядного ответа на вопрос, к какому исходу шла Первая мировая война, просто не найти. Именно у немцев нехватка продовольствия и переходы к противнику.

13 июля 26-й и 27-й Сибирские полки выступили в места новых стоянок в Полонечском лесу. 14 июля принят еще 1 перебежчик 404-го полка. 19 июля 65-й Сибирский полк занял позицию Кишнки – Осташин II, 68-й Сибирский отошел в дивизионный резерв в Некрашевичи и Луки. 21 июля 24-й Туркестанский полк сменил 11-й Туркестанский. У Кишнки принят перебежчик 335-го полка, а у Трашевичи – бежавший из плена русский солдат. 27 июля 31-й Сибирский полк сменил 29-й Сибирский. День 28 июля примечателен полетами аэропланов. 30 июля повреждено 1 орудие 1-й батареи 8-й Сибирской артиллерийской бригады.

Ночью на 1 августа полурота немцев наступала на русскую заставу у Рудаши, последняя отошла, но подошедшая рота к 16.00. восстановила положение. Взято 2 перебежчика 404-го полка. 4

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 362, л. 16.

² Там же, л. 31.

³ Там же, д. 363, л. 6.

августа в темноте от Бол. Куписка и окопам у Немана подходил офицер¹. При попытке захвата, он бежал. У Ларишевич немцы выставили белый флаг. Немецкие партии подходили к окопам у Цирина и Окановичи, огнем отогнаны. 7 августа 32-й Сибирский полк сменил 30-й Сибирский. Таким образом, у русских в 1917 г. половина войск находилась не на передовой. Были ли у немцев такие возможности смены? Сомнительно.

15 августа принято 2 перебежчика и подтверждено приказание не вступать в переговоры с немцами, выходящими с белым флагом. 23 августа разрешено сменить 17-ю Сибирскую дивизию 7-й Сибирской. Сутки отмечены огнем артиллерии, стычками разведчиков. Повреждено 1 орудие 7-й Туркестанской артбригады. 26 августа 67-й Сибирский полк перешел в Полонечский лес на место 25-го Сибирского, последний же перешел в Турец. 27 августа 25-й Сибирский полк встал на позицию 68-го Сибирского полка, последний же отошел в Турец. 28 августа 1917 г. 27-й Сибирский полк сменил 65-й Сибирский.

На этом ведение журналов военных действий прекращается.

Демобилизация

Демобилизацию Западного фронта обстоятельно исследовал московский историк В.В. Краснокутский. Он указывает, что к началу февраля 1918 г. почти все транспортабельное имущество было сконцентрировано возле крупных железнодорожных станций для вывоза в тыловые районы. Из-за развала на железной дороге все пошло не так, как хотелось командованию Западного фронта. После возобновления немецкого наступления до половины имущества фронта попало в руки немцев². Последним командующим фронтом был прапорщик, большевик с 1906 г. А.Ф. Мясников (Мясникян). Повсеместно стихийная и неподготовленная демобилизация сопровождалась распылением и уничтожением громадного количества имущества. Это имущество (лошади, по-

¹ РГВИА, ф. 2280, оп. 1, д. 363, л. 12.

² Краснокутский В.В. Демобилизация Русской армии в 1917–1918 гг. (На примере Западного фронта). Дисс. кандидата ист. наук. М., 1997. С. 126.

возки, инструменты и т. д.) были бы далеко не лишним в сельском хозяйстве России.

20 февраля 1918 г. начальник штаба Западного фронта полковник Н.В. Соллогуб подписал приказ: «Ввиду приближения к Минску германских частей, перерыва связи со Ставкой и со всеми штабами армий, невозможности восстановить эту связь и невозможности при создавшихся условиях эвакуировать управления штаба фронта в тыл, приказываю теперь же прекратить все занятия во всех управлениях штаба фронта и всем служащим при первой же возможности одиночным порядком выехать из Минска, имея сборным пунктом Москву»¹.

11 (24) апреля 1918 г. Н.В. Соллогуб рапортовал: «По имеющимся у меня к 7(20) февраля сведениям, с Западного фронта вывезена в глубокий тыл вся тяжелая артиллерия (18 дивизионов), около половины мортирной и 1/10–1/8 легкой артиллерии и 5000 лошадей»². Успели эвакуировать полковое имущество только пятой части полков, незначительную часть артиллерийского, автомобильного, инженерного имущества и снарядов. «Выяснить подробную обстановку немецкого наступления на всем фронте 2-й армии, так же как и 10-й, оказалось невозможно, так как ее штаб со всеми подведомственными ему учреждениями и заведениями остался в местности, занятой противником. Из входящих во 2-ю армию корпусов – Гренадерский и 9-й армейский со всеми их частями и управлениями остались в плену; штабы же 3-го Сибирского и 50-го армейских корпусов с

Начальник 8-й Сибирской стрелковой дивизии в конце 1917 г. – генерал-майор князь И.З. Макаев

¹ Бобылев П.Н. На защите Советской республики. М.: Наука, 1981. С. 4.

² РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 141, д. 6.

некоторыми частями последнего успели отойти и эвакуироваться. По прибытии в г. Смоленск штаб 3-го Сибирского корпуса расформировался, распустил личный состав, сдав вывезенные им дела и отчетность»¹. Поэтому получить от него сведения о наступлении неприятеля, о судьбе оставшихся в плену частей, о дальнейшей судьбе имущества командованию 2-й армии оказалось невозможным.

Таким образом, 3-й Сибирский армейский корпус как начал воевать успешнее других под Курьянкой и Ольшанкой, так и закончил боевую страду в Смоленске, а не в германском плену. Его 7-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии как были, так и остались «гранитными утесами в строю северных русских армий».

Западный фронт был окончательно расформирован 12 апреля 1918 г. в Тамбове.

* * *

Фронтной путь 3-го Сибирского корпуса в Первой мировой войне составил 80 км по территории Германии и 280 км по землям Российской империи. Расстояние по прямой между пунктами начала и окончания боевой работы – 250 км. Таким образом, 3-й Сибирский корпус имел один из самых компактных районов боевой работы среди русских соединений. Он действовал на землях среднего, а затем верхнего течения Немана, в дубовых и сосновых лесах. В. Кочубей называет 3-й Сибирский – «одним из лучших корпусов старой русской армии»². А.А. Свечин отмечает, что корпус «был искусен и многоопытен в движении назад перекатами». Австрийское командование в начале 1917 г. характеризовало 7-ю и 8-ю Сибирские дивизии, как «выдающиеся воинские части»³.

Из всех семи Сибирских корпусов именно 3-й оказался на фронте в местности, наиболее близкой по природно-климатическим условиям довоенным стоянкам. Местом его боевой страды чаще всего были леса, правда, зачастую соседствующие с озерами и бо-

¹ Краснокутский В.В. Указ. соч. С. 135.

² Кочубей В. «Вержбовская группа» и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах // Военная быль. Париж. 1962. Ноябрь. № 57. С. 8.

³ Гринев Г. Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г. // Военная быль. Париж. 1974. Июнь. С. 17.

лотами. Более трех военных лет 3-й Сибирский корпус действовал на берегах Немана.

За Первую мировую войну из 7-й и 8-й Сибирских дивизий убитыми, ранеными, пропавшими без вести выбыло два личных состава.

По суммарным же данным журналов военных действий, за Первую мировую войну 3-й Сибирский корпус потерял: 7043 нижних чина убитыми, 25 191 ранеными и контужеными, 10 209 пропавшими без вести, 309 контуженными, 1 перебежавшего к немцам, 2 обмороженными, 7 отравленных газами, 42 дезертировавших. Кроме того, не разграниченная убыль – 14 765 человек. Итого по неполным сведениям 57 559 человек.

Георгиевские награды (орден или оружие) получили 54 офицера частей 7-й Сибирской дивизии: В.В. Авилов, К.Н. Алянчиков, Л.В. Афанасьев, М.В. Беглюк, В.А. Бейнар, М.А. Бородаевский, И.В. Буржинский, М.К. Войналович, Э.И. Гаук, Д.В. Гембицкий, В. Грачев, Д.А. Данишевский, Н.Д. Дмитриев, Н.С. Дмитриев, А.А. Дубровин, П.П. Дьяконов, К.В. Зозулин, И.М. Иванов, Л.В. Игнатов, С.И. Калужный, А.М. Колесников, И.Н. Кондра, В.С. Лазаревич, В.Н. Лемени-Македон, Ф.В. Ломан, А.К. Микеладзе, Ф.Г. Миرونнов, А.Н. Некрасов, Н.В. Никонов, Б.И. Очосальский, В.Ф. Пац-Помарнацкий, Н.Ф. Петухов, В.Л. Попов, Н.Н. Потемкин, П.И. Проневич, Д.А. Протопопов, Н.В. Пугачев, Л.В. Радкевич, В.А. Ракитин, И.И. Решиков, Н.П. Саваренский, И.С. Скоропляс, Я.И. Терванд, Н.А. Трегубов, Е.-Н. Н. Фуль, Л.К. Хоцянов, И.М. Цвинев, Я.К. Цихович, И.В. Цытович, Г.И. Чаленко, И.-Р. П. Штединг, А.В. Элерц, Т.Г. Эсик, Н.П. Якименко; а также генерал-майоры В.В. Воронецкий и А.И. Панафутин¹.

Георгиевские награды (орден или оружие) получил 21 офицер 8-й Сибирской стрелковой дивизии: Б.И. Баранов, Н.Ф. Гафферберг, Ч.И. Горский, В.П. Гулидов, А.А. Дрошин, Б.М. Зиневич, В.С. Корганов, М.Ф. Кузнецов, Б. Куцевалов, В.Я. Любимов, Н. Манюто, Н.П. Михайлов, А.Ф. Панюта, Н.Н. Потемкин, Н.Н. Рудаков, А.А. Россалко, Ф.Н. Савинов, П.Д. Саникидзе, А.Ф. Шимченко,

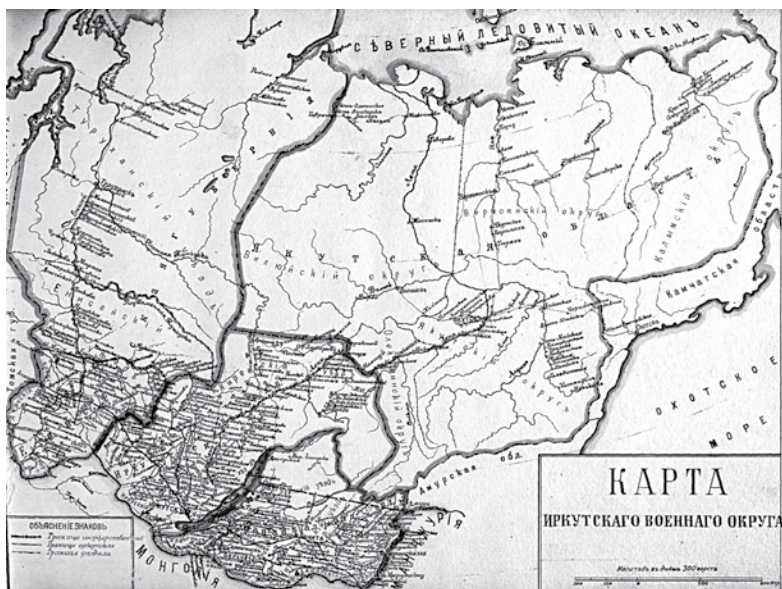
¹ См.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. М.: Русский мир, 2004.

А.П. Яровой, Н.А. Ясников; а также генерал-майоры М.В. Ижицкий и И.И. Котиков.

Для сравнения, в других сибирских стрелковых дивизиях награждено: первоочередных в 1-й – 79 чел., во 2-й – 100, в 3-й – 101, в 6-й – 69, в 9-й – 42, в 10-й – 50, в 11-й – 32; во второочередных: в 12-й – 57, в 13-й – 26, 14-й – 34; в 4-й очереди: в 15-й – 1, 16-й – 3, 18-й – 1, 19-й – 1, 22-й – 6.

Боевой путь 7-го Сибирского армейского корпуса

С объявлением мобилизации, 18 июля 1914 г. в Иркутском военном округе начали формироваться 12-я и 13-я Сибирские дивизии. Первая разворачивалась в Иркутске, вторая – в Красноярске. Сначала их пути разошлись, чтобы снова сойтись в июне 1915 г.

Карта Иркутского военного округа

Служба в таких второочередных соединениях была значительно труднее и сложнее, чем в кадровых. А.А. Свечин писал: «Никакой бюрократизм не может быть допущен. Всюду нужен личный пример, личный досмотр, личное воздействие... Вождение второлинейных войск – искусство несравненно более высокого порядка, чем искусство командования старой гвардии»¹. Первоочередные полки мало заботились о скрытых кадрах, мобилизуя себя, забирали все лучшее из личного состава, оружия,

¹ Гильчевский К. Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.-Л., 1928. С. 4.

снаряжения. В большинстве второочередные дивизии выступали на фронт не готовыми к бою. Они резко отличались очень часто весьма сомнительными боевыми качествами¹. Все три Сибирские второочередные дивизии однако встали в стальной ряд тех немногих, что постепенно закалились в сражениях, и под умелым командованием, превратились в прочные соединения.

26 июля 1914 г. 12-я Сибирская дивизия была предназначена для охраны Забайкальской железной дороги от Иркутска до Маньчжурии. В конце августа закончилось ее формирование, а 3 сентября был сформирован 6-й Сибирский корпус. 12-я Сибирская дивизия вошла в него². Распоряжением начальника штаба округа 11 сентября дивизия предназначена к отправлению на фронт.

Боевой дебют

11 октября 12-я Сибирская дивизия прибыла на Юго-Западный фронт в 8-ю армию в район верховьев рек Сан и Днестр. 31 октября дивизию разделили на два отряда. 46-й и 47-й Сибирские полки и 12-я Сибирская артбригада составили первый отряд генерал-лейтенанта Сулимова. 45-й и 48-й Сибирские полки составили второй отряд под началом генерал-майора Кольбе. С 31 октября в районе Балиграда отряд Сулимова поддерживал наступление 14-го армейского корпуса в направлении Лупковского перевала. Этот перевал считался наиболее оборудованным путем в Словакию и Венгрию. Через него шло шоссе и железная дорога. Сибирские стрелки отличились 2 ноября удержанием занятых накануне рубежей, а 6 ноября прикрыли разрыв между 8-м и 24-м русскими корпусами. 10 ноября 12-я Сибирская дивизия овладела участком австрийской позиции и достигла Ясло, выйдя на подступы к главному гребню Бескид³.

¹ Кочубей В. Русские второочередные дивизии в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. Париж. 1960. Сентябрь. № 44. С. 15–16.

² РГВИА, ф. 2524, оп. 1.

³ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение / сост. Г. Корольков. М., 1923. С. 164.

Одновременно 24-й армейский корпус захватил Лупковский перевал. 11 ноября сибирские стрелки повели атаку через гребень в направлении на Чертеж – Хабур. Русские форсировали Бескиды, захватили 2000 пленных и станцию Мезо Лаборч с большим числом груженных вагонов. Продвигаясь на юг долиной р. Лаборец, 12-й русский корпус 12 ноября захватил станцию Гуменное (60 км южнее Лупковского перевала) и еще 2000 пленных. Однако 14 ноября, в связи с вышеописанными событиями под Лодзью, Главнокомандующий Юго-Западным фронтом приказал прекратить наступление в пределах Венгрии, а вторжение русской конницы на равнины Венгрии не состоялось. От Гуменного до долины р. Тисы оставалось 75 км...

Мобилизация. Прииск Алексеевский (?) 1914. ИОКМ

С 19 ноября 1914 г. 12-я Сибирская дивизия вошла в 12-й армейский корпус, в феврале 1915 г. перешедший в 3-ю армию. Генерал А.И. Деникин вспоминал, как 30 ноября 4-я стрелковая (Железная) бригада была сменена в Карпатских Бескидах у Лупковского перевала¹ сибирскими стрелками.

В феврале 1915 г. у Лупковского перевала захватить тоннель русским не давала казарма-блокгауз. Тогда батарея горного ди-

¹ Между Низкими Бескидами и Бещадами, на границе нынешних Польши и Словакии.

визиона 3-й Сибирской артбригады, спустившись с горы, открыла огонь прямой наводкой. После 8-го выстрела защищавшие блокгауз австрийцы сдались «сумасшедшей русской батарее»¹.

В апреле 1915 г. 12-я Сибирская дивизия была включена в 24-й армейский корпус (48-я и 49-я пехотные дивизии) и противостояла главному удару немцев. К 16 мая, несмотря на пополнения, в дивизии осталось лишь 2000 бойцов или 13 % штатного состава². В июне 1915 г. лишь немного пополненная 12-я Сибирская дивизия была переброшена на Северо-Западный фронт, в 5-ю армию.

Архивный документ

*Из воспоминаний Карасева Максима Петровича
(уроженец деревни Кундуй, родился в 1893 г.).*

«Две войны отвел. В плену посидел. Все знаю. Взяли в 1914 году. Царь брал. Я в Иркутском только месяц с дорогой поучился и угнали в Карпаты. Воевали на штыках. В наступление шли друг на дружку. Нас было 12 дивизия 46 Сибирского полку. Мы отличались, взяли Львов, Перемышль, подходили к Кракову. Мы наступали, а те дивизии взяли и отступили. Продали. Нас немец окружил. Кольцо — ни туды, ни сюды. Тут погибло много нас. Много потонуло. Мы пошли уже в отступление, но не успели. Забрали в плен.

Жилось плохо. Хлеба нет. Много погибло нашего брата. Кукурузу с опилками ели, которая пахнет сосной. Начали помирать. Тогда Америка заявила, что будет содержать нас, а Германия будет платить ей за это. Отдать нас не отдали, но получше стали кормить. Хоть конского мяса, но два раза в неделю давали. Я заболел. Был в рабочих. Нас было 200 человек. И каждое утро проверял нас врач. Вылечили...»

¹ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. М.: Гос. воен. изд-во НКО СССР, 1940. С. 117.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 163.

Награждение. г. Орышев. Варшавской губернии. МБУК МИГИ

Иначе сложился боевой путь 13-й Сибирской дивизии. 24–29 сентября её 1-я бригада прибыла в Варшаву и вошла в 1-й Сибирский корпус. Обозы для 13-й Сибирской дивизии еще не прибыли, оставаясь восточнее Вислы, а соединение «считалось к бою неготовым». 30 сентября дивизия выведена в резерв командующего 2-й армией¹. 2 октября 1914 г. дивизия возвращена в 1-й Сибирский корпус с задачей усилить его левый фланг. 4 октября для расширения плацдарма для переправы 5-й армии на левый берег Вислы 1-му Сибирскому корпусу было приказано перейти в наступление и овладеть Сколимовским шоссе. 5 октября в одноименном лесу 49-й Сибирский полк, после первых 10 минут боя отошел, после чего с большим трудом возвращен на позиции. Утром 7 октября 13-я и 14-я Сибирские дивизии без выстрела заняли д. Бискупнице. 11 октября 1914 г. по распоряжению командарма-2 13-я Сибирская дивизия включена в 6-й Сибирский корпус, действовавший с 15 октября в 1-й армии. Затем дивизия вела бои у городов Цеханов и Плонск (ныне Плоньск), к северу от Варшавы. В ноябре полки 13-й Сибирской переправились через Вислу и действовали у г. Гостынин и озера Лонцке.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 1.

К 1 января 1915 г. 13-я Сибирская дивизия занимала позиции на правом берегу р. Бзуры от г. Сохачева до устья р. Писсы. 18 января дивизия поступила в распоряжение командующего 2-й армией. 20 апреля 1915 г. 13-я Сибирская дивизия была отправлена на Юго-Западный фронт и сосредоточилась в районе Гродиска. Дивизия подчинялась непосредственно командующему 3-й армией.

24 апреля 1915 г. дивизия вошла в 9-й армейский корпус и сосредоточилась в районе Роженцы – Витковице. В течение апреля полки дивизии были разбросаны в разных корпусах: 9-м, 10-м армейских и 3-м Кавказском. 29 апреля 13-я Сибирская дивизия вошла в состав 3-го Кавказского корпуса и в мае вела бои в районе р. Сан. 24 мая дивизия возвращена на Северо-Западный фронт. К 29 мая 13-я Сибирская дивизия сосредоточилась в районе Митавы, составляя резерв 5-й армии. В июне 1915 г. части дивизии не участвовали в боевых действиях. 3 июля приказом по армии 12-я и 13-я Сибирские стрелковые, 4-я и 15-я кавалерийские дивизии были объединены и подчинены начальнику 12-й Сибирской дивизии генералу Сулимову, составляя особый отряд. Отряд перешел в наступление в районе Друн – Айгнен – Кессы.

1915 г. стал годом «Великого Отступления» русской армии. Причинами были как острая нехватка военных материалов (военные теоретики предполагали войну скоротечной, в несколько месяцев, а воевать планировали запасами мирного времени, коих и хватило при щедром использовании на 6 месяцев), так и переносом основных немецких усилий с Западного фронта на Восточный. Немецкое Верховное командование планировало уже в 1915 г. разгромить русскую армию в пределах «Польского мешка», вывести Россию из войны, ликвидировав тем самым Восточный фронт.

Час пробил 19 апреля 1915 г. на Дунайце и у Горлицы. Германский удар был страшен, но русские выдержали его, отступая буквально по шагу. В кровавых арьергардных боях на юго-западе участвовали 12-я и 13-я Сибирские дивизии, входившие в состав армейских корпусов, в том числе и в 29-й. В преддверии ожидаемых германских атак в резерв Ставки были выведены несколько

русских корпусов, в том числе 2-й и 6-й Сибирские. Противником планировался двухсторонний охват Царства Польского, то есть огромные «Канны». Удар с юга был нанесен 12 июня. Бои носили очень ожесточенный характер. Подход сибиряков из резерва в конце июня разрядил обстановку, влив новые силы в обескровленную 3-ю русскую армию.

30 июня германцы начали наступление и на севере, в стык 1-го Сибирского (генерал Плешков) и 1-го Туркестанского (Шейдеман) корпусов. По окопам 2-й Сибирской (генерал Поспелов) и 11-й Сибирской (Зорако-Зораковский) дивизий в этот день было выпущено 2 млн снарядов, на что русские смогли ответить только 50 тыс... Несмотря на крошечный ад артогня, 2-я Сибирская дивизия отразила 13-й Вюртембергский корпус, а 11-я Сибирская дивизия в страшном бою отбила натиск шести дивизий 17-го и 11-го германских корпусов. В боях под Праснышем 30 июня 2 русские дивизии в труднейших условиях сдержали удар 8,5 германских. От 5-го Сибирского полка к концу боя осталось 150 человек¹. В 11-й Сибирской дивизии отряд в 7 батальонов при 12 пушках отбил натиск 33 германских батальонов при 256 пушках. Геройское поведение сибиряков спутало немецкие планы, вместо полного разгрома они смогли лишь вынудить русских к медленному отходу.

Смертельная опасность нависла над сражающимися русскими армиями. По всему фронту тяжелые арьергардные бои. Нередки были и яростные русские контратаки. На южном фланге русские огрызнулись 10 июля. В 6-м Сибирском корпусе стрелки 14-го Сибирского полка захватили 9 гаубиц.

Упорно сопротивлялись русские и на севере, немцы отмечают их «беспредельную самоотверженность» и «непревзойденную храбрость». Германские воспоминания наполнены восхищением упорством, волей и отчаянной решимостью отступающих русских полков. Ежедневно они отступали на 5 километров, наскоро укрепляли позиции и давали бой, после чего опять отходили. Главная надежда и мечта германцев – окружить русские армии – как мираж растворялась за горизонтом. 18 июля 4-й Сибирский

¹ Корольков Г. Праснышское сражение. Июль 1915 г. Тактич. исследование. М.-Л., 1928. С. 34.

корпус отражал яростные атаки на стык 12-й и 1-й русских армий. Фронт был прорван, но положение восстановили при участии 16-го гусарского Иркутского полка.

Местечко Остров Люблинской губернии. МБУК МИГИ

В целом же август 1915 г. стал для русской армии пиком кризиса, месяцем никем не планируемого и никем не управляемого отхода. Тогда же император Николай II стал во главе армии. К концу сентября 1915 г. закончился маневренный период войны, борьба стала затихать, стороны зарылись в землю друг против друга. Результат кампании был несчастлив для русских: армия понесла огромные потери, были оставлены большие территории, причем те самые, что были в предвоенный период наиболее оборудованы в военно-стратегическом отношении. Но и противник не добился желаемого. Русские были потрепаны, отброшены, но не побеждены, не разбиты как организованная военная сила. Мечта Германии вывести Россию из войны военным путем не осуществилась. У. Черчилль писал: «Русские армии, избегнув опасности, стояли на все той же не прерванной линии от Риги на Балтике до румынской границы, перед ними лежало будущее, не лишенное надежд на конечную победу». Кстати говоря, Франция еще в 1914 г. потеряла на захваченной немцами территории более 50 % мощностей по добыче угля, выплавке чугуна и стали, обработке металла¹.

Уверенность в скором восстановлении русской армии после тяжелых отступлений, и собственные трудности в организации

¹ Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М.: Вече, 2005. С. 231.

прорыва позиционного фронта породили у германцев убеждение в невозможности успешного русского наступления. Однако в мае 1916 г. их ждало разочарование.

Однако вернемся к нашим второочередным дивизиям, 12-й и 13-й Сибирским. Из Галиции в Латвию эти соединения прибыли «крайне потрепанными в боях». К 1 июля обе насчитывали по 16 батальонов и 36 орудий, причем 12-я Сибирская дивизия располагалась в Риге и насчитывала 6500 безоружных солдат, а 13-я Сибирская – в Митаве и 4200 безоружных солдат. Они только получили пополнения и еще не закончили обучения. Четвертые батальоны полков не имели винтовок¹.

Старые дивизии – новый корпус

Утром 1 июля 1915 г. по распоряжению Главнокомандующего 12-я Сибирская дивизия направлена спешным порядком на Белосток. Дивизия начала грузиться на станциях Куртентгоф и Рига. Два часа спустя получено распоряжение командующего 5-й армией П.А. Плеве: 1 батальон 13-й Сибирской дивизии направить в Муравьево к генералу Свешникову, остальным частям дивизии выступить походным порядком из Митавы (ныне Елгава) в Гофцумберг² и находиться в резерве командующего армией. В 17.05. 2 июля получено новое распоряжение командующего 5-й армией: 12-я Сибирская дивизия возвращается железнодорожными эшелонами через Митаву на станцию Ауцъ, где вечером будет сосредоточена и 13-я Сибирская дивизия. Таким образом, 13-я Сибирская дивизия, еще не закончившая 32-км форсированный переход в Гофцумберг, получила задачу на новый 42-км переход. Для недавно пополненной, а значит, и не втянутой в работу дивизии, это могло привести к физическому изматыванию и создавало риск развала. Но недостаток русских сил против наступающих немцев не оставил выбора. Генералу Ерофееву предписано вступить в командование 7-м Сибирским корпусом³.

¹ Корольков Г. Сражение под Шавли. М.-Л., 1926. С. 9.

² 30 км на юго-запад-запад от Митавы.

³ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 1.

Однако уже 3 июля получено распоряжение командующего 5-й армией «генералу Ерофееву находиться в Риге, а во временное командование 7-м Сибирским корпусом вступить генералу Сулимову». Так, на поле сражения севернее Шавли по приказу командарма П.А. Плеве и родился новый Сибирский корпус. Для созданного соединения нет ни штаба корпуса, ни корпусных частей, ни обозов, ни тылов. Начальник второочередной 12-й Сибирской дивизии Сулимов и его штаб должны выполнять функции штаба корпуса, но у них нет ни нужного числа сотрудников, ни необходимых средств связи. Сложность увеличивается решением Плеве подчинить Сулимову и всю собранную конницу – 4-ю и 15-ю кавалерийские дивизии и Уссурийскую конную бригаду.

Сражение под Шавли (ныне Шауляй)

Советский военный историк Г.К. Корольков, бывший в 1915-1916 гг. начальником штаба 4-го Сибирского корпуса, напишет в 1926 г.: «Их (12-ю и 13-ю Сибирские дивизии) было бы выгоднее не выбрасывать вперед, а оставить на Митавской укрепленной позиции. Эта позиция от болота Тируль через Бергсгоф и Бранденбург до р. Аа у Штальген строилась более 4-х месяцев, считалась достаточно совершенной»¹. Но в 1915 г. все было иначе. Умение выполнять форсированный переход с сохранением сил требует тренировки. 13-я Сибирская дивизия после двух переходов была лишена боеспособности и с начала артогня противника 4 июля пала духом и начала разбегаться.

¹ Корольков Г. Сражение под Шавли. М.-Л., 1926. С. 29.

Вечером 3 июля 41-я германская пехотная дивизия, медленно отеснив авангард 13-й Сибирской, подошла к позиции 7-го Сибирского корпуса. Утром 4 июля немцы открыли ураганный артогонь, и сибирские стрелки не выдержали. «Сначала одиночные люди, потом кучки и даже целые роты стали покидать окопы. В строю осталось не более 50 %, но не было уверенности, что они не оставят окопы. При таком состоянии частей нельзя было рассчитывать на успех обороны, и с целью внести порядок в отход корпуса и привести его в организованный вид, надо было начать немедленный отход, не ожидая германской атаки. Так и поступил Сулимов. Это был единственный способ спасти корпус от развала. Стоило больших усилий добиться организованного отхода и удержаться на линии Циролен – Крушкалн»¹. Плеве, считая виновником неудачи Сулимова, не учел роли собственных распоряжений в провале дебюта 7-го Сибирского корпуса: форсированные марши, спешная перевозка по железной дороге, отсутствие штаба корпуса, недостаток связи и неустройство тыла.

Генерал от кавалерии П.А. Плеве

4 июля оперативная часть штаба корпуса выехала из Риги в Митаву к отходившим войскам корпуса, прибыв в 2.00. 5 июля. Ввиду полученного командиром корпуса от командующего 5-й армией приказа – удержаться на занятых позициях и создавшейся обстановки ко времени прибытия штаба (5.00. 5 июля) к войскам – уже на пути движения – командир корпуса решил идти на Митаву. Разведчики докладывали, что противник вы-

¹ Корольков Г. Сражение под Шавли. М.-Л., 1926. С. 34.

шел на путь отступления корпуса, и артиллерийский огонь на фронте Альт-Ауцъ – Митава.

В 3.55. 5 июля получена директива командующего 5-й армией об отходе войск на Митавскую укрепленную позицию. Задачей корпуса ставится упорная оборона подступов к Митава. К 16.00. части стали прибывать к Митавской укрепленной позиции, которую генерал Плеве предписал упорно оборонять. Плеве оказался требовательным и волевым командующим для сибирских стрелков. Так, он предпочел допустить разрыв (до 2 переходов) фронта армии, но спасти 7-й Сибирский корпус от окончательного разложения. В этом он пошел против требований Ставки – удерживать каждый аршин земли до последней крайности. Для Плеве разрыв фронта менее страшен, чем напрасная потеря людей (хотя, вообще, он не считался с потерями), он видел, что всякий разрыв может быть исправлен маневром¹.

Уже 6 июля части 7-го Сибирского корпуса устраивались на Митавской позиции, а на фронте было тихо. В ночь на 7 июля, в 2.48. получена телеграмма генерала Черемисова о помощи в случае надобности Шлокскому отряду со стороны моря. Станция Шлок, давшая название отряду в 1915 г., ныне называется «Слока» и расположена в западной части известной Юрмалы. 7 июля – если на фронте 12-й Сибирской дивизии было тихо, то против 13-й Сибирской дивизии с утра противник пытался наступать на 50-й и 51-й Сибирские полки, но легко отбит огнем. Отряд князя Трубецкого (2-я, 4-я, 15-я кавалерийские дивизии, Уссурийская конная бригада) вел боевые действия с пехотой и конницей противника. В Шлокском отряде – столкновения передовых частей. В 17.00. отрешен от должности генерал Ерофеев, назначен генерал Лисовский.

9 июля противник в небольших силах пытался наступать на участке 12-й и 13-й Сибирских дивизий, но был отбит огнем. Мелкие стычки разведчиков по всему фронту. Расположение 13-й Сибирской дивизии усилено 209-м пехотным полком с батареями. 10 июля составлен сводный отряд из 1-й кавалерийской дивизии, 210-го пехотного полка и батареи 53-й артбригады для действий с 8.30. во фланг и тыл противнику, наступающему на

¹ Корольков Г. Сражение под Шавли. М.-Л., 1926. С. 45.

Бауск. 11 июля отряд генерала Майделя продолжал наступление, но около 12 часов дня наступление было приостановлено ввиду обнаружившегося охвата противником правого фланга. Для парирования охвата выслан отряд полковника Мамаева.

Ночь на 12 июля 1915 г. прошла спокойно. Майделю приказано действовать энергичнее. Выделены 2 батальона 212-го пехотного полка и батарея 53-й артбригады под началом подполковника Ванюковского. Поступили донесения Майделя о наступлении на запад на корчму Ячин. «В общем успешно». Попытки же частичного наступления 13 июля 46-го Сибирского и 47-го Сибирского полков не увенчались успехом. С рассветом Плеве предписал Майделю «действовать возможно энергичнее». Мезотенский отряд частью сил занял Мезотен – Бауск, где противника не оказалось¹. Вечером 13 июля части подполковника Ванюковского завладели замком и фольварком Ругенталь, где и закрепились.

Генерал-майор В.Н. Токарев – начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса в июне 1915 г.

Ввиду получения директивы, что важнейшей задачей всех частей 5-й армии является оборона подступов к Двинску, русский отряд у Бауска 14 июля был усилен остальными 2-мя батальонами 212-го пехотного полка и 1-м Донским казачьим полком и объединен под общим начальством начальника 53-й пехотной дивизии генерала Абакановича.

16 июля, поскольку 1-я кавалерийская дивизия отходила, 53-я пехотная дивизия выслала 1 батальон на помощь. Этот батальон «был атакован превосходящими силами и назад не

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 4 об.

вернулся»¹. К вечеру части 53-й пехотной дивизии очистили Бауск и замок Ругенталь. 17 июля Баусский отряд генерала Абакановича, отойдя на правый берег р. Аа, отбивал попытки германцев форсировать ее. 18 июля – Баусский отряд отходит на Гросс Экау. Перед фронтом 12-й Сибирской и 13-й Сибирской дивизий тихо. Вследствие отхода от Бауска русское командование отдало все распоряжения, подготавливающие очищение Митавской позиции и занятие Рижских укреплений.

На подступах к Риге: вперед – назад

19 июля части 7-го Сибирского корпуса отходили на Ригу, причем к полуночи только арьергарды задерживались на левом берегу р. Аа. Около полудня началось наступление противника значительными силами на арьергарды 13-й Сибирской дивизии, и они около 16.00. перешли на правый берег р. Аа, взорвав мосты. Одновременно противник повел наступление на отряд полковника Михайлова, занявший позиции впереди р. Экау.

В ночь на 20 июля части 7-го Сибирского корпуса отходили на Рижские позиции. Противник не наседал, и отход стрелков совершался в полном порядке. Днем части устраивались на позициях. Около 4 часов дня обозначилось частичное наступление немцев вдоль Митавского шоссе, легко отбитое огнем. 21 июля – тихо, ведется усиленная разведка. 22 июля – 12-я Сибирская дивизия провела усиленную разведку, оттеснив передовые немецкие части за р. Миссе.

Так, с июля 1915 г. 7-й Сибирский корпус играл ключевую роль в обороне Риги. Рига – третий после Снкт-Петербурга и Одессы русский порт, огромный город с населением на 1913 г. в 517 500 человек, важнейший промышленный узел. Для защиты русские перебросили броненосец «Славу», 4 канонерские лодки, эсминцы и подводные лодки – Морские силы обороны Рижского залива. Броненосец и канонерки часто обстреливали германские позиции, особенно выручив русские войска в начале сентября и в конце октября 1915 г. Причем, 12 сентября 100-мм не-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 5.

мецким снарядом с берега был убит командир «Славы» капитан 1-го ранга С.С. Вяземский.

Утром 23 июля авангарды 7-го Сибирского корпуса перешли в наступление. Противник упорного сопротивления не оказывал и к ночи авангарды подошли к р. Эккау, а средняя колонна – к Зутте. 24-25 июля – авангарды закреплялись на р. Эккау. Средняя колонна генерала Кольбе расположилась в районе Кемпи, образовав корпусный резерв. На фронте, в общем, было тихо, только на участке 12-й Сибирской дивизии немцы делали попытки частичного наступления, не имевшие успеха¹. В ночь на 26 июля и утром на фронте 12-й Сибирской дивизии происходило оттеснение немцев на левый берег р. Эккау, закончившееся удачно на флангах, а в центре немцы задержались на нашем берегу. Днем немцы усиленно обстреливали артиллерией расположение 12-й Сибирской дивизии.

Командир 7-го Сибирского армейского корпуса в 1915 г. генерал-лейтенант Г.П. Роде

В ночь на 27 июля получившие подкрепления немцы вели ожесточенные атаки на участок 12-й Сибирской дивизии, особенно вдоль шоссе Митава – Рига. Атаки были отбиты энергичными действиями сибирских стрелков и умелыми контратаками. К 2 часам ночи атаки немцев прекратились, день прошел в артиллерийской перестрелке. С полуночи на 28 июля немцы трижды пытались наступать вдоль шоссе Митава – Рига, но остановлены огнем. День 28 июля прошел спокойно.

29 июля германские атаки повторились, но снова легко отбиты огнем. 31 июля русский разведочный отряд дошел почти до

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 6 об.

Бауска, не встретив нигде серьезного сопротивления. 31 июля левофланговые подразделения 12-й Сибирской дивизии заняли корчму Гаррозень, а 1 августа – д. Свенки, а рота 50-го Сибирского полка 13-й Сибирской дивизии – мызу Цодень.

С рассвета 2 августа началось наступление 13-й Сибирской дивизии на Бауск и демонстрация 12-й Сибирской дивизии. Добиться успеха русским не удалось, а после полудня последовали попытки немецких контратак. В ночь на 3 августа немцы повели наступление на средний и левый боевые участки 12-й Сибирской дивизии, но были отбиты. В 45-м Сибирском полку дело доходило до штыков¹. Весь день на участке 12-й Сибирской дивизии – артиллерийский и ружейный огонь. Части же 13-й Сибирской беспрепятственно вышли из боя и отошли севернее железной дороги.

Отметим, что 4 августа 1915 г. в Рижский залив прорвался «Хохзеефлотте» – Германский флот Открытого моря. 3-я эскадра дредноутов и 4-я эскадра броненосцев форсировали русские минные заграждения. При этом немцы потеряли несколько тральщиков, получил повреждения линейный крейсер «Мольтке». После этого операцию прервали, по версии немцев, потому, что «армия не располагала в это время свободными войсками, которые были необходимы в процессе дальнейшего продвижения нашего флота в Рижском заливе, а захват Риги еще не имел в то время никакого значения»². Налицо явное лукавство, поскольку немцы не могли не знать собственных сил. Напротив, М.И. Смирнов утверждает, что «германская армия, наступавшая на Ригу, осталась без поддержки флота, и Рига была спасена»³. Русские восстановили и усилили минные заграждения.

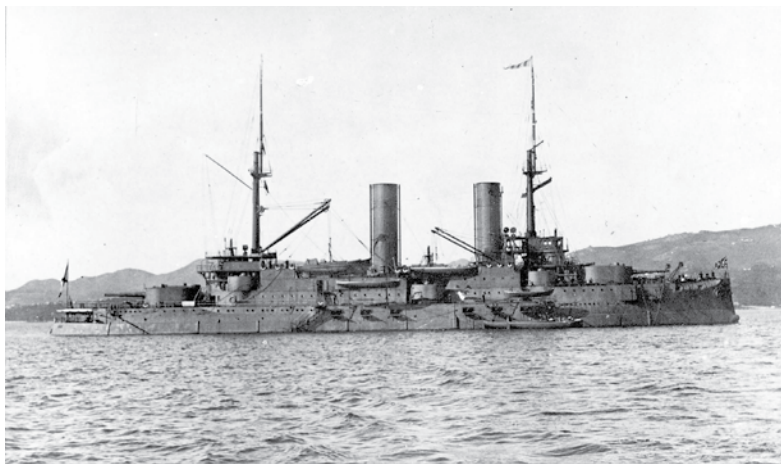
5 августа отведенные к Аппалю части левого боевого участка 12-й Сибирской дивизии вновь заняли прежнее расположение. 6–11 августа – без перемен. 12 августа 45-й Сибирский полк штыковой атакой завладел частью с. Грикки. 13 августа 50-й Сибирский полк выдвинулся в направлении на Нейгут. К вечеру

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 196, л. 7.

² Шеер Р. Германский флот в Первую мировую войну. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2005. С. 119–122.

³ Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. Краткий биографический очерк. Париж, 1930.

выяснилось, что немцы переходят в наступление от Бауска на Гросс – Экау, вынудив приостановить наступление 52-го Сибирского полка на Ламбертсгофъ.

Линейный корабль «Слава»

14 августа продолжалось наступление левого авангарда 13-й Сибирской дивизии – 50-го Сибирского полка на Нейгут. Стрелки продвигались очень медленно, встречая упорное сопротивление значительно подкрепленного противника. Между 52-м и 50-м Сибирскими полками выдвигается 51-й Сибирский. К вечеру 50-й Сибирский полк приостановился, а затем и отведен назад. Причина – части 4-й кавалерийской дивизии отошли на север и обнажили фланг. 15 августа вновь приказано наступать. Сначала успешное продвижение, к вечеру приостановлено угрозой глубокого обхода левого фланга. Русский авангард вновь отведен назад к р. Звирзе.

В ночь на 17 августа противник значительными силами повел наступление на правый фланг 13-й Сибирской дивизии, обходя ее фланги. Авангард сибирских стрелков начал отход на север. Посланный на усиленную разведку на мызу Ламбертсгоф батальон 52-го Сибирского полка, натолкнувшись на значительные силы противника и понеся значительные потери, отошел. Вынужден был отойти и 50-й Сибирский полк. К вечеру 17 августа

части правого авангарда занимали окопы на р. Миссе, левого – у корчмы Клаппе.

В ночь на 18 августа легко отбита огнем попытка наступления на участках 46-го и 47-го Сибирских полков. Две роты от 50-го Сибирского полка при 2-х пулеметах и 2-х орудиях заняли Скапуль. 20 августа авангарды 13-й Сибирской дивизии продвинулись вперед, заняв позицию: правый авангард – у железной дороги, левый – у Скапуль. 21 августа левоавангардный 50-й Сибирский полк продолжал наступление на юго-восток, 22 августа – медленно на юг. Правый же авангард с боем 21 августа выбил противника из мызы Гринвальд. 22–23 августа – без перемен. 24 августа частями 50-го Сибирского полка отбита попытка наступления противника на мызу Мисгоф. Набег русской конницы на тыл противника не удался. 25 августа 50-й Сибирский полк с боем занял селение Беркан, а на рассвете 26 августа он же начал наступать на восток. Правая колонна атаковала успешно, средняя – продвинуться не смогла, от левой – сведений не поступало.

28 августа левый авангард сибирских стрелков пытался произвести нажим в обход района Стригге с севера, но неудачно, так как обнаруживается глубокий обход правого фланга от р. Карум. 12-я Сибирская дивизия отбивала попытки немцев наступать на свой левый фланг при помощи частных резервов. Утром 30 августа русский Шлокский отряд произвел на приморском участке усиленную разведку при поддержке канонерской лодки «Грозящий»¹. Усиленная рекогносцировка при содействии 2-х вооруженных пароходов была проведена русскими и 4 сентября.

1 сентября части правого и левого авангарда 13-й Сибирской дивизии перешли в наступление, которое велось довольно успешно. В правом авангарде 2–3 сентября велась усиленная разведка, а роты продвинулись до Грантель и мызы Гросс Экау, левый 2 сентября закрепился у Сталдартъ. В ночь на 7 сентября русские провели демонстративное наступление на участке 12-й Сибирской дивизии, а на рассвете – Шлокским отрядом. Утром 8 сентября почти одновременно началось наступление частями

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 2.

правого и левого авангардов 13-й Сибирской дивизии и сводной бригады. «Наступление по всему фронту велось успешно, особенно в частях сводной бригады, где 46-й и 49-й Сибирские полки состязались в доблести. Особенно отличился 49-й Сибирский полк, который при взятии д. Стригге штыками, захватил в плен 2-х офицеров и 49 нижних чинов»¹.

9 сентября части 12-й Сибирской дивизии производили демонстративное наступление, правый авангард 13-й Сибирской дивизии успешно продвигался, левый натолкнулся на сильное сопротивление. Сводная бригада закреплялась на занятом участке. После полудня немцы в превосходных силах перешли в наступление и выбили части 46-го Сибирского полка из Вец-Розе. Атаки противника продолжались до самой темноты. Было замечено скопление германцев против левого фланга левого авангарда русских. К угрожаемому пункту стянуты резервы.

После полудня 11 сентября части сводной бригады перешли в наступление на Чукшъ, которым овладели к 10 часам вечера. Немцы в больших силах навалились на 46-й и 49-й Сибирские полки, загорелся штыковой бой. Всю ночь на 12 сентября противник настойчиво вел атаки и около 5 часов утра выбил сибирские части из Чукша. Стрелки отошли на линию Стригге – Крудскальн. В 16.00. 13 сентября части сводной бригады снова повели наступление на Чукшъ, атака развивалась очень медленно, но к утру 14 сентября Чукшъ был занят. 15 сентября отбиты немецкие контратаки.

18 сентября части ударной группы заняли исходное положение, чтобы с рассветом 19 сентября атаковать противника в районе Пазум. Однако намеченная атака не была произведена, поскольку Михозлис счел задачу непосильной и просил в подкрепление не менее полка пехоты. После полудня 20 сентября началась подготовка атаки, поддержанная справа наступлением сводной бригады полковника Васильева и левым авангардом 13-й Сибирской дивизии. К вечеру ударной группе ценой больших потерь удалось овладеть с. Вессейк и частью позиций противника у Мальтана².

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 2 об.

² Там же, л. 4.

21–27 сентября на фронте 7-го Сибирского корпуса без перемен. Только 24 сентября части Шлокского отряда, при могучей поддержке русского флота, срывшего немецкие окопы и приведшего к молчанию артиллерию противника, дошли до проводочных заграждений противника. Затем к 20.00. русские части отошли в исходное положение, так как их наступление имело характер усиленной разведки. 28 сентября сибирские стрелки отбили немецкие атаки. Днем же отряд генерала Михоэлиса силами 8-ми рот провел усиленную рекогносцировку, результатом которой стало очищение от противника левого берега р. Карум. После этого успеха четверо суток перемен на фронте не было.

С утра 3 октября противник открыл уже «ураганный огонь по левому флангу 12-й Сибирской и всему фронту 13-й Сибирской дивизий, а затем перешел в наступление, особенно напирая на правый фланг правого авангарда 13-й Сибирской. Силы наступающего здесь противника исчислялись в бригаду пехоты. Левofланговые части 12-й Сибирской дивизии держались стойко, но части 52-го Сибирского полка (правый авангард), обойденные с обоих флангов, под натиском значительно превосходных сил противника, вынуждены были отойти назад, сначала на линию р. Миссе, а затем – и на Рижские позиции»¹. Так образовался прорыв между 12-й и 13-й Сибирскими дивизиями, между правым и левым авангардами. Заполнить его было почти нечем, ибо части корпусного резерва почти израсходовали на занятие Рижских укреплений и на поддержку 13-й Сибирской дивизии.

Вывод командования 7-го Сибирского корпуса: «Ввиду значительности боевых участков, несоответствующих по обширности силам войсковых частей, их занимающим, участковые резервы, даже посаженные на подводы, никуда не поспели, и создалась обстановка, требующая решения – отойти на Рижские позиции, дабы противник, разбивая успех, не упредил части 12-й и 13-й Сибирских дивизий»².

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 5.

² Там же, л. 5.

Канонерская лодка «Грозный»

Отход в ночь на 4 октября совершался постепенно и в полном порядке, причем противник наседали лишь на 50-й Сибирский полк (левый авангард). К утру части 7-го Сибирского корпуса заняли указанные им участки Рижской позиции и весь день на них устраивались. К вечеру под прикрытием сильного артиллерийского огня противник потеснил передовые части 51-го Сибирского полка. «Из резерва вызваны 2 батальона 52-го Сибирского полка, отведенного туда (в резерв) тотчас после отхода его (полка) на Рижские позиции».

5 октября противник повел энергичное наступление на части 51-го Сибирского полка, которые под давлением превосходных сил противника принуждены очистить укрепления № 20 и 21 и отойти на главные позиции. Одновременно германцы энергично атаковали участок 50-го Сибирского полка, причем им удалось несколько оттеснить назад фланговые роты полка. Около полудня обнаружилось также наступление значительных сил противника на 49-й Сибирский полк, потесненный им к Западной Двине к мосту у Силе¹. 6 октября – на фронте перестрелка. 49-й Сибирский полк благополучно перешел на правый берег Двины, мост у Силе уничтожен, а предмостное укрепление у Иксюля занял батальон 15-го Сибирского полка.

7 октября на участке Шлокского отряда намечаются частичные попытки противника наступать вдоль правого берега р. Аа,

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 5 об.

отбиваемые артиллерийским огнем с пароходов. На участке 12-й Сибирской дивизии, после подготовки огнем тяжелой и легкой артиллерии, немцы несколько раз безуспешно атаковали укрепления № 14 и 15. 8 октября на фоне оживленной ружейной и артиллерийской перестрелки активно действовали разведчики. Все попытки немцев сбить роты 46-го Сибирского полка у Репе отбиты, но им удалось выбить разведчиков 13-й Сибирской дивизии из мызы Берггофъ. 9 октября противник после ураганного артогня атаковал выдвинутые в район Репе роты 435-го пехотного полка¹ и роту 52-го Сибирского полка. Роты, понеся большие потери, отошли на главную позицию.

10 октября части Шлокского отряда южнее озера Баббит перешли в наступление при содействии вооруженных пароходов. Продвижение шло медленно, встречая крайне упорное сопротивление. 11 октября на участке 12-й Сибирской дивизии противник не выдержал сосредоточенного огня нашей тяжелой артиллерии и очистил с. Кутники. Попытки 435-го пехотного и 51-го Сибирского полков овладеть захваченной противником д. Репе закончились неудачей, атакующие попали под перекрестный огонь. 12 октября разведчики 167-й дружины ополчения, занимавшей Берземюнде, были отеснены противником. 16 октября рота латышского батальона в расположении 12-й Сибирской дивизии произвела смелый поиск, закончившийся блестяще: взяты 1 пулемет, 1 телефон и 27 немцев².

18 октября в Шлокском отряде противник наступал между Балтийским морем и р. Аа, а также южнее леса Магель. Сначала было отеснено русское сторожевое охранение, но затем их резервы восстановили положение. На левом фланге русские сами наступали, захватили 48 пленных. В итоге же в центре противник захватил Кеммерн и частью сил перешел на правый фланг р. Аа. Из корпусного резерва был выдвинут 49-й Сибирский полк. Весь день 19 октября немцы вели настойчивые атаки на Шлокский отряд, особенно у Роггаца. Все атаки противника отбиты. Части русского отряда, усиленные 49-м Сибирским полком к югу от озера Баббит перешли в наступление, которое развива-

¹ 435-й Ямбургский пехотный полк 109-й пехотной дивизии 3-й очереди.

² РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 7.

лось медленно, но успешно, захвачены пленные. К ночи русские заняли свои прежние окопы.

20 октября наступление левого боевого участка развивалось крайне медленно. Около 19.00. русские пошли в штыки на лесничество Кревинг – опорный пункт противника, но их атака была отбита ружейным и пулеметным огнем. То же повторилось на следующий день с использованием еще и ручных гранат. Утром 22 октября части Шлокского отряда очень медленно наступали на Кеммерн и Одинг. Упорное сопротивление заставило части прекратить продвижение – потери велики. Отбиты атаки немцев в районе Кревинг и контрнаступление у Одинг, слегка потеснившее передовые русские части. 23 октября Шлокский отряд закреплялся на занятых рубежах.

Утром 24 октября части 12-й Сибирской дивизии наступали на мызы Олай и Кутники, захватив первую к 10.00., но контра-така немцев с ураганным огнем всякого рода, заставила русских очистить Олай¹. К вечеру удалось занять почти все Кутники и укрепиться в них. Для поддержки 12-й Сибирской дивизии Шлокский отряд наступал на Кеммерн, вдоль южного берега озера Баббит, на лесничества Мангель и Зельтин, слегка потеснив противника и закрепив занятое.

Утром 25 октября после артиллерийской подготовки части 6-го Сибирского корпуса и 50-й Сибирский полк перешли в наступление. Наступление 50-го Сибирского полка захлебнулось, и к вечеру «выяснилось, что атака, в общем, успеха не имела». Также наступавшие части Шлокского отряда и 12-й Сибирской дивизии к вечеру подошли к Кеммерну. Части этой же дивизии заняли мызу Олай, где и начали закрепляться.

26 октября Шлокский отряд продолжал наступать, причем части несли большие потери от сосредоточенного ружейного и пулеметного огня противника. Особенно упорным сопротивление немцев было южнее озера Баббит. К вечеру русские закрепились, продвинувшись не более одной версты. На фронте 13-й Сибирской дивизии и 6-го Сибирского корпуса, после двух-часовой артподготовки, части 50-го, 51-го, 9-го, 11-го и 12-го Сибирских полков перешли в наступление на деревни Франц и

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 8.

Репе, мызу Берземюнде. Однако атака, несмотря на доблесть сибирских стрелков, была отбита, и русские пытались окопаться у проволочных заграждений противника, что им не удалось, так как местность представляет собой сплошное болото.

Первая половина 27 октября 1915 г. прошла в перестрелке. После 3 часов Шлокский отряд перешел в наступление, подошел к проволочным заграждениям противника. На поддержку подошел броненосец «Слава». Части 50-го и 51-го Сибирских полков наступали на мызу Берземюнде. Медленно, с большими потерями, но все же около 18.00. мыза, после упорного штыкового боя, взята русскими. Захвачено 2 пулемета и пленено 32 немца. Затем наступление продолжалось на высоту и кладбище у Берземюнде и к ночи части залегли в непосредственной близости от окопов противника.

Около полудня 28 октября Шлокский отряд снова наступал и к 17.00. захватил часть Кеммерна, взяв 1 пулемет и 13 пленных. С наступлением темноты, ввиду угрозы обхода, части отошли в исходное положение¹. Одновременно весь день 28 октября отбивались настойчивые германские атаки на Берземюнде дружными усилиями пехоты и артиллерии.

Наконец, 29 октября «после 10-ти дневных непрерывных боев при самой неблагоприятной обстановке» части Шлокского отряда с боем захватили Кеммерн и преследовали противника, захвачено 2 пулемета и около 20 пленных. Противник вновь пытался несколько раз атаковать Берземюнде, но безуспешно. На остальном фронте – без перемен. 30 октября на фронте – редкий ружейный и артиллерийский огонь. Попытка противника около 17.00. атаковать Берземюнде и расположение 50-го Сибирского полка отбита. Производилась перегруппировка: 13-я Сибирская дивизия отводилась назад, а ее место занимали части 6-го Сибирского корпуса.

Таким образом, октябрь 1915 г. сибирские стрелки завершили небольшим контрнаступлением, взяв мызу Берземюнде и Кеммерн.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 197, л. 9.

День 1 ноября 1915 г. на фронте Рижского укрепленного района прошел в ружейной и артиллерийской перестрелке¹. 2–9 ноября на фронте без перемен, за исключением района 12-й Сибирской дивизии. Здесь 3 и 4 ноября отбивались попытки наступления германских партий по 50 человек.

8 ноября русские разведчики проникли за проволочные заграждения противника. В ночь

Генерал-лейтенант Е.К. Смысловский – инспектор артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса в 1915 г.

на 10 ноября на участке 12-й Сибирской дивизии 1-й ротой 1-го латышского батальона под командой поручика Бреде совершен лихой налет на немецкий окоп у Вейса, выдвинутый к р. Миссе. Налет удался, окоп скрыт, взято в плен 11 немцев 17-го ландштурменного полка и 1 пулемет. 11 ноября на участке 6-го Сибирского корпуса немцы после основательной артподготовки и штыкового боя овладели мызой Берземюнде. 12 ноября на участке Шлокского отряда, 12-й и 13-й Сибирских дивизий – без перемен. На участке 6-го Сибирского корпуса около 13.00. началась артподготовка атаки мызы

Берземюнде, а около 14.00. – атака. 54-му и 55-му Сибирским полкам, подкрепленным батальоном 12-го Сибирского полка, несмотря на повторные, настойчивые атаки, удалось овладеть лишь мельницей у Берземюнде. К 17.00. атаки прекращены, части отведены назад. 14 ноября в районе 12-й Сибирской дивизии тяжелая артиллерия противника особенно усиленно обстреливала укрепленные группы 14 и 15.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 198, л. 1.

19 ноября Двина внезапно вскрылась от льда и разрушила переправы на Иксюльский тет-де-пон¹. 20 ноября разведчики-латыши на участке 12-й Сибирской дивизии сбили немецкую заставу. Налаженная было переправа к предмостному укреплению вновь уничтожена сдвигом льда, и с большим трудом восстановлена к ночи. 21 ноября – редкий огонь по всему фронту, поиски русских разведчиков.

22 ноября в Шлокском отряде попытка роты 52-го Сибирского полка захватить немецкий окоп у Лединг закончилась неудачно, убит командир роты. 25 ноября поиски разведчиков особенно удачными были в районе 12-й Сибирской дивизии, где им удалось выставить заставу у с. Пельне. 28 ноября разведчики в районе 13-й Сибирской дивизии штыками атаковали немецкую

Генерал-лейтенант П.А. Андреев
– начальник 13-й Сибирской
стрелковой дивизии
в 1914–1915 гг.

заставу, находившуюся за проволокой, часть немцев была переколота, часть в панике разбежалась. С 29 ноября по 5 декабря – без перемен. 11 декабря – тихо. Обычная редкая ружейная и артиллерийская перестрелка. Вернулись после поиска партизаны отдельной кавалерийской бригады² и 46-го Сибирского полка, уничтожившие немецкую заставу в 70 человек у Кельдеръ и приведшие 6 пленных. К октябрю 1915 г. на Северном фронте было сформировано 6 партизанских отрядов, а к началу мая 1916 г. их число удвоилось³.

13 декабря на участке 13-й Сибирской дивизии около полуроты германцев повели наступление на охранение 359-й дружины ополчения, но были остановлены

¹ От франц. *tete de pont* (начало моста) – предмостное укрепление.

² Вероятнее всего, 4-й.

³ Егоров А.Ю. Наследники Дениса Давыдова (Обзор партизанских действий Русской армии во время Великой войны 1914–1918 гг.) // Первая мировая война: история и психология: Мат. науч. конф. СПб., 1999. С. 95.

огнем и залегли в 500 шагах от охранения. Для их отброса и уничтожения выслали части 359-й, 39-й дружин и разведчиков 50-го Сибирского полка. 17 декабря 1915 г. началась подготовка переформирования 7-й и 28-й ополченских бригад в 120-ю пехотную дивизию¹.

Командир 7-го Сибирского армейского корпуса генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев

В ночь на 20 декабря на участке Шлокского отряда выслан в тыл противнику партизанский отряд². Прибывает 430-й Валкский пехотный полк. 24 декабря на участке 12-й Сибирской дивизии в районе лесничеств Лапс и Залай немцы выпустили отравляющие газы, но безрезультатно, так как все меры противодействия были приняты своевременно. 28 декабря началось выдвижение на позиции в район 13-й Сибирской дивизии 435-го Ямбургского и 436-го Новоладожского пехотных полков³ для замены ополченцев. Смена ночевала в Риге. 29 декабря указанные

полки сменили 7-ю и 28-ю ополченские бригады, дружины которых уже 31 декабря прибыли в Ригу на переформирование. Пехотные полки же придали 7-му Сибирскому корпусу.

3 января 1916 г. было совершено два удачных поиска разведчиков 436-го полка, причем разведчик Абрамов не пожелал оставить оставленные им у проволочных заграждений противника ножницы, вернулся и был убит. Товарищи, не имея возможности вытащить из-под пулеметного огня его тело, унесли его винтовку, записную книжку и ножницы⁴.

¹ Состояла из 477-го Калязинского, 478-го Торжокского, 479-го Кадниковского и 480-го Даниловского пехотных полков.

² РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 198, л. 5.

³ Из 109-й пехотной дивизии.

⁴ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 199, л. 1.

8 января – оживленная артиллерийская перестрелка на всем фронте. 13 января – «наша артиллерия всюду имеет перевес в огне, заставляя батареи противника молчать». 17 января – оживленная артиллерийская перестрелка, особенно перед 13-й Сибирской дивизией, где русская артиллерия принудила к молчанию все, кроме одной, неприятельские батареи. Около 18.00. разведчики 49-го Сибирского и 435-го пехотного полков, а также партизаны пытались атаковать кладбище у Нейна, но, забросанные гранатами и обстреливаемые в упор пулеметами, принуждены отойти, потеряв 25 нижних чинов и 1 офицера.

28 января 1916 г. немцы вели оживленный артиллерийский огонь по укрепленным группам 16 и 16 а, а также по окопам 51-го Сибирского полка со стороны Мартенберга. То же повторилось 29 января – 4 февраля, когда обстреливались окопы 13-й Сибирской дивизии, причем в последний день в течение 5 часов окопы 49-го Сибирского полка – разрушены проволочные заграждения и несколько землянок. 6, 9, 12 февраля вновь оживилась артиллерия противника, причем до полудня усиленно обстреливался левый фланг 12-й Сибирской дивизии, а после полудня – участок 13-й Сибирской. Отмечены оживленные действия германских аэропланов, которые сбросили безрезультатно более 20 бомб¹.

25 февраля поиск разведчиков 50-го Сибирского полка, усиленных полуротой латышей, не увенчался успехом. Потери 24 чел. Напротив, 29 февраля на участке 12-й Сибирской дивизии рота латышей из 15-й укрепленной группы произвела удачный поиск и переколола немецкую заставу силой до 30 человек². В отместку немцы выпустили безрезультатно по 15-й группе 110 снарядов.

1–6 марта – без перемен, перестрелка.

Русское наступление 8 марта 1916 г.

8 марта 1916 г. начались демонстративные действия разведчиков на участках 43-го армейского корпуса, 12-й Сибирской и 120-й пехотной дивизий. После 5.00. на всем фронте Рижского

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 199, л. 3.

² Там же, л. 4.

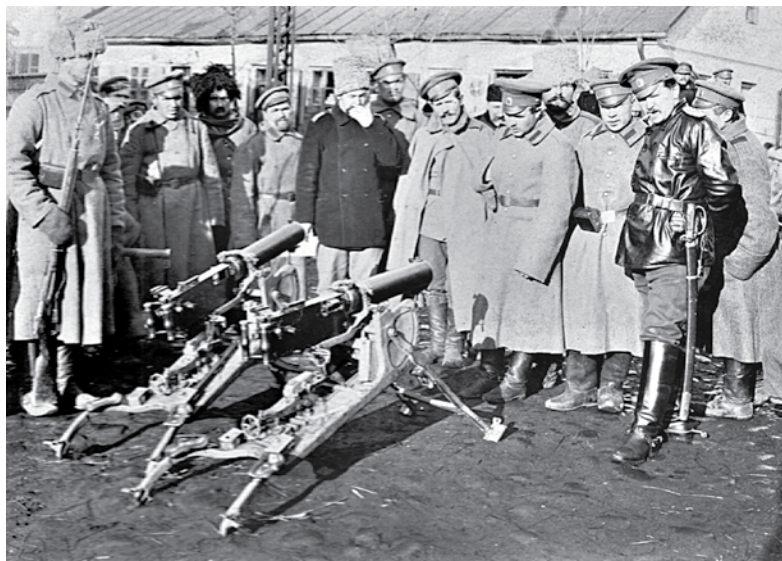
района артиллерия открыла сильный огонь по окопам противника, а в 5.35. – и на участке 13-й Сибирской дивизии у Франц по обе стороны шоссе. 51-й Сибирский полк, 1-й и 2-й Латышские батальоны, занявшие в 5 утра исходное положение, в 6 утра повели наступление – латышские батальоны правее, а 51-й полк левее шоссе и к 8.00. захватили 3 линии германских окопов, дойдя до с. Югге¹. 50-й Сибирский полк должен был после короткой артподготовки приступить к наступлению на Скатесь, в обход высоты 28,09 с севера. Но уже тотчас после занятия 3-й линии окопов противника, около 8.00, стало обнаруживаться давление противника на правый фланг латышей, а затем немцы повели атаку на их 1-й батальон, причем наступление поддерживалось ураганным огнем артиллерии.

Около 8.30. русская артиллерия, приступившая было к обстрелу окопов противника у Скатес, принуждена была перебросить огонь на наступающего на правый фланг противника. 50-й Сибирский полк же перешел в наступление от Леп, не поддержанный ее огнем и наступление велось крайне медленно. На поддержку правого фланга русских частей, атакованных противником, выдвинуты два батальона 52-го Сибирского полка, а два других сосредоточились в Ручки. Отдано и распоряжение 4-й отдельной кавалерийской бригаде с приданными ей частями подтянуться к Фламенгофу с целью в благоприятный момент пустить ее в тыл противнику в образовавшийся прорыв. До 8.00. частями 51-го Сибирского полка захвачено 3 пулемета и 30 пленных 35-го резервного пехотного полка. Демонстративные действия же на указанных в приказе участках продолжались и разведчики, поддержанные отделениями, дойдя до проволочных заграждений противника, приступили к их резке. Этими действиями около 9.30. закончилась и первая половина боя 8 марта.

Около 9.30. только что отбитая контратака германцев на правый фланг латышских батальонов возобновляется, вновь поддержанная ураганным огнем артиллерии. Своевременной поддержкой русской артиллерии, она вновь отбивается, хотя и с большими для русской пехоты потерями. К правому флангу

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 200, л. 2.

уступом придвигаются 6 рот дивизионного резерва 120-й пехотной. 49-й Сибирский полк подтягивается вперед, причем к 13.00. русские занимают положение: части 51-го Сибирского полка и 2-го латышского батальона – 2-ю и 3-ю линию окопов противника, 2 батальона 52-го Сибирского полка – прежние окопы 51-го Сибирского, а 50-й Сибирский полк окапывается у проволочных заграждений противника перед его окопами у Скатес. Все русские части обстреливались сильным артогнем противника, достигающего на участке 51-го Сибирского полка и латышей размеров ураганного.

Немецкие пулемёты. МБУК МИГИ

«Под действием этого огня, а также вследствие ожесточенных контратак противника, подбирающихся к нашим частям по своим же ходам сообщения, наши части слегка подаются назад и около 4 часов дня нами удерживается только первая линия окопов противника, а около 4.30. под угрозой обхода обоих флангов, неся громадные потери, части 51-го Сибирского полка, 1-го и 2-го латышских батальонов принуждены были, расстре-

ливаемые и справа и слева, отойти в свои окопы»¹. Около 17.00. русские при содействии артиллерии отбили атаку противника и около 19.30. бой начал затихать. Русские потеряли убитыми, ранеными, пропавшими 52 офицера и 2568 солдат².

С 17.00. 8 марта и весь день 9 марта была сильная снежная метель, прямо в лицо русским, их утомление вынудило ограничиться исключительно ружейной и артиллерийской перестрелкой и взаимными поисками разведчиков. Атаковавшие накануне части приводятся в порядок. «Сильно же пострадавшие накануне» 51-й Сибирский полк, 1-й и 2-й латышские батальоны отводятся в резерв и заменяются на позиции 49-м Сибирским полком, 5-м и 8-м латышскими батальонами. 10 марта 120-я пехотная дивизия сменена на фронте 13-й Сибирской и отведена в резерв. 11 марта – на фронте тихо. Предполагавшееся на 16 марта наступление отменено 16 марта.

Первая половина суток 20 марта прошла спокойно. Около 20.00., дабы отвлечь внимание немцев от Икскульского тет-де-пона, который они упорно атаковали, русская артиллерия на участке 13-й Сибирской дивизии открыла сильный огонь по окопам противника у Репе, Скатес и по обе стороны болота Большой Смердекль, в то время как сильные партии разведчиков повели наступление в вышеуказанных направлениях. Около 23.00. артогонь был прекращен, так как поступило сообщение, что атака на тет-де-пон отбита.

Поиски разведчиков

Начало ночи на 21 марта разведчики на участке 13-й Сибирской дивизии успешно резали проволоку противника и произвели большой переполюх в его расположении. Действия разведчиков около 4 часов ночи прекратились. 22 марта, 4 апреля – без перемен. 28 марта усиленные поиски русских разведчиков. 1–4 апреля оживленная артиллерийская перестрелка. 14 апреля – на фронте тихо. 18 апреля на крайне правом фланге русских пози-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 200, л. 2 об.

² Там же, л. 3.

ций у Раггацена¹ успешно отбита огнем и контратакой попытка наступления 2-х рот противника. Германцы отступили столь поспешно, что побросали часть ружей, телефоны, убитых. 19 апреля на участке 12-й Сибирской дивизии у Димзе сибирские разведчики имели удачное столкновение с разведчиками противника, причем захватили в плен германского офицера. До 30 апреля – без перемен.

2 мая 1916 г. по участку 13-й Сибирской дивизии – по району Франц – Зальгоскальн – Ручка – Серуль – противник выпустил до 200 тяжелых снарядов. Русская артиллерия ответила обстрелом окопов противника, нанеся им серьезные повреждения². 4 мая на участке 13-й Сибирской дивизии русская застава ружейным и пулеметным огнем отбила попытку значительной партии противника приблизиться к русским окопам. 5 мая на том же участке разведчики 52-го Сибирского полка произвели поиск с целью захватить заставу противника южнее Тильтелейчь. Однако уже при резке 3-го ряда проволоки они были обнаружены и обстреляны ружейным огнем, а затем окружены. При помощи гранат разведчики пробились, вынеся раненого прапорщика Канерва.

8 мая ружейный и артогонь усилился, опять особенно в районе 13-й Сибирской дивизии. На ее участке русские провели 3 поиска, из коих разведчики 50-го Сибирского полка не выполнили возложенную задачу, высланные же к югу от Серуль от 52-го Сибирского, оттеснили заставу противника за проволоку и стали закрепляться в 200 шагах от нее под сильным огнем ружей и артиллерии. Оставив в вырытых окопах секрет, разведчики отошли, потеряв 6 человек ранеными. В полночь на 10 мая до 3 немецких рот, после ураганного обстрела тяжелой артиллерии, стремительной атакой выбили заставу от 1-й роты 51-го Сибирского полка юго-западнее Статесть. Произведенная русскими разведчиками и полуротой контратака была отбита противником, успевшим забросить рогатки. Вторая же контратака, произведенная 3-мя ротами 51-го Сибирского полка после

¹ Поселок на берегу Рижского залива.

² РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 201, л. 1.

часовой артподготовки, увенчалась успехом, и сибиряки восстановили положение.

12 мая на участке 13-й Сибирской дивизии велись разведывательные поиски, причем разведчики 49-го и 50-го Сибирских полков сожгли засеку¹, расположенную за 1-й линией немецкой проволоки в районе ф. Катериненгоф, причем попытки противника окружить их не имели успеха. Разведчики 6-го Латышского батальона сожгли немецкую засеку на левом берегу р. Кеккау.

13 мая – если на фронте 12-й Сибирской дивизии было тихо, то на фронте 13-й Сибирской дивизии после полуночи, подготовив ураганным огнем наступление и пользуясь туманом, противник повел атаку на выдвинутый юго-западнее Статесть окоп 51-го Сибирского полка и занял его, уничтожив почти всю заставу полка. Русские потери – 1 офицер, стрелков убито 21, ранено 80 и контужено 20. Попытки противника атаковать основные окопы 1-й русской линии были отбиты ружейным и пулеметным, а затем и артиллерийским огнем. Были приняты меры к восстановлению утраченного положения.

17 мая с наступлением темноты 13-я Сибирская дивизия сменилась на 3-ю Сибирскую из 6-го Сибирского корпуса и выступила в районы Штубензее-Шмизинг-озеро Егель и господский двор Энин. Через сутки 12-я Сибирская дивизия была заменена 14-й Сибирской. К утру 20 мая части 7-го Сибирского корпуса заняли район Штубензее – Шмизинг – озеро Егель – Петроградское шоссе, и расположились на отдых и приступили к занятиям². Усиленно велась инженерная подготовка боевого участка корпуса, предназначенного ему в предстоящих активных действиях. С 21 мая по 25 июня 1916 г. в корпусе без перемен. Исключением стало 22 мая – смотр главнокомандующим фронтом частям корпуса.

26 июня 7-й Сибирский корпус перешел из фронтового в армейский резерв, от Главкосева – в подчинение командарма 12. На предстоящую операцию перешли в состав 7-го Сибирского корпуса 27 июня 121-я пехотная дивизия, а 28 июля – 1-й Усть-Двинский латышский батальон.

¹ Заграждение из деревьев, поваленных вершинами к врагу и оплетенных колючей проволокой.

² РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 201, л. 2 об.

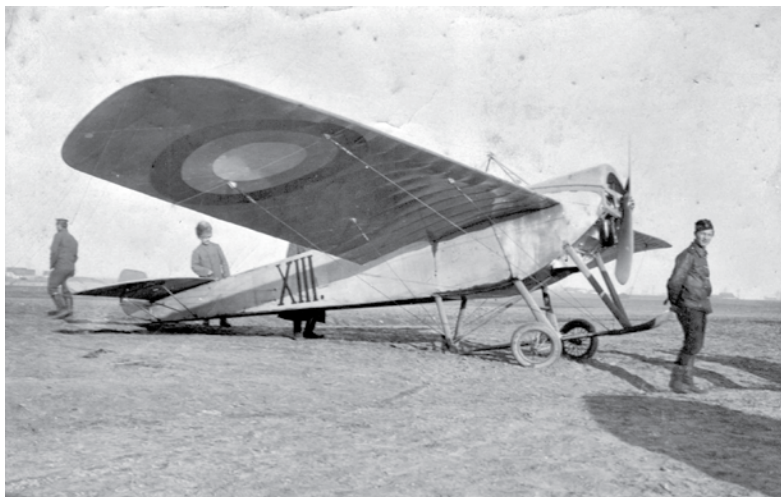
Русское наступление 3–9 июля 1916 г.

28 июня, согласно приказа по армии 7180/7, около 22.00. выступили для занятия исходного положения 12-я Сибирская дивизия в район Ваввер – лесничество Скуйнек – Пумпер – мыза Флоретъ, 13-я Сибирская – мыза Рудзе – Пляунек – лесничество Скуйнек. Во исполнение того же приказа с наступлением темноты в ночь на 30 июня 12-я Сибирская дивизия сменила части 3-й Сибирской дивизии на укрепленной позиции от р. Кеккау до Серуль включительно. В первой линии от Кеккау до Баусского шоссе стал 47-й Сибирский полк, а восточнее шоссе до Серуль – 45-й Сибирский полк. 12-я пехотная дивизия и 1-й Усть-Двинский латышский батальон заняли участок от Серуль до Сухой Двины. Причем они встали в боевой линии, сменив части 3-й Сибирской дивизии на участке от Серуля до Леп. 13-я Сибирская дивизия образовала корпусный резерв в районе Пляунек – лесничество Скуйнек – мыза Флоретъ. 30 июня на фронте редкая ружейная и артиллерийская перестрелка. 1 июля отбита немецкая атака на заставу 15-й роты 47-го Сибирского полка. Убито 5 и ранено 15 сибирских стрелков.

В ночь на 3 июля на участках 12-й Сибирской стрелковой и 121-й пехотной дивизий русские разведчики проделывали проходы в своих проволочных заграждениях для выхода атакующих частей. Противник был бдителен и освещал местность ракетами. В 8.00. по личному приказанию командарма был дан залп из всех батарей артиллерии корпуса и началась артиллерийская подготовка намеченных для прорыва участков. «В ответ на наш могущественный огонь ответный обстрел противника начался некоторое время спустя и был направлен по окопам и ходам сообщения у Зальгоскальна – Франца, а на участке 121-й дивизии обстреливался плацдарм у Статеста, окопы у Леп и наблюдательные пункты у Кланик. К 11.00. стали выясняться результаты – на участке 12-й Сибирской дивизии против Зальгоскальна замечены небольшие проходы в заграждениях противника... сплошное облако дыма».

В 11.50. комкор 7-го Сибирского приказал выдвинуть партии разведчиков, поддерживав их ротами. Повод – к этому времени выяснилось, что разведчики 9-го и 10-го Сибирских полков

(на участке 3-й Сибирской дивизии) уже заняли местами 1-ю линию немецких окопов и командарм – лично присутствовавший в штабе корпуса – приказал их поддержать для обеспечения левого фланга. Еще не было выяснено действие артиллерии, когда в 12.20. для поддержки перешедшей уже в наступление 3-й Сибирской дивизии было приказано развить действия разведчиков в общее наступление, а артиллерийский огонь перенести на 2-ю линию неприятельских позиций. На участке 121-й пехотной дивизии проходы были недостаточно широки, и артиллерия продолжала обстрел заграждений.

Русский аэроплан. М. Блоне. МБУК МИГИ

В 12.40. части 12-й Сибирской дивизии двинулись в атаку. В 13.50. на участке 121-й дивизии 1-й Усть-Двинский латышский батальон перешел в наступление в направлении 29-й цели, 483-й полк от Статеста в направлении 24-й, 25-й, 26-й целей. На участке 12-й Сибирской частям 47-го и 45-го Сибирских полков удалось местами ворваться в 1-ю линию неприятельских окопов, и командир отдал распоряжение о дальнейшем наступлении на юг. Однако «вследствие огня всех видов части 47-го Сибирского полка отошли из окопов и задержались между 1-й линией противника и нашей передовой, неся огромные потери. Частям 45-го Си-

бирского полка удалось закрепиться на небольшом участке на первой линии немецкой, в лесочке юго-восточнее Зальгоскалн в небольшом выдвинутом вперед окопе». Снова началась артподготовка с целью разрушить огнем оборонительные постройки противника, из которых наступающие встречались пулеметным огнем значительной силы и которые, по-видимому, не пострадали от огня русской артиллерии в 1-й период подготовки атаки.

В 23.00. 3 июля началась вторая атака частей 12-й Сибирской дивизии. Наступающие части 121-й дивизии, дойдя до проволочных заграждений, встретив сильное огневое сопротивление, начали окапываться, дабы закрепить пройденное пространство и подготовить в дальнейшем исходное положение. Повторные попытки атаки встречались сильным огнем и ночью пехотинцы лишь закрепляли захваченное. По приблизительному подсчету потери за 3 июля: выбывшими из строя в 12-й Сибирской дивизии – 53 офицера и 3400 нижних чинов, в 121-й пехотной – 24 офицера и 1000 солдат¹.

4 июля, начатая частями 12-й Сибирской дивизии вторая атака, в общем успеха не имела. Хотя разведчики и попадали в 1-ю линию, но скоро оттуда вытеснялись и все попытки продвинуться останавливались убийственным огнем. В 13.20. приказом командарма № 24/п 7-му Сибирскому корпусу поставлена задача – «врезаться возможно глубже клином свежими силами в направлении Вилла, при условии основательного разрушения артиллерией всех оборонительных сооружений между шоссе и р. Кеккау».

Во исполнение генерал-майору Эггерту с 12-й Сибирской дивизией (без 47-го Сибирского полка) и 1-й бригаде 13-й Сибирской дивизии под начальством генерал-майора Савельева приказано прорвать расположение противника между р. Кеккау и Баусским шоссе, направив свежую бригаду для этого прорыва и для обеспечения ее слева выдвинуть подразделения 46-го Сибирского полка восточнее шоссе. 121-я пехотная дивизия привлекает внимание противника действиями разведчиков, оставаясь в общем пассивной, корпусный резерв сохраняет готовность при первой возможности поддержать.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 2 об.

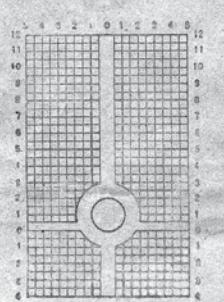
Атакующие части начали наступление в 19.40. К 20.00. части 46-го Сибирского полка, наступая восточнее Баусского шоссе, местами попали в 1-ю линию немецкой позиции. В 21.35. русская артиллерия вела огонь по 2-й линии противника, а немцы по своей 1-й, занятой русскими. На участке 121-й дивизии против 29-й цели латыши продвинулись сапой на 12 шагов к немецким проволочным заграждениям¹. «Комкор по телефону передал генералу Эггерту, чтобы не упустить момента и вовремя влить резервы и использовать результаты боя в нашу пользу».

— 3 —

Фамилия Берлина

Винтовка № 16

Въ службу съ 19 15 г.

Если все три пули попадают в среднюю окружковую полость мишени, то пристрелка считается удовлетворительною и винтовка окончательно пристрелена.

(Прил. 2-е § 6 п. 2. Наст. для обуч. стр. изд. 1909 г.)

Имя Иннокентий

Отчество Федосеевич

Фамилия Берлина

а службъ съ 19 г.

а правахъ вспомог.

а полк съ 27-й дивизии 19 15 г.

а сословія Мещанин

берний

взда г. Иркутск

рода или волости

сла или деревни

роисповѣданія

злость или женатъ не женатъ

аетъ мастерство Училище механиков

заметныли грамотный

Прохождение службы:

рейторомъ съ 19 г.

адшимъ унт.-офицер. съ 19 г.

аршимъ унт.-офицер. съ 19 г.

Личная книжка Иннокентия Берлина. МБУК МИГИ

5 июля «ввиду некоторого успеха, достигнутого за 4 июля», командарм приказом № 33/п распорядился «усилить свежим полком бригаду генерал-майора Савельева и другой свежий полк держать наготове для быстрого развития дальнейшего успеха». В случае успеха командарм обещал поддержать и частями 2-го Сибирского корпуса. Затем корпусу ставится задача

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 3.

воспользоваться видимым ослаблением противника и развить крайнюю энергию и настойчивость в своих действиях, всячески стараться не дать ему устроить организованную оборону на 2-й линии. Поэтому комкор приказом № 97 и поставил генералу Эггерту задачу силами трех полков 12-й Сибирской дивизии и 3-х полков 13-й Сибирской дивизии продвинуться к Вилла – зайти правым плечом вперед и овладеть Пулькарнской укрепленной позицией.

В 2.45. продолжалось продвижение и бригады Савельева, причем 50-й Сибирский полк понес большие потери и вместо него постепенно вводился в боевую линию 49-й Сибирский. Около 5 часов противник под прикрытием сильного огня своей артиллерии повел контратаку на части 50-го Сибирского полка, последние из-за больших потерь расстроились и были вытеснены даже из 1-й немецкой линии. Трудности русских: сильный огонь по небольшому участку ударной группы; скрытые оборонительные построения 2-й линии, не поддающиеся хорошему наблюдению; совершенно открытая местность русских плацдармов позволяла противнику заранее угадывать намерения.

В ночь на 6 июля командарм разрешил сделать небольшой перерыв из-за больших потерь в частях Савельева – для приведения их в порядок и для того, чтобы разобраться по своим частям. Комкор же приказал с 8.00. начать артподготовку, перенесенную затем на 17.00. Причина – ночью немцы повели контратаку на 6-й Сибирский корпус, а русская атака была отложена на после обеда¹. В 19.00. восточнее Франца высланы партии разведчиков для проверки результатов артогня, но, встреченные сильным пулеметным и ружейным огнем, они вернулись назад. Затем части 13-й Сибирской дивизии повели наступление западнее Баусского шоссе, но были остановлены огнем. В общем, наступательные попытки не привели к успеху.

7 июля – ружейная и артиллерийская перестрелка.

8 июля командарм возложил главную атаку на 6-й Сибирский корпус. 7-му Сибирскому корпусу предписано поддерживать, атакуя 1-ю линию позиции противника между реками Кеккау и Сунуп. В 16.30. – артподготовка, с 18.20. пехотные цепи дви-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 4.

нулись в атаку. Наступавшие восточнее шоссе батальоны 48-го Сибирского полка быстро заняли два леса, служившие прикрытием для передовых немецких частей, и начали продвигаться к оборонительной линии, расположенной за этими лесками. Однако «слева из крупного леса оборонительные сооружения, которые вне артиллерийского наблюдения, а следовательно и вне уязвимости от огня – фланкировали все наступающие части самым губительным огнем, а маленькие площади лесков служили, в свою очередь, собирательным пунктом для сосредоточения артиллерийского огня немецкой артиллерии с значительно-го фронта, имевшей вид охватывающей русскую позицию дуги, почему и атаки 48-го Сибирского полка успеха не имели»¹. В общем, три атаки 52-го и 49-го Сибирских полков не привели к успеху. 1-ю линию они занимали сравнительно легко и быстро, но их всегда вытеснял оттуда огонь противника, что буквально сметал маленькие кучки людей, которые туда попадали.

В ночь на 9 июля 49-й Сибирский, а за ним и 51-й Сибирский полк, дважды ходили в атаку и каждый раз с большими потерями возвращались в исходное положение. Убыль в людях и, особенно, в офицерском составе, была громадная, почему и небольшой первоначальный успех развить не удалось. После обеда на фронте корпуса была только перестрелка, причем санитары, высланные для уборки трупов и собирания раненых, обстреливались немцами ружейным и пулеметным огнем.

10 июля 1916 г. командарм предписал 4-й Сибирской дивизии перейти в распоряжение комкора 7-го Сибирского для нанесения решительного удара в направлении Баусского шоссе, за ночь произвести перегруппировку и с рассветом атаковать. Приказ № 7516 отменил атаку и 2-му Сибирскому корпусу приказано сменить части 7-го Сибирского. Последний отходил в армейский резерв в районе Пульпур – Кукульмуйжник – Пляу-нек.

В 3.20. 10 июля 4-я Сибирская дивизия сменила части 12-й Сибирской, по смене отошедшей в район Кукульмуйжник – Скуйнек, и 13-ю Сибирскую, отошедшую в район Страут – двор

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 5.

Арайс¹. Таким образом, сменив две дивизии на одну, русские перешли к обороне. В 11.15. командующий Северным фронтом генерал от инфантерии Куропаткин приезжал в штаб 7-го Сибирского корпуса в мызе Ламс. Здесь он выслушал доклад комкора о смене, о ходе укомплектований, об общем числе потерь личного состава и материальной части. Приказал представить к наградам отличившихся, особенно раненых офицеров, командовавших ротами в бою. В 10 часов 11 июля участок 7-го корпуса окончательно сдан 2-му Сибирскому. После чего комкор и оперативная часть штаба 7-го Сибирского перешла в Торесберг и оттуда – в прежнее помещение в Ригу. 13 июля все части корпуса закончили передвижение в свои районы.

14 июля – без перемен.

В резерве сибиряки провели 10 дней.

В 11.45. 21 июля комкор 7-го Сибирского вступил в командование боевым участком: р. Кеккау – р. Сухая Двина у мызы Берземюнде. В ночь на 21 части 7-го Сибирского корпуса (12-я и 13-я Сибирские дивизии) без 121-й пехотной дивизии сменили на указанном участке 2-й Сибирский корпус. Велась редкая перестрелка. Приказом по армии № 7805/7 в состав 7-го Сибирского корпуса снова включалась 121-я пехотная дивизия. В ночь на 23 июля соединению приказано сменить части 6-го Сибирского корпуса на участке от линии, проходящей через вторую букву «К» надписи «Кутники», что юго-западнее мызы Гренгоф и вторую букву «Г» надписи мызы «Гренгоф» до р. Кеккау. Днем 22 июля началась перегруппировка: части 12-й Сибирской дивизии сменялись частями 121-й пехотной, ставшей на участке от Серуль до р. Сухой Двины у мызы Берземюнде (481-й и 484-й полки). 12-я Сибирская заняла участок от стыка с 43-м армейским корпусом у Кутников (Залай) до лесничества Плакес. 13-я Сибирская – от лесничества Пласкес до Серуль, 6-й и 8-й латышские батальоны снова вошли в состав корпуса.

30 июля немецкая артиллерия обстреливала различные пункты расположения 7-го Сибирского корпуса без видимых причин. На участке 13-й Сибирской дивизии в 4.10. 1 августа две редкие цепи противника, пользуясь туманом, пытались насту-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 6.

пать на окопы сибиряков юго-западнее фольварка Катерингоф, но огнем двух легких батарей и ружей загнаны обратно, в свои окопы. В 16.10. немцы открыли артиллерийский огонь по расположению 481-го полка от Серуль до Статеста. В 17.30. огонь усилился, использовались снаряды с удушливыми газами, мины и бомбы.

После обстрела противник повел наступление небольшими группами против 3-го батальона 481-го полка, которое было отбито огнем, попытки наступать противник повторял до 9 раз и всякий раз они отбивались огнем¹. Русские части переходили в контратаки, а одна из партий 10-й роты 481-го полка под командой рядового Карла Майзюк ворвалась в немецкие окопы и, переколов там группу немцев, захватила записную книжку, дневник, фотографическую карточку. Из захваченных документов выяснилось: наступал 3-й батальон 24-го немецкого резервного полка с целью захватить передовой окоп. Окопы на атакованном участке сильно разрушены. Русские потери: более 200 нижних чинов убито и ранено, убит 1 и ранено 7 офицеров.

В 23.00. 8 августа была отогнана партия в 30 немцев, пытавшихся приблизиться к окопам 483-го полка восточнее Леп. Наступавшие отогнаны при поддержке огня русской артиллерии. 12 августа приказом № 8186 командарм поставил 7-му Сибирскому корпусу задачу – произвести короткие удары на Митавском направлении и южнее фольварка Катериненгоф. 13 августа запланированная назавтра операция отложена из-за изменения обстановки.

С Северного на Юго-Западный фронт

14 августа для образования резерва Верховного Главнокомандующего от Северного фронта назначен 7-й Сибирский корпус в составе 12-й и 13-й Сибирских дивизий, 1-й, 2-й и 3-й отдельных конных сотен, 7-го Сибирского мортирного артдивизиона, 2-го дивизиона 1-й тяжелой артиллерийской бригады и 8-го Сибирского саперного батальона. Согласно же телеграммы № 7505/Б наштасева (Начальника штаба Северного фронта),

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 10 об.

7-й Сибирский корпус направлялся на Юго-Западный фронт в район Вишневец – Зарудье – Лановцы¹. Во исполнение приказа армии № 08235 «для немедленной посадки и отправки в новый район» 13-я Сибирская дивизия в ночь на 15 августа сменена частями 4-й Сибирской дивизии. В ожидании погрузки расположилась в районе Кенгераг – Гетлингсмор. В 14.15. 1-й эшелон с подразделениями 52-го Сибирского полка отправился со станции Рига – Сортировочная. 16 августа 12-я Сибирская дивизия сменена частями 5-й Сибирской и участок Рижских укрепленных позиций от стыка с 43-м армейским корпусом (Залай) до р. Сухая Двина у мызы Берземюнде сдан 2-му Сибирскому корпусу. 15 и 16 августа отправлены 52-й, 51-й и 49-й Сибирский полки и 2 эшелона 13-й Сибирской артбригады.

Раздача обеда. МБУК МИГИ

17 августа генерал-квартирмейстеру-12 сообщено, что корпус зачисляется на довольствие в 11-ю армию. За этот же день отправились остальные эшелоны артбригады, 50-й Сибирский полк. Начали погрузку эшелоны 7-го Сибирского мортирного дивизиона, 1-я батарея 1-й тяжелой артбригады и 13-я Сибирская парковая артбригада. За 18 августа закончилась отправка

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 202, л. 12.

эшелонов мортирного дивизиона, тяжелой и парковой бригад, а в 14.00. – штаба корпуса. Наблюдение за дальнейшей отправкой возложено на генерала Эггерта, а после его отъезда – на генерала фон Хелленса.

19 августа штаб 7-го Сибирского корпуса проследовал в 14.00. через Псков на Двинск, 20 августа – через Двинск, Полоцк, Витебск, Могилев. 21 августа – через Рогачев, Жлобин. 22 августа – Калинковичи и Мозырь 9. 23 августа станция Овруч – 10, Коростень – 14. 24 августа Сарны, Ровно, станция Здолбуново, станция Дубно. 25 августа эшелон № 4282-а штаба корпуса проследовал в 8 часов станцию Каменица, в 14 часов станцию Кременец и в 19 часов прибыл в местечко Вишневец.

Таким образом, 7-й Сибирский корпус был переброшен по построенной уже в ходе Первой мировой войны рокадной железной дороге Жлобин – Калинковичи – Коростень – Щепетовка. Об этой дороге в Полесье много и задолго до войны говорил М.В. Алексеев, будучи начальником штаба Киевского военного округа¹. После Коростеня эшелоны корпуса были направлены не на юг на Щепетовку, а на запад на Сарны, а оттуда – на Ровно.

В Восточной Галиции

26 августа «повелением Государя Императора» 7-й Сибирский корпус был передан в состав Юго-Западного фронта, а приказанием же Главнокомандующего Юго-Западным фронтом № 3019, он включается в состав 7-й армии и направляется в район Букач. 7-й армией командовал генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев. Судя по журналам военных действий, Щербачев прочнее других командармов держал в руках нити командования корпусами, реагируя на малейшие изменения обстановки.

Сибирским стрелкам было дано 5 дней на переход ночными маршами. В 1-м эшелоне шла 13-я Сибирская дивизия с 7-м Сибирским мортирным и 2-м тяжелым дивизионами, во 2-м – 12-я Сибирская дивизия. В ночь на 27 августа 1-й эшелон передвинулся в Чистилув через Гнездично – Гонтова, Березовица Мала

¹ Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.-Л., 1928. С. 60.

и Ихровица. 12-я Сибирская дивизия, по мере высадки частей, сосредоточилась в районе Гнездично – Кобыла – Зарудье. Штаб корпуса оставался в местечке Вишневец¹. 28 августа командующий армией приказал корпусу сосредоточиться в районе местечка Подгайцы, штаб перешел в г. Тарнополь, а в 17.30. 31 августа – в Тэсарувку.

1 сентября командующий армией лично передал приказание комкору 7-го Сибирского передвинуть: 1) 13-ю Сибирскую дивизию в ночь на 2 сентября в район Урочище Краснэ – Гнильче (штаб дивизии) – урочище Вельки Голица; 2) 12-й Сибирской дивизии в ночь на 3 сентября перейти в район охотничий дом Перелиски – корчма Холаца – Носув (штаб дивизии) на западный берег Злота Липа. С наступлением темноты дивизии начали движение.

2 сентября 1916 г. командиры частей и офицеры 12-й и 13-й Сибирских дивизий рекогносцировали участок 33-го армейского корпуса (1-я и 2-я Заамурские дивизии) ввиду предполагаемой смены армейцев на сибиряков. В 15.30. штаб корпуса перешел в местечко Подгайцы. По распоряжению командарма № 103631 с 20.00. 3 августа 13-я Сибирская дивизия поступила в распоряжение командира 33-го армейского корпуса. Штаб дивизии перешел в Бокув, 49-й Сибирский полк встал на опушке леса западнее высоты 421 (урочище Ляс Кобыла), 50-й – у высоты 414 – северо-восточнее Бокув, 52-й – на опушке леса близ высоты 359, 51-й полк и артбригада – в районе охотничий дом Хаковец. 12-я Сибирская дивизия перешла: штаб в Юрище, полки и артбригада в район Сялко – высота 421 (северо-восточнее Шумляны) Юрище. Штаб корпуса в 23.50. прибыл в Завалув.

Сибирские стрелки сменяют заамурцев

4 сентября 33-й армейский корпус отбросил германцев за линию высота 305 – Липица Дольняя – фольварк Бакова. Однако противник сосредоточил большие силы и сам перешел в наступление. Ввиду этого командарм директивой № 103641 передал и

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 1-2.

12-ю Сибирскую дивизию в распоряжение комкора-33¹ с целью остановить наступление немцев энергичным ударом. 5 сентября директивой № 103643 7-му Сибирскому корпусу предписано к утру 6 сентября сменить части Заамурских дивизий, с 16 часов в подчинение корпусу перешли 12-я Сибирская и 23-я пехотная дивизии. Сменив 2-ю Заамурскую дивизию, свежие части (12-я Сибирская дивизия с артбригадой, дивизион 23-й артбригады, 1-я отдельная конная сотня и 1-я рота 8-го Сибирского саперного батальона), прочно закрепились на участке высот 419, 417, 350 и 332 включительно². Смена сопровождалась немецким обстрелом левого фланга. 13-я Сибирская дивизия закрепилась на участке от узла Пунктирных дорог в одной версте юго-восточнее 1-й буквы «У» надписи «Урочище Доуги» до железной дороги и далее до буквы «К» надписи «На Шерокем» включительно.

В 13.10. 5 сентября на северной опушке леса, что над надписью «Липица Дольняя», замечено движение колонны противника до полка пехоты и в 14.15. было замечено накапливание в лесу, южнее надписи «Урочище На Корсаку», а затем наступление на 5-й Заамурский полк. В 19 часов противник начал обстреливать ураганным огнем высоту 332, занимаемую 47-м Сибирским полком, а потом повел наступление на эту высоту, которое было отбито, а контратаковавшая 8-я рота 46-го Сибирского полка захватила 1 офицера и 25 нижних чинов 25-го германского активного полка³. На участке же 13-й Сибирской дивизии около 12 часов противник, при содействии сильнейшего артогня, повел наступление в районе высоты 313 и ворвался в окоп 9-й роты 49-го Сибирского полка. Немедленной контратакой 8-й роты того же полка он был выбит, при этом противник, наступавший с севера от Свистельников, отхлынул, а с запада – залег перед высотой 347 восточнее «Заставцем». На фронте 51-го Сибирского полка также было наступление, но и оно было отбито с большими потерями для противника, захвачено 17 германцев.

6 сентября на участке 12-й Сибирской дивизии смена прошла благополучно и в течение дня – только редкая перестрелка. На участке 13-й Сибирской ночью противник поддерживал арто-

¹ Генерал от инфантерии К.А. Крылов.

² РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 2.

³ Там же, л. 3.

гонь и усилил его к 7.00., распространив по всему фронту дивизии к западу от реки Нараювки. Около 11 часов было обнаружено наступление противника на русские окопы северо-восточнее высоты 348 и фольварка Бакова, остановленное огнем всех видов и контратакой 49-го Сибирского полка. Полк понес большие потери как офицеров, так и нижних чинов от огня артиллерии противника на высоте 348, где «окопы были сравнены с землей». Захвачен пленный 354-го резервного полка и пулемет. В ночь на 6 сентября разведчики 51-го Сибирского полка обнаружили в хатах д. Свистельники много раненых русских стрелков и немцев. Найденных там русских раненых, разведчики унесли с собой.

Отражение германских атак

На участке 12-й Сибирской дивизии – редкая ружейная и артиллерийская перестрелка. На фронте 13-й Сибирской в 11.15. артиллерия противника открыла сильный огонь по участку 50-го и 52-го Сибирских полков и особенно сильно обстреливала высоту 348. К 16.45. огонь достиг степени ураганного, после чего немцы повели наступление на высоту 348 и левый фланг 51-го Сибирского полка. Правофланговые роты 52-го Сибирского полка от сильного действия артиллерийского огня подались назад, но высланной командиром полка поддержкой, положение было восстановлено. Немцы трижды поднимались и пытались наступать, но каждый раз их сосредоточенным огнем загоняли в окопы. 7-му Сибирскому корпусу поставлена задача «прочно закрепиться и, имея сильные резервы, упорно оборонять занимаемые позиции и демонстративными действиями привлекать внимание противника совместно с 22-м и 41-м корпусами к своему фронту, отвлекая его от 16-го, 3-го Кавказского и 2-го корпусов»¹.

В 11.40. 8 сентября немцы начали жестокий обстрел участков 50-го и 52-го Сибирских полков, особенно высоты 348. К 12.30. огонь несколько ослаб, но в 17.30. противник снова развил огонь и перешел в наступление силой до одного батальона

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 4.

на окопы 1-й роты 50-го Сибирского полка южнее фольварка Бакова. Встреченный дружным сосредоточенным огнем, враг по одиночке отошел в свои окопы. 9 сентября 1916 г. около 3.30. на участке 12-й Сибирской дивизии в районе высоты 350 западнее д. Ставэнтын 3 взвода 1-й роты 47-го Сибирского полка, выдвинувшись под сильным ружейным и пулеметным огнем из своих окопов, произвели лихой налет – ворвавшись в немецкие окопы, переколов около 100 немцев, захватили пулемет и 2-х пленных 185-го германского резервного полка. Затем, ввиду приближения сильных резервов, сибирские стрелки вернулись в свои окопы, вынеся раненых. При этом геройская «рота потеряла убитыми 3 стрелка, ранеными 41 и 8 без вести пропало, видимо убиты»¹. 10 сентября одна из партий разведчиков 49-го Сибирского полка проникла в южную часть д. Свистельники, где, захватив 11 немецких винтовок, вернулась в свои окопы.

Военный лазарет. Юго-Западный фронт. 1916. МБУК МИГИ

13 сентября командующий армией указывал директивой № 103773, что опыт последних боев убедительно показал, что

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 5.

почти всегда после успешного прорыва позиций противника успех развивался медленно и с большими потерями от артиллерии и пулеметного огня. Причина этого – отсутствие своевременной помощи нашей артиллерии и попытки преследовать одной конницей. «Почему командарм считает необходимым: для обеспечения возможно более дальнего содействия артиллерии последнюю сразу же (еще перед прорывом) ставить возможно ближе, заранее подготавливать вынос наблюдательных пунктов и взводов для сопровождения и отражения контратак. Отступающий всегда уходит главной массой очень быстро, а прикрывающие отход части конницу останавливают, поэтому успех надо немедленно поддерживать свежими частями резерва для сдвига первого после прорыва сопротивления, а затем преследовать заранее предназначенными несколькими батальонами с 1-2 эскадронами. Атака целыми конными полками без поддержки пехотой, как показал опыт, успеха не имеет»¹. Около 12.00. 13 сентября в Бокуве у штаба 13-й Сибирской дивизии неприятельский самолет сбросил 4 бомбы.

14 сентября с 15.30. началась немецкая артподготовка по высотам 419-417-332, а около 17 часов они повели наступление на 45-й и 47-й Сибирские полки. 47-й Сибирский полк отбил атаку, но правофланговая рота 45-го Сибирского около 17.30. была сбита и отошла на 2-ю линию. К месту боя для восстановления положения притянуты полковые и дивизионные резервы. Проведенную около полуночи контратаку 3-й роты 45-го Сибирского полка, встретил сильный ружейный и пулеметный огонь. Рота понесла большие потери – выбыли из строя все офицеры и фельдфебель, и залегла. Не удалась и вторая контратака, проведенная резервами. После чего начдив (начальник дивизии) приказал закреплять положение в тесной связи с соседями. Комкор же № 4849 приказал начдиву 12-й Сибирской восстановить положение.

Директивой командарма № 103777 указывалось, что удар 16-го армейского, 3-го Кавказского и 2-го армейского корпусов в районе Бжезан – Топелиха должен отвлечь часть германских сил с фронта 7-го Сибирского корпуса. В целях использования это-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 6.

го командующий приказал приступить к разработке соображений (к 12 часам 16 сентября) атаки противостоящего сибирским стрелкам противника, рассчитывая на 3-4 тяжелых дивизиона и имея ближайшей задачей выход на линию Липица – Дольня – Сарнки Средне – Сарнки Дольне и развитие успеха в общем направлении Жолчув – Совня.

15 сентября «выяснилось, что занятый немцами окоп 45-го Сибирского полка, выдвинутый вперед северо-западнее отметки 419, по своему положению не имеет для нас существенного значения, почему комкор решил не атаковать его теперь, а, выждав удобный момент, захватить внезапным налетом малыми силами и засыпать его»¹.

16 сентября директивой № 103796 командарм приказал начало артподготовки во изменение директивы № 103753 перенести на 17 сентября с началом видимости целей. Согласно приказа № 121 от 9 сентября 7-му Сибирскому корпусу (во время наступления соседей справа 3-го Кавказского и 2-го армейского корпусов) была поставлена задача, для привлечения на себя внимания противника по сближению атаковать, с целью захватить рощу северо-восточнее Свистельники и саму д. Свистельники. Однако директивой № 103806 командарм ставил новую задачу и приказал корпусу в 12 часов 18 сентября передать участок на западном берегу р. Нараювки со всей 22-й пехотной дивизией 22-му армейскому корпусу. При этом было сообщено, что в ближайшие дни прибудет тяжелая артиллерия и 7-му Сибирскому корпусу будет поставлена задача – одновременно с 22-м корпусом атаковать противостоящего неприятеля, ввиду чего приказывалось продолжать сближение с противником до 100 шагов. Тогда комкор решил на 17 сентября для сохранения живой силы ограничиться лишь сближением. В этом духе (после сообщения предложений в армию) была получена директива № 103809, в которой командарм одобрял решение, безусловно, в целях экономии живой силы ограничиться только сближением и артиллерийским огнем². Об ожесточенных русских атаках на реке Нараювке, у Бжезин упоминает Э. Людендорф.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 7.

² Там же, л. 8.

Днем 17 сентября противник выпустил несколько снарядов очень крупного калибра, 10-11 дюймов, судя по найденным у высоты 350 осколкам, но положение батареи выяснить не удалось. Разведчики 52-го Сибирского полка обнаружили на южной окраине д. Свистельники склад 170 легких немецких снарядов и вынесли их оттуда. 18 сентября директивой № 103836 командующий армией подтверждал требование о самом настойчивом сближении пехотных частей с окопами противника до 100–150 шагов. С 12 часов 23-я пехотная дивизия перешла с участком в состав 22-го армейского корпуса. 19–20 сентября Сибирские дивизии готовили плацдармы к предполагаемой атаке.

20 сентября комкор № 4888 поставил задачи дивизиям на первый день боя: 12-й Сибирской дивизии – овладеть высотой 378 и рощей южнее надписи «Ур. на Корсаку», обеспечивая себя справа. 13-й Сибирской – овладеть восточной опушкой рощи «Ур. под Комаровым», рощей на северной окраине Свистельники и высотой 290. Директивой № 103861 командарм приказал перенести начало атаки на 22 сентября ввиду размокшей почвы и продолжающегося дождя.

В боях за д. Свистельники

21 сентября директивой № 103869 указано, что ввиду дождливой погоды, затянувшей операцию у Бжезаны, намеченная в районе Свистельники операция состоится не ранее 26 сентября. Командарм приказал использовать оставшиеся дни для прочного закрепления. 23 сентября командарм директивой № 103892 поставил 7-му Сибирскому корпусу задачу: по особому приказу атаковать противостоящего противника, имея целью занять линию высота 305 исключительно – высота 332, «Ур. на Корсаку» и рощу у молочной фермы Свистельники включительно и прочно закрепиться на ней. В дальнейшем корпусу будет поставлена задача: выход на линию высота 331 Липовице – Сарнки Гурне. Директивой № 103901 командарм подтвердил, чтобы тяжелая артиллерия открывала огонь лишь в особо исключительных случаях ввиду недостатка в армии тяжелых снарядов¹.

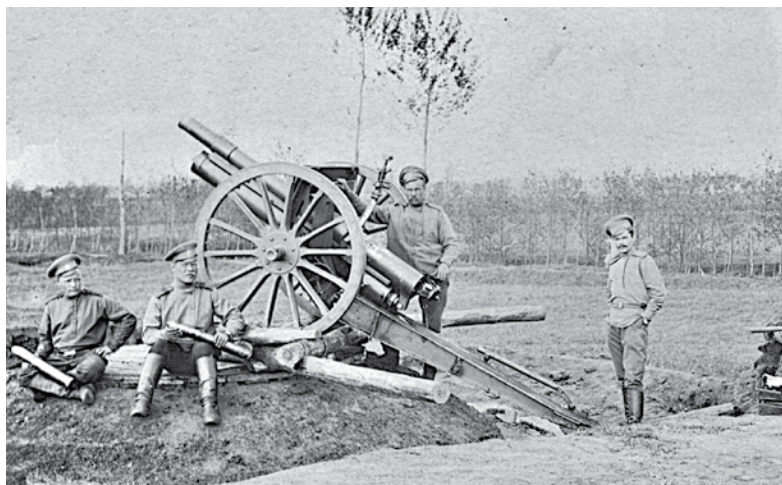
¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 10.

В 8.10. 2 октября началась русская артподготовка, в 11.45. огонь батарей был перенесен на 2-ю линию и тыл, выслана пехотная разведка. На участке 13-й Сибирской дивизии проволочные заграждения почти не были разрушены, а разведчиков встретил сильный ружейный и пулеметный огонь. Около 12.30. русский огонь снова перенесен на 1-ю линию. В 14.10 части ударной группы двинулись в атаку на участке 12-й Сибирской дивизии, части 48-го Сибирского полка дошли до проволочных заграждений и начали разбрасывать руками неразрушенные рогатки и некоторое время держались, пытаясь окопаться, но затем, расстроенные сильным огнем, принуждены были отойти в исходную линию. На участке 13-й Сибирской дивизии продвижение атакующих частей также было задержано, вследствие чего комкор приказал с 15.30 до 16.30 возобновить артподготовку и в 16.30 снова атаковать. В 16.30 части 12-й и 13-й Сибирских дивизий перешли в наступление, но встреченные сильным огнем артиллерии, пулеметов и ружейным, не могли прорвать 1-ю линию и лишь дошли в некоторых местах до проволочных заграждений противника. Успешному продвижению особенно препятствовал фланговый пулеметный огонь. На ночь приказано закрепить за собой пройденное пространство, дабы улучшить исходное положение на завтрашний бой¹.

3 октября директивой № 104025 командарм приказывал корпусам продолжать выполнение задач². Он же приказал выяснить причины неуспешности действий легкой артиллерии по проволочным заграждениям. Комкор приказал начать артподготовку с началом видимости целей. В 7.30. началась артподготовка по проволочным заграждениям и 1-й линии неприятельских окопов. В 11 часов разведчики от пехоты двинулись вперед, в это же время части 52-го Сибирского полка, пользуясь близостью противника, бросились вслед за разведчиками в атаку. Ввиду этого начальник 13-й Сибирской дивизии приказал 50-му Сибирскому полку также перейти в наступление на южную окраину д. Свистельники. Противник встретил атаку ураганным огнем всех видов, под давлением которого части 52-го Сибирского полка залегли перед проволокой, а 50-го Сибирского – в брешах проволоки.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 12.

² Там же, л. 13.

Орудие для стрельбы по аэропланам. МБУК МИГИ

При переходе в атаку частей 13-й Сибирской дивизии русским тяжелым батареям было приказано перенести огонь на батареи противника. Как только огонь начал развиваться, со стороны противника появилось до 5 самолетов, начавших корректировать стрельбу германских тяжелых батарей по русским. Дабы не обнаруживать расположение батарей, им было приказано замолчать. Ввиду назревавшей атаки частями 22-го корпуса, назначенной на 15 часов, и недостаточной подготовки брешей на участке 12-й Сибирской, командир 7-го Сибирского корпуса не посчитал возможным части 12-й Сибирской пустить в атаку совместно с 13-й Сибирской. Он решил произвести атаку совместно с 22-м корпусом в назначенный час и оставшееся время использовать для артподготовки. Только в 15 часов части 12-й и 13-й Сибирских дивизий двинулись в атаку, которую противник встретил огнем всех видов. В 12-й Сибирской атака захлебнулась вследствие больших потерь – ранен командир 48-го Сибирского полка генерал-майор Иванов и убит командир 1-го батальона капитан Никитин. Части 13-й Сибирской залегли между русскими и немецкими проволочными заграждениями. «В конечном результате и атаки 3 октября не дали результатов».

Перед наступлением темноты немцы, перейдя в контрнаступление на высоту 348, начали теснить правый фланг 41-й пехотной дивизии. Поэтому комкор 7-го Сибирского № 5017 приказал начдиву 13-й Сибирской оказывать мощную поддержку огнем и контратакой во фланг наступающему противнику. К концу дня немцы захватили высоту 348 и пытались распространиться дальше, но были отбиты. Директивой № 104047 командарм, согласно приказа Главнокомандующего Юго-Западным фронтом, предписал прекратить решительное наступление и перейти к активной обороне, выделив сильные резервы.

4 октября на фронте корпуса редкая ружейная, а местами и артиллерийская перестрелка¹. На участке 12-й Сибирской дивизии против высоты 350 был захвачен пленный 228-го германского резервного полка. 5 октября командарм приказал: «упорно оборонять свои позиции, создав связанную с соседями сильную основную линию обороны и непрерывно улучшать свое положение – широко пользуясь техникой и захватом выгодных пунктов на фронте корпуса».

На берегах Нараювки

В 12.40. 6 октября противник открыл сильный артогонь по левому флангу 51-го Сибирского полка на западном берегу р. Нараювки. Огонь то усиливался, то ослабевал, а в 13.15. со стороны кладбища западнее Свистельники началось наступление пехоты противника на левый фланг 51-го Сибирского полка и 161-й пехотный полк. Огнем русской легкой артиллерии и пулеметов немцев загнали в их окопы. Ввиду сложившейся обстановки на участке 41-й пехотной дивизии к левому флангу 13-й Сибирской притянуты дивизионные резервы и приближены части корпусного резерва. Кроме того, комкор приказал начдиву 13-й Сибирской принять меры для содействия 41-й пехотной контратаками совместно со 164-м полком. Около 18 часов 5 рот 164-го полка, почти без офицеров, были направлены при содействии частей 51-го Сибирского полка в свою 1-ю линию на правый фланг 41-й пехотной дивизии.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 14.

7 октября из разговора по аппарату Юза начальника штаба 7-го Сибирского корпуса с генерал-квартирмейстером штаба 7-й армии выяснилось, что командарм разрешил главные силы 22-го корпуса (в 2.30.) отвести на восточный берег р. Нараювки, оставив на западном берегу только сильное охранение. Ввиду этого комкор № 5151 приказал начдиву 13-й Сибирской также оставить авангард силой в 2 батальона на западном берегу с целью удержать за корпусом рощу южнее Свистельники¹. Фактически же, были оставлены 2 батальона 51-го Сибирского полка и 2 батальона 50-го Сибирского, последние, «ввиду неустойчивого положения частей 41-й пехотной дивизии, заняли их 1-ю линию южнее высоты 348 на протяжении 500 шагов. В окопах, оставленных частями 41-й дивизии, было замечено оживление и усиленные работы немцев по закреплению ими захваченного; работы противника русские держали под огнем.

В 8.35. и 10.00. 8 октября южнее Свистельников отбиты атаки на 51-й Сибирский полк, являвшийся авангардом. Около 14.25. противник в 3-й раз повел наступление против правого фланга полка. Враг был остановлен огнем, а на левом фланге ему удалось потеснить левофланговый батальон и ворваться в Свистельниковскую рощу. Произведенной тотчас же русской контратакой противника выбить не удалось, и немцы продолжали распространяться по роще. К 17.50., развивая ураганный огонь, неприятель в превосходящих силах атаковал 51-й Сибирский полк в роще – заставил очистить рощу и отойти на восточный берег р. Нараювки, где полк и расположился вдоль полотна железной дороги. Последняя попытка частей 51-го Сибирского полка перейти в контратаку с целью захватить рощу успеха не имела вследствие сильного флангового огня со стороны д. Свистельники. Директивой № 104147 командарм указал, что характер действий противника указывает на стремление добиться более выгодных позиций, дабы иметь возможность получить свободные резервы для Румынского фронта.

9 октября русские батареи периодически обстреливали высоту 348 и Свистельниковскую рощу, где немцы пытались неоднократно производить работы. 10 октября – редкая ружейная,

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 15.

местами артиллерийская, перестрелка. Вследствие непрерывных дождей, в течение последних дней появилась вода в окопах и ходах сообщения. Днем 11 октября – дождь. Дороги настолько ухудшились, что снаряды подвозятся на вьюках¹.

В ночь на 13 октября на участке 45-го Сибирского полка 12 отборных разведчиков при поддержке полуроты произвели лихой налет, уничтожив немецкую заставу в 20–25 чел. Сутками ранее было замечено расположение заставы с пулеметом к югу от высоты 378 на расстоянии около 60 шагов от немецких окопов. Разведчики скрытно приблизились к заставе с фланга, а одновременно полурота под командой прапорщика Хржановского повела демонстративное наступление с фронта, привлекая внимание. Забросав заставу гранатами, разведчики бросились совместно с полуротой в штыки. В происшедшей схватке немцы все были переколоты, пулемет был захвачен унтер-офицером Зайцевым, который на пути к своим окопам был убит наповал, но стрелок Бондаренко принес Зайцева в свои окопы. Кроме захваченного пулемета № 5601 без треноги, взято 4 винтовки и 6 ящиков патронов. Наши потери: 1 разведчик убит, 2 ранено. «Ввиду появившихся значительных поддержек, разведчики и полурота благополучно вернулись в свои окопы».

14 октября – туман, дождь. По приказанию Главнокомандующего Юго-Западным фронтом объявлено, что пленные 378-го пехотного германского полка показали на опросе, что недавно им был зачитан приказ: беспощадно расстреливать всех сдающихся в плен русских².

Архивный документ

Приказ по 12-й Сибирской стрелковой дивизии № 230-14 от 13 октября 1916 г.

«В ночь на 12–13 октября на левом фланге 45 спп положена была усиленная разведка. Командир 3 батальона полковник Антипин выслал под командованием прапорщика Хржевского полуроту 14 роты и 12 ротных разведчиков. Против обнаруженной предыдущей ночью

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 16.

² Там же, л. 17.

немецкой заставы ... приказано было полуроте демонстрацией привлечь внимание противника.

Атаковали с левого фланга. Часть немцев бросилась бежать, а часть открыла беспорядочный огонь из ружей и пулемета. У противника началась паника. Бросившись в атаку, молодцы-разведчики перекололи часть германцев. Ст.у-о. Прокопий Зайцев, видя немца, уносящего пулемет, догнал его и заколол, захватив пулемет под № 560. Понес его к нашим окопам, но не доходя 200–250 шагов, был сражен пулей. Ввиду тревоги, поднятой противником и подходившим к немцам подкреплениям, прап. Хржановский под сильным огнем благополучно отвел стрелков в окопы. Кроме пулемета захвачено 4 немецких винтовки и 6 ящиков патронов. Наши потери: 1 убит и 2 ранены.

Сердечно благодарю командира 45 полка и командира 4 бат. полковника Антипина за организацию этого молодецкого дела, сердечно благодарю прапорщика Хржановского и молодцов-стрелков, особенно разведчиков. Пусть их молодецкие действия послужат примером доблести. Благодарю ком. 14 роты ... за воспитание таких молодцов, отличившихся представить к наградам...»

С утра 17 октября начался немецкий обстрел окопов 12-й Сибирской дивизии у высот 419-417, к 14.00. усилившийся до ураганного. Огнем противника причинены значительные разрушения русских проволочных заграждений и окопов высоты 419 и в лощине между высотой 419-417. По участку 45-го Сибирского полка, южнее высоты 417, немцы стреляли снарядами с газом, вызывающим слезотечение. Обстрел этот к 16 часам распространился и в район высот 332 и 339 на окопы 52-го Сибирского полка и по расположению легких батарей. Около 16.10. немцы повели наступление на окопы высоты 419 и в лощины между высотами 419 и 417, занимаемые 48-м Сибирским полком. Часть русских окопов 1-й линии между высотами им удалось захватить, но атака, направленная на правый фланг 45-го Сибирского полка, была отбита. При этом захвачено 4 пленных 228-го резервного германского полка, показавших, что их полку приказано «во что бы то ни стало» взять высоты 417 и

419 и что готовится новая атака¹. Для восстановления прежнего положения подведены 3 батальона дивизионного резерва, а 2 батальона корпусного резерва около 18.00. переданы в распоряжение начдива 12-й Сибирской. Приказом № 5128 предписано дивизии восстановить положение, а Инакору (Инспектору артиллерии корпуса) 7-го Сибирского принять все меры к оказанию мощной поддержки артиллерии. Около 20.30. противник вновь пытался продвигаться к высоте 417 с помощью ручных гранат, но пулеметным огнем остановлен. Бой ручными гранатами продолжался всю ночь.

В 6.10. 18 октября на участке 12-й Сибирской дивизии части 48-го и 46-го Сибирских полков повели против занятой немцами части русских окопов контратаку. Она велась с высоты 419 и от лощины между высотами 419 и 417. Однако встреченные сильным сосредоточенным огнем артиллерии, минометов и пулеметов, продвинуться не смогли и вернулись в исходное положение. На северо-западном склоне высоты 417 замечено усиленное накапливание немцев, по которому русская артиллерия открыла огонь.

В 14.30., согласно приказанию комкора, началась артподготовка 2-й контратаки, для чего вводились свежие силы. В 16.40. части 46-го Сибирского полка и 1 батальон 47-го Сибирского дружно бросились в атаку, но противник, начавший с 14.00. усиленный обстрел, постепенно довел его до ураганного, совместно с пулеметным и ружейным, каковым и встретил наши части. Русская контратака, как и утром, снова захлебнулась. Хотя успеха контратаки и не имели, однако ими была предупреждена назревавшая атака немцев на высоту 417 и задержано дальнейшие их продвижение в тыл.

Директивой № 104270 командарм, оценивая тактическое значение высот 419 и 417, приказывал принять все меры к безусловному их удержанию. В развитие директивы комкор приказал (№ 5137): 1) произвести перегруппировку, чтобы заменить сильно перемешавшиеся и пострадавшие части выводом в резерв; 2) к утру 19-го октября подготовить новую контратаку для восстановления положения, для чего 49-й Сибирский полк из резерва

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 18.

корпуса целиком поступал в распоряжение начдива 12-й Сибирской и перешел в Ставэнтынъ. Вывод этого полка из резерва состоялся в 17.00. 19 октября.

Командарм директивой № 104276 приказал 2-м полкам 47-й пехотной дивизии с дивизионом артиллерии перейти в район Шумляны – Бокув, оставаясь в армейском резерве. Русские легкие батареи в течение всего дня и вечера 19 октября поддерживали огонь по участку окопов, захваченных противником, с целью не давать закрепляться. Ввиду того, что не удалось сегодня разобраться с перемешавшимися частями, понесшими до 50 % потерь, и вследствие утомления людей 3-дневными боями, комкор приказами № 5149 и 5150 перенес контратаку на 20 октября¹. 20 октября для объединения перемешавшихся частей на атакованном участке комкор назначил генерал-майора фон Хелленса общим начальником и поставил ему задачу выбить противника из занятой им части русских окопов, удерживая прочно высоты 419-417 и назначив на 14.00. начало артподготовки.

С утра 20 октября русские колонны заняли исходное положение, а с 10 часов русская артиллерия повела методический огонь, но туман помешал вести планомерную подготовку, которая все же началась в 14.00. В 15.00. части колонны фон Хелленса дружно двинулись в атаку. Из-за сильного огня, атака успеха не имела. В 17.15. туман рассеялся и последовала новая артподготовка. Но за поздним временем, быстро появившимся туманом и наступившей темнотой, 2-ю атаку отложили. Командарм директивой № 104301 приказал привести в порядок части и немедленно приступить к самому прочному закреплению расположений за собой.

В 10.45. 21 октября противник открыл артогонь по ложине между высотами 419 и 417. К 11.40. огонь достиг значительной силы, распространившись и на высоту 417. К 14.30. русские окопы 1-й линии в ложине между высотами 419-417 и на высоте 417 были совершенно разрушены и в 15.15. немцы перешли в атаку и оттеснили сибирских стрелков в 3-ю линию. Двумя контратаками 49-го Сибирского полка немцы были выбиты из части ранее утраченных русскими окопов на высоте 419, но у высо-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 19.

ты 417 немцы удержались. Около 18.00. немцы, после усиленной артподготовки, вновь повели наступление на высоту 417 и потеснили 2 роты 45-го Сибирского полка, которые загнули свой правый фланг, войдя в связь с левым флангом отряда генерала фон Хелленса.

Командарм директивой № 104308 передал в распоряжение комкора 7-го Сибирского бригаду (187-й и 188-й полки) 47-й

Генерал-майор Ф.В. Степанов –
начальник штаба 7-го Сибирского
армейского корпуса
в мае 1916 – апреле 1917 гг.

пехотной дивизии с дивизионом артиллерии. Директивой № 104309 он приказал после смены на участке 22-го армейского корпуса перейти в район Шумляны – Бокув и другой бригаде (185-й и 186-й полки) той же дивизии. 47-ю дивизию в состав 7-го Сибирского корпуса командарм передаст 23 октября директивой № 104330.

Две контратаки, произведенные частями генерала Хелленса 22 октября, позволили выровнять несколько линию при продвижении вперед и на ней закрепиться, на остальном фронте корпуса – редкий ружейный, а местами – артилле-

рийский огонь и огонь траншейных орудий в районе 419-417.

В ночь на 23 октября на фронте корпуса обычная перестрелка, а на участке от высоты 419 до дороги в Ставэнтын 2-я бригада 47-й пехотной дивизии сменила расстроенные части 12-й Сибирской. В 14.30. 23 октября отбита германская атака на занятую 187-м Аварским полком высоту 417. Немцы залегли на подступах и обстреливались огнем русской артиллерии. Противник накапливался у высоты 417 и в районе церкви в Свистельниках. С наступлением ночи русские подтянули дивизионные и корпусные резервы. Атака повторилась 28 октября. 23 октября в командование 7-го Сибирского армейского корпуса вступил

бывший начальник 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии генерал Г.В. Ступин. Бывший комкор, генерал-лейтенант Д.А. Долгов, отчислен в резерв чинов.

24 октября и после – редкая перестрелка.

К рассвету 25 октября закончилась смена частей 12-й Сибирской дивизии на 47-ю пехотную, согласно приказу по корпусу № 5227. Первая отошла в корпусный резерв в район восточной окраины Ставэнтын – урочище Ляс Кобыла¹. Штаб – Охотничий двор Денисув. Таким образом, борьбу за высоты 417 и 419 продолжили бойцы 47-й пехотной дивизии.

Артиллерийская борьба

С 7 часов 29 октября противник открыл сильный огонь из минометов и бомбометов по окопам восточнее высоты 378 по обе стороны дороги на Ставэнтын и артиллерийский огонь по тылу этого района. После этой подготовки немцы атаковали роту 185-го полка, находившуюся еще после ночной атаки в совершенно разрушенных окопах, и, оттеснив ее, с большими потерями заняли небольшой участок наших окопов 1-й линии по обе стороны дороги на Ставэнтын. Контратака, проведенная в 14.30. после артподготовки ближайшими поддержками, не удалась. Комкор приказал (№ 5268) восстановить положение во что бы то ни стало. Тем временем на участке 13-й Сибирской дивизии – перестрелка. «Ввиду невозможности артиллерии действовать вследствие близкого взаимного расположения нашего и противника, комкор 7-го Сибирского ходатайствовал об отпуске минометов из других корпусов и из армейских запасов»².

Ночью на 30 октября на участке 13-й Сибирской дивизии разведчики препятствовали противнику производить работы и пытались захватить пленных, но бдительное охранение встречало их сильным огнем. В 9.00. на фронте 47-й дивизии началась подготовка брешей в проволочных заграждениях, но сильный туман затруднял наблюдение и корректирование огня. Противник отвечает энергичным огнём минометов и бомбомётов

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 203, л. 21.

² Там же, л. 21 об.

по участку 185-го и 186-го полков, что восточнее высоты 378. К 18 часам выяснилось, что подготовка брешей недостаточна вследствие тумана, и комкор перенес атаку на 31 октября, чтобы предварительно произвести перегруппировку артиллерии и частей.

Германский артиллерийский расчёт

Но и днем 31 октября из-за плохой видимости артподготовку пришлось отложить. Выяснено, что и артиллерия не может обеспечить достаточную поддержку ввиду близости окопов, почему решено бороться тем же оружием, как и немцы, то есть минометами. По просьбе комкора 7-го Сибирского, их отпустил 3-й Кавказский корпус. Минометы сосредоточили на участке 47-й дивизии, но атаку вновь отложили, так как не получено еще достаточно мин и не закончилась перегруппировка. Начдив 47-й пехотной генерал Зарин лично руководил операцией и личной разведкой определил способ действия атакующих частей.

В 14.30. 1 ноября началась минометная подготовка на участке 47-й дивизии и в 17.15 185-й и 186-й полки дружно атаковали окопы противника и, несмотря на сильный огонь, захватили утраченный ранее участок по обе стороны дороги Ставэнтън –

высота 378. Противник сосредоточил значительной силы огонь, но все же это не помешало нашим ротам закрепляться. При атаке взят 1 офицер и 22 нижних чина 5-го резервного полка 36-й резервной германской дивизии. Вечером и ночью противник произвел несколько контратак, отраженных русским огнем. Днем – дождь, град, дороги тяжелые.

Ночным огнем минометов причинены значительные разрушения во вновь занятых окопах, части, занимающие их, несут большие потери. Генерал Зарин, по осмотре донес, что окопы сильно изрыты воронками, наполнены грязью, кусками проволоки, обломками рогаток и находятся под непрерывным обстрелом со стороны противника минами и бомбами. Попытки русских рот установить в окопах пулеметы встретили крайнее затруднение ввиду трудности насыпки бруствера и углубления окопов из-за названных причин. Комкор разрешил оставить днем в окопах сильное охранение, а на ночь его усиливать. Около 19.00. и 19.15. 2 ноября отбиты немецкие атаки на стыке 3-й и 16-й рот 185-го Башкадыкларского полка.

В местах наибольшего сближения с противником ночью шел бой ручными гранатами, а на остальном фронте – перестрелка. На донесение Зарина комкор приказал, чтобы сохранить за собой захваченные окопы и чувствовать себя крепкими на этом участке – «принять все меры по их закреплению, привлечь дивизионный резерв к изготовлению плетней и рогаток и подноски их к окопам угрожаемого участка». Комкор выразил генералу Зарину благодарность за личное руководство, а участвовавшим войскам – за проявленную доблесть.

3 ноября – редкий огонь, а по участку 47-й дивизии – и минометный. Перед окопами 185-го полка в районе дороги Ставэнтынъ – высота 378 обнаружено много немецких трупов. Согласно приказу по корпусу № 140, 12-я Сибирская дивизия в ночь на 6 ноября сменила части 47-й пехотной от стыка с 3-м Кавказским корпусом до линии, идущей через букву «Р» надписи «р. Быбэлка» на северную опушку леса «Ур. под Комаровым». 47-я пехотная дивизия оставляет на позиции свою артбригаду и становится в корпусный резерв в районе восточнее Ставэнтынъ – Ур. Ляс Кобыла.

4 ноября 1916 г. был принят бежавший из плена младший унтер-офицер 20-го Туркестанского полка Ковтун. 9 ноября русская артиллерия рассеяла колонну противника из 3-х батальонов, двигавшуюся от Липица – Дольня на запад¹. 12 ноября – обычная перестрелка и ночные поиски разведчиков. Днем более оживленный огонь траншейных орудий на участке высоты 417 и восточнее высоты 378 до темноты. Окопы 45-го Сибирского полка на значительном протяжении разрушены немецкими минами и бомбами.

14 ноября директивой № 104615 командарм приказал 7-му Сибирскому корпусу «наравне с прочими выработать соображения по производству частных операций на фронте корпуса в пунктах, удобных для сего тактически». Задачи надлежало ставить выполнимые с обязательством удерживать за собой захваченное. На участке 12-й Сибирской дивизии ночью на 18 ноября подслушаны какие-то подземные работы в стороне противника по направлению русских окопов на юго-западном склоне высоты 417 в районе дороги Ставэнтынь – высота 378. За день же войсковым наблюдением отмечен приход 6 поездов на станцию Липица – Дольня. Директивой № 104615 командарм поставил задачу: наравне с прочими корпусами сковывать противника, не позволяя ему перебрасывать свои части на юг – для чего упорно оборонять занимаемые участки, непрестанно совершенствуя свои позиции и энергичными и планомерными поисками разведчиков тревожить неприятеля и следить за его группировкой. 21 ноября в районе к югу от Свистельников сибирские разведчики, переправившись через р. Нараювку, вынесли из Свистельниковой рощи 26 мотков колючей проволоки, 100 цинковых коробок с нашими патронами и без потерь вернулись обратно, а 22 ноября в районе Свистельников уничтожили 2 фугаса².

Поиски разведчиков

25 ноября в районе к югу от Свистельников (участок 13-й Сибирской дивизии) разведчики 49-го и 51-го Сибирских полков,

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 204, л. 3.

² Там же, л. 5.

поддержанные ротами, переправились через р. Нараювку. Немцы встретили переправлявшихся контратакой, которая была отбита разведчиками, но вынудила их отойти на восточный берег р. Нараювки, вынеся своих: 1 убитого и 6 раненых.

Директивой № 104760 участок 23-й пехотной дивизии от правого фланга (линия высота 331 – фольварк Краснолесье) 12-й Сибирской дивизии до ручья южнее железной дороги Потуторы – Мечишчув с 12 часов 27 ноября передан в состав 7-го Сибирского корпуса. 30 ноября и 1 декабря в районе «Клюва» захвачено по 1 турку 61-го полка 20-й турецкой дивизии. Над районом корпуса появлялось несколько самолетов противника, сброшенной с одного из них бомбой поврежден штаб 13-й Сибирской дивизии. 6 декабря в районе Ляс – Козакова убит командир батальона 91-го пехотного Двинского полка штабс-капитан Петерсен¹.

11 декабря на участке 12-й Сибирской дивизии принят перебежчик 5-го резервного полка 36-й резервной германской дивизии и в Мечишчувском лесу на участке 23-й пехотной дивизии захвачены 3 турка 63-го полка 20-й турецкой дивизии. 14 декабря – редкий огонь и поиски разведчиков на всем фронте корпуса. Войсковым наблюдением в районе «Охотничий дом» Ляс Козакова выявлено, что противником был выброшен над окопами белый флаг и из окопов кричали: «Рус, дай хлеба», «Дай супу», – в ответ на это был открыт с нашей стороны пулеметный огонь². Разведчики 49-го Сибирского полка сняли с немецких проволочных заграждений несколько экземпляров речи германского канцлера и прокламации на польском языке об установлении Польского королевства.

Днем 16 декабря появлялось по несколько самолетов противника. Одним сброшена бомба в Бокув: убито 2, ранено 5 нижних чинов и ребенок. Другой самолет, снизившись, обстрелял русские окопы в районе Свистельники. 17 декабря в районе «Клюва» захвачены 2 турка 61-го полка 20-й турецкой дивизии. 20 декабря там же разведчиками 89-го Белозерского пехотного полка пленены еще 3 турка того же полка. При опросе они жаловались на плохое питание, на общее утомление войной, говорили, что

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 204, л. 7.

² Там же, л. 8.

турецкие войска и народ ждут мира¹. В районе высоты 417 южная 25 декабря – оживленный огонь траншейных орудий. Немецкими минами причинены значительные повреждения и выведено из строя 15 нижних чинов.

26 декабря разведчики 50-го Сибирского полка под командой прапорщика Воцило произвели налет на немецкий секрет на опушке Свистельниковской рощи. 2 немца убиты и 2 захвачены в плен, оказавшиеся из 242-го резервного полка 53-й резервной дивизии. Пленные говорили, что 9 ноября они пришли с французского фронта и сменили гвардию. По записной книжке одного из пленных выявлено значение сигнальных ракет: красная и зеленая – неприятель наступает, красная – снаряды делают недолет, желтая – газовая атака.

Последнее наступление

В начале 1917 г. обстановка на фронте 7-го Сибирского корпуса не менялась, потери снизились в 1,5 раза по сравнению с концом 1916 г. Накануне последнего июньского наступления сибиряки располагались следующим образом: на Северном фронте генерала Драгомирова в 12-й армии генерала Парского – 6-й и 2-й Сибирские корпуса под Ригой; в составе Западного фронта генерала Деникина – 1-й Сибирский корпус в 10-й армии и 3-й Сибирский во 2-й армии генерала Веселовского. На Юго-Западном фронте генерала Гутора в 11-й армии – 5-й Сибирский корпус, в 7-й армии – 7-й Сибирский. На Румынском фронте генерала Щербачева в 6-й армии генерала Цурикова – 4-й Сибирский корпус, занимавший берег р. Серет.

Обстановка на фронтах была необычна для русской армии. Трудности материального обеспечения ушли в прошлое, но им на смену стали приходить новые – отказ войск выполнять приказы. Это следствие революционной демократизации армии было пока преодолимо, но в будущем грозило стать неразрешимой проблемой.

Тем не менее, 18 июня 1917 г. после двухдневной артподготовки армии Юго-Западного фронта начали свое последнее наступление.

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, д. 204, л. 9.

В нем участвовал 5-й Сибирский корпус в составе 11-й армии генерала Эрдели и 7-й Сибирский из 7-й армии генерала Бельковича. Проявляя порой эмоциональный порыв, прежнюю беззаветную лихость, наши войска быстро сдавали при трудностях, не демонстрируя прежней стойкости. Русские, благодаря тщательной подготовке, превосходству в живой силе и технике, достигли существенных успехов, значительно продвинувшись на запад. За период активных наступательных действий с 18 по 30 июня войска Юго-Западного фронта пленили более 800 офицеров противника, около 36 000 солдат и захватили множество трофеев.

Ведение журналов боевых действий в 7-м Сибирском корпусе продолжалось только до 1 мая 1917 г.¹ И в них не отражено участие корпуса в последнем наступлении русской армии. Но, судя по именованным спискам потерь полков 13-й Сибирской дивизии, сибирские стрелки

Генерал-майор А.Г. Лигнау –
начальник штаба 7-го Сибирского
армейского корпуса
в апреле–августе 1917 г.

участвовали в атаках. Потери за июнь 1917 г. были в 10 раз больше потерь марта или апреля 1917 г. Особенно напряженными были бои 3, 14 июня и на горе Дзике-Ланы 18–20 июня. Причем известно, что «из частей 7-го Сибирского корпуса выполнили приказ о занятии передовых позиций только разрозненные части, всего два с половиной полка»². Волнения в корпусе едва не вылились в форму открытого бунта. Исследователь Н.Г. Росс, напротив, пишет, что ударные части Юго-Западного фронта «разгромили мятеж 7-го Сибирского корпуса»³. Один из стрелков 47-го Си-

¹ РГВИА, ф. 2288, оп. 1, дд. 204, 205.

² Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М.: Наука, 1983. С. 27.

³ Росс Н.Г. Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.) // Новый часовой. СПб, 1994. № 2. С. 131.

бирского полка обвинялся «в антивоенной пропаганде и неподчинении власти Временного правительства».

Архивный документ

Командир 7-го Сибирского корпуса – начальнику 12-й Сибирской стрелковой дивизии № 520 от 6 июня 1917 г.

«Из бесед с членами войсковых комитетов и делегаций от полков приходится прийти к заключению, что в отношении солдат применяются иногда приемы, имеющие самые неблагоприятные последствия. Начальствующие лица, с целью побудить солдат выполнять какое-либо распоряжение, дают обещание ближайшего отдыха, смены, не вводить в бой».

Братание на фронте (второй справа С. Пуляевский). 1917. МБУК МИГИ

Рапорт начальнику 12-й Сибирской стрелковой дивизии от командира 47-го Сибирского стрелкового полка полковника Есиева от 7 августа 1917 г.

«Бывший комиссар 7 армии Загорский..., в своем обращении № 53 к лучшей части нашей армии в то же время беспощадно клеймит другую часть, называя изменниками, провокаторами, стадом трусливых баранов.

Справедливый гнев и глубокое возмущение, перед тем великим несчастьем, что постигло нас за последний месяц, конечно, вполне понятны. У каждого истинного патриота..., но это нисколько не исключает необходимости и для него держаться в своих выражениях в пределах возможности. Так как все обращение № 53 написано в общих выражениях без упоминания лиц и частей войск, а среди чинов вверенного мне полка нет офицеров, заслуживающих такого позорного клейма, то от имени своего и офицеров вверенного мне полка прошу запросить господина Загорского – кто именно будет вписан в историю на черную доску изменников?»

Людендорф писал: «Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май (время наступления, согласованное армиями Антанты в 1916 г.), то я с трудом себе представляю, как бы Верховное командование (Германии) вышло бы из создавшегося положения». Но история не допускает сослагательного наклонения, и в июле немцы смогли «выйти» из трудного положения. Германское командование ввело в бой резервы и остановило русское продвижение. Дальнейшие русские атаки не удались. Из Франции немцы перебросили 7 дивизий, 6 июля нанесли контрудар, и на участке, шириной в 20 км, продвинулись на 15 км в глубину. Удар пришелся по наиболее «революционно настроенной» 6-й Гренадерской дивизии, которая взбунтовалась, и увлекла в тыл весь 25-й армейский корпус. По признанию немцев, они были «ошеломлены» своими успехами. Германские атаки на соседний справа от бежавших гренадер 5-й Сибирский корпус были отражены 6-й Сибирской дивизией. Впредь немцы сибиряков не трогали, сместив удары к югу.

Уже 8 июля стала очевидной катастрофа всего русского Юго-Западного фронта. Л.Г. Корнилов писал: «На полях царят ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования». Из состава многих дивизий в бой вставали одни офицеры. К 10 июля, за 4 дня, революционные солдаты отдали врагу все, что было завоевано доблестью и кровью за 4 месяца Брусиловского наступления 1916 г. Только к 17 июля, благодаря несколько выросшему русскому сопротивлению, пе-

реброшенным резервам и трудностям снабжения, противник был остановлен.

Архивный документ

Ответы на телефонограмму о братаниях в 47-м Сибирском стрелковом полку (октябрь 1917 г.)

Командир службы связи штабс-капитан Выржиковский.

1. Немцы очень осторожны.
2. Наши солдаты считают немцев товарищами и лезут к ним, хотя немцы очень холодно относятся к этой дружбе.
3. Братаются.
4. Немцы прошли все наши окопы, вплоть до 3 линии. Были на батарее.
5. наших солдат немцы в окопы не допускают.
6. Торговля происходит. Хлеб меняют на сигареты, трубки, часы.

Командир первого батальона:

1. Отношение наших солдат к немцам – товарищеское и дружеское.
2. Немецкое к нашим на вид приятельское.
3. Братания происходят каждый день, усиленное стремление к которым с нашей стороны. Все попытки офицеров воспрепятствовать этому, остаются без всякого внимания, а иногда и репликами: «не слушайте, товарищи, а то у нас ничего не выйдет».

Командир второго батальона:

- 1... со стороны русских товарищеские.
2. Отношение со стороны немцев любезное и вежливое.
3. В 7 и 8 ротах случаи братания наблюдаются.
4. Попытки наших солдат проникнуть в немецкие окопы неудачны (дальше застав не пускают).

12 декабря 1917 г. комитет 47-го Сибирского полка, а 15 декабря и комитет 51-го Сибирского, отправили в Центральную Украинскую Раду резолюции. В них, в частности, говорилось:

«Рада на требование русских революционных войск о замене их украинцами на территории Украины, ввиду украинизации (объявленной генеральным секретариатом Рады. – П.Н.) Юго-Западного и Румынского фронтов, ответила арестом военно-революционных комитетов, разоружением русских революционных частей, шедших против контрреволюционных попыток Каледина и Ко»¹. Полковой комитет 47-го Сибирского заявил, что «полк с позиций снимается и требует беспрепятственного пропуска через Украину со всем имуществом и оружием, что свое требование в случае препятствий полк поддержит всеми имеющимися у него средствами – включительно до оружия».

Архивный документ

План обороны 47-го Сибирского стрелкового полка от 01.11.1917 г.

1. Задача – упорно обороняться на занимаемых позициях.

2. Сила – три батальона – 12 рот, команда пеших разведчиков, команда grenадер, 10 пулеметов.

Противник пассивен. Против дивизии стоят 102 ландверный, 244, 25 резервные германские полки, 40 запасной полк в резерве...

4. Местность – открытая, удобная для обзора и обстрела.

5. Протяженность позиций – около 4500 метров.

6. Состоит из передовой 2 линий окопов на западном берегу р. Гнилы, основной из одной линии на восточном берегу реки.

7. Дух войск: «Понижен, устойчивости нет, впечатлительность в отношении арт. огня большая, на решительные контратаки рассчитывать трудно».

Оборону вести главным образом артиллерийским и пулеметным огнем. Упорно оборонять линию окопов на западном берегу р. Гнилы и без особого приказа не оставлять этих участков ни под каким видом.

¹ Войсковые комитеты действующей армии (март 1917 – март 1918). Сб. док. М., 1982. С. 468, 579.

Дивизии 7-го Сибирского корпуса были расформированы в марте 1918 г. Демобилизация 7-й армии завершилась в апреле в городах Центрально-Черноземного района. Завершая данную главу, приведем воспоминания капитана 32-й артбригады В.Е. Милодановича: «Во время демобилизации в местечке Новоселицы Бессарабской губернии, я был в 5-й батарее во время прощания с канонирами. Они выглядели мрачными и озабоченными, и я не удержался, чтобы не съязвить:

– Ну, вот и конец войны! Вы так этого хотели, что теперь должны радоваться!

– Не такого конца мы ожидали! – ответил один за всех».

* * *

Под Митавой в июле 1915 г. в разгар боев был образован 7-й Сибирский армейский корпус. Включенные в него 12-я и 13-я Сибирские дивизии уже имели славное, хотя и недолгое, боевое прошлое. Они были образованы по всеобщей мобилизации лета 1914 г. и с честью выдержали экзамен первых боев. 12-я Сибирская дивизия стала единственным соединением из Сибири, оказавшимся в кампанию 1914 г. в Карпатских горах.

Как показывает анализ именных списков потерь, дивизии 7-го Сибирского корпуса являются печальными рекордсменами по выбытию людей из строя. Сибирские полки с номерами от 46-го до 52-го потеряли каждый от 14 000 до 16 000 человек при штате в 4245 человек.

7-й Сибирский армейский корпус оборонялся на самом севере русско-германского фронта, в августе 1916 г. он был переброшен на Украину. В многомесячных боях у д. Свистельники сибирские стрелки пытались развить выдохшееся наступление Юго-Западного фронта.

За Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли 5257 солдат убитыми, 19 937 ранеными, 20 714 пропавшими без вести, что составляло три полных состава. Георгиевские награды получили 4 генерала: А.О. Зундблад, М.О. Иванов, В.Н. Кольбе, Н.И. Сулимов и 54 офицера дивизии: Б.В. Антипин, С.Н. Барановский, В.И. Барбашин, В.И. Бе-

ресторудь, П.М. Бодрицкий, Г.В. Бродянский, В.Н. Будаевский, П.Г. Бурлин, П.М. Вдовиченко, Е.И. Волох, Б.Ф. Выговский, В.А. Гачковский, Э.Ф. фон Гейман, В.А. Геймовский, Э.Е. Гельман, А.В. Горин, А.А. Григорьев, К.А. Добровольский, П.Г. Душин, К.-А. М. Есиев, Н.А. Жданов, И.Н. Ильясевич, Е.М. Казачинский, Г.А. Калачев, А.И. Кальный, К.И. Кекелия, П.И. Коваленко, М.А. Котович, А.А. Краузе, Э.А. Куббо, П.А. Курьяк, Н.Ю. Кучевский, В.В. фон Ланг, И.П. Лютик, С.В. Медзевич, П.В. Меркулов, Н.И. Милевский, К.М. Несытов, В.П. Охлопков, Н.Л. Приоров, А.А. Прусиновский, И.М. Регов, Л.Л. Родцевич-Плотницкий, К.Н. Смирнов, И.А. Снигиревский, В.С. Стуров, М.Н. Тарасевич, И.И. Терванд, Д.Н. Тишгейзер, Н.Э. Трембинский, П.Г. Фелицын, И.Д. Цицианов, В.П. Чистяков, Д.И. Яковлев.

В 13-й Сибирской дивизии Георгиевских наград удостоено 26 офицеров: Б. Алексеев, А.А. Алякринский, В.И. Беликович, Ф.М. Богорский, М.П. Гантимуров, К.Л. Дымман, В.И. Егоров, С.Г. Загржевский, А.Г. Иваченко, Н.А. Ильинский, А.И. Кальный, А.И. Камбалин, Н.Я. Кейгерист, И.И. Кокойло, В.И. Колаковский, П.Г. Куприянов, Ф.Г. Кярик, И.Д. Покровский, Г.Н. Саввин, А.П. Солодянкин, Г. Толкачев, В.П. Тунгусов, Н.Н. Ульянов, П.В. Хорошеньков, Ф.Ф. Чижевский, И.А. Яблочков.

Иркутские казаки в боях

Как служили Иркутские казаки в Первую мировую войну? Чтобы ответить на этот вопрос как можно полнее, рассмотрим вначале устройство казачьего быта, а также приведем несколько биографических сведений, касаемых командного состава.

Организация. Тянувшееся с XIX века землеустройство казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний, привело к тому, что «...не обеспеченные земельно, казаки для своего пропитания во многих случаях обращаются к отхожим промыслам, вырождаясь в тип безземельного пролетариата»¹.

Многочисленные ходатайства командования Иркутским военным округом и генерал-губернатора Восточной Сибири А.Н. Селиванова перед правительством и Министерством госимущества о справедливом наделении иркутских казаков достаточными земельными наделами нисколько не улучшили положения.

В 1914 г. общий земельный фонд казачества несколько вырос, но естественный прирост казачьего населения начисто «съел» все добавления. Лишь в Нижнеудинском уезде (и то главным образом только у куйтунских казаков) надел земли на мужскую душу достиг 34 дес. – 23 дес. удобной и 7 дес. неудобной земли, плюс 4 дес. леса. Наделы остальных казаков Иркутской губернии производили удручающее впечатление, кое-где в сравнении с 1901 г. даже снизились. У казаков г. Иркутска было по 6 дес. удобной, по 1 дес. неудобной и по 29 дес. леса, Балаганского уезда – по 2 и 6 и 16 соответственно, Киренского – по 2,9 и 0,5 и 0,1, Верхотурского – по 0,7 и 0,7 и 0, Иркутского же суммарно – по 14 десятин².

Толчок к ускоренному землеустройству иркутского казачества дала начавшаяся Первая мировая война. Теперь военные буквально взяли за «горло» руководство поземельно-устроительных партий. Всего за год чиновникам удалось в значительной мере обеспечить иркутское казачество землей. В 1915 г. руководство поземельно-устроительных партий отчиталось: в Иркутске и Тунке казакам отведено 66 340 дес., в Балаганском

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 296. Л. 15.

² Составлено по материалам: РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 526. Л.156 об.

уезде казаки получили 12 825 дес., а Нижнеудинские казаки – 17 393 дес. земли. Всего иркутскому казачеству было отведено 96 558 дес. земли (из них свыше 90 % удобной), или около 29 дес. на мужскую душу, т. е. почти по положенной норме¹. Лесной фонд остался неизменным, и при отводе земель не учитывался. Кроме того, началось проектирование земель войскового запаса и офицерских участков, которое было закончено к концу 1917 г. Необеспеченными земельными наделами остались лишь киренские и верхоленские казаки, до которых просто тогда еще «не дошли руки». Их землеустройство началось в 1916 г. и было прервано революцией.

Иркутские казаки

Так, тянувшееся на протяжении почти полувека землеустройство восточно-сибирских казаков, было окончено лишь в 1918 г. с приданием им войскового статуса, следствием чего стало окончательное размежевание крестьянских и казачьих земель, которое привело к автономному и обособленному юрто-

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 538. Л. 205 об.

вому (станичному) земельному фонду. Тем самым были устранены главные отличительные черты казачьего населения Восточной Сибири от российского казачества – совместное с крестьянством землепользование и волостное административное устройство.

Согласно приказу по военному ведомству под № 334 от 10 июля 1910 г., иркутские и енисейские казаки получили новый порядок отбывания воинской повинности. Военная служба восточно-сибирских казаков была изменена на более приемлемую для них, но все же отличавшуюся от обычного порядка военной службы в казачьих войсках. По достижении 19 лет молодых казаков-новобранцев зачисляли в приготовительный разряд сроком на один год, в течение которого призывники обязаны были полностью подготовиться к действительной военной службе, включая обязательное отбывание месячного лагерного сбора. Затем следовала трехлетняя действительная воинская служба – с 20 до 23 лет. До 30 лет казаки находились на льготе, и обязаны были содержать в исправности все предметы обмундирования и амуниции, кроме лошадей. Затем до 38 лет казаки попадали в разряд внутренних служащих, и могли быть задействованы в интересах Министерства внутренних дел, без согласия на то военных. Общий срок военной службы составлял 18 лет, плюс год приготовительного разряда. С 38 до 48 лет (10 лет) казаки числились в ополчении и выходили на службу в мирное время добровольно.

Проводя реформу 1910 г., военные учли все пожелания МВД, в результате чего иркутские и енисейские казаки стали служить на значительно лучших условиях, чем все российское казачество в целом (по году меньше кадровая служба и нахождение на льготе). С 30 лет казаки могли быть использованы только с разрешения МВД, поэтому и числились они в разряде внутренних служащих, а не запасных – как в других казачьих войсках.

Новый порядок прохождения воинской службы резко усилил боеспособность подразделений. Командование округом подчеркивало, что данная мера с одной стороны, позволяет укомплектовывать штаты сотен однородным по возрасту личным составом, но с другой, военным пришлось ограничить прием казаков

на службу. По штату казаков выходило на службу: иркутян – 144 человека, енисейцев – 99, а молодых казаков призывного возраста, в результате естественного прироста – стало значительно больше.

Призыву ежегодно подлежала одна треть от штатного числа, т. е. около 80–85 казаков с двух губерний, в то время как годных к службе новобранцев было почти 150 казаков. Это приводило к тому, что более трети призывников у иркутских казаков, а у енисейских казаков больше половины, не проходя действительной военной службы, сразу же увольнялась прямо на льготу¹.

Такое положение вещей сильно озаботило военных, которые прекрасно понимали, что казаки обязаны быть должным образом обучены в случае войны, а тут довольно большая масса молодых казаков вообще не отбывает действительную военную службу. Поэтому разработали новое штатное расписание, по которому в мирное время иркутские казаки должны были формировать двухсотенный конный дивизион сокращенного состава (вместо одной сотни), а в военное время четырехсотенный конный полк (вместо прежнего трехсотенного конного дивизиона). Однако перейти на новое расписание не успели – в августе 1914 г. началась мировая война.

Поэтому, вплоть до 1916 г. (когда война заставила отправить на фронт сводные сотни) действовал регламент 1910 г. Согласно ему, иркутские и енисейские казаки выставляли на военную службу: в мирное время – по одной казачей сотне полного состава в 144 казака при 6 офицерах (Иркутская казачья сотня), и сокращенного состава в 99 казаков при 6 офицерах (Красноярская казачья сотня). В военное время развертывались трехсотенные конные казачьи дивизионы полного состава (при 543 лошадях). В них должно было числиться по 482 казака (439 строевых и 43 нестроевых) при 11 офицерах и 3 военных чиновниках². В мобилизационных расписаниях и Иркутский, и Красноярский дивизионы неизменно числились не среди частей, «подлежащих перевозке на западную границу в случаи мобилизации», а среди «остающихся в Иркутском военном округе»³.

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 197. Л. 44.

² Там же. Л. 89.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3996. Л. 8.

Численность иркутских и енисейских казаков была значительной в боевых формированиях – 144 и 99 чел. соответственно (максимально по полковому штату – 196 чел.), в то время как населения насчитывалось чуть более семи тысяч лиц казачьего сословия. Процент неспособных к военной службе был очень низок и не превышал 2-3 чел. со 100 душ призывного возраста. Для сравнения, в 1911 г. в Амурском войске несло службу 35 офицеров, 413 нижних чинов... Уссурийское войско выставляло 26 офицеров, 298 нижних чинов. Т. е. при населении в 5-6 раз большем, чем у иркутян, казачьи войска Дальнего Востокаставляли на службу в мирное время (в перерасчете) значительно меньше строевых казаков (неспособные к службе здесь составляли 11 % и более). С наибольшей отчетливостью данное несоответствие проявилось в годы мировой войны.

После реорганизации 1911 г. иркутское и енисейское казачество стало выставять по военному ведомству 2 конных сотни, укомплектованных проходящими действительную службу молодыми казаками, а также несколько команд для службы в других ведомствах, где за жалованье проходили службу льготные и внутренне служащие казаки.

Порядок отбывания воинской повинности, вплоть до 1911 г., не позволял иркутскому и енисейскому казачеству заниматься производительной деятельностью. Он закрепощал в казаках потребительское отношение к жизни и напрямую «толкал» их на выполнение привычных полицейских обязанностей – основного источника средств к существованию.

Именно такая система выполнения повинности «консервировала» специфический тип восточно-сибирского «служилого казака». Реформа 1911 г. дала казачеству свободное время, заставила уделять внимание хозяйственной деятельности и тем самым устранила одно из принципиальных отличий от казаков России в целом. Реорганизация воинской службы позволила сместить и аспекты боевой подготовки иркутского и енисейского казачества: с полицейского на военный.

Командный состав. В 1907–1909 гг. Иркутской сотней командовал есаул Василий Онисимович Агафонов, в 1913 г. – вой-

сковой старшина князь Бекович-Черкасский, в 1914 г. – войсковой старшина Каргополов¹.

Командный состав казачьих сотен комплектовался из офицеров, числившихся по регулярной кавалерии. В силу этого они не могли принадлежать к казачьему сословию и не имели права на получение земельного пая². Большинство офицеров по происхождению не являлись казаками. Так, например, в 1912 г. из 7 офицеров Иркутской казачьей сотни только подъесаул Усов был иркутским казаком. Уроженцами г. Иркутска были подъесаул Селиванов, сотники Кубинцев и Попов. Первые два офицера в 1917 г. были приняты в войсковое сословие станичными сходами (Спасская станица и Покровский поселок Крестовоздвиженской станицы соответственно). Остальные же офицеры, включая командира сотни войскового старшину князя Бековича-Черкасского, командировались для управления сотней из армейских частей.

В целом офицеры Иркутской и Енисейской казачьих сотен отличались хорошей военной подготовкой, а некоторые из них имели боевой опыт войны с Китаем и Японией. Так, например, родившийся 14 мая 1870 г. в с. Бековичево в Малой Кабарде князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский, был награжден за Русско-японскую войну шестью боевыми орденами – Св. Анны 2-й ст. с мечами, 3-й ст. с мечами и бантом, 4-й ст. «За храбрость» (анненское оружие), Св. Станислава 2-й ст. с мечами, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В боях был ранен, и за отличие в службе получил чины есаула и войскового старшины³. В Первую мировую войну полковник Бекович-Черкасский воевал в рядах Кабардинского полка. Затем – командир Татарского конного полка, а в 1917 г. – лейб-гвардии Кирасирского его Величества. За отличия 23 мая 1916 г. удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, произведен в генерал-майоры. В Гражданскую – на командных должностях в Добровольческой армии и вооруженных силах Юга России. Умер в 1953 г. в Париже.

¹ Краткое расписание сухопутных войск. Исправленное по 1 июля 1907 г. СПб., 1907; То же к 1-му августа 1913 г. СПб., 1913; То же к 1 марта 1914 г. СПб., 1914.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 423. Л. 51.

³ РГВИА. Ф. 5274. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

Иркутск. МБУК МИГИ

Участвовал в войнах с Китаем и Японией подъясаул Никифор Николаевич Усов (родился 1 июня 1871 г.). Путь этого офицера был обычным для иркутского казака – окончил четырехклассное городское училище им. Александра III, затем Иркутское военное училище по второму разряду. Службу начал в 1890 г. нижним чином, и только через десять лет был произведен в хорунжии. В 1909 г. за «...ревностную и безупречную службу» Н.Н. Усов получил «Высочайшее благоволение». В служебной аттестации 1912 г. указано про уровень подготовки – «Хороший. Подлежит в оставлении в должности» помощника командира сотни и заведывающего хозяйством¹.

Взводный офицер Алексей Николаевич Селиванов (родился 6 августа 1876 г.) происходил из офицерской семьи, уроженец г. Иркутска. Учился в Иркутском промышленном училище, позднее окончил четырехклассное городское училище им. Александра III, затем Иркутское военное училище по второму разряду. Чин хорунжего получил лишь чуть позднее Усова, на 1912 г. ис-

¹ РГВИА. Ф. 5274. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

полнял обязанности адъютанта командира сотни и казначея. В феврале 1902 г. Селиванов находился под дознанием по делу нанесения побоев денщику солдату Гарифуле Исикееву¹. Причина – неправильно поставленные на просушку валенки и не там повешенная сбруя. По итогам дознания начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Петров предписал посадить Селиванова на гауптвахту под арест на 7 суток.

В течение шести лет Селиванов был наблюдающим за землеустройством иркутского казачества. Именно ему казаки доверяли больше всего, видя, как офицер принципиально и твердо защищает земельные интересы казачества – «...г. Селиванов с честью и безупречным знанием дела выполнял свое назначение и оказался для нашего землеустройства незаменимо полезным», – так писали куйтунские казаки в благодарственном письме². За свою честность Селиванов нажил множество недоброжелателей и врагов среди землеустроителей и чиновничества, но интересы казаков ставил превыше собственных. За безупречное выполнение служебных обязанностей в 1911 г. офицер был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени³.

Еще один офицер, чьи свидетельства мы в свое время еще приведем – это Валентин Михайлович Кубинцев (родился 14 февраля 1883 г.). Кубинцев был сыном статского советника, уроженец г. Иркутска. Окончил полный курс классической гимназии, затем Иркутское военное училище по первому разряду. Чин подпоручика получил по окончании училища в 1906 г., потом перевелся взводным командиром в Иркутскую казачью сотню, и в 1909 г. стал сотником, а незадолго до мировой войны, и подъясаулом. За безупречное выполнение служебных обязанностей в 1910 г. офицер был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В служебной аттестации 1912 г. указано про уровень подготовки – «Хороший. Подлежит в оставлении в должности»⁴.

Таким образом, в 1912 г. впервые в Иркутской казачьей сотне служило три офицера, которые принадлежали к иркутскому

¹ РГВИА. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 255. Л. 3.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 521. Л. 57.

³ РГВИА. Ф. 5274. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-3 об.

⁴ Там же. Л. 2-3 об.

казачеству (правда, двое из них были зачислены в войсковое сословие лишь в 1917 г.). Обычно, в сотне служил лишь один офицер – иркутский казак, но порой в составе сотни иркутских казаков-офицеров не имелось, впрочем, как и из других казачьих войск. В чем причина такой кадровой политики окружных штабистов, ответить трудно, хотя перед Первой мировой войной был почти десяток кадровых офицеров из иркутских казаков (считая Селиванова и Кубинцева). Трое из них служило в сотне, один (А.А. Могилев) в Красноярской казачьей сотне, пятеро в забайкальских казачьих полках, из них четверо – в 1-м Нерчинском казачьем полку Уссурийской конной дивизии.

В годы Первой мировой войны

Мобилизация Иркутского и Красноярского казачьих дивизионов была объявлена 26 июля 1914 г. И хотя командование Иркутского военного округа подготовило все планы и расписание заранее (к 1912 г.), сама мобилизация прошла лишь немногим лучше мобилизации 1904 г. Сроки прибытия казаков в казармы дивизионов составляли от 10 дней (красноярские и иркутские городовые казаки собрались на 6 дней раньше, чем в Русско-японскую войну) до 3 месяцев (казаки северных уездов). Беда была не только в этом – 38 казаков явились в казармы без обмундирования, снаряжения или лошадей¹. Остро не хватало офицерского состава. Если по штату полагалось на дивизион 11 офицеров, 482 вахмистра, урядников и казаков (439 строевых и 43 нестроевых), а также 543 лошади, то налицо было всего 6 офицеров (8 по списочному составу). Дивизион имел незначительный сверхкомплект по казакам на 17 человек и на 11 лошадей².

Сразу же после начала войны еще не отмобилизованные Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы были переданы в распоряжение МВД (единственные среди российского казачества), а их служба, согласно циркуляра Главного управления

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 531. Л. 8 об.

² Там же. Д. 126. Л. 154.

Генерального штаба № 134132 «ничем не должна отличаться от мирного времени»¹.

Дальше – хуже, как говорит народная мудрость. Ненормальность ситуации состояла в том, что молодые казаки призывов 1912, 1913 и 1914 гг., отслужив действительную службу, увольнялись на льготу и больше не призывались. Тогда как их старшие станичники разрядов льготного и внутренних служащих были вынуждены служить бессменно все годы войны.

Штаб Иркутского военного округа

Порочность такой политики МВД отчетливо проявилась в 1916 году с отправлением на ТВД сводных казачьих сотен, после чего в дивизионе стали служить и казаки старше 38 лет². Пожилые ополченцы, обремененные семьями, обязаны были служить, а молодые холостяки откровенно отлынивали, и даже не предлагали заменить собой более старшие возраста (зачастую, своих же старших братьев или даже отцов). Дело дошло до того, что на военной службе оставались больные казаки. Так, например, казак Филимон Зверев умер 23 апреля 1915 г. от туберкулеза легких, будучи призван на службу со льготы больным³.

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 526. Л. 298; Д. 521. Л. 21.

² Там же. Д. 526. Л. 398.

³ Там же. Д. 538. Л. 30.

Казакам, служившим в полиции, горной страже и прочих государственно-охранительных формированиях, была предоставлена, по решению товарища министра внутренних дел генерала В.Ф. Джунковского, отсрочка от призыва до 28 мая 1916 г. Более того, всех стражников и полицейских, которые добровольно отомобилизовались и пришли в казармы казачьего дивизиона, вскоре уволили на льготу, и они снова приступили к выполнению охранно-полицейских обязанностей. Военные не могли не «...уважить законную просьбу губернатора и уволить казаков ... от службы». Вслед за служителями МВД, демобилизовали и всех учителей войскового сословия¹.

В 1916 г. командование Иркутским военным округом отмечало, что «... есть казаки 1912 г. и 1913 г., находящиеся на льготе, и вообще не явившиеся до сего по мобилизации на службу»². Многие «уклонисты» при этом ухитрились вообще не отслужить ни одного дня действительной службы (и это при обязательной, чуть ли не поголовной, военной службе казачества).

Причина такого явления лежит не только в психологии (иркутские и енисейские казаки отлынивали от службы по вполне официальным причинам), а в лени и головотяпстве ...командования Иркутским военным округом, которое 3 года тянуло с разработкой нового штатного расписания, по которому в мирное время должно было призываться на военную службу около 400 казаков с обеих губерний вместо 250 (около 150 казаков увольнялись прямо на льготу не отбывая воинской повинности). Офицеры окружного штаба откровенно проволынили, считая три года, сколько подштатников надо выдавать казакам, или сколько мехов должно быть у полевой кузницы...

И такое положение для молодых иркутских казаков продолжалась около двух лет «Великой войны». К началу 1916 г. в Иркутском казачьем дивизионе был большой некомплект – 8 офицеров вместо 11, 406 казаков вместо 482, 459 лошадей вместо 543 по штатному расписанию³. Только к апрелю 1916 г., когда на фронт были отправлены сводные сотни в явочном порядке, и более полусотни казаков сбежало туда уже по личной инициативе,

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 526. Л. 1-6, 9, 31; Д. 545. Л. 69, 73.

² Там же. Д. 545. Л. 140.

³ Там же. Д. 538. Л. 203.

командование добилось права от мобилизовать всех казаков до 38 лет включительно для доукомплектования поредевших дивизионов. При этом приказ Военного министерства № 201 от 20 апреля 1916 г. устанавливал следующие выплаты призываемым казакам – новобранцам по 300 руб., льготникам 2-й очереди – по 200 руб., а 3-й – по 300 руб., разряда внутренних служащих – 300 руб., а охотникам (т. е. тем молодым казакам, кто был демобилизован в 1914–1916 гг. «согласно мирного времени» и согласился выйти на военную службу добровольно – призвать их было не в компетенции военных кругов, они числились за МВД) – 300 руб., плюс дополнительная выплата в 200 руб¹.

Денежные выплаты привлекли к тому, что охотниками заявилось большое число ополченцев и «белобилетников». После проведения для последних медицинской комиссии выяснилось, что 9 казаков, «...ранее негодных на службу, оказались годными»².

Выплата пособий, увеличенного жалования и других доходных статей, предоставление казакам длительных отпусков для посевной и уборки урожая, позволили не только компенсировать ушедших на фронт казаками старших возрастов, но и увеличить сверхкомплект людского состава в дивизионах.

Не обошла иркутское казачество и такая беда, как «амбюскирование», когда богатые и интеллигентные слои населения, под любыми предлогами уклонялись от военной службы (за взятки или «по знакомству»), пристраивались в «тепленьких» местечках. Так, например, иркутский казак И.И. Гаськов, владелец кадаликанского прииска «Товарищ» в Ленском округе, имея влиятельного покровителя – гофмейстера Высочайшего двора Якова Ратькова-Рожнова и владельца 9 золотых приисков³, был уволен со службы. Добился увольнения и его товарищ, казак П.П. Литвинцев, богатый иркутский домовладелец. Позднее вышеупомянутый Гаськов долго подвизался в Войсковом правлении, вплоть до апреля 1920 г.

На Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы окружным командованием было возложено выполнение целого ряда функций: несение внутренних нарядов и гарнизонной, окарау-

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 566. Л. 157; Д. 545. Л. 141, 165, 170–172.

² Там же. Д. 545. Л. 194, 199.

³ Там же. Д. 545. Л. 96–98.

ливание военнопленных и доставка их в специальные лагеря, и самое главное – сопровождение маршевых рот, следующих для пополнения действующей армии (т. е. контроль за воинскими подразделениями на случай возникновения в них беспорядков)¹.

Иркутский казачий дивизион имел три сотни под командованием есаула Усова (1-я), подъесаула Кубинцева (2-я) и есаула Селиванова (3-я). С 1915 г. есаул Н.Н. Усов принял на себя командование дивизионом. Сотни несли гарнизонную и охранную службу в Иркутске, охраняли Крутобайкальскую железную дорогу и сопровождали маршевые роты от ст. Березовка (близ г. Верхнеудинска Забайкальской области) до г. Ачинска Енисейской губернии. Комплектовались сотни не по территориальному принципу (по станицам), а по возрастному, общепринятому у казачества, критерию: 1-я сотня была кадровой, 2 и 3-я комплектовались соответственно казаками 2 и 3-й очереди льготного разряда. Так, например, казаков Головинской станицы служило: в 1-й сотне – 11, во 2-й – 15, а в 3-й – 13².

Красноярский казачий дивизион под командованием есаула Александра Александровича Могилева (иркутский казак) выполнял подобный перечень задач, его конные сотни несли охранно-полицейскую службу, как в Красноярске, так и время от времени в других городах – Томске, Минусинске, Ачинске, Канске и Нижнеудинске.

Следует подчеркнуть, что именно военно-полицейская служба стала препятствием для отправления восточно-сибирских казаков на фронт. Здесь иркутское казачество проявило наиболее характерные, сложившиеся на протяжении столетий, полицейские черты. В 1914 г. казаки погасили волнения новобранцев в Ачинске и Минусинске. В 1916 г. Иркутскому и Красноярскому казачьим дивизионам удалось, не прибегая к чьей-либо помощи, пресечь волнения солдат Красноярского гарнизона³. В сентябре 1917 г. в Иркутске Иркутский казачий дивизион разоружил солдат 9-го и 10-го Сибирских запасных полков. Поэтому

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 545. Л. 194, 199.

² Там же. Д. 538. Л. 243.

³ Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири 1916 – февр. 1918 гг. Новосибирск, 1978. С. 65,

даже сама мысль об отправке на фронт этих казаков, для МВД была недопустима.

Казаки 3-й сотни Иркутского казачьего дивизиона. МБУК МИГИ

В силу этого, даже направление на фронт пожилых казаков, давно уже находившихся в ополчении, и выразивших желание отбыть на фронт добровольцами, встречало противодействие. Так, просился на войну отставной вахмистр иркутской казачьей сотни Василий Агафонов, но МВД отказало просителю, мотивируя тем, что «...взятие отставных... только по Высочайшему разрешению»¹. Следует отметить, что позиция МВД была обоснованной, и в определенной степени поддержана военным ведомством. Все дело в том, что царское правительство опасалось «углубления» китайской революции 1911 г. и «перекидывания» волнений на Урянхай и Монголию. Поэтому в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке осталась существенная часть казачьих формирований, а также не проводилась мобилизация частей 3-й очереди, кроме 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

На фронтах Первой мировой войны воевало до 370 тыс. казаков или 7,6 % от всего казачьего населения России. При этом

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 494. Л. 39.

на военно-полицейской и военной службе было задействовано более 10,5 % от населения иркутских и енисейских казаков. Сибирское же казачье войско направило 8,6 % населения, преимущественно в боевые части. Таким образом, восточно-сибирское казачье население выставило максимально допустимое для него число служивших. Этот факт свидетельствует об определенной политике государства, связанной не только с одним полицейским аспектом службы казаков Иркутской и Енисейской губерний в тылу.

«Бегство» на фронт

С первых дней мировой войны началось «бегство» иркутских казаков на фронт. Но если в 1914 г. бежали единицы, то в 1915 г. это явление приняло «обвальный» характер, причем бежали иной раз уже не в индивидуальном порядке, а массово, иногда целыми подразделениями, вместе с лошадьми и снаряжением.

Генерал от артиллерии А. Н. Нищенко –
временно командующий войсками
Иркутского военного округа
в августе–ноябре 1914 г.

Беглецов отлавливали или возвращали обратно, но в 1915 г. многим «дезертирам» удалось попасть в действующую армию.

В штаб Иркутского военного округа 5 апреля 1915 г. поступила из Карса (Кавказская армия) следующая телеграмма: «Третий Верхнеудинский полк прибыли бежавшие казаки Иркутского казачьего дивизиона Иван Черемисов, Иван Замяткин. Согласен зачислить штат полка при условии высылки полку их строевых лошадей и всего снаряжения вместе с лошадьми высылаемыми бригаде наказным атаманом, противном случае прошу указать куда

вернуть. Ответ благоволите телеграфом 78. Стояновский». Благодаря есаулу Селиванову, из сотни которого удрали казаки, их лошади и снаряжение были высланы, причем «...лошадь Замяткина больна и казак Михаил Потылицын уступает свою вполне здоровую лошадь»¹.

Казаки быстро почувствовали «слабину» у начальства, и осенью 1915 г., когда русская армия с боями отступала, оставляя Польшу и Литву, бегство казаков приняло массовый характер. Бежали иной раз и целыми подразделениями. Так, к 1916 г. Иркутский казачий дивизион лишился 93 казаков (вместо 499 по списку, налицо оказалось 406), большую часть которых составляли бежавшие на фронт. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что «дезертиров» охотно принимали в забайкальских казачьих полках, командиры которых категорически отказывались отправлять их обратно, поступая по старому казачьему принципу – «С Дона выдачи нет». Боевых офицеров можно понять – они просто не могли высылать иркутских казаков обратно, иначе бы смута проникла бы в головы забайкальцев (почему мы воюем, а иркутяне околачиваются в тылу). Вероятно, именно маршевые пополнения забайкальских казаков, с молчаливого поощрения своих офицеров, «прикрывали» иркутских казаков, иначе те не смогли бы добираться до фронта с лошадьми. Бежали казаки и в партизанские отряды, которые стали повсеместно создавать при армиях и фронтах. Понятно, что высылать из них лихих и отчаянных казаков обратно в части не стал бы ни один здравомыслящий офицер, и не менее 10–15 иркутских и енисейских казаков служило именно в таких отрядах.

МВД все же нашло способ приостановить «дезертирство». Когда иркутский казак Александр Толмачев, служивший партизаном в конном отряде особой важности Западного фронта, подал прошение в Никольскую казачью волость о выплате ему как фронтовику положенных 75 руб., то командир дивизиона есаул Усов отписал: «...так как бежал в армию, ... то выплатить нельзя»².

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 526. Л. 291-295.

² Там же. Д. 545. Л. 125-126 об.

Бежавшие на фронт казаки льготами не пользовались, т. к. считались дезертирами. Поэтому ни пенсий, ни вспомоществований семьям фронтовиков не выплачивалось. Военное министерство мотивировало этот отказ тем, что Иркутский и Енисейский казачьи дивизионы, согласно п. 13, ст. 26, 44 раздела Сибирского свода законов т. 11, изданного в 1892 году, состоят в ведении МВД и поэтому по закону 12 июня 1912 года, военное ведомство «... не имеет возможности оказать признания семействам казаков»¹. Получить пенсии семьям в случае гибели казака, пайки и пособия от МВД было для беглецов проблематичным делом. Но казаки бежали на фронт несмотря ни на какие препоны!

Штаб Иркутского военного округа неоднократно ходатайствовал перед Главным управлением Генерального штаба об отправке на европейский театр военных действий строевых дивизионов. Так, в телеграмме под № 016622 начальник штаба Иркутского военного округа просил отправить на фронт сводные сотни с прикомандированием их к Уссурийскому казачьему полку. Начальника штаба Иркутского военного округа генерал-майора Е.В. Иллышевича поддержал начальник 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады генерал-лейтенант Н.А. Лашкевич, которому подчинялись казачьи части. Новая телеграмма, уже через месяц, под № 25405 от 19 ноября 1915 г. определяла количество строевых казаков-добровольцев – 181 человек².

Тяжелое положение на фронте, происходившее «великое отступление» русской армии в 1915 г. ускорило рассмотрение вопроса об отправке на фронт восточно-сибирских казаков. Согласно телеграмме № 6457 от 2 декабря 1915 г., в действующую армию согласились выехать охотниками (добровольцами) 71 иркутский казак (вахмистр, 4 урядника, 5 приказных и 61 рядовой). От Красноярского дивизиона вызвалось поехать на фронт 110 казаков.

Казакам было выдано пособие в 75 руб., но они всю сумму в размере 13 575 рублей отдали в Военный фонд. 26 января 1916 г. началась отправка вагонов. Казаки должны были укомплекто-

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 521. Л. 21.

² Там же. Л. 2, 8.

жали себе более чем достойную славу», как отмечают их боевые товарищи¹.

И, наконец, в октябре 1917 г. Енисейская сотня Уссурийской дивизии под командованием есаула Петра Федоровича Коршунова (в 1909 г. служившего в Иркутской сотне) будет ударной силой отряда генерала П.Н. Краснова. Этот сборный отряд предпримет неудачную попытку разгромить большевиков, еще только захватывающих власть в Петрограде.

Экономическое положение

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. иркутское казачество в экономическом плане пострадало намного меньше, чем казачьи войска Российской империи в целом. Это связано с тем, что Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы на фронт не отправлялись, что позволило командованию периодически отправлять призванных казаков на посевную и уборочную. Так, например, предоставлялся отпуск на уборку зерновых следующей продолжительностью – головинским казакам – в 10 суток, куйтунским – в 12 суток, а тункинским – до 20 суток².

Более того, наряды 1911, 1912 и 1913 годов после отбытия действительной кадровой военной службы были уволены сразу на льготу, и призыву на военную службу более не подлежали, а это позволило оставить в станицах значительное число рабочих рук.

Повлияло на благосостояние казачества и землеустройство 1915–1916 гг., оно позволило казакам значительные излишки земли (пашни, сенокосы, пастбища) сдавать в аренду крестьянам и бурятам, что приносило в казачьи семьи весьма существенные дивиденды. Отметим также и значительные выплаты из государственной казны на снаряжение и закупку лошадей для выходящих на службу казаков, что сняло часть финансового бремени с казачьих хозяйств.

Все это позволило иркутскому казачеству пережить годы мировой войны с самыми минимальными, вполне допустимыми

¹ Вестник Енисейского казачества. Красноярск. 1917. 21 авг. № 3.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 538. Л. 242.

издержками. Так, сбор хлебов в годы войны сократился только на 8–10 %, в то время как в среднем по казачьим войскам на 25–40 %. Поголовье скота сократилось вообще крайне незначительно. Так, к 1916 г. у иркутских казаков имелось (в скобках даны предвоенные данные на 1914 г.):

лошадей – 2798 (2884, сокращение на 3 %),

крупного рогатого скота – 3863 (4015, сокращение на 4 %),

овец и коз – 2493 (2701, сокращение на 7 %),

свиней – 1332 (1459, сокращение на 8 %).

Итого: 10 486 голов скота (11 059, сокращение на 5 %).

Следует учесть, что реально сокращение поголовья лошадей не произошло – в Иркутском дивизионе было 525 лошадей, являвшихся личной собственностью казаков, а это доводит общую численность до 3323 лошадей (или увеличение на 17 %)¹.

Вызывают интерес процессы социальной дифференциации у иркутского и енисейского казачества в годы мировой войны и революции. Так например, в 1917 г. из 27 призывников тункинского казачества только двое были выходцами из относительно обеспеченных середняцких семей (средств и имущества на 1000–1500 рублей). Еще 7 призывников были из середняцких семей, балансирующих у черты бедности (средств и имущества на 500–800 рублей), а 18 призывников (67 %) происходили из бедняцких семей (средств и имущества на 100–400 рублей).

Из 14 призывников иркутского городского казачества только один являлся выходцем из зажиточной, хорошо обеспеченной семьи, еще двое были из семей имеющих хозяйства, пять казаков происходили из занимающихся личным трудом, с собственными домами, но без средств. А шесть призывников занимались личным черным трудом, а их семьи были совершенно неимущими, без собственных домов и без каких-либо денежных средств².

Наиболее богато из казачьего населения Иркутской губернии жили станичные куйтунские казаки (Алекسانдро-Невская и Крестовоздвиженская станицы). Все дело в том, что они получили положенные земельные наделы в 1911–1913 гг., и успе-

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 538. Л. 204, 209; Д. 526, Л. 160 об.

² РГВИА. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 273. Л. 10–12, 49–50.

ли в довоенное время укрепить свои хозяйства, занимаясь разведением скота и сдавая свои земли в аренду крестьянам-переселенцам, чем вызывали у последних понятную зависть, переходящую в злобу.

Так, например, крестьянин села Кундуй Фетисов Павел Кузьмич, 1908 года рождения, вспоминал, что его отец пошел «...к казакам батрачить в Александро-Невскую станицу... Казаки хорошо жили, по 120 десятин пашни имели, свободно. Некоторые заимками жили, хуторами. Коней по 20-30 имели. По 16 запрягали, по 20-25 коров имели. Отцу за работу дали пару коней, корову, телку (т. е. рассчитались более чем щедро за один сезон. – *Авт.*). Они потом уже с братом работали там... Основное казачество то потом повыехало, когда красные шли. Кто куда – кто на прииски, кто... Атаман станичный Костя Мелентьев ушел с сыном офицером в банду...»

Крестьянка того же села Михайлова Ирина Петровна, 1900 года рождения, из переселенцев Витебской губернии, вспоминала: «...Бандиты были. Все больше станичные казаки. Три станицы подряд в Александро-Невской станице и церковь была. Дома у них большие, кони... Казаки нас с землей зажимали, они на душу по 40 га имели, а у нас порой и по 10 не было. Так вот, казаки бандитствовали. У нас соседа плетью изрезали. Потом их побили, поразгоняли. А сейчас там сброд один, казаков не осталось, все померли»¹. Даже спустя много лет, в 1983 г. данные крестьяне продолжали завидовать казакам, и невольно уважали их, презирая тот «сброд», что поселился на исконных казачьих землях.

Куйтунские казаки по своей обеспеченности являлись аналогом минусинских казаков, но составляли, в отличие от последних, не две трети казачества губернии, а лишь десятую часть. Большинство иркутских казаков были бедняками, а улучшить свое экономическое положение просто не смогли, несмотря на резкое увеличение земельного фонда – три года мировой войны, затем революция и Гражданская война.

¹ Архив лаборатории Истории Сибири ИГУ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3. С. 84, 130.

От Февраля к Октябрю 1917 г.

1917 г. стал временем революционной эйфории, сплошных митингов и съездов, непрерывных резолюций и воззваний. Все, как могли, клеймили и обличали павшее самодержавие, подчеркивая, чего от него «натерпелись». Не остались в стороне и иркутские и енисейские казаки. Казачья трактовка истории выглядела так: «Волны казацкого моря, хлынувшие на новые вольные земли с атаманом Ермаком от тесноты Московского Царства, осевшие в Минусинских степях, куда не доставала длинная и тяжелая «клюка Московского царя». Но, конечно, «клюка» в конце концов достала и на протяжении веков путем мелочной неустанной, разъедающей борьбы, столь типичной для Москвы, а потом для – полунемецкого Петербурга, вольные колонизаторы диких окраин, превратились в... полицейскую стражу обширных провинций, Енисейской и Иркутской»¹.

Семья иркутского казака.
Частная коллекция

В начале 1917 г. самоучредились Иркутское и Енисейское казачьи войска, а уже в апреле съездом Иркутского казачьего войска получена следующая телеграмма: «Совет Союза казачьих войск приветствует возрождение своих братьев-казаков и просит прислать представителей на учредительный общеказачий съезд 28 мая в Петрограде, в числе по вашему усмотрению. Представитель красноярцев с фронта (уже) прибыл и принят равноправным членом совета. Председатель Совета Союза казачьих войск, член Государствен-

¹ Вестник Енисейского казачества. Красноярск. 1917. 21 авг. № 3.

ной Думы Савватеев»¹. В свою очередь, также в апреле, «Первый съезд свободного иркутского казачества горячо приветствует почетного казака-сибиряка, патриота и гражданина Григория Николаевича Потанина, желая ему сил, здоровья и долгих радостных дней». А в августе 1917 г. Совет Союза казачьих войск России приветствовал «двенадцатого члена Союза – Иркутско-Енисейское войско».

Рассмотрим подробнее, как отразилась Февральская революция на Иркутском казачьем дивизионе. Обратимся к обширному свидетельству командира его 2-й сотни – уже упоминавшегося В.М. Кубинцева, в 1917 г. подъесаула: «До революции дивизион был в блестящем порядке, все изменилось после приказа № 1. ... Прапорщик Мелентьев (выборный командир дивизиона. – *Авт.*) вел демагогическую работу в комитете и устраивал митинги... После каждого митинга люди были как ошалелые, и требовалось 2-3 дня для приведения их в приличный вид. Вместо дивизионного комитета образовалось войсковое правление. Его первым председателем стал архи-демагог Иннокентий Ильич Яковлев (большевик). Название атамана тогда (в 1917 г.) войском не допускалось: оно было не республиканское и носило понятие об единоначалии. Тогда Мелентьев и Пежемский (полковой адъютант), по-видимому, были эсерами. Помогал им помощник председателя С.А. Лукин. Результат дружной работы (трех) названных лиц – блестящая строевая часть пришла в почти полное разложение, а старый командный состав удален. Я хотел уехать в Американскую конницу как многие из «небольшевистской» части. Перед декабрьскими событиями Яковлева (как социал-демократ, а не эсер) из правления удалили»².

Далее Кубинцев резюмирует: «Лично я, прослужив в части 12 лет, такого безобразия перенести не мог. Комитет признавать отказался и во время командования дивизионом прапорщика Мелентьева рапортовался больным и числился в отпуску, сдав сотню. (В октябре) все сроки отпусков истекли и я вернулся. В казармах царило пьянство, буйство, побег, продажа лошадей строевых, кража лошадей и седел в казачьих частях и друг у дру-

¹ Сибирь. 1917. 29 апр. № 92. С. 3.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 293. Л. 28-29.

га прочего имущества. Считаю долгом оговориться, что преувеличения нет: в Иркутском войске преступность подавляющая. Есть семьи, где сыновья почти сплошь на каторге за грабежи и убийства. Комитет при дивизионе к данному моменту состоял из ополоумевших от ежедневных митингов людей. Председатель – бывший телеграфист Николай Богданов (революцию встретил на гауптвахте, болел сифилисом, лечил приемами денатурата)... Такова характеристика войскового правления – до рубки насмерть шашками друг друга. Мой секретный рапорт (о разложении) командующему войсками округа А.А. Краковецкому привел войсковое правление в крайнее беспокойство. Прапорщика Мелентьева вызвали в штаб округа для объяснений... И Краковецкий в связи еще и с событиями в Петрограде принял меры по поднятию боеспособности Иркутского дивизиона. Одной из мер прибытие полковника Оглоблина из Забайкальского казачьего войска, который был аттестован генерал-майором М.А. Перфильевым¹ как «подходящий»... Я ожидал от прибытия Оглоблина многого, он же занял позицию полной потачки и заискивания»².

Командующий Иркутским военным округом А.А. Краковецкий

Вот при таких печальных обстоятельствах во главе Иркутского казачества осенью 1917 г. и оказался полковник Проконий Петрович Оглоблин (1872–1940). Несколько строк о нем. Родился Оглоблин 8 июля 1872 г. в Иркутске. В 1890 г. вышел на

¹ В 1907–1914 гг. полковник М.А. Перфильев командовал 1-м Нерчинским полком, с 1914 г. – генерал-майор и командир 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии, в начале 1918 г. – начальник военных сообщений Иркутского военного округа, в начале 1919 г. разжалован белыми, как «служивший у большевиков».

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 293. Л. 30.

службу в Иркутскую казачью сотню, а в 1894 г. командирован «для прохождения курса наук» в Иркутское юнкерское училище, которое и окончил в 1897 г. по 1-му разряду и выпущен хорунжим в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. В составе 1-го Аргунского полка того же войска участвовал в войнах с Китаем 1900–1901 гг. и Японией в 1904–1905 гг. За первую войну награжден орденом и серебряной медалью, за вторую – тремя орденами и памятной медалью, а также досрочно за отличие в боях с японцами произведен в подьесаулы¹.

В 1914–1915 гг. Оглоблин – есаул 1-го Нерчинского казачьего полка (в 1915 г. командир – барон П.Н. Врангель) на Германском фронте. В этом же полку сотнями командовали Г.М. Семенов и Р.Ф. Унгерн. Затем Оглоблин переведен на Персидский фронт командиром 3-го Верхнеудинского, а затем 1-го Сунженско-Владикавказского казачьего полка, участвовал в наступлении на г. Мосул. Начальник штаба, а затем командир бригады Урминского отряда. Всего был награжден орденами до Св. Анны 2-й степени, китайским и бельгийским, царской благодарностью за атаку у с. Нугреева, Св. Георгием 4-й степени (6 июля 1915 г.)². Последняя награда давала право на сокращение выслуги лет до получение одного следующего чина.

Военные усилия

Иркутские казаки участвовали в боях 8–17 декабря 1917 г. в Иркутске между большевистскими силами (солдаты запасных частей и рабочие-красногвардейцы) и юнкерами, на стороне последних. 5 декабря большевики предписали всем юнкерам и казакам сдать оружие. В ответ представители юнкеров потребовали производства в офицеры, денег на обмундирование и отpravку в полки. Большевики заявили, что полков не существует, а звания упразднены. В полдень 8 декабря юнкера под руководством полковника Д.Г. Лисученко начали занимать близлежащие к их расположению дома и кварталы. Выступившие под руководством П.П. Оглоблина казаки заняли Духовную семинарию

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 41935. Л. 1-3 (Послужной список 476).

² Известия войск Восточного фронта. Иркутск. 1918. 15 окт. № 5.

и детскую больницу. Казачья разведка приводила целые партии пленных. Большевики же приступили к артиллерийскому обстрелу зданий, занятых юнкерами и казаками. Упорные бои развернулись в центре Иркутска, где атакам юнкеров подвергался понтонный мост через Ангару и Белый дом. Управляющий французским консульским агентством Жандро писал: «С одной стороны юнкера, казаки, с другой – большевики вели ожесточенную борьбу, заставлявшую содрогаться от ужаса даже тех, кто провел три года на фронте... У большевиков 6000 человек, у юнкеров 600... Эсеры, обещавшие содействие юнкерам, попрыгали на все дни крови и огня и вылезли после бури». С 10 декабря в Иркутск на помощь большевикам стали прибывать отряды из Черемхово, Красноярска, Ачинска, Канска и т. д. В Иркутске полыхали пожары от артиллерии красных и поджогов солдат, жителей грабили красногвардейцы.

Здание Русско-Азиатского банка после декабрьских боев 1917 г.

По данным эмигрантской публикации 1935 г., в ночь на 12 декабря 1917 г. три казачьи сотни под началом есаула Селиванова, подъесаулов Кубинцева и Коршунова выступили на помощь юнкерам. По дороге у Входа-Иерусалимской церкви казаки имели стычку с красными, в которой с обеих сторон погибло около 10 человек. К рассвету казаки подошли к военному училищу, доставив 6 подвод хлеба и патронов. В полдень 12 декабря казаки атаковали 2-й комиссариат милиции, где засели красные, и в 14 часов захватили его, пленив 30 человек. Разоружив всех, часть пленных казаки распустили. К концу боев в казармах казаков находилось «более 1000 пленных, кормить их нечем, предлага-

ют им уходить, желающих нет, предпочитают оставаться под охраной казаков»¹. По данным красных, казаки участвовали в атаках Белого дома – главного оплота большевиков в Иркутске, захваченного юнкерами в ночь на 16 декабря с пленением 153 защитников.

Напротив, сам есаул В.М. Кубинцев летом 1919 г. рассказывал о тех же событиях совершенно иначе: «Дивизион был в полном разложении, достаточно было одной конной полусотни, чтобы ликвидировать хулиганствующих артиллеристов, бывших из пушек по беззащитному городу. Казаки ничего этого не сделали. Я пытался хоть с частью людей освободить арестованных с гарнизонной гауптвахты (в том числе полковника Л.Н. Скипетрова). Было убедил, но провален прапорщиком Мелентьевым, сказавшим: «К нам много теперь идет спасать свои полковничьи погоны – какое нам до них дело. При старом режиме эти полковнички с нами не так разговаривали...»²

Обоснованность версии Кубинцева подтверждается и другим, более обширным свидетельством подполковника И.П. Никитина: «Положение большевистских сил могло чрезвычайно осложниться, если бы на помощь юнкерам выступило Иркутское казачье войско. Большевики боялись такого выступления казаков, а изнемогавшие в затяжной борьбе юнкера, с нетерпением ожидали его, будучи твердо уверены, что подобный шаг со стороны казаков сразу же положил бы конец войне... Днем 16 декабря к военному училищу прибыла в пешем порядке одна казачья сотня. Командир сотни и несколько других казаков, уполномоченных на переговоры с военным командованием, начали просить подполковника Никитина от имени войскового атамана полковника Оглоблина об отпуске ружейных патронов и одного пулемета, необходимых казакам для борьбы с большевиками. Военное командование согласилось немедленно же снабдить казаков 10 ящиками патронов и 2 пулеметами. Но лишь при условии, если казаки по получении этого оружия, сделают диверсию в район казарм 12-го полка и попытаются их занять, что является практически вполне возможным, так как большевики

¹ Декабрьские бои в Иркутске // Журнал «Иркутский казак». Харбин. 1935. 6 мая. С. 50.

² РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 293. Л. 31, 35.

казарм этих надлежащим образом не охраняют. А во-вторых, и самое главное, чтобы казаки внезапным налетом захватили два большевистских орудия, стоявших на горе у Крестовоздвиженской церкви... Лица, уполномоченные войсковым атаманом на переговоры, против условий, поставленных подполковником Никитиным, не возражали и выразили только пожелание тот час же получить обещанное оружие и патроны.

Иркутск, декабрь 1917 г.

Забрав выданное: со склада Военного училища два пулемета (вместо просимого одного) и ящики с ружейными патронами, казачья сотня отправилась обратно, но по дороге домой была обстреляна большевиками и, как передавали, потеряла ранеными двух казаков. Однако юнкерские надежды на помощь казаков не сбылись. Несмотря на получение пулеметов и запаса патронов, казаки против большевиков выступить не решились, видимо опасаясь, как тогда говорили, угроз последних, что они спялят их дома и разорят казачьи хозяйства»¹.

¹ ГАИО. Ф. Р-1492. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

Утром 17 декабря 1917 г. стороны подписали договор, по которому власть в Иркутске и губернии передавалась губернскому совету из представителей Советов, городской думы, земства и профсоюзов. Красные так и не выполнили договор, а 4 января 1918 г. аннулировали его. По неполным данным, в декабрьских боях 1917 г. в Иркутске было убито 229 солдат и красногвардейцев, 65 гражданских лиц, 38 юнкеров, в т. ч. забайкальский казак И.Г. Лоскутников, 9 офицеров, 8 казаков: Ф.Н. Балышев, М.К. Беленушкин, С.В. Воронин, Ф.Ф. Дожкин, И.И. Кошкаров, И.И. Распутин, М.М. Фереферов, И.И. Воротников (последний – казак Нижнеудинского поселения, остальные – Иркутского. – *Авт.*)¹. Общее число убитых, замерзших, утонувших в Ангаре, раненых составило более 1000 человек.

Итоги боев оказались обескураживающими для противников большевиков. Их подвела политическая неискушенность и незнание методов большевиков. Выступление юнкеров стало реакцией на действия, на практику и идеологию шедших к власти большевиков. Руководители восстания и рядовые юнкера продолжили борьбу, быстро избавляясь от благодушия и политической наивности по отношению к большевикам и эсерам.

Генерал-майор П.П. Оглоблин был вынужден уехать во Владивосток. В марте 1918 г. в Харбине вступил в Особый Маньчжурский отряд (ОМО) есаула Г.М. Семенова, был начальником снабжения и тыла, с 3 августа стал временно исполняющим обязанности начальника штаба ОМО, а с 8 октября по 19 ноября 1918 г. – начальником штаба 5-го Приамурского корпуса. Именно Г.М. Семенов осенью 1918 г. и произвел П.П. Оглоблина в генерал-майоры с формулировкой «по статуту Георгиевского креста со старшинством от 26 ноября 1917 г.»². Утверждение П.П. Оглоблина в генеральском чине состоялось лишь 19 мая 1919 г.

¹ Архив управления ЗАГС г. Иркутск. Метрические книги за 1917 г. ИНН 125-134А.

² Известия войск Восточного фронта. Иркутск. 1918. 15 окт. № 5.

Архивный документ

Шангин Игорь Анатольевич (1889, Иркутск – 1938 г., Харбин, Китай). Из забайкальских казаков.

Образование: Иркутская мужская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище, Севастопольская военная авиационная школа.

Умер в полной нищете в эмиграции, похоронен в общей могиле для бездомных в г. Харбин.

Награды: За боевые отличия был произведён в полковники и 12 июля 1919 года награждён Георгиевским оружием «за то, что 20 июля 1917 г., будучи в чине подьесаула помощником командира 1-й авиационной группы армий Юго-Западного фронта, вылетел на самолёте «Ньюпор» для борьбы с неприятельскими самолётами и, встретившись с одним из таковых, сбил его в 10-ти верстах к югу от Хотина. Неприятельский лётчик был убит, а аппарат достался нам в целом виде».

Орден Св. Георгия 4-й степени: «За то, что в боях с 10-го октября 1914 г. по 5-е марта 1915 г., будучи наблюдателем на аэроплане, под ружейным и артиллерийским огнём привозил много раз ценные данные о расположении противника в тылу, а также о его передвижениях. Сведения были точны и влекли за собой успех».

Оглоблин Прокопий Петрович

Родился 3 июля 1872 г. в Иркутске в казачьей семье.

Окончил: Иркутское военное училище (1897).

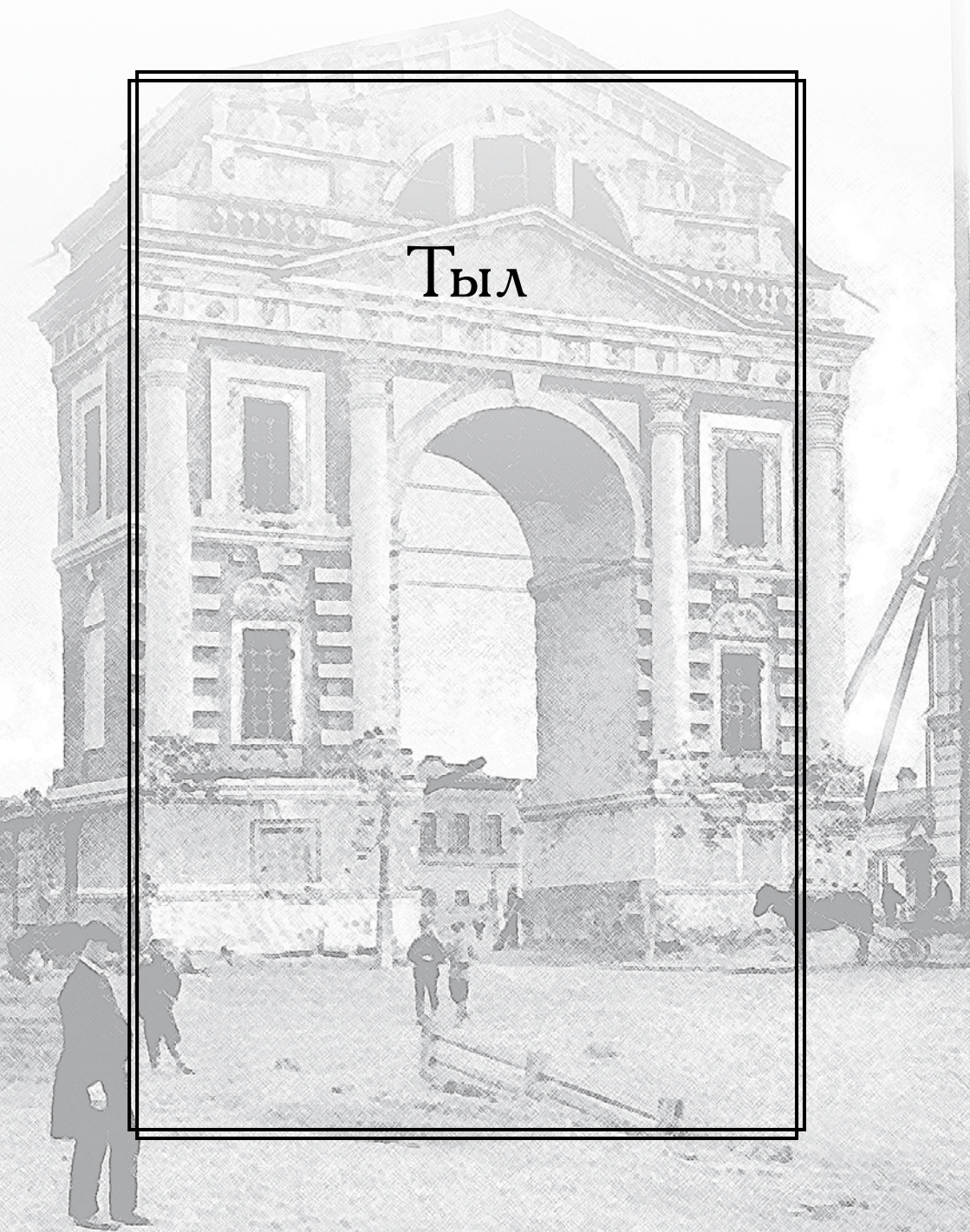
Служба: Службу начал в Забайкальском казачьем войске, участвовал в войнах с Китаем 1900–1901 гг. и Японией в 1904–1905 гг. В 1914 г. – есаул 1 Нерчинского казачьего полка на германском фронте. На Персидском фронте командир 3 Верхнеудинского, затем 1 Сунженско-Владикавказского казачьих полков, участвовал в наступлении на Мосул. Начальник штаба, а затем командир бригады Урминского отряда.

Награжден: орденами до Св. Анны 2-й ст., Св. Георгием 4-й ст., китайским и бельгийским, царской благодарностью за атаку у с. Нугреева. В 1917 г. избран атаманом иркутских казаков.

Награды: орден Св. Георгия 4-й ст. – Высочайший приказ от 6 июля 1915 г. «за то, что 2-го февраля 1915 г., когда обо-

ронявшая переправу через р. Дзядувку у д. Унержиж рота пехоты не выдержала натиска противника и отошла, что дало возможность противнику перебросить на левый берег этой реки 2 роты, будучи выслан к этой деревне с вверенной ему сотней для задержания прорвавшихся рот противника, угрожая тылу отряда, оборонявшего участок от Гокипа до Унержижа, спешил сотню под огнем противника и, выслав взвод в конном строю для охвата левого фланга неприятеля, с остальной частью сотни и возвращенною обратно ротою, несмотря на сильный пулеметный огонь противника, атаковал переправившихся немцев и отбросил их на другой берег, чем обеспечил левый фланг и тыл названного отряда. Затем, со 2-го по 6-е февраля, будучи начальником боевого участка Унержиж – Кмече и имея в своем подчинении, кроме своей сотни, еще три роты, приведя вверенный ему участок в оборонительное состояние, благодаря своей энергии, мужеству и распорядительности, отбил три атаки противника, наступавшего в превосходных силах в охват обоих флангов участка и поддержанного огнем тяжелой артиллерии. При этом 5 февраля своим ружейным огнем отвлек на себя часть сил и способствовал отбитию атаки противника».

Тыл

Часть 2

Иркутск в годы Первой мировой войны

Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война, несмотря на то, что театр военных действий находился за тысячу верст, оказала заметное влияние на жизнь Иркутской губернии. Накануне войны в городах губернии проживало 169 212 человек, а в 5 уездах – 345 138 старожилов, 81 782 переселенца и 11 601 инородец. Всего население губернии насчитывало 707 733 чел.¹

Иркутский госпиталь Красного Креста. Варшава. ИОКМ

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 260. Л. 74.

Мобилизация началась в сентябре. За годы войны (до сентября 1917 г.) в губернии было мобилизовано 11,5 % всего населения, что составляло почти половину мужского трудоспособного контингента¹. В 1916 г. большинство рабочих на заводах, копиях и приисках были лишены отсрочек и брони. Восполнялось же население частично за счет беженцев (к концу 1915 г. их было зарегистрировано 6025 чел., и более половины из них были нетрудоспособными), ссыльных, которых в 1915 г. было водворено в губернию 3158 человек (всего ссыльных, в том числе уголовных, в губернии к этому времени было 64 847 чел.), более чем 35 тыс. военнопленных в 30 лагерях и переселенцев. Поток последних в Сибирь заметно сократился. Так, если в 1914 г. в губернию переселилось из центральных районов страны 2 444 семьи, то в 1915–1917 гг. – 879, причем, треть пожелала вернуться обратно. В значительной мере это объяснялось недостатком подготовленных, удобных для сельского хозяйства наделов, поэтому в 1917 г. в колонизационный фонд, помимо свободных залежных земель, были включены излишки 15-десятинной нормы бурятского и старожильского землепользования.

Заметнее всего мобилизация сказалась на сельском хозяйстве. К 1917 г. 40,8 % крестьянских дворов не имели мужчин-работников. Все больше основную работу выполняли женщины и подростки. Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев даже обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о разрешении использовать на полевых работах труд военнопленных, и такое разрешение было дано².

Вместе с тем в 1915–1916 гг. в аграрном секторе сложилась благоприятная конъюнктура. Хотя из губернии хлеб практически не вывозился, здесь были такие стабильные рынки сбыта как Черемховские копи и Ленские прииски, также увеличилось население в городах за счет беженцев и военных гарнизонов, выросли цены на сельскохозяйственную продукцию. Это привело к увеличению посевных площадей с 350 тыс. десятин в 1913 году до 410 тыс. десятин в 1916 году. Кроме того, 334 134 десятины находились под паром и залежью. Притом, что губерния

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. в цифрах. М., 1925. С. 21, 49.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3423. Л. 25.

никогда не значилась в числе хлеботорговых, и в сельскохозяйственном пользовании находилось менее 1 % всей ее территории, недостаток хлебных продуктов в 1913 г. составлял всего полмиллиона пудов (в основном, мука 1 сорта), однако в начале 1917 г. дефицит вырос до 6 млн пудов¹. Частично он покрывался путем привоза крупчатки из Харбина и Акмолинской губернии. В 1916 г. удалось получить неплохой урожай за счет увеличения запашки, однако выгодно сбыть продукцию большая часть крестьянских хозяйств не смогла из-за отдаленности губернии. Хлеб здесь для армии не закупался, самостоятельно же вывозить его не только за пределы губернии, но даже уезда и волости, крестьяне не могли. Кроме того, в 1914 г. был издан закон о запрете на винокурение, для которого зерно являлось основным сырьем. Некоторые сельские общества ходатайствовали перед губернскими властями об оказании государственной помощи в организации перерабатывающих заведений на артельных началах, но поддержки не получили.

Палата Иркутского госпиталя Красного Креста. Варшава. ИОКМ

¹ Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах: статистические этюды. Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Иркутск, 1924. С. 41, 46-47.

Недостаток рабочих рук, изъятие лошадей для военных нужд, уменьшение ввоза сельскохозяйственных машин и орудий труда привели к снижению урожайности. В 1914 г. с одной казенной десятины было собрано 68 пудов ржи, 76 пудов пшеницы, 71 пуд овса, 75 пудов ячменя, в 1917 г. соответственно – 37, 34, 45 и 44 пуда с десятины¹.

Первый год войны в иркутской деревне прошел спокойно, но уже к 1916 г. «патриотические» настроения постепенно рассеиваются. Крестьянство было недовольно снижением доходности и разорением части хозяйств, нехваткой товаров и ростом цен, многочисленными реквизициями, введением твердых цен на хлеб. Неудачи на фронте, письма солдат-фронтовиков также не способствовали сохранению спокойной социальной обстановки. В 1915–1916 гг. в полной мере уже проявляется активное противостояние беднейшей и зажиточной части сельского населения, в значительной мере спровоцированное массовым переселением бедняков из центральных районов страны в годы столыпинской реформы. Наиболее частой формой такого противостояния были поджоги домов и амбаров с хлебом у зажиточных крестьян, самовольные покосы на их землях и захват сенокосных участков. Подобные факты были отмечены в селах Кимельтей Нижнеудинского уезда, Александровское Иркутского уезда, деревнях Лузгиной и Малышевка Балаганского уезда. В некоторых селах жены воюющих на фронте солдат не подчинялись решениям сходов и отказывались «уплачивать какие-либо повинности». В с. Уян Нижнеудинского уезда крестьяне сожгли паровую мельницу, принадлежавшую местному богатому крестьянину, в результате чего убыток составил 15 000 руб., а в селе Бентоховское Балаганского уезда сельчане на общем сходе решили отказаться «от поставки рабочих на межевые работы». В то же время учащаются конфликты между русским старожильческим населением и «иногородцами» с одной стороны, и недавними переселенцами – с другой. Предметом споров чаще всего были сенокосы и отрезки земли, переданные в колонизационный фонд².

¹ Соколов М.П. Указ. соч. С. 44.

² Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 114–116.

Таким образом, несмотря на достаточно хорошие условия на начальном этапе войны, в сельскохозяйственном производстве уже в 1916 г. наметились тревожные признаки кризисной ситуации. Проявилось это не только в снижении урожайности, но и в недостатке рабочих рук и рабочего скота, отсутствии налаженной системы сбыта продукции и нормального обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости, элементах социального противостояния внутри самой деревни.

Эшелон по сибирской дороге. МБУК МИГИ

Первый год войны был благоприятен для губернской торговли, так как у торговцев был еще значительный запас товаров, а сельское население еще обладало покупательской способностью. Торговцы учли будущий недостаток товаров и имеющуюся покупательскую способность людей, поэтому распродавали свой товар по высоким ценам. Однако в 1916 г. стал ощущаться острый недостаток продовольственной и промышленной продукции, сократился объем привозных товаров. В итоге, к июню 1916 г. цены на основные виды товаров в среднем возросли на 84 %. Это явилось благодатной почвой для спекулятивной торговли. Газета «Сибирь» писала, что «развернулась во всей своей неприглядности продовольственная разруха. Обильная и богатая Сибирь почувствовала острый недостаток в продуктах первой необходимости. Объявились и здесь «прелести» так называемого «рас-

строительства транспорта»... Обыватель пытается увеличить число получаемых рублей..., хватается за лишнюю службу, за подсобные заработки, за сверхурочную работу. Но всего этого мало. Цены растут. Жить становится все труднее»¹. Генерал-губернатор Л.М. Князев издал в мае 1915 г. специальное постановление о запрещении стачек предпринимателей, то есть соглашений о повышении цен на продовольствие. Однако ни губернская администрация, ни Особое совещание по продовольствию и его региональные органы оказались не в состоянии справиться с этой проблемой. Именно эти факторы дали толчок к развитию массового кооперативного движения. Перед войной в губернии было всего 9 кооперативов, а в 1915–1916 гг. организовалось 149 (41 – в Балаганском уезде, 43 – Иркутском, 27 – Нижнеудинском, 20 – Верхотенском и 18 – Киренском)². Одновременно идет процесс их концентрации, создаются уездные и губернские потребительские союзы. Самым крупным было Иркутское товарищество кооперативов. Кооперация носила преимущественно крестьянский характер, только четыре кооператива находились в городах и один в железнодорожном поселке. Свою деятельность они сосредоточили на обеспечении населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости и регулировании цен на них. Со своей задачей кооперативы справились: удалось не допустить в губернии голода и развала сельскохозяйственного производства, сдержать рост цен. К 1917 г. потребительская кооперация практически вытеснила из деревни частную торговлю. При этом современники отмечали, что в годы войны у сельского населения появились деньги. Таким образом, несмотря на многие негативные явления, война привела к развитию рыночных отношений в сельскохозяйственном секторе губернии, крестьянское хозяйство все в большей мере становилось товарным.

¹ Сибирь. 1917. 1 февр.

² Там же. 1 февр.

Сбор пожертвований героям войны. Иркутск. ИОКМ

Как известно, ведущими отраслями промышленности в крае были угледобыча, золотодобыча и обработка сельскохозяйственной продукции. Основным угледобывающим районом оставался Черемховский угольный бассейн, обеспечивавший углем губернский город, Забайкальскую и Томскую железные дороги. В 1914–1917 гг. добыча здесь возросла более чем в два раза – с 35 290 тыс. до 76 809 тыс. пудов в год, при этом максимальный прирост наблюдался в 1917 г., что было вызвано возросшим спросом на уголь железными дорогами и некоторыми предприятиями Урала. Железные дороги потребляли 78 % добываемого угля, предприятия и население губернии – 10,5 %, уральские предприятия – 9,5 %, пароходства – 2 %¹. Увеличение добычи угля достигалось в первую очередь за счет разработки новых углесодержащих площадей и увеличения контингента рабочих. Но многие квалифицированные рабочие были призваны в армию, поэтому в 1915 г. было разрешено продлевать рабочий день, широко использовать труд женщин и подростков, а также с 1916 г. принудительно привлекать коренное население и, несмотря на противодействие военного ведомства, военнопленных, контрактных китайцев и

¹ ГАИО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

корейцев. Всего к началу 1917 г. на черемховских коях работало 5 592 чел., из них 296 инородцев, 870 китайцев и 530 военнопленных¹. Необходимо заметить, что в Иркутской губернии падение производительности труда в силу лучшей технической оснащённости копей шло более медленными темпами, чем в других угольных районах страны. К осени 1917 г. Черембасс стал основной топливной базой в Сибири, как по объёму добычи, так и по вывозу угля. Однако регион не избежал топливного кризиса. В 1917 г. даже в губернском городе неоднократно на несколько дней из-за нехватки топлива прекращалась работа водопровода и электростанции. Проблема заключалась в отсутствии требуемого количества вагонов для вывоза угля с копей.

Другая важнейшая отрасль – золотодобыча – также подверглась влиянию военных обстоятельств. Прииски Ленского и Витимского горных округов оставались крупнейшим центром страны по добыче ценного металла, но развитие их также определялось конъюнктурными соображениями: превышением спроса на золото над предложением, высокой ценой на металл. Ведущее место принадлежало «Лензото», которое к 1917 г. практически поглотило все золотодобывающие предприятия приискового района. Чистая прибыль его только за один операционный 1915/1916 год выросла в 1,23 раза, составив 4 424 413 руб. В то же время сказывались и неблагоприятные факторы военного времени. За 1914–1917 гг. в Иркутской губернии было добыто 56 593 кг золота, но по годам добыча распределялась неравномерно: пик приходится на 1915 г. – 17 303 кг, спад на 1917 г. – 10 902 кг². Уменьшение добычи золота объяснялось несколькими причинами. Прииски столкнулись с трудностями доставки продовольствия, механического и электрического оборудования, химических принадлежностей, рабочих. Отечественная промышленность и до войны не могла обеспечить прииски драгами, экскаваторами, электродвигателями, поэтому большая часть оборудования завозилась из Германии. С началом войны поставки прекратились, торговые же связи с США, Англией только начинали устанавливаться. «Лензото» заказало в США партию оборудования, химических

¹ Сибирь. 1917. 1 янв.

² ГАИО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 об.

веществ, но большая часть ее так и не успела поступить в Россию до революции. Используемая техника изнашивалась, выходила из строя. В связи с этим сократились хозяйские работы, и увеличилась доля добычи золота золотничным (старательским) способом. На начальном этапе это было довольно эффективно, но в дальнейшем, при недостатке новых разведанных площадей, привело к падению золотодобычи.

Варшава. Открытка с фронта. Частная коллекция

К тому же резко вздорожали припасы, стало нерентабельным завозить в отдаленные районы большое количество рабочих, тем более что дефицит рабочей силы, как и на угольных копях, на приисках покрывался за счет неквалифицированного труда женщин, подростков, контрактованных иностранных рабочих. В результате летом 1917 г. ЛЗТ вынуждено было пойти на сокращение работ и затопление ряда шахт, что привело к острому затяжному конфликту с рабочими и падению добычи золота, что потребовало вмешательства не только губернских, но и центральных властей.

Говоря о причинах сокращения золотодобычи, необходимо отметить и то, что данные о добыче в ряде случаев искусственно занижены. По закону 1902 г. в России было введено свободное обращение шлихтового золота. В годы войны сложилась значительная диспропорция между официальной и рыночной ценой на него. Если первая поднялась с 7 руб. 95 коп. до 11 руб. 50 коп. за золотник, то вторая доходила до 40–50 руб.¹ Так как при официальных расценках не покрывались даже издержки производства, то золотопромышленники утаивали часть добытого золота от официальной статистики и сбывали его по частным каналам.

¹ Джаксон М.Н., Флеров А.Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924 гг. Л., 1928. С. 44–45.

Понимая ненормальность такого положения, предприниматели требовали от правительства установления цен на золото в соответствии с курсом иностранных валют, но не добились успеха.

Сравнительно стабильно развивалась в годы войны традиционная для губернии отрасль – соледобыча на Иркутском (Усольском) и Усть-Кутском заводах. На первом, более крупном, добыча выросла более чем на 20 %, всего здесь за 1914–1917 гг. было вывезено 58 740 тонн соли при практически неизменной численности рабочих¹.

В первый же год войны в Сибири возник дефицит чугуна и железа из-за прекращения их ввоза с Урала и юга России. Правительство предписывало губернским властям изыскивать на местах возможности обеспечения металлом. В связи с этим были предприняты меры для восстановления самого крупного в Восточной Сибири Николаевского железоделательного завода. В 1915 г. завод был куплен Н.А. Щаскольским, и началась его реконструкция. Несмотря на то, что на заводе имелось все необходимое для скорейшего пуска его в эксплуатацию, работы шли медленно. Более чем за годовой период было выпущено всего лишь около 6 тыс. пудов железа, несколько более 1 тыс. пудов железных изделий и 1,5 тыс. пудов чугунного литья. Домны восстановлены не были, и выплавка чугуна из руд не производилась совсем. В конце 1916 г. завод перекупило «Товарищество Столь и К^о». Штат рабочих был укомплектован до 1150 человек, началась пробная выплавка чугуна, однако полностью реконструкция завода не была завершена.

И все же годы войны дали толчок для развития в губернии металлообработки, тем более что Иркутск выступал крупным центром в Восточно-Сибирском регионе, распределявшим военные заказы, которые в свою очередь стимулировали производство местных заводов. За пять месяцев Иркутским военным промышленным комитетом было получено шесть крупных военных заказов на изготовление снарядов, подков, гранат стоимостью 620 тыс. руб.² Они были размещены на казённых мастерских

¹ ГАИО. Ф. 741. Оп. I. Д. 20. Л. 17.

² Башкиров В.Г. Военно-экономическая мобилизация металлургической промышленности Сибири в годы Первой мировой войны // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984; Орлов М.Н. Металлургическая промышленность

Байкальской переправы, на чугунолитейном заводе наследников Ф.Ф. Кузнецова в Иркутске, в Черемхово. Также заказы получили объединённые механические мастерские Ф.И. Сапожникова и И.П. Яковлева. Заказчиком иркутских металлообрабатывающих предприятий кроме самого государства, выступила и местная кожаная промышленность, которой для успешного выполнения своих заказов нужны были новое оборудование и станки. Так, литейно-механические мастерские Иркутского промышленного училища стали специализироваться на выполнении данной работы. Крупным заказчиком металлических изделий была и железная дорога. Металлообработка в губернии производилась также на таких небольших предприятиях, как механический завод П.К. Щелкунова и Московского акционерного общества, железнодорожных мастерских. Однако производство на них было небольшим и носило вспомогательный характер.

Чтение присяги командиром полка. Иркутск. ИОКМ

В годы войны усилился процесс монополизации, особенно в горнодобывающей отрасли. В Черемховском районе действовал угольный синдикат, через контору которого осуществлялось более половины поставок угля казенным железным дорогам Восточной Сибири. Самым крупным монополистом было «Лензото», которое все больше втягивало в сферу своих интересов такие инфраструктурные отрасли как железнодорожный и речной транспорт, торговля. В этом проявлялась тенденция трансформации монополии трестового характера в качественно новую – концерн. Борьба за владение контрольным пакетом акций между «Лензото» и английской компанией «Лена-Гольдфильс» привела к потере влияния последней и переходу финансового контроля в руки Международного банка.

Процессом акционирования и монополизации была затронута и обрабатывающая промышленность, базирующаяся в основном на переработке сельскохозяйственного сырья. Так, в 1915 г. для успешной конкуренции с западносибирскими мукомолами в Иркутске было создано «Иркутское мукомольное товарищество на паях», а в сфере кожевенного производства – «Сибирско-монгольское торгово-промышленное акционерное общество».

Молебен перед присягой. Иркутск. 1917. ИОКМ

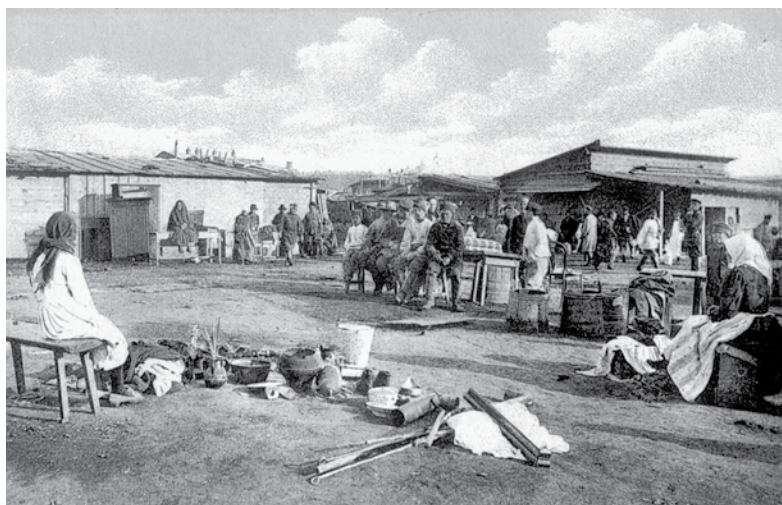
В годы войны экономические позиции буржуазии значительно укрепились, возросла ее роль в хозяйственной жизни страны, что это позволило ей более настойчиво и целенаправленно заявлять о своих требованиях и отстаивать их. Иркутские предприниматели активно поддерживали сибирскую группу депутатов в IV Государственной думе в требованиях введения в Сибири земства, суда выборных присяжных, расширения прав местного самоуправления. Их политические симпатии, как правило, были на стороне кадетов.

В Иркутске продолжал активно действовать восточносибирский отдел Общества для содействия русской промышленности и торговли. Общество добивалось льгот для акционерных компаний, явочного характера их учреждения, более широкого привлечения и использования иностранного капитала в Сибири, беспошлинного ввоза товаров в Иркутскую губернию северным путем, как из центральных районов России, так и из-за границы¹. Кстати, это общество было одним из главных инициаторов открытия в Иркутске университета и с этой целью продолжало в военные годы сбор средств.

В мае 1915 г. в Петрограде состоялся IX съезд представителей промышленности и торговли, объявивший главной задачей мобилизацию всей промышленности для удовлетворения нужд обороны и создавший с этой целью военно-промышленные комитеты (ВПК). 27 августа царь утвердил Положение о ВПК. Эти полуправительственные организации создавались на время войны на территории всей страны. В Положении об Иркутском ВПК было записано, что его задачей является создание сильного экономического тыла, для чего комитет устраивает собственные склады, торговые, промышленные заведения. Основной задачей Иркутского ВПК было привлечение наибольшего числа предприятий, в первую очередь кожевенных, овчинно-шубных, железоделательных, к выполнению заказов для армии. Именно по его инициативе было создано «Сибирско-Монгольское акционерное общество», попытавшееся монополизировать скупку кож в Забайкалье и Монголии и обеспечить сырьем кожевенные заводы Иркутска, работающие на оборону. Причем, мно-

¹ Иркутская жизнь. 1915. 7 янв.

гие кожезаводчики, в ожидании казенных заказов, решились даже на немалые расходы по техническому переоснащению своих предприятий и расширению производства. Такие изменения произошли на кожевенных предприятиях торгового дома «Фукс и К^о», товарищества «И.И. Гутман и сын», на новом заводе «Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества», что позволило в 2-3 раза увеличить объемы выпускаемой продукции¹. В целом, при всех положительных моментах, иркутский ВПК, как и другие сибирские комитеты, выполнить в полной мере свои задачи не смог. Наиболее крупные и выгодные заказы военных ведомств распределялись в центральных районах страны. Кроме того, в губернии не было своей металлургической базы, достаточного количества квалифицированных рабочих для создания, как это планировалось, собственных промышленных и торговых заведений. Осложняло дело и то, что губернская администрация с самого начала прохладно отнеслась к идее военно-промышленных комитетов, считая, что предприятия должны получать заказы непосредственно от военного ведомства.

Один из рынков г. Иркутска

¹ РГИА. Ф. 29. Оп. 2. Д. 19. Л. 14 об., 20 об.

На первых порах война вызвала в обществе взрыв патриотических настроений. Иркутским купечеством был объявлен бойкот на немецкие товары, среди населения проводились массовые денежные сборы на нужды войны, помощь Сербии и Черногории, беженцам и семьям воинов.

В первый год войны сократилось число забастовок в промышленных районах губернии. Однако к концу 1915 г., при снижении уровня реальной заработной платы, резко возросли цены на товары первой необходимости, обострился кризис с топливом, продовольствием, к этому добавились неутешительные вести с фронта. Все это сказывалось на настроении общества и с наибольшей остротой проявилось в рабочей среде.

Иркутская губерния в довоенные годы занимала в сибирском регионе доминирующее положение по числу забастовок и участвовавших в них рабочих, так как здесь на горнодобывающих предприятиях, отличающихся высокой степенью эксплуатации труда, плохими бытовыми и производственными условиями, было сосредоточено значительное количество рабочих. В самом Иркутске, одном из наиболее развитых городов Сибири, также было много рабочих и служащих, занятых в обрабатывающей промышленности, транспорте, связи, типографиях и пр. Немаловажным фактором было также наличие в регионе большого числа ссыльнопоселенцев. Так, например, на копиях Мильнера в 1915 г. из 234 рабочих 78 были ссыльными.

В 1914 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 27 стачек с участием 2 946 рабочих и служащих, в 1915 г. – 22 стачки (5641 чел.), в 1917 г. – 41 стачка, в которых приняли участие 11 186 человек, что составляло более половины всех учтенных рабочих выступлений в Сибири на этот период¹. Стачки носили, как правило, экономический характер, и в ряде случаев бастовавшим удалось частично добиться от администраций предприятий удовлетворения своих требований.

Закономерен тот факт, что наиболее активными были рабочие, находящиеся под влиянием профсоюзов. В годы Первой мировой войны в губернии действовали 8 профессиональных

¹ Подсчитано по: Стаечная борьба рабочих: Хроника. Статистика, Историография. Томск. 1978. Т. 3. Прилож. 3.

союзов: горнорабочих черемховских предприятий, шахтеров забитуйских копей, булочников, металлистов, столяров, кожевников, швейников. Несмотря на формально существовавший закон о «свободе союзов», 5 из 8 профсоюзов были нелегальные. Власти не только не стремились легализовать их деятельность, но в годы войны пошли на различные ограничения, хотя именно эти организации могли ввести рабочее движение в рамки упорядоченности, организованности и законности. Самым крупным и активным был профсоюз черемховских горнорабочих, имевший 13 отделений на предприятиях угольного бассейна.

На рабочее движение оказывали влияние эсеры, анархисты, меньшевики и большевики. К концу 1916 г. в Иркутской губернии по примеру центра оформилась оппозиция официальным властям, представленная в партийном отношении кадетами, эсерами и социал-демократами. Еще в конце 1915 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления писал в своем отчете, что «отношение к высшим правительственным властям (центральным) повсюду неблагоприятное»¹. При всей несхожести своих программ, оппозиционные силы объединились в требованиях реорганизации власти, представлении местному управлению широких полномочий и допуска представителей общественности к решению первоочередных проблем.

В апреле 1916 г. в Иркутске состоялся первый областной съезд городов Восточной Сибири, который выдвинул следующие требования: введение земства «на основе широкого избирательного права, соответствующего демократическому составу Сибири»; реформа городского положения и расширение сферы компетенций городских управлений; устранение всех условий, тормозящих развитие и проявление общественной инициативы; сосредоточение всего продовольственного дела в руках общественных организаций, состоящих из представителей городских и земских союзов; предоставление таможенных льгот для провозимых через устья сибирских рек товаров².

В конце декабря 1916 г. иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц выехал в Петроград с докладом Совету Министров, в ко-

¹ Цит. по: Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1976. С. 60

² Сибирские записки. 1916. № 3. С. 145.

тором предлагались к немедленному разрешению четыре основных проблемы: транспортная – за счет проведения северной железнодорожной ветки Иркутск – Жигалово – Бодайбо; продовольственная – путем беспошлинного ввоза в губернию 1 млн пудов пшеницы для потребления населению; местного управления – введение земства, приравненного по своим правам, компетенции и обязанностям к уездному земству Европейской России, но с более широким избирательным правом, и, наконец, открытие в Иркутске университета. Совет Министров одобрил в целом идею строительства железной дороги на север губернии, но не предложил никаких реальных мер для ее реализации, отказал в помощи с продовольствием, согласился с необходимостью введения земства в Сибири по образцу европейского, вопрос об открытии университета оставался открытым, в качестве альтернативы предлагалось открыть политехникум¹. Оставался также нерешенным вопрос о преобразовании поселка Зиминского в город и введения в нем городского общественного управления, который был возбужден генерал-губернатором Л.М. Князевым еще в 1914 году. Население губернии, конечно, не могло быть удовлетворено такими решениями, и в местной периодической печати появились еще более резкие отзывы о неспособности властей к управлению государством.

Прохождение войск перед принятием присяги. Иркутск, 1917. ИОКМ

¹ Сибирь. 1917. 29, 31 янв.

Первая мировая война на первых порах оживила экономику края, вызвав взрыв патриотических чувств, но в дальнейшем породила и ряд новых проблем, которые к началу 1917 г. приняли характер кризисных явлений. Это, в свою очередь, привело к активизации общественных сил и оформлению оппозиции, которая становилась все более влиятельной в противостоянии с официальной властью. Этот процесс происходил как под воздействием ситуации в стране в целом, так и местных обстоятельств.

Архивный документ

13 января 1917 года

Дорогие и добрые люди комитета Всероссийского союза.

От души и от всего сердца благодарю вас за Ваши рождественские подарки, которые мы получили 12 января.

К нам на долю пришел конверт и лист бумаги, на котором отписываю вам и горсть мелких кедровых орехов. Оттого, что мой подарок помогал, помню заповедь Христа «будь доволен малым». И за это сердечно благодарю вас добрых людей, которые об нас видимо не забывают, вы так далеко от нас, но душою разделяете нашу добрую, славную боевую жизнь. Вот уже 30 месяцев как я сражаюсь за Русь Святую и тех добрых людей, которые остались далеко от нас, но не забывают нашу русскую армию, которая сражается за Свободу родимого края, не зная ни усталости, ни отдыха, привыкшие как некоторые природные плакать и искать защиты от матери Родной земли не зная ни радости, ни веселья в жизни сей земного счастья, бросили все хозяйство и круг семьи на добрых людей, забывая всю прежнюю жизнь и блага природы, не ища в жизни утех. Прошу вас добрые люди не откажите если конечно возможно к[окарды? – Ред.] на полк головные уборы, а то мы в них остро нуждаемся и большую зажигалку. Нередко приходится босыми ходить, а зима как полагается в России. Также просим у вас белья.

*От храбрых героев отличных стрелков
28 сиб стрелкового полка 10 роты, 1-го взвода*

Группа солдат с лозунгом «Долой войну». 1917 г. ИОКМ

Из письма сибирских стрелков в Иркутск

Здравствуйте вы наши братья, друзья и приятели! Первым делом мы спешим вас поблагодарить за ваши непрестанные заботы о нас и за ваши для нас нужные вещи, а также и все остальное. Затем шлем вам большую благодарность мы Защитники вас от лютого и коварного врага немца.

То есть отличные стрелки 28 сиб стр полка 10 роты 1 взвода. То есть те, которые от начала самого начала войны, в этом полку все время находились в активности. И не раз уже мы получали от вас к рождественскому празднику всякие вещи и всякие съестные припасы. Получили мы и в нынешнем Новом году опять от вас посланные вещи и съестные припасы, орешки, пряники, чай, мыльце и табачек с бумаги, трубки и нитки, карандаши и конверты и почтовую бумагу, полотенца и портянки, носовые платки и т. д. Чему были мы очень рады благодарные вам. Еще раз благодарим вас наши друзья и благожелатели. Благодарим мы вас стрелки 10 роты 1 взвода. Первым делом подписываемся мы.

Взводный командир старший унтер-офицер Андрей Данилович Шумаков

И мы отдельные командиры
1 стрелок Андрей Иннокентьевич Лучин
Мл. унт оф Иван Васильевич Прокопьев
3 мл. унт оф Афанасий Михайлович Зырянов
4 мл унт оф Александр Михайлович Монаков
А затем все наши герои стрелки
Исаак Замукалишвили
Алексей Петрович Хлевной
Лаврентия Кондратьева
Михаил Романович Мальцев
Алексей Ильич Соланов
Илья Сергеевич Пашенко
Алексей Овчинников
Архип Тихонов
Илья Кузнецов
Прокопий Рудаков

И еще раз идет до вас наша огромная благодарность, а с этим же мы просим вас дорогие наши братья, будьте настолько любезны не откажите нам. Вот например, вам самим давным-давно известно как мы здесь живем и как страдаем. Да вот очень мы исстрадались и мучительно без гармошки. Вот еще чего у нас не хватало, чтобы ещё развести свою скуку не хватает нам тальянки, то в храбрости и настроении духа мы смогли бы встретить этот праздник. Так вот дорогие наши братья будьте настолько любезны пришлите нам одноразовую гармошку на которую вы получите от нас не раз великую благодарность.

Желаем всех благ дорогие наши братья, желаем вам всего хорошего на свете. Отсего письма остаемся живы и здоровы лихие стрелки сибиряки!

*Ст. унт офицер Андрей Данилович Шумаков
За Вас братья! Ура! Ура! Ура!*

Из письма младшего унтер-офицера 27-го Сибирского стрелкового полка Леонтьева в Иркутск

Здравствуйте дорогие и заботящиеся о нас защитники Родины и дорогого нашего отечества люди. Шлем мы вам господам благодарственный, сердечный и чувстви-

тельный привет за ваши дорогие подарки. Мы так были счастливы и радостны когда получили ваши неоценимые гостинцы, тогда было у нас несколько легче на нашем сердце. Мы так подумали, что все наше родное отечество от мало до велика стремится довести начатое дело до конца – победить коварного злейшего врага немца. Мы очень благодарны вам, что вы навели нас на передней линии огня своими драгоценными подарками. Мы будем в надежде на вас в будущем, мы хорошо сознаем что остаемся в нуждах нашего отечества. Желаем пользы для дорогой нашей Родины, и поднятия духа и бодрости каждого солдата и еще раз благодарим вас. Эта благодарность от 14-й роты славного боевого 27 сиб стрелкового полка, которые стоял в городе...

Мл. унт офицер Леонтьев

Военно-учебные заведения Иркутска в годы мировой войны

Военное образование в конце XIX – начале XX в.

Вопрос создания в Сибири системы непрерывной подготовки офицерских кадров разрабатывался довольно долго, но наиболее остро данная проблема встала в процессе проведения военной реформы во второй половине XIX века. В 1867 г. в Иркутске была создана военная прогимназия на 100 воспитанников с четырехлетним сроком обучения. В военные прогимназии принимались дети офицеров, чиновников, дворян и почётных граждан, а во Владикавказскую, Оренбургскую, Омскую и Иркутскую – и казаков. Заведующие Иркутской приготовительной школой избирались и утверждались командующим войсками Сибирского военного округа.

Первым заведующим школой был полковник Генерального штаба Козик (1888–1889); затем на этом посту его сменил полковник Генерального штаба Кириченко (1889–1893), подполковник Генерального штаба Хлыновский (1893–1899 гг.), подполковник

Кузнецов (1899–1900), полковник Вакар (1900–1904), полковник Садилов (1904–1910) и полковник фон-Агте (с 1910 года).

Первоначально количество казённокоштных воспитанников составляло 35 человек, с началом 1899–1900 учебного года оно было увеличено до 50. Кадеты, окончившие успешно 2-й класс школы, переводились без экзамена на вакансии в Сибирский кадетский корпус, при отсутствии же в этом корпусе достаточного числа вакансий воспитанники школы по ходатайству командующего войсками округа могли быть определены в корпуса Европейской России. На содержание школы ежегодно отпускалось 22 600 руб. (по расчёту 450 руб. на одного кадета; плата своекоштного воспитанника составляла 350 руб. и 85 руб. за приходящего). Положение о школе и её штат были определены приказом по военному ведомству 1888 года № 40.

В 1872 г. согласно приказу по военному ведомству № 161 подготовку офицерских кадров стало осуществлять учрежденное в Иркутске юнкерское училище, которое было открыто в 1874 г.¹

По воспоминаниям воспитанника Иркутского пехотного юнкерского училища Павла Васильевича Шапошникова, до проведения здесь Сибирской железной дороги училище было пехотным, выпускавшим офицеров в сибирские линейные батальоны. Но при училище был и кавалерийский отдел, состоявший из одного взвода, преимущественно пополняемого казакми Сибирского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск.

С проведением железной дороги пехотное юнкерское училище осталось только в составе одной роты юнкеров.

Здания училища располагались на Троицкой улице и в Юнкерском переулке (ныне – улица 5-й Армии и Ярослава Гашека).

«Пополнялось училище двумя категориями молодых людей: вольноопределяющимися и штатскими или, как их тогда называли полупрезрительно, «молодыми людьми с вокзала»².

Молодые люди, окончившие среднюю школу, поступали в 1-й специальный класс, а вольноопределяющиеся 2-го разря-

¹ Греков О.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений 1700–1910. М., 1910. С. 175.

² Шапошников П.В. Иркутское военное училище // Военная быль. Париж, Январь–март 1961. № 46. С. 1-6; № 47. С. 6-10.

да должны были держать вступительный экзамен за 6 классов средней школы и таким образом, поступая в общий класс, они получали полное среднее образование, а в двух специальных классах – военную подготовку.

Первоначально юнкерские училища были созданы для подготовки к офицерскому званию войсковых юнкеров и вольноопределяющихся, поступивших в армию добровольно, а с 1869 г. в них принимались также и унтер-офицеры общих сроков службы, т. е. призванные в войска по рекрутскому набору.

Поступление в училище лиц указанных категорий не являлось обязательным, но никто из них не мог быть произведен в офицеры, не окончив курса юнкерского училища или не выдержав при нем установленного программой экзамена.

Иркутское военное училище

К приему в юнкерское училище допускались: 1) в старший или специальный класс: а) без экзамена – те из вольноопределяющихся и лиц, поступивших на службу по жребию, которые окончили курс учебных заведений 1 и 2-го разрядов или имели соответствующие удостоверения о знании полного курса этих учебных заведений; б) со сдачей экзамена по всем предметам, предусмотренным программой обучения в младшем классе (кроме топографии

и воинских уставов); все остальные вольноопределяющиеся и поступившие на службу по жребию; 2) в младший или общий класс: лица, которые выдержат проверочный экзамен по программам, установленным для испытания желающих поступить на службу вольноопределяющимися 2-го разряда¹.

Вступительные экзамены были достаточно серьезные. Из отчета начальника Иркутского юнкерского училища «О приемных экзаменах... в начале 1879–1880 гг.», следует, что из числа 52 человек, изъявивших желание поступить в училище в данном году, было принято 49. Из них 11 – в подготовительный класс, 35 – в младший класс и 3 – в старший. Не принято трое, двое из которых не выдержали экзаменов². В годовом отчете училища за учебный курс того же года, указывается об изменении в личном составе, и в первую очередь, об отчислении на сроки по распоряжению начальства: а) за неуспехи в науках – 4 человека; б) за неодобрительное поведение – 2. «Исключено вовсе за дурное поведение – 2, отчислено по болезни – 2, отчислено по собственному желанию – 3. Всего в течение учебного года убыло – 13. Прибыло же после открытия курса до 1 мая, согласно статьи 511-й Свода военных приказов 1869 г. книга XV, приказ военного министерства № 209 – 10. Всех же обучающихся вместе с прибывшими после открытия учебного курса, исключая убывших, состояло к 1 мая – 76 человек»³.

Во второй половине XIX в. приемные экзамены проводились в августе, и принимали их особые комиссии, назначавшиеся начальником училища. Поступающие экзаменовались по широкому кругу дисциплин, о чем свидетельствует «Расписание приемных экзаменов в Иркутском пехотном юнкерском училище». Абитуриентам необходимо было пройти следующие испытания: медицинский осмотр, письменная работа по русскому языку, письменная работа по математике, физика, арифметика, алгебра, геометрия, история, закон Божий, русский язык, география⁴.

¹ Свод военных постановлений. Третье продолжение Свода военных постановлений издания 1869 года. СПб., 1887. С. 119.

² РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 3463. Л. 4.

³ Там же. Л. 20.

⁴ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 20. Л. 137.

П.В. Шапошников пишет о приемных экзаменах: «Идет экзамен по алгебре, экзаменует полковник фон-Агте (Александр Аполлонович), гроза юнкеров и поступающих, кончивший Инженерную и Артиллерийскую Академии и знающий математику, «как Господь Бог». Но «гроза» был, в сущности, добрейший человек.

Но что делать начальству, экзаменаторам, если нужно набрать 120 человек, а приехало для поступления 500! Конечно, устраивать «избиение младенцев!» И устраивали.

Выскакивают из класса, все в поту, отэкзаменовавшиеся. – «Ну, что, как? Какой билет вытянули?» – «Задачу о курьерах», – шепчет один. – «А мне попало простое уравнение, и я быстро его решил», – взволнованно говорит другой.

И все настораживаются и думают: «Ах, если б мне тоже, я бы прошел».

Другие экзамены шли с таким же волнением и училище представляло из себя улей. Но 1 сентября все кончалось, читался список поступивших, их вводили в училище, т. е. в спальни, на второй этаж, куда до этого они не могли входить, дальше их вели в цейхгауз, где работали училищные портные – солдаты. Там был уже глаз строевого начальства, командиров рот и курсовых офицеров и сразу же начинался «цук», сначала со стороны портупей-юнкеров, взводных и отделенных, а потом и старших юнкеров, специальных классов»¹.

С 1914 г. ежегодный набор в училище составлял 100 человек. Но желающих поступить было гораздо больше. Так, к 15 августа 1913 г. для сдачи вступительных экзаменов прибыло 450 человек².

«Месяца через три происходила присяга на верность службе Царю и Родине. День присяги был торжественно обставлен. Занятия прекращались и молодые юнкера, в парадных мундирах, выстраивались в громадном рекреационном зале. Старые – выстраивались против них. Раздавалась команда: «Слушай, на караул!»

¹ Шапошников П.В. Иркутское военное училище // Военная быль. Париж. Январь–март 1961. № 46. С. 1-6; № 47. С. 6-10.

² Текущая жизнь училища // Досуги юнкеров Иркутского военного училища. 1913. Вып. 16. С. 16.

Входил начальник училища и все преподаватели, даже штатские; гремел встречный училищный марш. Начальник училища, полковник Степан Карлович Станковский, здоровался с юнкерами и медленно обходил строй молодых лиц, впившихся в него глазами. Команда: «К ноге!» и начинался молебен...»

Вечером, после присяги, устраивался бал. Приглашались преимущественно семьи военных из города во главе с семьей командующего войсками Иркутского военного округа и других генералов. Но этот бал не был таким блестящим, как бывал бал 6 декабря (в день святого Николая) – училищный праздник и тезоименитство Государя Императора Николая II. Тогда приглашались знакомые юнкеров барышни гимназистки, институтки Иркутского Императора Николая 1-го института, во главе с начальницей, и кадеты Иркутского Корпуса, а также масса уважаемых граждан города, с семьями.

Следующий за присягой отпускной день – молодые или, как их называли «козероги», получали отпуск наравне со «старыми»¹.

Первоначально обучение в училище продолжалось 2 года, а с 1901 г. – 3 года. Учебный курс распределялся на три класса: общего (младшего) и 1-й и 2-й специальные с одногодичным курсом в каждом классе, включая три летних периода, в течение которых производились строевые и практические занятия в поле. В отличие от прогимназий, предметы здесь изучались более обстоятельно и глубоко². Анализ учебного плана показывает, что общеобразовательные и специальные предметы распределялось поровну в целом по курсу. Но с другой стороны, обучение общеобразовательным предметам таким как: закон Божий, русский язык, математика, начальные сведения из физики и химии, география, история, черчение – приходилось на младшие классы. Из специальных предметов на данном этапе изучались лишь воинские уставы, на которые отводилось по 2 часа в неделю. В старших же классах изучали тактику, полевую фортификацию, военную топографию, сведения об оружии, военную администрацию и военную гигиену, воинские уставы, а в казачьих училищах и иппологию. Из общих предметов в старшем классе изучался лишь русский язык.

¹ Шапошников П.В. Указ. соч. № 46. С. 1-6; № 47. С. 6-10.

² Астраханцев О.Н. Военно-учебные заведения Сибири (1813–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. С. 17.

Что касается соотношения учебной нагрузки в старших и младших классах, то она была равной.

Учебный год продолжался с сентября по май. Программа по фортификации имела цель основательно ознакомить юнкеров с полевым инженерным делом, подготовить их к умению передавать нижним чинам необходимые для последних сведения по войсковому инженерному делу, дать достаточные знания о назначении и устройстве крепостей и способах обороны и овладения ими. Указывалось на основательное изучение полевой фортификации и техники сношений (дороги, мосты, телефоны и пр.). Программа была рассчитана на два года обучения, причем практические занятия разделялись на зимний и летний период¹. Кроме того, в курс обучения входила военная администрация, подразделявшаяся на теорию предмета и практические занятия.

Целью теоретической части курса было ознакомление с основными началами устройства армии, её содержания и прохождения в ней службы. Задачами практических занятий было ознакомление обучающихся с системой главнейших законоположений и с производством по этим сборникам необходимых справок; общими правилами письмопроизводства и составления деловых бумаг². Также достаточно сложными и обширными являлись программы курсов артиллерии и тактики, знакомившие с холодным и огнестрельным оружием и ведением боевых действий. Следует обратить внимание на то, что в пояснительной записке программы по тактике указывалось на ее недостатки, из которых главнейшими были отмечены: 1) искусственное распределение курса; 2) отсутствие изучения тактической деятельности малых войсковых частей; 3) отсутствие исследования перехода от похода или отдыха к бою и обратно и т. д. Кроме того, констатировалось, что по состоянию на 1911 г., данная программа, которая датировалась 1900 г., устарела и не имела разделов по ведению современного боя. Вновь составленная программа устраняла эти недочеты и преследовала следующие цели: а) придать изучению тактики чисто практический харак-

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–5.

² Там же. Л. 6–8.

тер; б) дать будущему молодому офицеру не только надлежащую тактическую подготовку в кругу предстоящей ему деятельности, но и облегчить ему разумное изучение различных вопросов впоследствии¹. Кроме того, в курс обучения в Иркутском военном училище были включены такие предметы, как военная история, военное законоведение и военная топография.

Занятия делились на учебные и строевые. Ежедневно они распределялись следующим порядком: в 6 часов вставали (зимой, с 1 ноября по 15 февраля, часом позже). В 7 часов молитва и чай (зимой в 7.30). С 9.30 до 16.00 – три лекции. На каждую лекцию отводился 1 час 30 минут. Первые две лекции заканчивались в 12 часов, потом следовал завтрак, затем продолжались строевые занятия². В Иркутском военном училище строевые занятия начинались в 12.20 и заканчивались в 15.10, в это время юнкерами производился: развод караулов, представление начальнику, внос и вынос знамени, ротное учение, удар штыком и рубка, сборка и разбор сверхдлинных револьверов, осмотр обмундирования и т. д.³ В 4 часа был обед. С 1870 г. порядок занятий был изменен, время лекций ограничено часом с четвертью; третья лекция отнесена на послеобеденное время – от 17.30 до 18.45. Затем до 9 часов вечера юнкера были свободны. В 9 часов по заре читалась вечерняя молитва и юнкера ложились спать. Желаящие могли заниматься до 11 часов вечера, но не далее⁴.

«Юнкер был занят с 6 часов утра и до 12 часов ночи. Ровно в 6 часов трубил горн или бил барабан, посменно тот или другой, и раздавалась команда дежурных и дневальных: «вставать, господа!» и юнкера поднимались, одни быстро, другие, ... очень «с прохладцей»... Но больше пяти минут после сигнала невозможно было задерживаться; нужно было немедленно делать постель, сложить в порядке на своем табурете мундир, шинель по уставу, бежать в умывальную, где уже толпились, умываясь и чистя сапоги, товарищи. Через 20 минут другой сигнал и команда фельдфебеля: «Строиться на гимнастику!» Полчаса гимнастики,

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 6. Л. 10-12 об.

² Бобровский П.О. Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб., 1872. С. 40.

³ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

⁴ Бобровский П.О. Указ соч. С. 40.

общая для всех рот молитва, и чай. С 8 часов до 11 ½ классные занятия, потом завтрак и – переодеваться, уже по-строевому, на строевые занятия, после которых обед и с 4 до 6 часов отдых. Все ложились и спали. В 6 подъем, снова гимнастика и вечерние классы для подготовки уроков или сдачи «репетиций» до 9 часов, т. е. до поверки, а после таковой опять шли в класс. Но в 12 часов все обязаны были лечь спать ... Идти спать разрешалось с 10 часов вечера»¹, – свидетельствует современник.

П.В. Шапошников достаточно колоритно описывает данный период своего обучения в Иркутском пехотно-юнкерском училище, обращая внимание на процесс обучения, и преподавателей, которые готовили будущих военных специалистов. Он отмечает, что изучали в училище 22 предмета. «Язык обязательный был английский и преподавали его двое: полковник барон фон дер Ховен и мистер Грант, американец, женатый на русской, совершенно обрусевший. Барон фон дер Ховен, добродушный толстяк, с визгливым женским голосом, который часто имитировался юнкерами. Однажды был такой случай: в 1-м специальном классе юнкер Радевич, «Боб», насмешник, и забияка, перед тем, как барон должен был прийти в класс, встал на стол, повернулся «тылом» к классу, наклонивши голову книзу к коленям и, вставивши между ног географическую карту, свернутую раструбом, изобразил граммофон. Он произносил английские слова, в точности копируя голос Холена, кричал визгливо: «buttons, children, fox» и пр. Мы так смеялись, что не заметили, как открылась дверь, и вошел полковник, который остановился и слушал свой собственный голос из «граммофона».

Когда дежурный заметил его и скомандовал: «Встать, смирно!», граммофон кубарем скатился со стола и встал «смирно» с картой, все еще свернутой рупором.

Класс затих и ждал грозы.

Но Ховен, как ни в чем не бывало, поздоровался с классом и обратился к Радевичу: «Ну-с, Вы, кажется, выучили урок. Отвечайте...» и начал его спрашивать.

Но бедный Боб только и ответил те слова, которые он выкрикивал в свою трубу, а остальные не знал...

¹ Шапошников П.В. Указ соч. № 47. С. 6-10.

«Очень хорошо, – сказал барон, – садитесь, единица!»

Он часто ставил единицы, но всегда вызывал «исправлять балл» и в конце года он вызвал незадачливого Боба, и так как тот ответил хорошо, то Ховен, подсчитавши сколько ему нужно поставить баллов, чтобы в среднем вышло 6 (балл «душевного спокойствия»), поставил ему, к нашему удивлению и восхищению, ... двадцать баллов! и таким образом обеспечил его переход в следующий класс.

Борис был шалопай и учиться не любил, но был душой нашей курилки и класса в свободное время, когда можно было поболтать и посмеяться. Мы все его любили.

Юнкера любили давать прозвища своим преподавателям, порой очень злые, в зависимости от симпатии к последним. Например, начальника училища мы называли «мандарин» за его дородность и важность в движениях; преподавателя математики и артиллерии – «макака» за маленький рост и круглые глаза в очках. Но, несмотря на обидность такого слова, мы его любили и уважали за громадную эрудицию и хорошее преподавание. Преподавателя фортификации и физики называли «ученым моржом» за висячие рыжие усы и толстую шею. И т. п.

Иркутский кадетский корпус

Строевых офицеров, командиров роты и взводных любили за их ответственное и ровное ко всем отношение. Особенным расположением пользовались: наш «Володя» – штабс-капитан фон-Крузе и «Стась» – штабс-капитан Станислав (Каэтанович) Грудзинский; первый – за товарищеские шутки, всегда остроумные, второй – за его деликатность и мягкость.

Но все юнкера, обоих рот возненавидели, с первого дня его появления в училище, штабс-капитана Т (Тарновского Михаила Георгиевича). Воспитанник нашего же училища, он появился у нас в середине года в качестве преподавателя фехтования. Резко кричащий голос, суетливость и явное желание выслужиться перед начальством сразу настроили юнкеров против него. Инстинктивно почувствовали, что он может повредить каждому, чтобы сделать лишний шаг вперед по службе. Я лично от него пострадал сильно»¹.

По окончании училища назначались переводные и выпускные экзамены. Их принимал тот преподаватель, который должен был вести предмет в старшем классе, а преподаватель младшего класса выступал в роли ассистента. После экзаменов юнкера направлялись для полевых учений в лагерь. В лагере юнкера конного взвода жили по общему с пехотными юнкерами распорядку дня. Существенным отличием для них было то, что юнкера конного взвода вставали на час раньше – в 5 часов утра и отправлялись на конюшню для ухода за лошадьми. В 6.30 юнкера пили утренний чай, в 6.45 выходили на учения. В 12 часов полагался обед, в 16 – чай; с 17 до 19 часов с юнкерами проводились занятия, в 20.45 происходила повестка, в 21 час – вечерняя заря, в 22 часа – отбой².

«5 мая училище со своим оркестром ежегодно, стройно и отбивая ногу, выходило на Большую улицу Иркутска и направлялось в лагерь, на реке Ушаковке, верстах в пяти от города.

Весь город высыпал на улицу в этот день, усыпая тротуары, гимназистки и знакомые дружески раскланивались и улыбались нам – серьезно и без улыбок идущим в строю юнкерам. Только одними глазами мы отвечали милым встречным взорам барышень

¹ Шапошников П.В. Указ соч. № 47. С. 6-10.

² Сборник постановлений для Иркутского юнкерского училища. Иркутск, 1883. С. 46.

Иркутска, вышедшим – нарочно в этот день, чтоб хоть взглядом сказать: «Прощай! Когда же увидимся?»

Лагерь располагался в трех больших бараках, покрашенных в светло-синий цвет, среди елей, берез и кедров, с клумбами цветов между ними и по бордюру главной линейки. Между первым и вторым баракком стояло знамя, а сзади него – караульное помещение для юнкеров, стоящих на часах у знамени. Впереди располагался плац для строевых занятий, вправо стояла деревянная лагерная церковь, построенная очень давно для стоявших тут же резервных полков – Иркутского и Енисейского. В 1910–1912 гг. этих полков не существовало, они влились в Сибирские стрелковые полки 7 Сибирской дивизии, стоявшей в Иркутске, но пустующий лагерь их оставался. Зброшенные офицерские бараки, основания солдатских палаток производили грустное впечатление покинутых жизнью мест, когда-то оживленных и людных.

После съемок начинались занятия в поле, стрельба на полигоне, а в июле, после двухнедельных маневров, мы уходили далеко от лагеря. Первый год мы были в районе Усоля, в 60 верстах от Иркутска, а второй год в районе Байкала.

Маневры – лучшее воспоминание из училищной жизни. Мы шли по таежным дорогам, производя примерные сражения, обходы, атаки, делая по 30-40 верст в день, под палящими лучами сибирского солнца. Когда можно – пели солдатские и юнкерские песни, приходили измученные на место бивака, разбивали палатки, а под вечер, после сытного, солдатского, из походной кухни ужина, снова были готовы идти еще 30 верст! Усталость проходила после 2-3 часов отдыха и трудно было загнать юнкеров спать в палатки после 10 часов вечера. Все еще хотелось сидеть у костра, петь, разговаривать, вспоминая прошедший в походе день или мечтая о скором, через несколько дней, отпуске домой...

Как приятно было сдавать 3 августа винтовку, 4-го сесть на извозчика и ехать через Ангарский мост на вокзал, где было отведено место в юнкерском вагоне, специально отводимом железной дорогой для едущих в Европейскую Россию в отпуск юнкеров!»¹

По окончании лагерных учений юнкера направлялись на лето в войска для ознакомления со службой и солдатским бытом.

¹ Шапошников П.В. Указ соч. № 46. С. 1-6.

Требования к духовному воспитанию в Иркутском юнкерском училище были не менее строгими. В приказе от 11 марта 1876 г. предписывалось принять к неуклонному исполнению и руководству циркулярное распоряжение Главного управления военно-учебных заведений от 29 января 1876 г. за № 1429, в котором требовалось подтвердить соблюдение постановлений, изложенных в 539-й статье XV книги Свода военных постановлений 1869 г., по первому продолжению которого было сказано, что: «Юнкера, замеченные в неприличном поведении, и в нарушении установленных для училища правил, подвергаются: 1) замечанию и выговору; 2) наряду не в очередь на службе; 3) не увольнению со двора и аресту; 4) смещению с должности и лишению званий: фельдфебеля, вахмистра, старшего и младшего унтер-офицера. За дурное поведение юнкера подвергаются: 1) отчислению в войска на сроки от одного года до двух лет; 2) исключению вовсе из училища и 3) преданию военному суду, на основании общих постановлений»¹.

Следует отметить, что исполнение данного приказа строго соблюдалось, и в подтверждение тому можно привести для сравнения приказы по Иркутскому юнкерскому училищу за 1877 г. № 12 и 1879 г. № 1. В первом из них указывается на нарушение установленных правил. «Начальник Иркутского юнкерского училища рапортом от 30 мая сего (1877) года за № 644 донес, что полувзводный унтер-офицер училища, юнкер Сила Иванов в присутствии нескольких юнкеров младшего класса вынул из казенной подушки небольшое количество волоса и им наполнил свою собственную подушку. Вследствие такого донесения и на основании 539-й статьи XV книги Свода военных постановлений издания 1869 г. по 1-му продолжению, юнкер Иванов за выше означенный поступок лишается звания унтер-офицера, в которое был произведен начальником училища от 15 мая сего года за № 135»².

Другой приказ отражает наказание за дурное поведение: «Юнкер Иркутского юнкерского училища, рядовой из вольноопределяющихся 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона Николай Шишагин, не оказывающий никаких успехов и атте-

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 3543. Л. 3.

² Там же. Л. 19.

стуемый ближайшим своим начальством в неодобрительном поведении, дозволил себе 26 минувшего декабря привести в здание классного помещения училища двух публичных женщин, по заявлению его, для того чтобы провести с ними время, а потому, на основании 539-й статьи Свода военных постановлений (книга XV 1869 г.), исключается из училища с правом поступления в оное в сентябре месяце 1880 г.». За подписью начальника штаба генерал-майора Голикова¹.

Случаев отчисления, как вспоминает П.В. Шапошников, было достаточно много. «Отчислялись за то, что являлись в нетрезвом виде, за несколько самовольных отлучек, за пользование «шпаргалкой» при ответах на репетициях или экзаменах и за предосудительное поведение с точки зрения военной чести. Эти последние без права поступления, вообще в другое военно-учебное заведение. За мое время не было ни одного случая отчисления за поступки, марающие честь юнкера. А за «выпивку» – было. Причем пусть читатель не подумает, что дело идет о настоящем пьянстве. Просто юнкер выпил где-нибудь две-три рюмки водки или вина и явился в училище в совершенно приличном виде, но дежурный офицер почувствовал запах вина; этого было иногда достаточно, чтобы отчислить юнкера в полк вольноопределяющимся.

Было и со мной подобное происшествие: я был лишен портупей-юнкерского звания только за то, что явился с запахом вина, на масленице, выпивши бокала два вина в гостях у знакомых. Одновременно со мной были записаны в книгу дежурного офицера, как явившиеся с «запахом вина», еще 5 человек «смертных», т. е. не портупеев. Те были отчислены от училища, в полки. Эта строгость мне казалась и несправедливой, и лишней. Ведь произведенный в офицеры юнкер сможет пить сколько угодно и притом действительно «зашибавшие» юнкера не попадались, так как они знали, как убить запах вина (например, поевши сухого чаю), а не пьющие этого знать не могли, т. к. выпивали случайно и были среди них образцовые юноши. Так, один из отчисленных тогда за масленичную выпивку юнкер Подолинский Иван держал отлично выпускной экзамен со своим выпуском, будучи

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 3543. Л. 29.

вольноопределяющимся, в качестве экстерна, и в войну 1914 г. прославился следующим подвигом:

Ротный образ в Иркутском военном училище

Сражаясь в рядах 72-го пехотного Тульского полка, он попал в плен вместе с другими чинами полка, и в первые моменты пленения, увидев, как австрийцы складывают в кучи только что сданное русскими оружие, вскочил и скомандовал: «В ружье! Бей врагов, братцы, хватай оружие!» и сам первый схватил винтовку. Солдаты вмиг последовали его примеру и бросились на опешивших австрийцев, расхватав свои винтовки. Конвой был перебит и кучка русских, под командой находчивого храбреца Подолинского, после короткого рукопашного боя, прорвала цепи австрийцев, наступавших на русские позиции под Люблином, и пробилась к своим. К сожалению, в конце боя Подолинский был убит.

Я читал о его посмертном награждении орденом Георгия за это выдающееся дело. А ведь армия могла лишиться такого доблестного офицера, если бы он не проявил настойчивости и не выдержал экзамена за курс училища! И только потому, что он совершил такое «тяжкое преступление» – выпил рюмку или две водки!...

Приведенные факты показывают, что воспитанники военно-учебных заведений второй половины XIX в. нарушали воинскую дисциплину, устраивали различные шалости и в отдельных случаях обижали младших. Другое дело, что эти нарушения не носили систематического характера, не отличались жестокостью. Тем не менее, в военных гимназиях и училищах прошлого уделяли должное внимание укреплению дисциплины. Так, в частности, параграф 53-й «Инструкции по воспитательной части...» гласил: «Взыскания – суть средства искусственные, чуждые чистой нравственности, нередко способные заглушить истинные мотивы детских поступков, и вместо любви к добру вызывают своекорыстные расчеты. ... Воспитанники должны проникнуться убеждением, что для них, как людей чести и долга, гораздо унизительнее должно быть заслуживание того или иного наказания, нежели понести ответственность за проступок»¹.

К морально-нравственной стороне воспитания будущих офицеров в Иркутском юнкерском училище подходили очень серьезно. Любая провинность, повлекшая нарушение правил, установленных в училище, а также несоблюдение норм и правил поведения, влекли за собой наказание, установленное 539 статьей Свода военных постановлений, изложенной в книге XV 1869 г.

«Еще перед отпуском в 1911 г. я знал, что назначен младшим портупей-юнкером в 1-й специальный класс, – вспоминает современник. – В сентябре, вернувшись в училище, я принял 10 человек под мою команду. Обязанности портупей-юнкера соответствовали унтер-офицерским в войсках – следить за строевой подготовкой своего отделения и воспитывать его в духе воинских и юнкерских традиций. Рядовые юнкера во время службы оказывали портупей-юнкеру такой же почет, как и офицеру: лихо щелкали каблуками и вытягивались «смирно» при обращении к ним с вопросами. Пожалуй, они это делали даже с большей подчеркнутостью, чтобы показать знание воинской вежливости. Быть отчетливым и красиво-подтянутым являлось традицией нашего училища и гордостью его юнкеров. Это настолько «входило в нашу привычку, что, вращаясь в обществе, мы были так-

¹ Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и однородных с ними заведений и военных прогимназий. СПб., 1882. С. 38-39.

же почтительно сдержаны и подтянуты перед дамами и людьми старше нас возрастом. Это нравилось обществу, поэтому мы были желанными гостями во всех домах. Иркутяне гордились своими юнкерами! А гимназисты, реалисты и приезжие студенты старались подражать нашим манерам на балах и в гостиных...».

Выпускник Иркутского юнкерского училища 1912 года П.В. Шапошников о национальном составе юнкеров пишет следующее: «Иркутское училище пополнялось не только сибиряками. Почти половина юнкеров были: из Прибалтики латыши, эстонцы, немцы; из Западного края белорусы – из Минска, Гродно, Вильно; поляки из Царства Польского; с Кавказа – армяне, грузины и даже 2 казака с Кубани и Дона. Конечно, было много и из средней и северной России – Великороссии»¹.

Социальное происхождение юнкеров училища в конце 1879–1880 учебного года

По происхождению	Из дворян		Граждан	Детей	Всего
	Потом- ственных	Лич- ных	купцов мещан	священников и церковно- служителей	
	2	11	56	3	
В том числе казаков	–	1	21	–	22

В отношении списочного состава юнкеров следует заметить, что он не совпадал со штатным. В 1882–1883 и в 1883–1884-ом учебных годах в училище обучалось 77 юнкеров и 79 урядников, что составляло 85,6 и 87,8 % от полагавшегося штата. По национальному составу основное количество обучавшихся было русским, небольшой процент приходился на поляков. В 1882–1883 учебном году русских в училище было 73 человека (94,8 %), поляков – 3 (3,9 %) и 1 человек (1,3 %) – «других национальностей», в 1883–1884 учебном году было 75 русских (94,9 %) и 4 поляка (5,1 %). По социальному происхождению в списках числилось 49 человек из дворян (62 %), 3 – духовного звания (3,8 %), 6 – купцов

¹ Шапошников П.В. Указ соч. № 46. С. 1-6; № 47. С. 6-10.

и мещан (7,6 %), 1 – из крестьян (1,3 %), 19 – казаков (24,1 %) и 1 человек других сословий (1,3 %)¹.

Среди великого множества свидетельств того времени хранится в Государственном военно-историческом архиве и этот уникальный документ – прошение крестьянина В.П. Ткалуна о высочайшем разрешении на поступление в Иркутское военное училище – с резолюцией самого императора Николая II:

«...Имея душевное желание посвятить [себя] только военной Вашего Величества службе, я выдержал экзамен на вольноопределяющегося II разряда в 1910 году, ... но не пытался поступить на действительную военную службу в полк. Я освобожден от действительной военной службы по семейному положению. В 1910 году я пытался поступить в Чугуевское Военное училище, но не удалось. ... В 1911 году я пытался поступить в Виленское Военное училище, но тоже не поступил. ... В 1912 году я отправился в Иркутск попытать счастья – поступить в Иркутское Военное училище, но опоздал к экзаменам – и снова неудача. Жажда к военному делу у меня не остыла и, кажется, не может остыть... я, помолясь Богу, решил осмелиться припасть к стопам Вашего Величества: молю повелеть в путях Монарших Милостей, чтобы я был принят в Иркутское Военное училище в общий класс в этом, 1913 году. А может, я буду полезен любимому моему Российскому Отечеству по выходу меня из Военного училища. Моя душа жаждет военного дела – я вижу в нем свой талант. Мне 24 года, физически совершенно здоров»².

Разве не удивительно, что письмо из самой дальней окраины России – села Алексеевки Никольско-Уссурийского уезда Приморского края, дошло до высочайшего адресата? И что сам император и канцелярия военного министра, а на документе есть её штампы регистрации, приняли участие в судьбе молодого просителя – в списках юнкеров Иркутского военного училища встречается и его фамилия.

Подготовка, получаемая юнкерами в училище, позволяла им служить не только в пехоте, но и в таких родах войск, которые требовали специальной подготовки – артиллерии, инженерных войсках. 6 августа 1911 г. из 540 воспитанников, выпустившихся

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 3463. Л. 22.

² Астраханцев О. Как Иркутское военное училище готовило войсковых командиров. Код доступа: <http://http://www.ivatushniki.ru/modules.php>

из училища, 35 были направлены в пехоту, 2 – в артиллерию и 3 – в инженерные части.

Общероссийский характер распределения выпускников Иркутского военного училища прослеживается в течение многих лет, менялось лишь соотношение между оставшимися в Иркутском и вообще сибирских округах и пожелавшими служить в Европейской России.

Иркутские юнкера выполняют шашечные приемы

«Началась разборка вакансий. Юнкера брали вакансии в полки по старшинству баллов, но сначала фельдфебели, потом портупей, а затем уже шли простые смертные. Так как я, по баллам, был выше многих портупей-юнкеров, то мог бы взять вакансию шестнадцатым, но, так как я уже был не портупей, то брал 32-м по списку из 120 человек выпускных этого года. Я мог бы выйти в полки, стоящие в больших губернских городах, но мне почему-то понравилась Волынь, и я выбрал 128-й пехотный Старооскольский полк, стоявший в г. Изяславле-Волынском.

Когда я перед комиссией из офицеров училища отрапортовал: «128-й пехотный Старооскольский полк!», то мои товарищи по классу удивились и после долго меня по-дружески упрекали: «Почему ты не взял 147-й Самарский полк в Ораниенбауме или

какой-нибудь другой, стоящий в Киеве, Ставрополе, Иркутске? В больших городах?»

Я отвечал, что хотел узнать жизнь нашего запада.

6 августа, в день Преображения Господня, часов к 10 утра, пропел сигнал: «Офицеры, офицеры, соберитесь! Соберитесь, соберитесь, соберитесь!...»

И полупустой, за отъездом младших классов в отпуск, лагерь ожил. По команде фельдфебелей обеих рот: «Господа офицеры, прошу строиться на передней линейке!» – мы выстроились, хотя еще в юнкерской форме, но уже – офицеры, т. к. Высочайшая телеграмма, о производстве пришла. Показавшийся в конце линейки начальник училища, после обычной команды «Смирно!» поздоровался с нами не как обычно: «Здравствуйте, господа!», а «Господа офицеры!» и прочел телеграмму – приказ Государя Императора о нашем производстве.

Изучение Устава гарнизонной службы

Громкое и дружное «ура!» было ответом сотни молодых глоток, и после молебна, спешно переодевшись, мы уже в офицер-

ской форме пошли в столовую, вместе с курсовыми офицерами и начальником училища.

Обед был парадный, но без вина, и мы в последний раз обедали все вместе, и хотя за обычным юнкерским столом, но уже совсем в другом настроении – офицерском!

Было очень радостно, но и немного грустно: ведь вот завтра мы разлетимся в разные стороны необъятной нашей России, и может быть я никогда уже больше, не увижу ни Миши Воронцова, ни Коли Омелюсика, ни других, с которыми делился мыслями, секретами, радостью и горем в продолжение двух лет... Первый из моих товарищей уедет в г. Валк, в Лифляндии, второй – в Кишинев, Бессарабия, а я в Изяславль Волынский.

И уже никогда не будет душевных молодых разговоров и полудетского смеха, товарищеских проказ. Будут письма о службе, о новой обстановке, о планах поступления в Академию; все реже и реже будут приходить они, а потом и совсем прекратятся; жизнь раскидает...

После обеда молодые офицеры поехали в город с тем, чтобы увидеть кой-кого из знакомых, а вечером собраться в отеле «Модерн», где объединившиеся компании закадычных друзей, человек по 15-20, заказали прощальный ужин вместе со «штатскими» друзьями.

Весь город в этот день пестрел формами всевозможных полков и родов оружия Российской Императорской Армии. По Большой улице фланировали: стрелки Сибирские, стрелки Туркестанские, Кавказские в малиновых эполетах; гуляли и мчались на лихачах хорунжие Забайкальцы, Уссурийцы с желтыми лампасами; подпоручики гренадерских Московских и Кавказских полков и армейцы славных частей Императорской Российской пехоты, разбросанных по всему пространству от Белого моря до Черного, от Индийской границы до Германской и Австрийской!

Иркутск весело праздновал день производства своих юнкеров. Штатские костюмы, туалеты дам за столиками кафе перемешивались с новенькими формами молодых офицеров. На бульваре, на берегу Ангары, против дома Командующего Войсками и Института Благородных девиц, играл военный оркестр и музыка мелодично разливалась по речной голубой глади широкой

реки. На другой стороне ее, на холмах покрытых березами, были домики-дачи, тоже нам знакомые и носящие поэтическое название «Звёздочка».

Только поздно ночью город затихал в этот день, но в отеле «Модерн» жизнь продолжалась до утра. Там заливались скрипки в томных вальсах, барабан отбивал такт мазурки (краковяка) и в окнах ресторана можно было видеть тени танцующих пар. Там свежеиспечённые подпоручики и хорунжие справляли свой первый бал вне стен училища с приглашенными дамами из семейств, где бывали до производства. Там царило молодое, бесшабашное веселье и хочу подчеркнуть – всегда в рамках совершенного приличия и достоинства, налагаемых русским офицерским мундиром.

Большая улица. Иркутск

Этот мундир налагает свои обязанности в отношении поведения в обществе, на улице, в публичном месте. Удивительная происходила перемена. Вчерашние мальчишки, часто повесы в стенах училища или классе – становились сразу серьезными молодыми людьми, приобреталось достоинство в манерах, в разговоре с посторонними, с прислугой ресторана. Мы уже не так громко смеялись, не так быстро двигались, были осторожны

в выражениях. Фуражки уже не так лихо заламывались набекрень, а принимали более нормальное положение на голове, с наклоном козырька больше на глаза!

Через два-три дня Иркутск пустел. Уже реже ехали извозчики на вокзал за Ангарой, отвозя офицеров; меньше попадались навстречу формы российских полков; произведенные разъезжались в отпуск, чтобы после него рассыпаться по своим полкам, саперным батальонам и артиллерийским бригадам, разбросанным по всей России. Один ехал на службу в Финляндию, другой на Кавказ, третий в Туркестан, в какой-нибудь Мерв или на Кушку; четвертый в Варшавский округ или в Севастополь».

8 октября 1912 г. Николай II утвердил «Положение об ускоренных выпусках при мобилизации армии из Пажеского е.и.в. корпуса, военных и специальных училищ». Вопрос о дальнейшем развитии всего комплекса военно-учебных заведений решался в тесной связи с большой программой усиления армии, утвержденной Николаем II 6 марта 1913 г. Мероприятия, предусмотренные этой программой, разрабатывались в течение 1913 г. и в начале 1914 г. были внесены на рассмотрение Совета Министров. С начала 1914-1915 учебного года были учреждены новые пехотные училища – 2-е Киевское и Ташкентское. Одновременно был увеличен штат Иркутского военного училища. В скором времени штатное число юнкеров было увеличено во всех военных училищах и, кроме того, был допущен десятипроцентный сверхкомплект юнкеров.

Большие потери офицерского состава в ходе начавшейся войны, особенно в пехоте, расширение масштабов боевых действий и необходимость в связи с этим формирования новых соединений и частей потребовали значительного увеличения численности офицерского корпуса. Для этого была начата в широких масштабах подготовка офицеров военного времени – прапорщиков – путем перевода военных училищ на ускоренный курс обучения и открытия школ подготовки прапорщиков.

19 июня 1914 г. военный министр, генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов отношением № 3831 на имя начальника ГУВУЗ предписал безотлагательно приступить к подготовке ускоренных выпусков из военно-учебных заведений на основании по-

ложения, утвержденного 8 октября 1912 г. Первый ускоренный выпуск следовало произвести 1 октября 1914 г.

Секретное предписание ГУВУЗ от 26 июля 1914 г. предоставляло военным училищам широкий простор в организации учебного процесса, чтении лекций, распределении учебных часов. Экзамены не предусматривались, а должны были проводиться лишь контрольные занятия по всем предметам курса с оценками.

Необходимость скорейшего укомплектования армии офицерами сразу после начала войны заставила ГУВУЗ осенью 1914 г. произвести при военных училищах офицерские экзамены для прапорщиков запаса, вольноопределяющихся из войск и нижних чинов. В последующем такие экзамены проводились дважды в год.

Дальнейший порядок ускоренной подготовки офицеров в военных училищах был определен приказом по военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. В соответствии с ним вводилось в действие «Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в военно-учебных заведениях с четырехмесячным ускоренным курсом».

Учебный курс определялся начальником ГУВУЗ. Следует отметить, что он был существенно упрощен. В программах по ускоренному выпуску юнкеров, прилагавшихся к одному из секретных предписаний ГУВУЗ военным училищам, преподавание закона Божьего, русского и иностранных языков отменялось. Приказом по военному ведомству № 787 от 15 декабря 1914 г. действие положения было распространено на всех, кто был принят в военные училища с четырехмесячным курсом 1 августа 1914 г.

Практика ускоренной подготовки офицеров в военных училищах продолжалась и в последующие годы, но сроки подготовки неоднократно менялись. В 1915 г. первый выпуск офицеров с ускоренных курсов пехотных, кавалерийских и казачьих училищ состоялся 1 февраля.

Приказом по военному ведомству № 311 от 17 июня 1916 г. было предписано производить прием молодых людей в военно-учебные заведения с четырехмесячным ускоренным курсом и

в специальные заведения с восьмимесячным курсом «во все остальное время текущей войны, предоставив право определения сроков приемов военному министру».

Питомцы военно-учебных заведений Иркутска служили в войсках, расположенных на всей территории Российского государства. Они входили в гарнизоны от Санкт-Петербурга на севере до Кушки на юге, от Вильно на западе до Владивостока на востоке. 18 июня 1913 г. юнкерами были разобраны следующие вакансии: лейб-гвардии Преображенский полк в Петербурге, 16-й Туркестанский стрелковый полк в Кушке, 108-й пехотный Саратовский полк в Вильно, 82-й пехотный Дагестанский полк в Грозном, 9-й Сибирский стрелковый полк во Владивостоке¹.

Выпускник Иркутского военного училища О.П. Колпак (Калпак)

Высокие нравственные и профессиональные качества проявили бывшие юнкера во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Показательно письмо командира 22-го Сибирского стрелкового полка от 11 мая 1915 г. начальнику училища: «Очень рад случаю дать благоприятные отзывы о г.г. офицерах вверенного мне полка, окончивших Иркутское военное училище»². В письме приводятся блестящие отзывы на шестерых офицеров полка – выпускников училища. Вот

характеристика службы одного из них: «Заведывающий командой пеших разведчиков штабс-капитан Михаил Владимирович Васильев (выпуска 1906 г.) оказал огромные услуги полку целым рядом энергичных, смелых и весьма продуктивных разведок. Эти разведки выясняли боевую обстановку и зачастую давали возможность принять то или иное решение. За ряд смелых раз-

¹ Хроника внутренней жизни // Досуг юнкеров Иркутского военного училища. 1913. Вып. 14. С. 16.

² РГВИА. Ф. 1483. Оп.1. Д. 103. Л.23.

ведок он представлен ко всем очередным боевым наградам до Анны 2 ст. включительно»¹.

В другом отзыве командира 22-го Сибирского стрелкового полка из действующей армии (1915 год) указано: «Ваше Превосходительство, Степан Карлович! Очень рад случаю дать благоприятные отзывы о господах офицерах вверенного мне полка, окончивших Иркутское военное училище... оба прапорщика выпуска 1914 года г. Шмелев и Пильчевский... оказались прекрасными офицерами. Боевую службу несут отлично, прапорщик Пильчевский добровольно принимал участие в разведках, где проявил хладнокровие и распорядительность. Про более старых питомцев вверенного Вам училища я могу дать наилучший отзыв как об офицерах распорядительных, хладнокровных и бесстрашных в бою. Из них поручик Александр Степанович Левинсон, выпуска 1910 года, в настоящее время исполняет обязанности старшего адъютанта Штаба дивизии, какое обстоятельство само по себе говорит о служебных его качествах. Поручик Антон Александрович Мельников, выпуска 1909 года, младшим офицером пулеметной команды, принял команду в бою под Боржимовым, после того как начальник ее, капитан Пирумов, был убит. К глубокой скорби моей и всех однополчан, поручик Мельников был также убит 15 января... За боевую деятельность поручик Мельников представлен к орденам Святой Анны 4-й степени, Святого Станислава 3-й степени и Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени. Заведующий командой пеших разведчиков штабс-капитан Михаил Владимирович Васильев, выпуска 1906 года, оказал огромные услуги полку целым рядом энергичных, смелых и весьма продуктивных разведок. Эти разведки выясняли боевую обстановку и зачастую давали возможность принять то или иное решение. ... За ряд смелых разведок он представлен ко всем очередным наградам до Анны 2-й степени включительно. Самый лучший отзыв могу дать я и о штабс-капитане Константине Митрофановиче Левицком выпуска 1906 года... Дав краткую характеристику боевой служебной деятельности питомцев вверенного Вам училища, я с радостью делаю выводы, что впечатление от этой деятельно-

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп.1. Д. 103. Л. 23 об.

сти самое отрадное. Могу к этому прибавить, что, будучи отличными боевыми офицерами, все они заслужили любовь и уважение офицеров-однополчан как прекрасные товарищи в лучшем смысле этого слова»¹.

Иркутское юнкерское училище было одним из немногих учебных заведений в обширном регионе Сибири, готовившем офицерские кадры для расположенных здесь войск. Потребность в офицерах для подразделений и частей азиатских военных округов особенно возросла на рубеже столетий, что было связано с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке. Это обстоятельство повлекло увеличение количества учащихся и расширение материальной базы училища.

Ускоренная подготовка командных кадров

С началом Первой мировой войны на ускоренную подготовку офицеров перешли все военные училища страны, в том числе и Иркутское военное училище. Не сократились сроки обучения в кадетских корпусах, поскольку они не выпускали офицеров, а лишь осуществляли подготовку для поступления в военные училища.

В ходе войны наиболее распространенным типом военно-учебных заведений по своим задачам, непосредственно примыкающим к военным училищам, стали школы подготовки прапорщиков. Впервые о них упоминалось в секретном предписании ГУВУЗ начальникам всех пехотных училищ № 257 от 1912 г. В предписании говорилось, что наряду с ускоренными курсами в военных училищах, «в целях пополнения во время войны убыли в действующих армиях офицерского состава, Главное управление Генерального штаба, в ряду предпринимаемых для сего мер, предполагает привлечь одновременно с объявлением мобилизации, различные контингенты молодых людей с определенным образованием к прохождению сокращенного курса в формируемых для этой цели особых школах при запасных пехотных бригадах...». Курс обучения в таких школах предполагался восьмимесячным.

¹ Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус. Код доступа: <http://salery.livejournal.com/32146.html>

В управлении заведующего школами подготовки прапорщиков пехоты в Иркутском военном округе в октябре 1917 г. по списку числилось 3 офицера:

«1. Генерал-майор Наперстков – вр. и. д. заведывающего школами, он же начальник местной бригады. 2. Поручик Агапьев – адъютант управления, командированный в распоряжение исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска. 3. Прапорщик Агеев – вр. и. д. адъютанта управления». Размещалось управление с мая 1917 г. на углу Медведниковской и Толкучей улиц в здании штаба округа.

Вместе с тем круг молодых людей, имевших право на поступление в военно-учебные заведения с ускоренным курсом, по инициативе нового военного министра А.А. Поливанова, был существенно расширен. 15 августа 1915 г. во все учебные заведения империи любой подведомственности Советом Министров было разрешено принимать детей лиц, служивших в действующей армии и участников войны «без различия национальностей или вероисповедания», вне конкурса и не считаясь с существующими иными ограничениями.

Преподавательская комната Иркутского военного училища. РГВИА

Состояние учебно-воспитательной работы в школах подготовки прапорщиков пехоты находилось в числе приоритетных вопросов командующих войсками округов, в том числе, и Иркутского округа. 9 ноября 1916 г. командующий войсками округа генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский посетил 2-ю Иркутскую школу подготовки прапорщиков пехоты. Результаты этого посещения нашли отражение в приказе по войскам ИВО № 187 от 12 ноября 1916 г. Посещенные теоретические занятия с юнкерами старшего курса по тактике, артиллерии, топографии оставили у командующего благоприятное впечатление: «Предметы эти читают курсовые офицеры достаточно обстоятельно». Замечания со стороны командующего были сделаны в отношении воинского воспитания юнкеров, соблюдения ими строевой выправки, умения действовать в строю и управлять строем. Посетив строевые занятия юнкеров старшего курса на Тихвинской площади, командующий обратил внимание на следующие обстоятельства: «Юнкер-фельдфебель, командовавший ротой, подавал команды тихо, вяло и несноровисто; ружейные приемы, повороты, вздваивание и выстраивание рядов юнкера делали нечисто; перестроения колонн, как на месте, так и на ходу, исполнялись нечисто».

На 1 октября 1917 г. во 2-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты числилось по списку 3 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 2 врача, 2 военных чиновника, 113 солдат и 495 юнкеров. Чины и занимаемые должности распределялись следующим образом: 1) Из 3 штаб-офицеров один был полковником – начальник школы Хилковский и двое были подполковниками – командирами рот. Следовательно, в организационном отношении школа подразделялась на две роты. 2) Из 25 обер-офицеров двенадцать были курсовыми офицерами (2 капитана, 7 штабс-капитанов, 2 поручика, 1 подпоручик), десять были помощниками курсовых офицеров (прапорщики), один прапорщик – адъютант школы, один прапорщик – заведующий обмундировальной мастерской школы и один прапорщик был командирован в управление заведующего школами подготовки прапорщиков пехоты в Иркутском военном округе. 3) 2 зауряд-врача. 4) Из 2 чиновников военного времени один был

заведующим хозяйством, а другой казначеем. 5) Из 113 солдат считались прикомандированными к школе 83 человек. Таким образом, списочная численность постоянного состава школы (без 83 прикомандированных солдат) составляла 62 человека, а списочная численность переменного состава (юнкеров) – 495 человек. Кроме того, для обслуживания хозяйственных и иных нужд школы в ней числилось 9 обозных лошадей.

В 1-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты на 10 июля 1917 г. по списку состояло: 1 начальник школы (полковник); 2 ротных командира (капитаны); 8 курсовых офицеров (4 штабс-капитана и 4 поручика); 18 помощников курсовых офицеров (прапорщики); 1 заведующий хозяйством (прапорщик); 1 адъютант школы (прапорщик); 1 врач (не имел чина); 1 казначей и делопроизводитель; 374 юнкера (1 зауряд-прапорщик, 8 под-прапорщиков, 7 фельдфебелей, 24 старших унтер-офицера, 333 младших унтер-офицера, 1 рядовой); 88 солдат команды (3 нестроевых старшего разряда, 10 писарей, 51 нестроевой, 1 старший унтер-офицер, 4 младших унтер-офицера, 4 ефрейтора, 12 рядовых, 3 фельдшера). Обращает на себя состав юнкеров – из 374 обучавшихся, только один был в звании рядового. В основной своей массе это были унтер-офицеры.

Кандидаты для поступления в школы подготовки прапорщиков пехоты, размещавшиеся в Иркутске, направлялись не только из подразделений и частей Иркутского военного округа, но и из других военных округов, включая Европейскую Россию, а также из действующей армии.

В «Ведомости 3-й Иркутской школы подготовки прапорщиков пехоты о зачислении юнкеров в начале 4-го курса» приведены следующие сведения о количестве командированных для поступления в школу: из Приамурского военного округа был направлен 21 кандидат, из Казанского – 195, из Минского – 113, из Двинского – 32, из действующей армии – 3 кандидата.

Не все прибывшие для поступления выдерживали приемные испытания. Так, в феврале 1917 г. в 3-й школе подготовки прапорщиков пехоты на четвертый выпуск при штатной численности переменного состава в 550 юнкеров было набрано 498 человек. В это число вошли 71 человек, не бывших в учебной команде и 50

человек, прошедших подготовительные команды для поступления в школы прапорщиков. Следует подчеркнуть, что одним из требований к поступавшим в школы подготовки прапорщиков пехоты было прохождение из через учебные команды¹.

Кухня Иркутского военного училища. РГВИА

Во время Первой мировой войны в Иркутске были открыты 1-я, 2-я и 3-я Иркутские школы прапорщиков (пехотные). 1-я Иркутская школа прапорщиков дислоцировалась в двухэтажном каменном здании, расположенном на Казарминской улице (ныне ул. Красного Восстания), 2-я Иркутская школа прапорщиков размещалась в помещении губернской мужской гимназии на пересечении ул. Амурской и Басинской (ул. Ленина и ул. Свердлова), 3-я Иркутская школа прапорщиков находилась на железнодорожной станции Иннокентьевская (район Иркутска-2). Весной 1916 г. 2-я Иркутская школа прапорщиков была выделена исключительно для студентов (со сроком обучения 4 месяца).

¹ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Лито-типография «Умидъ» б. Харитонова, 1917. С. 63.

Результативность их работы такова: 1-я школа выпустила 3889, 2-я – 3389, 3-я – 2526 человек.

Об общем состоянии дел в школах подготовки прапорщиков указывалось в отчетах генерал-майора Адамовича, который посетил в 1916 году несколько школ в разных городах страны. Школы оценивались им по нескольким параметрам. В частности, размещение, состав юнкеров, содержание обучаемых и внутренний порядок, расчеты и распределение времени, постановка обучения. О 1-й и 2-й Омской и 1-й, 2-й, 3-й в Иркутске известно, что все указанные школы размещались в достаточно хороших условиях, помещения были приспособлены для обучения и жизни юнкеров и содержались в чистоте. «Оба здания (2-й Иркутской школы) настолько хороши по постройке и ремонтному состоянию и настолько свободны, что помещение может быть признано лучшим из (18-ти) донные осмотренных»¹.

Расположение 3-й Иркутской школы было признано почти идеальным: «В общем, расположение школы среди поля, у станции железной дороги, вблизи большого города и в таких зданиях надо признать близким к идеалу и, несомненно, лучшим...»².

Для сравнения – выдержка из отчета о Саратовской школе: «Баракы для жилья тесны, холодны, не оборудованы и не уютны до крайности»³. Юнкера омских и иркутских школ произвели на генерала вполне хорошее впечатление. О 2-й Омской школе: «Юнкера коротко стрижены, хорошо одеты и производят впечатление благообразное». О 1-й Омской школе: «Юнкера имеют свежий вид, чисты, опрятны, коротко стригутся и производят впечатление хорошее...». О 1-й Иркутской школе: «Юнкера одеты чисто, стрижены и держатся прилично»; о 3-й Иркутской школе: «Вид юнкеров чистый, все стриженные, строй дисциплинирован»⁴.

В худшую сторону по этому вопросу была отмечена 2-я Иркутская школа: «Юнкера почти не тронуты выправкой, имеют вид весьма некультурный и понурый, носят самые неприлич-

¹ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича... С. 63.

² Там же. С. 79.

³ Там же.

⁴ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича ... С. 54, 60, 73, 81.

ные для юнкеров прически»¹. Объяснение этому может быть то, что 2-я школа комплектовалась из студентов – людей, не привыкших к армейским порядкам. К слову, их оценка была не самой плохой в сравнении с другими школами страны. Например, гораздо хуже были юнкера в Петергофских школах и уже указанной Саратовской. «В общем, наличный состав обучающихся в 1-й, 2-й и 4-й Петергофских школах производит настолько невыгодное впечатление, что представляется необходимым остановиться более внимательно на его оценке и выяснении условий комплектования. Значительное большинство состава – люди неблагообразной внешности, слабых физических качеств, малоразвитые и не имеющие той первоначальной обработки и подготовки».

И о Саратовской школе: «В общем, среда обучающихся производит тяжелое впечатление: полное отсутствие хоть немногих культурных людей, которые подтягивают за собой всю массу; серое, понурое, необразованное простонародье, уступающее внешним видом подбору сколь-нибудь удачно сформированной учебной команды»².

Уровень поступающих в школы подготовки прапорщиков пехоты оставлял желать лучшего. Причем, чем ближе к 1917 году, тем становился ниже. Уровень образования был низким и значительно отличался от уровня молодых людей, поступающих в то же время в военные училища. Так, например, из анализа сведений о юнкерах 1916 г. Иркутского военного училища видно: всего в списке числилось – 127 человек, из них по происхождению: крестьян – 31 человек; из дворян (включая потомственных дворян) – 30; из мещан – 29; детей чиновников – 17; из купцов – 5; детей священников (духовных служителей) – 7; на 8 человек нет данных о происхождении.

По уровню образования: окончили реальные, коммерческие и др. училища и гимназии – 13 человек; окончили училища, гимназии и продолжили обучение в высших учебных заведениях (из которых с разных курсов прибыли для поступления в военное училище) – 108 человек, из них окончили полный курс

¹ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича ... С. 63.

² Там же. С. 8, 35.

обучения – 25 человек (Тифлисский учительский институт – 1 человек; Иркутский учительский институт – 6; Томский технологический институт – 11; Петербургский университет – 1; Московский университет – 4; Киевский коммерческий институт – 1; Варшавский политехнический институт – 1; кадетский корпус – 3 человека; духовную семинарию – 3 человека. По вероисповеданию: православных – 119 человек; католиков – 6; армяно-григорианского – 2. По семейному положению – 119 человек холостых, 18 – женатых. По возрасту: от 19 лет до 35, средний возраст 22 года 6 месяцев¹. «Средний возраст юнкеров школы (имеется в виду 3-я Иркутская школа прапорщиков) старше, нежели во всех 19-ти школах, рассмотренных ранее; моложе 25 лет – 61,5 %, тогда как в других школах этот процент не опускался ниже 63 и восходил до 81 %»².

Среди поступающих в школы прапорщиков были кандидаты с уровнем образования в 3 класса учительской семинарии, 2 класса духовной семинарии и т. д. В военные училища же такие кандидаты поступить не могли. Еще одно свидетельство тому – предписание ГУВУЗ от 22 февраля 1916 г. № 6837: «...воспитанники городских училищ, приобретшие права вольноопределяющихся 2-го разряда, будут подлежать приему в военные училища только по экзамену, без экзамена к приему в военные училища допускаются: а) окончившие курс двух классов средних четырехклассных технических училищ или шести классов таких же училищ, семи- и восьмиклассных, каковое образование приравнивается к курсу 6-ти классов средних образовательных учебных заведений; б) имеющие звание домашнего учителя, учителя двухклассных училищ, а также окончившие педагогические курсы при высших начальных училищах. Оставшиеся свободные вакансии при приеме 1 мая и 1 июня предложено заместить воспитанниками военно-учебных заведений»³.

При этом минимальный возраст для приема молодых людей во все военно-учебные заведения с 4 месячным курсом обучения устанавливался в 17 лет⁴. По социальному происхождению

¹ РГВИА. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 5. Л. 62.

² Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича... С. 79.

³ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 11.

⁴ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

воспитанники школ прапорщиков также уступали кандидатам в военные училища: «...наши господа прапорщики – бывшие приказчики и портные, а то и просто *«собакогоняи»*, надев форму, думают, что они черт знает как образованы. Эти погоны ужасно ослепляют людей»¹.

Спальное помещение Иркутского военного училища. РГВИА

Озабоченность качеством поступающих кандидатов высказывалась на самом высоком уровне в армии. Об этом свидетельствует предписание помощника Военного министра от 22 декабря 1915 г. за № 4487: «Секретно. Главное Управление Генерального Штаба. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего уведомил Военного Министра, что Государь Император при рассмотрении доклада генерала от Инфантерии Адлерберга о результатах осмотра им запасных батальонов изволил подчеркнуть в означенном докладе следующее место. Большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов (подчеркнуто в тексте. – Авт.). Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчиков»². Чтобы не допустить хотя бы в военные училища лиц низкого социального происхождения, в руководя-

¹ Там же. Д. 12. Л. 68.

² РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.

щих документах указывалось: «...при приеме в военные училища молодых людей со стороны обращать строгое внимание на соответствие кандидатов офицерскому званию. Нижних чинов принимать в военные училища при непременною удостоении их тому начальством»¹.

Прибывали же эти кандидаты на поступление в школы из различных воинских частей, причем не только из Сибири, но и из других уголков страны. Судить об этом можно на основании сопроводительных документов поступающих. Так, в июле 1916 года в 3-ю Иркутскую школу прибыли кандидаты из следующих воинских частей: «Препровождаю при сем документы на казаков I-го Верхнеудинского полка – 1 человек, I-го Читинского полка – 2 человека, Забайкальского казачьего войска, 2-й Заамурский железнодорожный полк, 14-й (Красноярский) Сибирский стрелковый полк, Уссурийский казачий полк (Владивосток), 27-й Сибирский стрелковый полк (Омск), 32-й Сибирский стрелковый полк (Томск), 718-я пешая Астраханская дружина (Астрахань)»². Зачислены в школу 4 октября 1916 г. из: «6-й Либавский пехотный полк, 18-й Вологодский пехотный полк, 33-й Елецкий пехотный полк, 106-й Уфимский пехотный полк, 166-й Ровненский пехотный полк, 256-й Елисаветградский пехотный полк и др.»³

Несмотря на то, что школы готовили офицеров для пехоты, поступали в них не только из пехотных частей. Зачислены 4 октября 1916 г. 2 человека из воздухоплавательного парка армии Юго-Западного фронта, по 1 человеку – из 16-й воздухоплавательной роты, 3-го авиационного парка, 16-го авиационного парка, 6 человек из 3-й самокатной роты, 16 человек из запасного понтонного батальона, 10 человек из 2-го запасного телеграфного батальона⁴.

По строго установленным правилам, в военно-учебные заведения не принимались евреи, казаки кавказских казачьих войск, лица, хоть однажды привлекавшиеся к суду. Все эти требования продолжали действовать в военных училищах и кадетских

¹ Там же. Л. 19 об.

² РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 5, 8, 14, 17, 22, 26, 34.

³ Там же. Л. 93.

⁴ РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 4. Л. 100–101 об.

корпусах и в годы Первой мировой войны. Действовали они и в школах подготовки прапорщиков пехоты, но лишь на начальном этапе их существования. В дальнейшем же, в отличие от военных училищ и кадетских корпусов, требования эти в школах прапорщиков не действовали.

Из архивных источников видно, как менялись эти требования в школах: «Начальнику 2-й Иркутской школы подготовки прапорщиков пехоты. В дополнение к предписанию моему от 13 января 1916 г. за № 1055 сообщаю, что распоряжение о недопущении казаков кавказских казачьих войск в школы прапорщиков пехоты остается в силе. Основание: телеграмма начальника мобилизационного отдела ГУГШ от 9.01.1917 года за № 1136. Подпись: начальник штаба Иркутского военного округа»¹. Но уже в июне 1917 года требование прекратило действие. «Телеграмма № 40050 от 21 июня 1917 года. Начальнику 2-й Иркутской школы подготовки прапорщиков пехоты. ...существовавшее до последнего времени безусловное запрещение казаков кавказских казачьих войск поступать в школы прапорщиков отменяется, и этим казакам предоставляется право поступления в школы на общих основаниях. Подпись: начальник штаба Иркутского военного округа»².

Об отмене требования о запрете обучения в школах евреям гласит следующий документ. «Телеграмма. Из Петрограда. От начальника мобилизационного отдела. 16 апреля 1917 года. Сообщается для доклада командующим войсками, что военный министр приказал в соответствии с объявлением Совета Министров об отмене всех сословных вероисповеданий и национальных ограничений допускать в настоящее время к поступлению в школы подготовки прапорщиков пехоты солдат евреев и сектантов на общих основаниях... и не требовать свидетельства о политической благонадежности»³. После разрешения обучаться в школах прапорщиков евреям, в адрес школ было направлено письмо от Иркутского раввина с просьбой, освободить от занятий лиц указанной национальности в связи с еврейскими праздниками: «По случаю еврейских осенних праздников честь

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 50.

имею просить освободить от занятий и нарядов и отпустить в город на молитву юнкеров иудейского исповедания вверенной Вам школы в следующие дни: 1. В Рош-гашана (Новый год) с 12 часов дня 3 сентября вплоть до 7 утра 6 сентября; 2. Июмь-Кипурь (День Всепрощения) с 12 часов дня 12 сентября вплоть до 7 часов утра 14 сентября; 3. В Сукоть (Кущи) с 12 часов дня 17 сентября вплоть до 7 часов утра 20 сентября; 4. В Гошано-рабо, Имики-ацереть и Симхат-Торь с 12 часов дня 24 сентября вплоть до 7 часов утра 27 сентября. Иркутский раввин»¹. Таким образом, из учебного процесса в сентябре выпало 11 дней. Это, при условии ускоренного курса, было недопустимо.

Понятно, что начальник 2-й школы обратился к заведующему школами подготовки прапорщиков пехоты Иркутского военного округа с просьбой о разъяснении по данному вопросу: «В Положении о школах подготовки прапорщиков пехоты, объявленном в приказе военному ведомству за № 82 1916 года, о юнкерах-евреях не упоминается, а в предписании мобилизационного отдела, согласно которому евреям предоставлено право поступать в школу прапорщиков, не упоминается о праздниках, на которые должны быть освобождаемы от занятий и отпускаемы в город юнкера-евреи. Докладывая об изложенном, прошу зависящих распоряжений по содержанию прилагаемой переписки»².

Об отмене ограничений по суду говорится в следующем документе: «Телефонограмма № 1102. Из штаба Иркутского военного округа. 1 июля 1917 г. ... Состоящий в команде вольноопределяющихся при 11 Сибирском стрелковом запасном полку Алексей Куликов не был принят в число юнкеров 3-й школы, причем адъютант школы объяснил, что непринятие его обусловливается отмеченным в его послужном листе состоянием его под судом. Как видно из содержания послужного листа Куликова, он был под судом за деяние, предусмотренное ст. 96 и 191 кн. XXII С.В.П. 1869 г. изд. 4, каковы деяния полностью подпали под действия 5 и 8 ст. отд. II постановления Временного Правительства от 17 марта 1917 года. Ввиду сего сообщая для

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.

² Там же. Л. 83–83 об.

преподавания руководящих указаний по подведомственным школам прапорщиков, что Куликов прежней судимостью почитаться опороченным быть не может и к поступлению его в одну из школ прапорщиков не может быть никаких препятствий. Подпись: и. д. адъютанта управления прапорщик...»¹.

Кроме того, в военно-учебные заведения (до Первой мировой войны) не допускались для повторного поступления лица, отчисленные из них. Это положение действовало и в школах прапорщиков. «Телеграмма ... от ... февраля 1917 г. Заведующему школами подготовки прапорщиков пехоты в Иркутском военном округе. От Начальника штаба Иркутского военного округа. Согласно ст. 15-й Положения о школах по подготовке прапорщиков пехоты, юнкера, отчисленные от школ за дурное поведение и неуспешности в науках, вторичному назначению в школе не подлежат. Применительно сему не представляется возможным и зачисление их в военные училища»².

Но затем оно было также отменено, как и все вышеуказанные. «Телеграмма. От Начальника штаба Иркутского военного округа. № 15788 от 20 мая 1917 г. Заведующему школами подготовки прапорщиков пехоты в Иркутском военном округе. Военный министр приказал, в изъятие из Закона, допускать обратному приему в школы солдат, отчисленных до революции от означенных школ на основании ст. 15-й Положения о школах подготовки прапорщиков пехоты, при обязательном условии удостоения их к тому не только начальства, но и комитетами тех частей, в которых они состоят на службе. ...Однако военный министр ввиду имевших место случаев преднамеренных неуспехов в науках и дурного поведения с целью отчисления от школы прапорщиков полагает необходимым в настоящем вопросе в отношении последних молодых людей быть особо осторожным»³. Таким образом, в школы стали поступать лица, ранее уже отчисленные от обучения. Такое было недопустимо в условиях мирного времени.

Вопросы обучения были приоритетными в деле подготовки офицеров в школах прапорщиков. Школы должны были за

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 85.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 57, 58.

четыре месяца подготовить относительно грамотного офицера, способного применить полученные знания непосредственно в условиях ведения боевых действий. Задача эта была крайне сложной, так как в мирное время на подготовку офицера тратили 2–3 года. В условиях войны нужно было теоретическую и практическую подготовку пройти за столь короткий срок. Кроме того, воспитанники должны были приобрести навыки командования солдатами и основы воспитания подчиненных. Курс обучения состоял из военно-специальных предметов: тактики, топографии, фортификации (окопное дело), уставов, законоведения, стрелкового дела. ГУВУЗ требовал при этом «не увлекаться теорией», а как можно больше уделять времени практическим занятиям.

О состоянии учебной работы указывалось в донесении генерал-майора Адамовича. Так, в отчете об осмотре 2-й Иркутской школы прапорщиков 14 и 15 марта 1916 года говорилось: в школе было положено: учебных недель 12; уроков в неделю 8; всего учебных часов 512; классных часов 140; строевых и полевых занятий 372; тактики (теории) 25; тактики в поле 170; топографии (теории) 10; топографии (практические съемки) 30; окопного дела (теории) 20; окопного дела (практики) 30; уставов 12; законоведения 5; гимнастики 0. Школой же было назначено: учебных недель – 10; уроков в неделю – 7; всего учебных часов – 438; классных часов – 210; строевых и полевых занятий – 228; тактики (теории) – 56; тактики в поле – 59; топографии (теории) – 28; топографии (практические съемки) – 15; окопного дела (теории) – 40; окопного дела (практики) – 6; уставов – 20; законоведения – 10; гимнастики – 10¹.

Таким образом, видно, что школой нарушались установленные нормы. Количество недель было уменьшено на 2, количество уроков – на 1, учебных часов уменьшено – на 74 часа, строевых и полевых занятий – на 144, тактики в поле – на 111, топографических съемок – на 15, окопного дела (практических занятий) – на 24 часа. Такое несоответствие объяснялось слабым контролем со стороны Главного управления за деятельностью школ. А также и тем, что школы могли самостоятельно разрабатывать

¹ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича... С. 66.

свои учебные программы. Разработанных единых программ для деятельности школ прапорщиков не было. Впрочем, аналогичные нарушения были замечены и во многих других школах, и не только в провинциальных городах (Иркутске и Омске), но и – в Москве. Из отчета об осмотре 3-й Московской школы: «В постановке обучения усматриваются нарушения программы и Положения не меньше отмеченных в отчетах о 2-й Московской школе»¹.

Иначе вопросы планирования учебной нагрузки стояли в военных училищах, и Иркутском, в частности. Если школам было предоставлено право самим планировать и составлять расписание, то в военные училища направлялись указания (образцы) по составлению расписаний, например: «Ввиду затруднений, встречаемых некоторыми военными училищами в составлении расписаний, обеспечивающих исполнение новой программы, начальник Главного управления приказал сообщить: из числа урочных часов, назначенных новыми программами, требуют закрепления в определенных днях недели лишь только: 144 ч. – тактика в классе; 16 ч. – тактические задачи в поле; 24 ч. – теория топографии; 10 ч. – теория фортификации; 16 ч. – артиллерия; 8 ч. – администрация; 8 ч. – гигиена; 24 ч. – уставы. Все остальные отделы проходят или по строевому делению на роты и взводы, или же в поле, требуя более длительных занятий и недопуска закрепления по дням и часам»². Видно, что учебной деятельности военных училищ уделялось больше внимания. Разрабатывались типовые учебные программы, расписания, которых требовалось придерживаться.

Преподавание предметов в школах (по положению) возлагалось на офицеров (взводных командиров), причем предпочтение для замещения этих должностей отдавалось офицерам, имеющим боевой опыт. На практике же дело обстояло не всегда так: «...преподавание предметов (организовано) не своими взводными командирами в каждом взводе – классном отделении, а «специалистами» как из своих строевых офицеров, так и приглашенных со стороны. Так, в школе (1-я Омская школа)

¹ Указ. соч. С. 23.

² РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 3 об.

читают: два своих офицера – тактику, окопное дело, артиллерию; стрелковое дело – один приглашенный офицер всей школе; законоведение – приглашенный генерал ... стрелковое дело читает, при наличии всего состава боевых офицеров, приглашенный из запасного батальона прапорщик ускоренного выпуска, не бывший ни в строю, ни в бою...»¹

О качестве преподавания говорит еще один документ: «Присутствуя на строевых занятиях в одной из школ, я поинтересовался узнать, насколько усвоены ими «общие сведения, обязательные для рядовых пехоты», и стал задавать самые изученные вопросы. К ужасу моему и стыду юнкеров, ответы получались настолько поражающие, что они даже не подлежат оценке. Ратники и те лучше и осмысленнее знают и отвечают. Это какой-то бред, сумбур, набор слов, совершенно безотчетный. Обращаю на это внимание и начальников школ, требую, чтобы все офицеры, на всех строевых занятиях проверяли эти сведения. Не могу допустить мысли, чтобы будущий офицер русской армии не знал даже того, что обязан знать каждый рядовой. Такие юнкера не могут одеть и носить офицерский мундир»².

¹ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича... С. 56.

² РГВИА. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

Преподавание учебных дисциплин в военном училище возлагалось на штатных преподавателей, причем имеющих соответствующие документы, подтверждающие право на преподавание. ГУВУЗ строго указывал на соблюдение этих требований: «Предписание ГУВУЗ от 23 августа 1914 г. № 20536. Начальник ГУВУЗ приказал указать, чтобы лица, не удовлетворяющие установленным законом требованиям на право преподавания в военных училищах, допускались к преподаванию не иначе как с разрешения ГУВУЗ, причем при возбуждении о сем ходатайства указывались причины, вызывающие такие ходатайства»¹.

В связи с некомплектom преподавательского состава Иркутское училище, так же как и школы прапорщиков, приглашали преподавателей со стороны. Но если в школы, как мы видим, приглашались преподавателями прапорщики запасных батальонов с весьма сомнительными знаниями, то в военное училище (дабы выполнять вышесказанное предписание) – опытные педагоги, имеющие право преподавания. Об этом свидетельствует, например, следующий документ: «Инспектору классов Иркутского кадетского корпуса. Прошу ввиду недостатка преподавателей тактики и топографии не отказать уведомить, не пожелаете ли Вы текущим летом принять на себя труд – чтение лекций по указанным предметам»².

О качестве преподавания офицеров военного училища, готовивших военные кадры для армии в военные годы, можно узнать из аттестаций на этих офицеров, записанных в их послужных списках. Например, из аттестации вышеназванного полковника Авчинникова за 1914–1915 гг. «...К служебным обязанностям относится весьма добросовестно, исполнительен и аккуратен. К делу преподавания относится серьезно, прекрасно знает предмет и следит за его развитием. Умеет наглядно передать свои знания юнкерам. Нравственно безупречен»³.

Выписки из аттестаций офицеров, прикомандированных к училищу на время войны: «Капитан Виктор Ларионов. Младший офицер. Родился 3 ноября 1895 г. Образование: Владикавказская военная прогимназия, Тифлисское пехотное юнкерское учили-

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 27.

ще. Участник боевых действий. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечом и бантом. Командовал ротой 6 лет 11 месяцев. Службу знает и служит хорошо, точен, пунктуален, беспристрастен и справедлив. Умственных способностей хороших, интересуется военным делом. Отличный семьянин, не пьет и в азартные игры не играет. Живет на средства, получаемые от казны, потому бережлив. К командованию батальоном подготовлен»¹. «Штабс-капитан Владимир Пенинский. Родился 20 сентября 1888 года. Из потомственных дворян. Образование: Хабаровский кадетский корпус, Павловское военное училище. Участник боевых действий. Имеет ранение. Награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За время состояния при вверенной мне школе с 22 июня 1915 года исполнял должность курсового офицера (перевелся в военное училище из 2-й Иркутской школы прапорщиков). Обязанности, возлагаемые на него преподаванием предметов и командованием отделением, исполнял аккуратно и добросовестно. Пристрастия к спиртным напиткам и карточным играм не имеет. Умственно развит отлично. Ни в чем предосудительном замечен не был»².

Игнорирование практических занятий в школах весьма отрицательно сказывалось на качестве подготовки выпускников. «Школой (1-я Омская) преувеличиваются трудности использования полевых занятий в зимней обстановке и не использованы с этой целью теплые дни. В итоге оказалось, что школа дала 10 февраля (1916 г.) выпуск, не исполнивший ни одной съемочной работы, и никаких занятий в поле, ограничиваясь лишь редкими и короткими (часовыми) выходами на площадь»³. И еще на эту же тему: «В итоге юнкера, окончившие курс (1-я Иркутская школа), не были ни разу в поле на топографии и не сделали ни одной съемки, не сделали ни одной работы по окопному делу и были в поле по полевой тактической работе за весь курс по 4–6 раз»⁴. В отличие от школ подготовки прапорщиков пехоты, в Иркутском военном училище практические занятия в поле про-

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 28 об., 29.

² Там же. Л. 38, 38 об.

³ Там же. Л. 84.

⁴ Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича ... С. 56.

водились постоянно в любое время года, о чем уже говорилось выше.

Еще одной из проблем в школах было отсутствие наглядных учебных пособий, в частности, по стрелковому делу. Так, из пяти Сибирских школ прапорщиков в четырех не было пулемета и обучение велось по чертежам, соответственно, без практических стрельб из него. Отсутствовали также учебные гранаты. Иногда отсутствие знаний об оружии приводило к печальным последствиям при первом же соприкосновении с ним. Свидетельство тому архивные документы: «Рапорт дежурного по стрельбищу. ...на Нижне-Ушаковском стрельбище при метании ручной гранаты вследствие невнимательности юнкера 3-го взвода (2-й Иркутской школы) Рыжкова 4 человека получили ранение осколками гранаты»¹.

Нужно отметить, что некоторые школы искали пути выхода из сложившейся ситуации. В частности, в 1-й Иркутской школе наглядные пособия изготовляли сами. «Необходимо отметить и два полезных начинания: на дворе школы сооружен для показа оборудованный окоп, ... а в одном из классов помещены картонные с наклеенными на них многочисленными вырезками

¹ Указ соч. С. 75.

из газет и журналов, фотографиями окопных сооружений и службы в них. Эти «картинки» вне всяких сомнений являются для ускоренного обучения во время войны несравненным пособием, много превосходящим понятностью чертежи, планы и профили»¹. Материальное обеспечение Иркутского военного училища было лучше, чем в школах: «...училище предложено снабдить оружием, техническими средствами ближнего боя, планами и картами, равно как и теплою одеждою для выходов в поле зимою»².

Командование армии принимало меры, чтобы при обучении в школах использовались самые передовые знания, для чего поддерживалась тесная связь между военно-учебными заведениями (школами прапорщиков, в частности) и войсками, принимавшими непосредственное участие в боевых действиях. В школы направлялись различные инструкции и методические пособия, выработанные на основе боевого опыта войск, чтобы будущие офицеры-командиры учились тому, что в первую очередь пригодится на войне. «Секретно. Начальнику 2-й школы прапорщиков. При этом препровождаю для вверенной вам школы прапорщиков по 11 экземпляров нижеследующих изданий: 1. Инструкция о мерах предосторожности при преодолении наэлектризованных искусственных препятствий; 2. Укрепление полевых позиций и конструкций фортификационных построек (по данным, полученным с фронта); 3. Германская инструкция о мероприятиях обороны; 4. Выдержки из германских приказов; 5. Опытные данные, касающиеся сапер. Означенные издания предлагаю принять к руководству при обучении юнкеров школы»³.

Аналогичная литература поступала и в военное училище: «Предписание ГУВУЗ от 22 марта 1916 года за № 305. По приказанию Начальника ГУВУЗ препровождается при сем экземпляр брошюры «Новые австрийские наставления по укреплению позиций» для обязательного ознакомления с нею всех преподавателей тактики, артиллерии, фортификации и всего строевого состава заведения. Юнкера должны быть ознаком-

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

² Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича ... С. 77.

³ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 12. Л. 60, 60 об.

лены с новой системой австрийских укреплений на лекциях по фортификации»¹.

Кроме этого в школы прапорщиков поступали сводки с фронта для ознакомления с реальной обстановкой дел. «Секретно. Начальнику штаба Иркутского военного округа. Главное Управление Генерального штаба препровождает при сем, для сведения, выписку из военно-цензурной сводки Юго-Западного фронта за октябрь сего (1916) года с характеристикой для офицерского состава армии»². На документе имеется резолюция командующего войсками округа: «Надеюсь, что начальствующие лица со своей стороны примут все меры к внушению необходимых качеств офицера прапорщикам для того, чтобы они могли быть настоящими командирами и начальниками нижних чинов и пользовались бы с их стороны полным уважением. Только при таких условиях они могут рассчитывать на успех»³.

С целью изучения опыта боевых действий некоторые офицеры военно-учебных заведений откомандировывались непосредственно на фронт, чтобы по возвращении передавать полученные знания воспитанникам. «При этом препровождаю один экземпляр отчета гвардии капитана Щедринского, офицера Павловского военного училища, о поездке на фронт для сведения и ознакомления с ним юнкеров вверенной вам школы прапорщиков»⁴.

Кроме того, в школы прапорщиков рассылались с фронта пожелания о подготовке будущих офицеров, которые составлялись на основании деятельности уже выпущенных офицеров из школ. «Общие пожелания чинов фронта. 1. По части воспитания: а) Дайте нам дисциплинированных помощников, с развитым чувством долга. Начальнику нет возможности разбрасываться и размениваться по мелочам. Привив сознание долга и дисциплины, вы дадите нам главное в нашей работе – доверие к подчиненному, уверенность в том, что наши приказания и указания будут прапорщиками выполнены во что бы то ни стало; б) Прививайте им элементарное понятие о воинском приличии

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.

² РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 12. Л. 67.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же. Л. 38.

и такте, тогда не будет таковых фактов, как вход в помещение начальника в пальто и галошах, протягивание командиру руки первым и т. п.

По части обучения: а) Дайте нам ловких, умеющих подойти к строю прапорщиков... б) Обратите внимание на уставы... в) Заставьте их знать винтовку и хоть немного стрелять из нее... г) Не задавайтесь широкими программами – учите немногому, но основательно пройдите это самое немногое... е) Всякие фокусы ротного учения и сложные перестроения не проделывайте, пусть знают элементарное, но знают твердо и умеют командовать»¹.

Все вышесказанное свидетельствует об озабоченности командования армии в деле подготовки настоящих, грамотных офицеров. Но очевидно, что не все мероприятия с успехом проводились в школах. Иначе не было бы следующих отзывов о прапорщиках с фронта: «Вдобавок как на подбор кругом полуграмотные прапорщики, мне больно и обидно становится за звание офицера. Офицер – это рыцарь в самом лучшем смысле этого слова, а они ведут себя не только не по-рыцарски, а наоборот, стараются подчеркнуть, что им, раз они идут на смерть, все дозволено, это подчеркивание доходит порой до цинизма (266-й пехотный запасной полк)»².

Но если за четыре месяца малограмотным юнкерам еще можно было дать хоть какие-то элементарные знания для будущей деятельности в качестве офицера, то воспитать офицера за четыре месяца – нельзя. Понятие «офицер» подразумевает человека образованного, культурного, имеющего и ценящего понятие чести, благородного, способного на самые высокие поступки и самопожертвование и др. Воспитать эти качества уже у сформированных взрослых людей очень тяжело, а то и просто невозможно, исходя из первоначальной запущенности человека.

Вопросы воспитания в школах подготовки прапорщиков стояли так же остро, как вопросы обучения. Но ввиду ограниченности сроков подготовки и условий войны, школы не могли позволить себе методы воспитания, которые были в довоенное время в кадетских корпусах, военных училищах и других

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

² Там же. Л. 67 об., 68.

военно-учебных заведениях. И поэтому вся воспитательная работа сводилась к беседам на определенные темы. Известно, какие темы бесед были в военном училище, например: «1. Инструкции, правила и порядки в училище; 2. Сведения, обязательные для молодого солдата; 3. Юнкер; 4. Товарищество; 5. Знамя; 6. Присяга; 7. Этика. Трезвость. Нравственность; 8. Хороший тон; 9. Плохой христианин не может быть добрым солдатом; 10. Храбрым – бессмертие; 11. Дисциплина прежде всего; 12. Бурбоны и моншеры; 13. Былые гусары; 14. Великая война; 15. Походный быт; 16. Офицер в бою; 17. Офицер в окопе; 18. Солдатские грехи на войне; 19. Ротное хозяйство. Довольствие роты на войне; 20. Хранение военной тайны; 21. Долг, война в плену и др., всего 28 тем»¹. Причем, по некоторым темам было намечено содержание беседы, например, по теме «товарищество»: «Честь непреклонна: бесчестное дело ради товарищества остается бесчестным. Покрытие вины подчиненного во имя товарищества – измена службе»² и др., всего 15 пунктов.

Результатом недостаточного внимания к воспитанию юнкеров в школах прапорщиков было то, что в войска шли люди, не соответствовавшие высокому званию офицера. Причиной низкого качества выпускников был их изначально низкий образовательный уровень. Если в довоенное время в военно-учебные заведения был отбор и конкурс при наборе, то в школы 1915–1917 гг. мог поступить любой, имеющий лишь начальное образование. В школах прапорщиков процветало все отрицательное, что приносили с собой из войск солдаты и нижние чины: пьянство, воровство и т. д., чего ранее не было в военно-учебных заведениях.

Падение дисциплины и нравственных норм усилилось и сказывалось все значительнее по мере политических и общественных изменений. Так, из материалов судебного дела по 2-й Иркутской школе прапорщиков, начатого в апреле 1917 года, можно узнать, что здесь участились случаи воровства военного имущества. Например, 11 августа 1917 года пропала шинель у юнкера Попова, 14 августа – у юнкера Витинского³. Еще через

¹ РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 46. Л. 76–77 об.

² Там же. Л. 79.

³ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 39. Л. 26, 27.

несколько дней на имя начальника школы адъютантом был подан рапорт: «...прошу Вашего распоряжения о производстве дознания. Кражи шинелей носят систематический характер, и заявления о пропаже шинелей подавались неоднократно...»¹

Рапорт не принес ощутимых результатов, и кражи продолжались. Уже 29 августа поступила докладная записка от юнкера Сермягина: «Доношу, что днем 29 августа я обнаружил пропажу новой суконной гимнастерки, а ранее у меня пропала кожаная тужурка»². 3 сентября пропало 3 пары белья, 4 новых носовых платка, 1 пара постельных принадлежностей и 20 почтовых марок. 11 сентября пропала шинель у юнкера Тарасенко³. Ранее, 10 августа 1917 года у прапорщика Ежова пропал револьвер, началось долгое разбирательство и поиски, но оружие так и не нашли⁴.

Дисциплина в школах была низкой. Частыми стали самовольные отлучки юнкеров. «Входящий № 5198. Сношение коменданта г. Иркутска от 20 июля 1917 года за № 4842. Препровождено удостоверение личности солдата Ивана Ивашиненко (юнкера 2-й Иркутской школы), отобранное в часы занятий, не по форме одетого, без увольнительной записки»⁵. 22 июля аналогичный документ составлен на юнкера Гусева⁶. На соблюдение формы, одежды и умение вести себя в городе неоднократно указывалось в приказах командования школ. Однако положительных результатов это не давало. Еще одной проблемой было пьянство. Из анализа документов по 3-й Иркутской школе прапорщиков видно, что только за период с 4-го по 29 октября 1916 года из школы были отчислены за «явку в нетрезвом виде» и «дурное поведение» 21 человек. Причем отчисляли практически каждый день, динамика такова: 4 октября – 1 человек, 19 – 1, 17 – 2, 18 – 1, 25 – 4, 26 – 1, 27 – 1, 28 – 2, 29 – 9⁷. Все это говорит о том, что юнкера школ прапорщиков не стремились к учебе и получению знаний. Для многих учеба в школе представлялась как

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 39. Л. 35.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 50, 52.

⁴ Там же. Л. 20-25.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 4. Л. 139, 149, 150, 151, 170, 171, 172, 177, 183, 184, 187, 189.

некий «отпуск с фронта», во время которого можно позволить себе расслабиться, в том числе с помощью алкоголя.

В Иркутске на основании приказа командующего войсками № 414 в 1916 году была создана комиссия, которая ежемесячно производила санитарную проверку деятельности школ прапорщиков. Из актов комиссии видно, что в целом серьезных замечаний у комиссии не было до февраля 1917 года включительно. В акте № 3 за февраль 1917 г. при проверке 3-й Иркутской школы комиссия обнаружила следующее: «1) Классные комнаты, спальни юнкеров и лестницы чисты. 2) В караульном помещении асфальтовый пол чистый. 5) В столовой чисто. 6) Отхожее место содержится в чистоте. 10) Мясо, масло, капуста и картофель хранятся в погребе – все хорошего качества. 12) Пища раздается в горячем виде. 17) Одежда юнкеров, белье и постели содержатся чисто, белье отдается юнкерами в стирку в частные прачечные поселка Иннокентьевский. 18) В баню юнкера ходят еженедельно при остановочном пункте. 20) Наружный вид юнкеров хорош»¹.

Акт датирован февралем, в этом же месяце произошла революция, далее – отречение императора Николая II от престола, создание Временного правительства и т. д., о чем воспитанники военно-учебных заведений Иркутска узнали из телеграммы Ставки Верховного Главнокомандующего. «Иркутск. Командующему войсками Военного округа. 3 марта 1917 г. Его Величеством подписаны указы Правительствующему Сенату в бытие Председателем Совета Министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и Верховным Главнокомандующим его императорскому высочеству великому князю Николай Николаевичу. Государь император изволил затем подписать Акт об отречении от Престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу (на телеграмме стоит резолюция: «Объявить гг. офицерам, юнкерам и нижним чинам 4 марта 1917 г., начальник штаба (подпись)»².

Дальнейшие события в стране привели к хаосу, который также сказался и на деятельности военно-учебных заведений.

¹ РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

² Там же. Л. 25.

К примеру, та же комиссия посетила ту же школу в мае 1917 года и обнаружила абсолютно противоположные результаты. А именно: «...2) в спальнях юнкеров 1-й роты окурки, нары нижние и верхние пыльные, проходы грязные, лестницы грязные; ...отхожее место на нижнем этаже закрыто по случаю зловонья, разносящегося по всей лестнице. 3) Около отхожих мест двор плохо убирается, валяются: бумаги, тряпки, окурки. Внутри ватеров сильное зловонье; требуется ежедневная дезинфекция. 4) Помойная яма неисправна и содержится грязно. 5) В спальнях юнкеров 2-й роты... матрацы небрежно заправлены, под матрацами хранится грязное белье, мыло, кружки, папиросы и т. п., в умывальнике вонь от мочи. 7) В караульном помещении в нарах клопы и грязно»¹. В заключение акта предписывалось немедленно навести порядок в школе.

Гор. Иркутскъ. Улица графа Кутайсова отъ Пестеревской.

Но ситуация не изменилась, об этом свидетельствует «Акт осмотра школьных зданий и помещений, произведенного школьным комитетом 19 июля 1917 г. в присутствии: комитета 1-й роты, комитета солдат и зав. хозяйством прапорщика Скалевого»². Необходимо обратить внимание на то, что появились комитеты юн-

¹ РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 12. Л. 140.

² Там же. Л. 95.

керов и солдат, которые вмешивались в дела управления школой. Также появилось еще одно новшество – обращение «товарищ». Выписки из указанного акта: «В помещении команды солдат. В помещении полная запущенность. 1) Винтовки (всего лишь 6-штук) не только грязные, но и покрыты ржавчиной. 2) Койки не заправлены. 3) Спят на койках товарищи-солдаты в сапогах. 4) В умывальнике – окурки и тряпки. Помещение военнопленных (были в школе для выполнения разных хозяйственных и строительных работ. – *Авт.*). Беспорядок в помещении полный. 1) Военнопленные, вместо работы, валяются на нарах. 2) В помещении – грязь. 3) Под нарами – пустые пивные бутылки и коробки из-под конфет. ... 5) Потолок натянут веревками, с которых через всю высоту помещения свешивается выстиранное белье. Спальня юнкеров. Товарищи юнкера, как видно, и к порядку еще не привыкли, хотя идет уже 4-я неделя (т. е. через три месяца они станут офицерами русской армии). 1) Койки заправлены – весьма скверно. 2) Под постелью хранится все: газеты, книги, одежда, мыло, карандаши т. д. 3) Спят, не снимая сапог. 4) Винтовки содержатся в весьма сомнительной чистоте. 5) На верхних нарах валяются в беспорядке сапоги, спички и т. п. 6) На подоконниках валяются зубные капли, скорлупа от орех, по углам за пирамидами сор»¹. Как видно из документа, нет никакой разницы между солдатами и военнопленными с одной стороны, и юнкерами – будущими офицерами, с другой стороны. И те и другие спят в сапогах, прячут под матрацами свои вещи и т. д.

Распределение выпускников школ прапорщиков, так же как и в военных училищах, носило всероссийский характер. Из сибирских школ прапорщики получали направления не только в части сибирского региона, но и в части, расположенные во всех уголках страны. Так, 22 марта 1916 года во 2-й Иркутской школе состоялся выпуск 265 офицеров, которые получили назначения в следующие места: Иркутск, Красноярск, Ачинск, Канск, Казань, Орел, Тверь, Москва, Тула, Тамбов, Ново-Николаевск, Омск, Томск и др.² 27 июня выпускники получили распределение в следующие части: «76 пехотный полк – Тула, 190 полк – платформа Клязьма, 200 полк

¹ РГВИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 12. Л. 96.

² РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 11. Л. 194–198.

– Серпухов, 24 полк – Мариуполь, 58 полк – Воронеж, 188 полк – Орел, 232 полк – Мценск, 79 полк – Рязань, 192 полк – Москва, 60 полк – Владимир и др.»¹. Общее количество выпущенных офицеров одной школой представляется около 4 тысяч человек. Только для Приамурского военного округа 2-я Иркутская школа в период с 22 сентября 1915 г. по 22 июня 1916 г. подготовила 166 офицеров². В списке выпускников 3-й Иркутской школы 1 мая 1916 года числится 529 человек, выпуск 1 сентября 1916 года – 493 человека. Зачислено на 3-й выпуск 4 октября 1916 г. – 536 человек. В списке юнкеров 1-й роты 3-й Иркутской школы, произведенных в прапорщики 23 сентября 1917 г. – 185 человек, в списке вольноопределяющихся 6-го выпуска 1-й роты – 114 человек, в списке юнкеров 2-й роты 5-го выпуска 1 ноября 1917 г. – 230 человек³.

В 1917 году наблюдается стремление выпускников по окончании курса обучения попасть для дальнейшего прохождения службы в свои «родные» полки и к себе на места своего проживания. Подтверждение этому – следующие документы: «Телеграмма. От наказного атамана Уссурийского казачьего войска 10 июля 1917 г. № 9100/16243. Вследствие сношения моего от 13 июня сего года за № 6859/13863 прошу не отказывать в зависящем распоряжении казаков Уссурийского казачьего войска, обучающихся в 1-й, 2-й и 3-й школах прапорщиков и в Иркутском военном училище, по окончании курса выпускать их в Уссурийские казачьи полки в действующую армию. Основание: приказ по военному ведомству № 151 от 1917 года»⁴. И еще одно свидетельство на эту тему: «Приказ № 117 от 20 ноября 1917 года. Штаб округа телефонограммой за № 2889 просит распоряжения, чтобы всех юнкеров-мусульман школ прапорщиков по производству их в прапорщики за счет выпавших им нарядов командировать в распоряжение командиров следующих пехотных полков: 33-го – Симферополь, 95-го – Казань и 144-го – Уфа, не ожидая на сей предмет особых нарядов и не возбуждая в каждом случае отдельных ходатайств. О чем для

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 12. Л. 83.

² РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 11. Л. 535–540.

³ Там же. Л. 183, 200, 210.

⁴ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 77.

исполнения объявляю. Основание: телеграмма начальника мобилизационного отдела ГУГШ № 45365»¹.

Всего же, по данным историка С.В. Волкова, в целом по стране школы прапорщиков «выпустили примерно 108 970 офицеров»². По его же данным, «на 25 октября 1917 г. в действующей армии состояло (налицо и находившихся в отпусках) 157 884 офицера»³. Из приведенных цифр видно, что накануне Октябрьской социалистической революции офицерский состав армии более чем на 2/3 состоял из выпускников школ подготовки прапорщиков пехоты.

Среди выпускников школ были случаи опоздания прибытия в полки, а иногда выпускники и вовсе не прибывали в части, назначенные им по распределению. Характерный эпизод произошел с прапорщиком Распутиным (выпуск 22 марта 1916 г.), который получил по выпуску предписание в 4-ю Сибирскую стрелковую запасную бригаду в Ново-Николаевск. Но сразу после выпуска он по состоянию здоровья был помещен в Иркутский военный госпиталь. Из госпиталя Распутин сбежал, но при этом не прибыл ни в школу, ни в указанную часть, ни к себе домой. Поиски прапорщика результатов не дали⁴.

Между командирами воинских частей и начальниками школ поддерживалась постоянная переписка. Например: «Начальнику 3-й Иркутской школы прапорщиков. Препровождаю на обороте сего списка прапорщиков, выпущенных из вверенной Вам школы и поступивших на службу во вверенный мне полк. Командир 17 Сибирского стрелкового запасного полка г. Ново-Николаевск (в списке 9 человек)»⁵. Часто в адрес школ отправлялись письма с просьбами подтвердить приказ о производстве в офицерский чин выпускников. Канцелярии школ были просто завалены подобной корреспонденцией. Так, в указанном выше деле – 1168 листов, и большая часть дела – письма следующего содержания: «Прошу сообщить, каким приказом был произведен в чин прапорщик, окончивший курс во вверенной Вам школе, т. к. в имеющемся на

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 105.

² Волков С.В. Указ. соч. Первая мировая война и русский офицерский корпус С. 181.

³ Там же. С. 109.

⁴ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 11. Л. 223–226.

⁵ Там же. Л. 60–60 об.

него в полку послужном списке этого не имеется»¹. Ради справедливости необходимо сказать, что не все, конечно, выпускники школ были пьяницами, нарушителями воинской дисциплины, не хотели учиться и т. д. Среди них были и достойные люди.

В результате напряженной деятельности школ прапорщиков в армии в 1917 г. образовался сверхкомплект младших офицеров. Тогда было принято решение об увеличении сроков обучения в школах до шести месяцев. Увеличение сроков обучения в военных училищах произошло еще раньше. Но осуществиться этому проекту было не суждено – помешала Октябрьская революция. К власти в стране пришли большевики, и последовали следующие приказы: «Приказ по войскам Иркутского военного округа. От 8 декабря 1917 года № 1. Все школы прапорщиков и военное училище г. Иркутска с сего числа расформируются. Воспитанники их в трехдневный срок со дня объявления настоящего приказа возвращаются по своим частям. ...С получением сего приказа начальникам школ и военного училища немедленно приступить к сдаче оружия артиллерийскому складу, а имущества – окружному интенданту. ...Об исполнении настоящего приказа мне донести. Народный комиссар по военным делам Иркутского военного округа солдат Борис Шумяцкий»².

Данный приказ вызвал возмущение юнкеров военного училища и школ прапорщиков, которое переросло в открытое военное столкновение, вошедшее в историю г. Иркутска как Декабрьские бои 1917 года. В итоге кровопролитие закончилось подписанием мирного договора между юнкерами и большевистской властью. Согласно договору, школы прапорщиков расформировывались, судьба же военного училища так до конца и не была определена.

Итак, подведём итоги сказанному. Комплектование войск региона офицерами представляло собой серьезную проблему. Их недостаток послужил одной из главных причин учреждения в 1872 году в Иркутского юнкерского училища. Особенностью организационно-штатной структуры учебного заведения, отличавшего его от других юнкерских училищ, являлась подготовка юнкеров для пехоты и урядников для казачьих формирований.

¹ РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 11. Л. 186.

² РГВИА. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 28. Л. 113.

Оно должно было пополнять офицерскими кадрами не только регулярную армию, но казачьи войска Сибири и Дальнего Востока.

Иркутское училище было единственным военным училищем на территории Сибири и Дальнего Востока. По сути, оно должно было выпускать офицеров только для этого региона, но на деле распределение выпускников носило общероссийский характер.

Подготовка, осуществлявшаяся в училище, позволяла выпускникам «выходить» не только в пехоту (как это предполагалось для выпускников юнкерских училищ), но и в такие рода войск, где требовалась специальная подготовка, – артиллерию и инженерные войска.

В ходе Первой мировой войны в Иркутске, так же как и в других регионах страны, осуществлялась подготовка прапорщиков пехоты. Шла подготовка офицеров по ускоренным срокам. Для этой цели были учреждены 1-я, 2-я и 3-я Иркутские и 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты, которые внесли свой вклад в дело обучения необходимых фронту офицерских кадров. Качество выпускников школ прапорщиков оставляло желать лучшего. Но эта проблема не была только проблемой сибирских школ, а носила общероссийский характер. Низкое качество кандидатов при наборе, короткие сроки обучения, в какой-то степени отсутствие стремления к учебе не позволяли школам готовить офицеров высокого уровня. В отличие от военных училищ, в школах прапорщиков не было устойчивых традиций воспитания и обучения, они создавались как вынужденная мера в связи с нехваткой офицеров. Ограниченные сроки подготовки не давали возможности проводить в школах воспитательную работу в полном объеме. Отсутствие четкого планирования вело к сверхкомплекту указанных офицеров в войсках. В конечном счете, революционные события привели к ликвидации этих учебных заведений.

Несмотря на существенные изменения контингента поступавших в школы в 1914–1917 гг., качество подготовки военных кадров в Иркутске следует признать в целом соответствующим требованиям времени. Питомцы военно-учебных заведений Иркутска прославили себя на полях сражений. Храбрость, муже-

ство, беззаветная преданность своему Отечеству всегда отличали офицеров-сибиряков. Кроме военных заслуг, многие из них добились признания в общественной, культурной и научной деятельности. За годы существования сибирские военно-учебные заведения подготовили около 10 тысяч офицеров, что составляет примерно 5 % от общего числа офицерского корпуса России. Выпускники проходили службу не только в воинских частях Сибири, они также были востребованы и в европейской части страны.

Сотни офицеров, выпускников военного училища и иркутских школ прапорщиков доблестно сражались на полях Великой войны, многие навсегда остались на них. Могилы их остались в Восточной Пруссии и на карпатских склонах, на равнинах Шампани и в горах Салоник, в кавказских предгорьях и в белорусских болотах. Большинство из них гордо носили боевые награды, 31 был удостоен ордена Св. Георгия или Георгиевского оружия. И где бы не легли они в землю, до последней минуты гордо несли звание русского офицера, выпускника славного Иркутского училища.

Архивный документ

Выпускники Иркутского военного училища – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия – участники Первой мировой войны

Афанасьев Лукьян Васильевич

(29.06.1869–1934). Православный. Уроженец с. Хогот Верховенского уезда Иркутской губ. Образование: Иркутская военная прогимназия (1885), Иркутское пехотное юнкерское училище (1887), Восточный институт (1906 г.).

Служба: участник похода в Китай 1900–01 и Русско-японской войны. В первую мировую войну командир 27-го Сибирского стр. полка (16.01.1914–02.02.1916). Удостоен звания генерал-майор (пр. 1915; ст. 06.12.1914). Командир бригады Кавказ-

ской гренад. дивизии (02.02.–29.11.1916). С 29.11.1916 – командующий 134-й пех. дивизией.

Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. (1901); Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Станислава 2-й ст. (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 2-й ст. (1911); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ВП 26.02.1915).

Высочайшим приказом от 21 марта 1915 года удостоен Георгиевского оружия – «за то, что, прикрывая 23 сент. 1914 г. своим полком отход дивизии на позиции у д. Липовка 1-я линия, удержал указанные позиции в течение суток, несмотря на сильнейший артиллерийский огонь противника и отбил ряд ожесточённых атак превосходящих сил противника. Когда из строя выбыли три командира батальона, полковник Афанасьев принял управление передовыми частями и собственным примером мужества и храбрости ободрял вверенных ему чинов».

Высочайшим приказом от 10 июня 1915 года награждён орденом св. Георгия 4-й степени – «за то, что в бою 5 ноября 1914 г. на перешейке между озёрами Бувельно и Тиркло, лично управляя полком, атаковал укреплённую позицию немцев, имевшую важное тактическое значение, овладел ею, причём, были захвачены 4 лёгких орудия, 1 мортира и 4 пулемёта, а при дальнейшем наступлении полка – ещё 4 тяжёлых орудия».

Белоголовый Андрей Васильевич

Уроженец Иркутска, из семьи известных иркутских купцов. Православный. Окончил Иркутское военное училище. Участник Первой мировой войны. Поручик, штабс-капитан 260-го пехотного Брацлавского полка. Награды: орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».

Георгиевское оружие

«28, 29 и 30 марта 1915 г. у села Козиово, временно командуя 1-м батальоном, поручик Белоголовый занимал важный боевой участок у моста на шоссе при выходе в вышеозначенную деревню, находясь с батальоном в общей боевой линии, несмотря на настойчивые и по-

вторные атаки превосходных сил противника, поддержанные сильным артиллерийским огнем, сумел, благодаря своей храбрости и распорядительности, удержать занимаемую им позицию. В случае отхода батальона с участка поручика Белоголового, противник мог распространиться в тыл Брацлавского полка и частей 1 Финляндской стрелковой дивизии...» (из наградного списка).

Несынов Ксенофонт

Из иркутских мещан. Выпускник Иркутского военного училища. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. На 27.12.1914 г. командующий батальоном 47-го Сибирского стрелкового полка. Расстрелян по приговору революционного трибунала в 1920 г.

Награды: ордена Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст., Св. Анны 2 ст. с мечами.

Орден Св. Георгия 4 ст. (за отличия в боях с 30 октября по 28 ноября 1914 г.)

«9 ноября 1914 г. полку была поставлена задача поддержать наступление 46-го Сибирского стрелкового полка на высоту к югу от д. Ясель. В исполнение чего я повел наступление на левый фланг неприятеля, когда 2-й батальон вошел во фланг противнику, командир 6-й роты штабс-капитан Несынов со взводом пулеметной команды и вверенной ему ротой собственной инициативой зашел в тыл неприятеля, занимавшего очень сильную укрепленную позицию. Штабс-капитан Несынов, несмотря на действительный пулеметный и ружейный огонь неприятеля, подавая пример отличной, беззаветной храбрости, будучи поддержан огнем взвода пулеметов, атаковал с тыла противника, чем заставил его покинуть свои укрепленные позиции, поспешно оставив на них два пулемета. Причем захватил лично 4 офицера и около 200 нижних чинов в плен. Атакой своей обеспечил выполнение задачи вверенного мне полка помочь 46 полку, последний занял д. Ясель, противнику был отрезан путь отступления. Взят в плен полком 1 штаб-офицер, 18

офицеров, до (неразборчиво) нижних чинов и два пулемета... » (из наградного списка).

Георгиевское оружие

«В бою с 6 на 7 марта сего года (1915), командуя 3 батальоном при ночном штурме сильно укрепленной позиции, вверенным мне полком выс. 461, 487 и 433 у м., усиленной проволочными заграждениями, засеками, фугасами. При упорном сопротивлении неприятеля овладел с боя штыковой атакой труднодоступной высотой 487, лично ведя роты в атаку, подавая пример отличной храбрости и выдающегося мужества, несмотря на трудности ее с фронта, перекрестного огня, ружейного и пулеметного... взрыва бомб и фугасов. Прошел труднопреодолимые преграды перед расположением противника, выбил его сильным натиском, и гнал австрийцев до р. Рона, пройдя последнюю, захватил выс. 366, согласно приказаниям, укрепился на ней, чем способствовал успеху атаки всего отряда. 3 батальоном захвачено 2 бомбомета, 6 ящиков бомб для них, 42 ящика артиллерийских снарядов, 21 пулеметный ящик с патронами, 2 прожектора, 12 офицеров, 473 нижних чина. Потери – 1 офицер, стрелков: убитыми – 11, ранеными – 444, пропавшими без вести – 9» (из наградного листа).

Оглоблин Прокопий Петрович

Родился в 3 июля 1872 г. в Иркутске в казачьей семье. Окончил: Иркутское военное училище (1897).

Орден Св. Георгия 4-й ст. – ВП от 06.07.1915. «за то, что 2-го февраля 1915 г., когда оборонявшая переправу через р. Дзядувку у д. Унержиж рота пехоты не выдержала натиска противника и отошла, что дало возможность противнику перебросить на левый берег этой реки 2 роты, будучи выслан к этой деревне с вверенной ему сотней для задержания прорвавшихся рот противника, угрожая тылу отряда, оборонявшего участок от Гокипа до Унержижа, спешил сотню под огнем противника и, выслав взвод в конном строю для охвата левого фланга неприятеля, с остальной частью сотни и возвращенною обратно ротою, несмотря на сильный пулеметный огонь противника, атаковал переправившихся немцев и отбро-

сил их на другой берег, чем обеспечил левый фланг и тыл названного отряда. Затем, со 2-го по 6-е февраля, будучи начальником боевого участка Унержиж – Кмече и имея в своем подчинении, кроме своей сотни, еще три роты, приведя вверенный ему участок в оборонительное состояние, благодаря своей энергии, мужеству и распорядительности, отбил три атаки противника, наступавшего в превосходных силах в охват обоих флангах участка и поддержанный огнем тяжелой артиллерии. При этом 5 февраля своим ружейным огнем отвлек на себя часть сил и способствовал отбитию атаки противника».

Иркутское городское самоуправление накануне и в первые годы мировой войны

К началу XX в., в связи с процессами урбанизации и модернизации, произошел стремительный рост городов Российской империи. Гласные на заседаниях городских дум в своих выступлениях часто выделяли в списке проблем жилищную обеспеченность, общественное призрение, поднятие окраин и удешевление городской жизни. Поскольку избирателями состояли только домовладельцы и крупные торговцы, которые, за редким исключением, не обладали способностями работать ради общественного блага вопреки собственным интересам, то одним из самых животрепещущих вопросов был вопрос проведения серьезной городской реформы.

В 1913 г. секретарь городской думы И.И. Серебренников¹ в «Вестнике Иркутского городского общественного управления» опубликовал статью «К вопросу о реформе Городового положения»², которая явилась откликом на заседание Государ-

¹ Серебренников Иван Иннокентьевич (1882–1940), ученый, писатель, журналист. В 1912–1916 гг. занимал пост городского секретаря при думе. Член редакционного комитета «Вестника Иркутского городского общественного управления», куда все время писал заметки. Занимался изучением Иркутской губернии и публиковал много материалов по этой тематике, например, «Промыслы Иркутской губернии» или «Первоначальное покорение и заселение Иркутской губернии». В правительстве Колчака занимал пост министра продовольствия. Позднее эмигрировал.

² Серебренников И.И. К вопросу о реформе Городового Положения // Вестник Иркутского Городского Общественного управления. 1913. № 1.

ственной Думы Российской империи от 8 мая 1913 г.¹ Тогда депутаты от партии кадетов предложили расширить компетенции городского общественного управления, распространив их на все дела местной общественной жизни, сделать независимыми от администрации, ввести всеобщее избирательное право, а большим городам – дать возможность децентрализовать часть своей работы путем устройства особых участковых советов.

Малые же города предлагалось подчинить общему городовому положению с предоставлением им права иметь упрощенную управу и даже единоличный исполнительный орган. Также кадеты предложили разделить пост председателя думы и городского головы и передать его особому, ежегодно избираемому думой лицу, расширив права дум в привлечении к городской службе лиц, не принадлежащих к составу гласных и не нуждающихся в утверждении со стороны администрации². Октябристы считали кадетский проект неприемлемым, назвав самым принципиальным разногласием введение всеобщего, равного, тайного голосования, а без него реформа носила лишь легкую форму.

Одной из причин плачевного состояния благоустройства городов И.И. Серебренников видел в финансовой системе отношения государства к городам. 17 % бюджета городов тогда шло на обязательные расходы – содержание правительственных учреждений, полиции и пожарных команд, расквартирование войск, уплату казенных и земских налогов³. Из 762 городов Европейской России водопроводы были в 145, т. е. менее чем в каждом пятом, канализация – лишь в 3,5 % городов, телефон – в 18 %, трамваи – в 5,5 %; в 123 городах не было какого-либо ночного освещения, более четверти городов не имели городских пожарных команд⁴. Необходимо отметить, что к 1913 году в Иркутске был водопровод, телефон, электростанция и одна из образцовых пожарных команд. Многих успехов город

¹ 37 членов Государственной Думы высказались о желательности реформы Городового положения 1892 г.

² Серебренников И.И. К вопросу о реформе Городового Положения // Вестник Иркутского Городского Общественного управления. 1913. № 1. С. 7-8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

достиг во время работы городским головой в 1910–1914 гг. К.М. Жбанова¹.

К 1914 г. перед Иркутским городским общественным управлением остро встал вопрос недостатка городских средств для развития благоустройства города. Необходимо было строить постоянный мост через реку Ангара, канализацию, водопровод, вводить всеобщее начальное обучение, мостить городские улицы и приводить в порядок городские окраины. Вступивший в должность 1 июля 1914 г. городской голова И.М. Бобровский² считал, что проекты канализации, водопровода, нового рынка и трамвая, разработанные городскими гласными в 1909–1913 гг., были слишком схематичными и требовали доработки. Так, строительство водопровода влекло за собой поднятие почти в два раза цены на воду для горожан. Кроме этого, расчеты роста населения строились на том, что обыкновенно прирост населения колебался в пределах

¹ Жбанов Константин Маркович (1867–?), иркутский городской голова в 1910–1914 гг., гласный городской Думы с 1898 г. Сын купца М.А. Жбанова, выпускник медицинского факультета Московского университета. Десять лет работал в Иркутске городским санитарным врачом. В конце 1913 г. отказался выдвигать свою кандидатуру на второй срок.

² Бобровский Иннокентий Михайлович (1870–1924), иркутский городской голова с 1 июля 1914 по 9 июня 1917 г., гласный городской думы в 1914–1917 гг.

от 2,4 до 4 процентов, и потому была взята цифра в три процента. Бобровский же справедливо считал, что в росте городов нет ничего «обыкновенного», шаблонного, а все зависит от сложного комплекса административных, торговых и промышленных условий, в которых оказывается данный город.

Например, Иркутск до проведения в 1897 г. железной дороги по своему торговому значению занимал действительно первое место среди городов Сибири, находясь на транзитном пути в Китай (через Кяхту), Приамурье и Якутскую область. После проведения железной дороги «торговое значение Иркутска, как это признается всеми, очень пало и до сих пор не восстановлено. Может ли, например, хотя бы это обстоятельство дать нам уверенность, что Иркутск и далее будет увеличиваться на три процента в год, если бы он до сих пор даже и рос так, и, наоборот, не начнет ли прирост его падать? Прибавьте к этому еще проведение железной дороги на Лену, например, через Тулун и учтите влияние этих обстоятельств на рост г. Иркутска»¹.

И.М. Бобровский указывал, что основным вопросом, когда принимается решение о строительстве водоканала или канализации, является вопрос о численности населения, поскольку нет точных прогнозов относительно того, как будет увеличиваться население в губернском Иркутске. Вопрос о займе в 5,5 млн руб. на городскую канализацию, одобренный при предыдущем городском голове К.М. Жбанове, Бобровский решил отложить.

Первая мировая война поставила перед городскими властями совершенно другие задачи – расквартирование войск, размещение пленных, прием и лечение раненых, размещение беженцев, регулирование цен на предметы первой необходимости. 31 июля 1914 г. Министерство внутренних дел разослало циркуляр, в котором предписало исключить из городских смет расходы, «не являющиеся особо настоятельными». В городском бюджете Иркутска при тщательном анализе думской финансово-бюджетной комиссии таких расходов оказалось всего только на сумму 14 000 руб. В августе 1914 г. началась выдача солдатам пособий в городской управе.

¹ Бобровский И.М. Канализация, водопровод, торговые ряды и трамвай по докладом комиссий Иркутской городской думы. Иркутск: Тип. П. Макушина и В. Посохина, 1913. С. 5-6.

Правительство в сентябре 1914 г. разрешило использовать труд пленных для городских работ, однако городская управа постановила отказаться от него, несмотря на то, что уже в сентябре в Иркутск была направлена партия австрийских военнопленных в 25 тысяч человек. Их решено было разместить в местных казармах. К сентябрю 1914 г. городская дума выделила 30 000 руб. на мобилизационные нужды, 10 000 руб. – в пользу семей нижних чинов, призванных в войска, 24 000 руб. – на содержание двадцати коек в полевом лазарете, устраиваемом местным комитетом Красного Креста, и 10 000 руб. в кассу Иркутского комитета Союза городов.

Всероссийский Союз городов – общероссийская военно-общественная организация, созданная в Москве в августе 1914 г. на съезде городских голов. Она имела уездные, губернские, фронтовые и областные комитеты. Вначале союзы занимались главным образом помощью больным и раненым (оборудование госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовка медикаментов, белья, обучение медицинского персонала). В дальнейшем они стали также выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывали помощь беженцам.

Отношения Иркутского комитета Союза городов и городской Думы складывались непросто, несмотря на то, что именно дума выбирала членов комитета и давала деньги в его кассу. Городской секретарь И.И. Серебренников считал Союз городов нецензурной думой, а состав городской думы называл плохим в качественном отношении, обращая внимание на тот факт, что «почти треть гласных – полуграмотные мужики, один из которых умудрился на одном из думских протоколов надписать: по статье такой-то: баллатировал «против»¹.

Так описывал деятельность Иркутского комитета Союза городов И.И. Серебренников: «Люди идейные, энергичные, но, к сожалению, не деловитые, не умеющие поставить свою деятель-

¹ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / Ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков; коммент. П.А. Новикова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. С. 199.

ность в строго планомерные рамки. Отсюда при энергии получается, однако, хаос в делах, делопроизводстве и отчетности»¹.

Городская дума выбирала членов Иркутского комитета Союза городов и вносила деньги в его кассу, поэтому была склонна рассматривать комитет как свой исполнительный орган. Между городским управлением и комитетом Союза городов чувствовалось недоверие, чему причиной считалась полная автономия в делах Комитета. Члены Комитета, в свою очередь, были склонны признавать себя исполнительным органом Главного комитета Союза городов².

И.И. Серебренников был заведующим военно-техническим отделом Иркутского комитета Союза городов. Военно-технический отдел раздавал оборонные заказы предприятиям местной промышленности. Среди таких предприятий И.И. Серебренников называет мастерские Байкальской переправы, которые производили чугунные бомбы к бомбометам, мастерские промышленного училища, изготовлявшие револьверные станки и мастерскую Хейфеца, получившую заказ на 100 000 ручных гранат. Иван Иннокентьевич отмечал, что война оживила в Сибири такие предприятия, пробудить к жизни которые не так давно представлялось делом совершенно невозможным. В частности, в Иркутске мобилизовалась местная жестяно-слесарная промышленность³.

В Иркутске градус патриотического настроения был не ниже, чем в столице. 21 июля 1914 г. в Иркутском кафедральном соборе преосвященным Евгением совершено молебствие о даровании победы и объявлен Высочайший манифест. На молебне присутствовали горожане и все высшие гражданские и военные чины во главе с генерал-губернатором Леонидом Князевым, который позднее потеряет на войне сына. По окончании службы манифестанты с портретами Николая II прошли от памятника Александру III к дому генерал-губернатора⁴.

В 1914 г. было удовлетворено ходатайство города о введении всеобщего начального обучения. В «Вестнике Иркутского Город-

¹ Серебренников И.И. Указ соч. С. 209.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 158.

⁴ Рютин К. Иркутск в годы первой мировой // СМ-Номер один. 2013. 31 окт. Код доступа: <http://baikalpress.ru/sm/2013/43/008001.html>

ского Общественного Управления» была опубликована заметка И.И. Серебренникова «Начальные школы в городах Восточной Сибири», где он дал общую картину положения начального народного образования в городах Восточной Сибири по результатам однодневной переписи начальных школ Российской империи, проведенной 18 января 1911 г. По сравнению с предыдущей переписью 1894 г., число школ увеличилось на 140 %, причем рост в городах Иркутской губернии еще отставал от Енисейской губернии и Забайкальской области. К 1911 г. в Иркутске было 42 начальные школы, а Красноярске – 34¹. Поскольку субсидии и ссуды поступили в кассу городской управы, школьные здания должны были быть возведены в течение двух лет.

Училищная комиссия в марте 1914 г. на своем заседании обсуждала вопрос о назначении мест для постройки пяти школьных зданий. Необходимо отметить, что новые школы были построены, несмотря на то, что гласные предыдущего думского созыва 1909–1913 гг. не нашли денежных средств для реализации ими же подготовленного проекта введения всеобщего начального обучения, а в 1914 г. началась Первая мировая война. В числе этих начальных школ было построено училище имени Н.В. Гоголя, в котором ныне располагается школа № 11.

В начале 1915 г. М.И. Бобровский участвовал в работе II Всероссийского съезда представителей Всероссийского союза городов в Москве. По его итогам им был опубликован доклад, представленный на заседании городской думы. В нем Бобровский поделился своими впечатлениями о съезде: «Надо быть на Съезде, чтобы живо почувствовать, какую огромную и благотворительную силу, искренне и горячо преданную делу помощи армии и населению, представляют из себя Городской и Земской союзы. Тут только на Съезде видишь, что войну с германским милитаризмом ведет не одна наша доблестная армия, но вся Россия, не исключая и нашей, казалось бы, далекой Сибири. Там, на съезде ясно видишь, как вся Россия напрягает все силы своих общественных организаций, чтобы поставить армию в благоприятные для нее условия

¹ 21 приходское одноклассное, 1 приходское двухклассное училище, 6 церковно-приходских одноклассных, 1 церковно-приходское двухклассное, 1 железнодорожная двухклассная школа, 8 частных училищ, 2 еврейских общественных и 2 инославных училища при церквях.

жизни и борьбы с врагом. И в этой общей работе приятно видеть, что наша Сибирь, с ее дивными войсками, с ее первыми, проникшими на линию огня передовыми врачебно-питательными отрядами, с широкой отзывчивостью ее населения на вызываемые войной общегосударственные нужды, занимает не последнее место и тем самым, обнаруживает высокую степень своего гражданского развития и понимания своих общественных обязанностей»¹.

В апреле 1915 г. городская Дума утвердила план мероприятий по борьбе с заразными болезнями. Из средств городского управления было выделено 292 200 руб. на устройство ночлежного дома и водопровода в Глазково, упорядочение Хлебного базара, расширение детской больницы, содержание ассенизационного обоза, санитарные попечительства, покупку дезинфекционных и перевязочных средств, а на средства царской казны (308 900 руб.) предполагалось обустроить новые заразные бараки в Глазковском и Знаменском предместьях, содержать заразных больных и временный противоэпидемический персонал.

Первая мировая война остро поставила вопрос о введении земства в Сибири, так как наглядно продемонстрировала, что некому налаживать устройство местной жизни, выбитой из обычной колеи, оказывать денежную и трудовую помощь семьям запасных, обеспечивать население продовольствием, поддерживать мелкие хозяйства и организовывать сбыт продуктов сельского хозяйства для нужд армии. Еще в 1913 г. в городской думе Иркутска была создана комиссия для разработки мотивов к возбуждению ходатайства о введении земских учреждений в Восточной Сибири под председательством А.С. Первунинского. В феврале 1915 г. комиссия постановила войти в Государственную Думу с докладом о возбуждении перед Министерством внутренних дел ходатайства о том, чтобы приостановленное военными событиями движение вопроса о введении земства в Сибири получило дальнейший ход. Комиссия также приняла решение составить большую мотивированную записку о необходимости для Сибири земства. Городской секретарь И.И. Серебренников подготовил доклад от лица этой комиссии для гласных. «Аргументирую исключительно от

¹ Бобровский И.М. Доклад иркутского городского головы И.М. Бобровского о 2-м съезде представителей Всероссийского Союза городов, состоявшемся в Москве 13–15 февраля 1915 г. Иркутск: Тип. Казанцева, 1915. С. 18.

войны», – записал он в своем дневнике, обращая внимание на то, что мелкие хозяйства лишены должной поддержки, в результате сокращается посевная площадь края. Еще более усугубится ситуация после войны, когда многие семьи лишатся своих кормильцев, а на сельские общества ляжет непосильная для них задача по призрению увечных и больных воинов и их семейств. И.И. Серебренников отметил, что «в другом городе, при другом составе гласных городской голова внес бы подобный вопрос на обсуждение Думы в первую очередь, сказал бы приличествующее случаю слово, кто-нибудь из гласных выступил бы с таким же словом и т. д. У нас же городской голова выдвинул этот вопрос в конце заседания, когда много гласных уже разошлось по домам, и не промолвил при этом ни единого слова. Перед этим рассматривался вопрос об ассигновании средств на ремонт вооружения местной полиции. От кобур, шашек и портупей с таким же интересом к делу перешли к вопросу о земстве в Сибири...»¹

Также в апреле 1915 г. состоялось совещание под председательством управляющего канцелярией генерал-губернатора Н.Т. Козлова по вопросу о необходимости, возможности и желательности введения земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири. От города за вопрос отвечал председатель думской комиссии для разработки мотивов к возбуждению ходатайства о введении земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири гласный А.С. Первунинский. Совещание единогласно признало введение земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири и желательным, и возможным, а для выяснения возможного устройства будущих земских учреждений в вопросах дорожного дела и финансов выделило две секции под председательством Н.Т. Козлова и управляющего Казенной палатой Лаврова². Земская комиссия городской думы постановила продолжить свои работы и приступить к составлению докладной записки о необходимости и возможности введения земских учреждений в Восточной Сибири. Вопрос о введении земства поднимался в апреле 1916 г. на съезде представителей городов Восточной Сибири, где было отмечено, что без земства невозможна

¹ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары... С. 110.

² Там же. С. 111.

организация планомерной помощи больным и раненым воинам¹. Кстати, получение разрешения на проведение съезда растянулось на несколько месяцев из-за того, что в программу был внесен ряд вопросов, выходящих за пределы компетенции городов, а также из-за очередной смены министра внутренних дел.

Невзирая на военное время, общественность города приняла решение о публичном чествовании 80-й годовщины Г.Н. Потанина 21 сентября 1915 г. К этому дню дума избрала Г.Н. Потанина почетным гражданином г. Иркутска, учредила 15 стипендий его имени, ассигновала средства на издание популярной биографии знаменитого путешественника и ветерана сибирской общественности.

Острым вопросом во время Первой мировой войны было обустройство беженцев. Эта тяжелая работа в Иркутске легла на Иркутский комитет Союза городов, который организовал бюро труда, оказывая беженцам значительные услуги. И.И. Серебренников отмечал, что некоторые из беженцев, например, квалифицированные рабочие, устроились в Иркутске весьма хорошо². Однако, в октябре 1915 г. он написал, что «в Иркутске осело до

¹ Вестник Иркутского городского общественного управления. Отдел неофициальный. 1916. № 3-4. С. 68.

² Серебренников И.И. Претерпев судеб удары... С. 146.

600 беженцев, большинство женщин, детей, стариков. Кажется, совсем немного, и, все-таки, сколько хлопот они доставляют местному комитету Союза городов: всех надо разместить куда-нибудь на квартиру, одеть накормить. Вместе с беженцами можно ждать заноса сюда инфекций»¹.

Проводились совещания и у иркутского губернатора по вопросу призрения беженцев и согласованности в этом деле действий общественных организаций и губернской администрации. В конце октября 1915 года в Иркутск хлынула большая волна беженцев – свыше 6 000 человек. Генерал-губернатор дал распоряжение разместить их в иллюзионах Ягджоглу и Дон-Отелло. В ноябре уже было открыто 110 приютов для беженцев и организован губернский комитет по призрению беженцев. В декабре 1915 г. в Иркутске был уполномоченный Особого совещания о беженцах генерал-майор Мейер, он объездил вместе с председателем иркутского комитета Союза городов П.И. Федоровым несколько местных приютов и был приятно удивлен постановке дела по сравнению с другими городами Сибири.

В начале 1916 г. Иркутским комитетом Союза городов было рекомендовано расселять беженцев по сельским местностям, однако эта работа оказалась почти неподъемной. Беженцы вначале соглашались ехать, но позднее отказывались, и властям приходилось их кормить, одевать, лечить. Вскоре они целыми толпами стали осаждать канцелярию комитета, выписывать себе билеты в Россию и делать запросы по телеграфу о родственниках. 9 марта 1916 г. пришло распоряжение – выдавать беженцам проездные билеты только после сношений друг с другом губернаторов². Комитетом было принято решение о применении принудительных мер к выселению из города беженцев на село. Город и ничегонеделание развращали, их убежища превращались в притоны разврата, будучи наводняемы по ночам солдатами³.

На съезде представителей городов Восточной Сибири И.И. Серебренников подготовил доклад по продовольственному вопросу «О выработке областного сибирского плана борьбы с дороговизной жизни» и руководил работой секции по снабжению

¹ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары... С. 151.

² Серебренников И.И. Указ соч. С. 202.

³ Там же. С. 217.

армии. Им было предложено создать областной Союз городов Сибири во главе с главноуполномоченным и районные Союзы городов, объединить разрозненную деятельность сибирских городов в деле борьбы с дороговизной жизни¹.

Генерал-губернатор А.И. Пильц выдвинул два требования к съезду – не допустить к участию ссыльных и не обсуждать политических вопросов. На съезд приехали член Государственного Совета Е.Л. Зубашев и член Государственной Думы С.В. Востротин, городской голова г. Николаевск-на-Амуре П.П. Крынин, делегаты из Красноярска, Владивостока, Верхнеудинска, представители кооперативных организаций. На открытии участники заявили протест против запрета генерал-губернатора на участие в съезде ссыльных. Верхнеудинский купец И.А. Пятидесятников, представитель потребительского общества «Экономия», предложил прервать работу съезда и отправиться к начальнику края с просьбой отменить свое распоряжение². А.И. Пильц уступил, и ссыльным, приписавшимся к крестьянскому и мещанскому сословиям, было разрешено принять участие в работе съезда. Самым неоднозначным на съезде оказался вопрос: состоится ли принятие резолюции по общим вопросам русской жизни. Восторжествовало мнение С.В. Востротина, что по условиям требования начальника края от вынесения резолюции следовало бы воздержаться. Съезд выразил благодарность Иркутскому городскому общественному управлению за предоставление средств для устройства съезда, помещений для его занятий и вообще за содействие в его работах³.

В начале июля 1916 г. тема образования вновь вышла на первый план, несмотря на военные события на фронте. Тогда пресса написала о планах министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева, открыть в Российской империи десять новых университетов, прежде всего, медицинских факультетов, в том числе в Иркутске или Владивостоке. Это вызвало ажиотаж среди иркутских гласных. И.И. Серебренников отмечал, что первый, кто поставил вопрос об университете в Иркутске на широкую ногу, был гласный В.М. Посохин. Он являлся советником городского

¹ Серебренников И.И. Указ соч. С. 208-209.

² Там же. С. 214.

³ Вестник Иркутского городского общественного управления. Отдел официально-справочный. 1916. № 3-4. С. 67.

головы и имел на него громадное влияние. 5 июля 1916 г. в городской думе была избрана комиссия для разработки материалов об учреждении Иркутского университета. Ее возглавил И.М. Бобровский. Комиссии было поручено в двухнедельный срок составить мотивированную записку о необходимости открытия университета в Иркутске. Городская дума предложила сделать бесплатный землеотвод на постройку здания университета, предоставить право пользования горными карьерами для добычи камня, песка и глины при возведении здания и предоставить ассигнования на строительство из городского бюджета в сумме 500 тысяч руб.

19 августа 1916 г. И.М. Бобровский от лица Иркутского городского общественного управления написал записку в адрес царского правительства с обоснованием открытия университета именно в Иркутске: «поскольку в связи с выбором города для Восточно-Сибирского Университета может возникнуть вопрос: Иркутск или Владивосток – должны иметь значение следующие сопоставления: Иркутск – центр края с населением в 3 062 738 человек, Владивосток – лишь окраина области, имеющая всего 985 972 жителей. Если принять в расчет наиболее населенные районы: Иркутскую губернию и Забайкальскую область – с одной стороны, Амурскую и Приморскую области – с другой, то в первых население окажется в полтора раза плотнее, чем во вторых. В то время как население Иркутского генерал-губернаторства состоит почти сплошь из русскоподданных, Приморская область дает 17,9 % подданных иностранных, причем в самом Владивостоке иностранное население доходит до 40,3 % общего числа жителей. Надо иметь в виду, что когда указывается на быстрый рост Владивостока, то этот рост происходит за счет пришлых иностранных элементов, не связанных органически с краем и городом, легко подвижных и в любой момент способных порвать с городом. При утверждении университета во Владивостоке едва ли можно будет рассчитывать на то, что учащееся юношество Иркутского генерал-губернаторства направится именно туда – за три с лишним тысячи верст, когда оно лишено возможности в значительном числе случаев поехать в Томск, находящийся вдвое ближе к родным городам. С другой стороны, юношество, материально

обеспеченное, не стесняющееся расстоянием, предпочтет ехать в столичные города»¹.

15 октября 1916 г. иркутская делегация посетила министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева, обратилась с ходатайством об открытии в Сибири нового университета и передала записку с обоснованием его открытия именно в Иркутске. В состав делегации вошли городской голова И.М. Бобровский и экс-городской голова В.П. Сукачев, член Государственного Совета от Сибири Е.Л. Зубашев, депутаты Государственной Думы Н.К. Волков (Забайкальская область), С.В. Востротин (Енисейская губерния), И.Н. Маньков (Иркутская губерния), главный инспектор училищ Восточной Сибири Г.П. Василенко. Вскоре было принято решение, что университету быть именно в Иркутске.

В 1916 г. в связи с обострением продовольственного снабжения было образовано продовольственное отделение городской управы, в задачи которого входило ведение городскими продовольственными складами, распределение их содержимого, а также поиск поставщиков. В сентябре гордума постановила ввести карточную систему распределения продуктов. В ноябре Иркутский продовольственный комитет приступил к раздаче карточек на продовольственные товары. В конце года продукты еще можно было закупить на востоке, но вывезти их было невозможно. Некоторые гласные даже предлагали ассигновать деньги на «толкачей» грузов по железной дороге. В декабре 1916 г. город остался без угля, встали некоторые предприятия. 10 января 1917 г. в городе было прекращено уличное освещение. 14 января И.М. Бобровский выехал в Томск для решения вопроса об угольном кризисе в регионе.

В феврале 1917 г. М.И. Бобровский выехал в Петроград по вопросу строительства Иркутск-Ленской железной дороги. Комиссия о новых железных дорогах после высочайшей отметки на докладе генерал-губернатора А.И. Пильца признала этот вариант, после того как годом ранее высказалась против такого решения. Февральская революция 1917 г. застала И.М. Бобровского в пути. Гласные думы посчитали, что городской голова должен был сразу

¹ Бобровский И.М. Иркутский университет: записка Иркутского городского общественного управления. 1916. С. 17-19.

возвращаться домой. Бобровский же думал иначе. На заседании Думы 14 марта думцы отправили Бобровскому телеграмму: «В силу того, что Бобровский в критический момент, переживаемый страной, не вернулся в представляемый им город, что он, совершенно игнорируя создавшиеся в Иркутске органы новой власти, рискнул на свой страх без ведома своих избирателей, вступил в сношения с центральными органами управления государства, городская дума, признавая действия Бобровского совершенно не соответствующими его званию, доводит об этом до его сведения. Однако в силу отсутствия г. Бобровского в настоящий момент в Иркутске окончательное решение по данному вопросу откладывается до возвращения г. Бобровского».

Некоторые гласные дали следующую оценку работе И.М. Бобровского в должности городского головы: «Он никогда не был общественным деятелем, был чиновником, для которого распоряжения начальства были законом. Откладывая рассмотрением вопросы, выдвигаемые городской управой, игнорируя интересы городского общественного управления, господин Бобровский всеми мерами старался скорее привести вопросы, предложенные генерал-губернатором и в благоприятном для них смысле. Благодаря ему Пильц наложил на нас контрибуцию в виде добавочного жалованья городовым и разъездным полицейским чиновникам. Ради этого же он велел отремонтировать сарай во дворе Полицейского управления, не имея на то кредита и не попросив согласия Городской думы, хотя и заявил, что если этого расхода не примет дума, он заплатит из своих средств. Дума действительно отказала, но Бобровский вошел снова с этим вопросом и как-то успел провести его... Глубоко возмутительно отношение Бобровского к вопросу об университете, когда он употребил все силы, чтобы в телеграмме к царю не было упомянуто слово университет»¹.

По возвращении И.М. Бобровский решил сложить свои полномочия городского головы. Он это объяснил решениями новой власти, по которым было объявлено о значительном увеличении состава городских дум через введения в них представителей общественных организаций. «При таких условиях я считаю своим

¹ Петров А.В., Плотинова М.М. Иркутская дума: городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014: Биографический справочник. Иркутск: Оттиск, 2014. С. 133.

долгом сложить полномочия, чтобы дать возможность обновленной думе избрать себе нового председателя». Второй мотив заключается в состоянии его здоровья – ему и ранее приходилось отказываться от некоторых предложений.

1 мая 1917 г. в Иркутске

Деятельность И.М. Бобровского на посту городского головы в условиях ведения войны была достаточно эффективной. За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. городской голова И.М. Бобровский получил светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого Орла. Царское правительство использовало в годы Первой мировой войны городские думы и управы в качестве низового звена государственного аппарата, а И.М. Бобровский, как отставной надворный советник, привык работать именно в таких условиях. Все предложения, поддержанные царским правительством, решались Бобровским целеустремленно: введение всеобщего начального образования в Иркутске, проведение Ленской железной дороги, открытие университета и даже организация I съезда представителей городов Восточной Сибири.

Война принесла многим иркутянам беды и переживания. Благодаря тому, что супруги Серебренниковы вели каждый свой днев-

ник, можно проникнуть в дух того времени, в переживания и мысли современников о войне.

В семье Серебренниковых было разное отношение к Первой мировой войне. Иван Иннокентьевич считал, что «война многое убивает, но многое и призывает к жизни. Она будит в народе чувство гражданственности и организует его творческие силы вокруг великого национального дела – победы над врагом. Как это ни странно, но, может быть, эта кошмарная война пробудит Россию от спячки и разложения, спасет ее и от разлагающей коррупции, на которую так надеялись германцы, затеявая эту роковую войну»¹.

Его супруга, журналист, переводчик, будущий гласный городской думы в 1917 г. Александра Николаевна писала в дневнике: «Прошел мой первоначальный порыв «патриотизма»; эгоистическая подкладка военных стремлений всех держав стала мне ясна; я уже перестала верить в красивые слова о возрождении России... Какое тут возрождение! Власть осталась такою же, какой и была, давление внутри все продолжается, евреи и пресса преследуются по-прежнему»².

Война поставила перед городским самоуправлением новые задачи – расквартирование войск, размещение пленных, прием и лечение раненых, размещение беженцев, регулирование цен на предметы первой необходимости. Но необходимо было решать и предыдущие – строительство школ в рамках формирования школьной сети для введения всеобщего начального обучения, благоустройство окраин, реагировать на новые тенденции правительства – заниматься вопросами лоббирования появления университета в губернском Иркутске и введения земства. Война же породила новую организацию – Всероссийский Союз городов, которая имела в Иркутске свой комитет. Думский секретарь И.И. Серебренников объединял эти две разные структуры, работая одновременно и в думе, и в Иркутском комитете Союза городов.

Первая мировая война обострила не только все проблемы городов дореволюционной России, но и многие противоречия внутри страны, вылившиеся, как известно, в Февральскую револю-

¹ Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / Ред.-сост. Г.С. Андреев, П.К. Конкин, П.А. Новиков; комент. П.А. Новикова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. С. 158.

² ГАИО. Ф. 609. Д. 86. Л. 12 об.

цию 1917 г. Следует отметить, что Иркутская городская дума, не избежав некоторых не совсем обоснованных действий, в целом справилась с задачами, поставленными перед ней Первой мировой войной и даже построила новые городские школы и открыла университет.

Политическая ссылка Иркутской губернии в годы Первой мировой войны

Тяготы Первой мировой войны испытывал на себе и далекий от фронта тыловой Иркутск – уже в начале 1915 года в городе появились раненые, беженцы, мирные жители западных районов, высланные с территорий предстоящих военных действий – поляки, евреи, немцы. В губернии быстро дорожали продукты питания, с прилавков магазинов бесследно исчезали товары первой необходимости. Война обострила противоречия во всех слоях общества, усилила борьбу рабочих с предпринимателями за свои права, многократно увеличила пропасть между богатыми и неимущими, подлежащими набору в действующую армию и имевшими возможность избежать призыва.

Война ужесточила и никогда не прекращавшееся противостояние между трудом и капиталом, авторитарным государством и обществом. При этом фактором, заметно обострившим эти процессы в губернии, выступала политическая ссылка, непрерывно оседавшая здесь с 70-х годов XIX века.

Усилению роли ссылки в общественно-политической жизни Прибайкалья в годы мировой войны способствовал ее быстрый рост. Так, если в 1910 г. на территории губернии (вместе с Тункой, относившейся к Иркутскому району) отбывало наказание не менее 1952-х революционеров, а в 1912 г. – 2850-ти, то в 1915 г. – уже 4034, а к концу 1916 – началу 1917 гг., по крайней мере, – 7113 человек. Иркутская губерния, таким образом, и в период войны, как и раньше, продолжала оставаться центром сосредоточения сибирской политической ссылки¹.

¹ Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: РИО ИГУ, 1973. Вып. 1. С. 210–219.

В Манзурской ссылке. Стоит первый справа – М.В. Фрунзе. 1915 г. ИОКМ

В годы Первой мировой войны политические ссыльные, отбывавшие наказание на территории Иркутской губернии, делились на три основные категории: ссыльные по приговорам суда, поселенцы после отбытия каторжных работ и ссыльные, отправленные административным порядком. Численно преобладали сосланные по постановлению суда – 4508 человек накануне Февральской революции, по подсчетам Н.Н. Щербакова. Таких ссыльных администрация губернии старалась размещать подальше от Иркутска – в Киренском, Верхоленском, а также Балаганском и Нижнеудинском уездах. Ссыльнопоселенцы лишались избирательных прав, чинов и званий, не могли заниматься общественной и педагогической деятельностью, были существенно ограничены в выборе места работы или службы, имели большие сроки наказания.

Помимо ссылки по суду, в эти годы продолжала практиковаться и ссылка административным порядком. Она назначалась на определенный срок (от 2 до 5 лет) по решению Особого совещания при министре внутренних дел и губернских правлений тех территорий, которые объявлялись на военном положении или положении чрезвычайной и усиленной охраны. До 1911 г.

основной поток административно-ссылных направлялся в Западную Сибирь, затем значение Западной и Восточной частей как мест ссылки почти сравнялось. Административные ссылки не «поражались» в правах и званиях, могли и в местах причисления заниматься творческим трудом, свободно вели переписку с родными и близкими в Европейской России, получали от казны пособие на питание, зимнюю одежду и обувь. Именно такие ссылки селились в Иркутске и уездных центрах. К концу 1916 года в пределах губернии, по тем же подсчетам, было поселено не менее 2290 административных.

Политические каторжане на территории Иркутской губернии размещались исключительно в Александровской центральной тюрьме, которая служила не только местом постоянной изоляции, но и выполняла роль этапной для революционеров, следовавших в Якутскую область и северные уезды Иркутской губернии. Особую роль в изоляции политических противников государства по-прежнему играла Нерчинская каторга: революционеров размещали в Акатуевской, Алгачинской, Зерентуйской, Кадаинской, Казаковской, Кутомарской и Мальцевской тюрьмах. После Александровского централа и тюрем Нерчинской каторги каторжане, как правило, попадали на поселение в Якутскую и Забайкальскую области. Сюда же прибывали на вечное поселение и все осужденные Иркутской и Омской судебными палатами, военно-окружными и временными военными судами Омского, Иркутского и Приамурского военных округов. По воспоминаниям современников – участников Февральской революции в Иркутске, в Александровском центре к началу 1917 года было сосредоточено не менее 315 политкаторжан¹.

Как видим, структура политической ссылки оставалась прежней, сложившейся здесь с 1880-х годов. Вместе с тем уже с начала 1915 г. среди высланных в пределы губернии появилась новая категория – так называемых «военных» ссылки, отправленных сюда административным порядком с территорий военных действий на основании правил военного положения. Такие ссылки, по оценке одного из уездных исправников, яв-

¹ Рекстин И. Из Александровского централа на волю // На волю! Сб. восп. к 10-летию Февральской революции. М., 1927. С. 75.

ляли собой «...более спокойный элемент, нежели политические» и от них «нельзя было ожидать каких-либо насильственных действий», однако, во избежание сговора, и тех и других следовало размещать раздельно¹.

«Военные ссыльные» к революционной ссылке имели весьма отдаленное отношение, однако их численность в этот период нередко превышала количество политических ссыльных. Так, например, на 1 июля 1915 г. под гласным надзором полиции в Нарымском крае из 2746 человек 2599 были высланы в порядке статьи 19-й Правил военного положения. На 1 января 1916 г. таких ссыльных здесь было уже 2638 из 2779. В Иркутскую губернию «военных» ссыльных направлялось значительно меньше – 660 человек на 1 января 1916 года².

Группа ссыльных эсэров Балаганска в годы войны. ИОКМ

В годы войны политическая ссылка претерпела существенные качественные изменения. Здесь по-прежнему оставались революционеры, получившие «вечные» сроки после событий 1905–1907 гг., однако основная масса высланных администра-

¹ Нарымская ссылка (1906–1917 гг.) / под ред. И.М. Разгона: сб. документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970. С. 274.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 339. Л. 22.

тивно на 2–5 лет закончили свое пребывание и выехали на родину, их сменили участники выступлений 1910–1914 гг., пришедшие в движение сознательно, а не захваченные общим стихийным потоком первой революции. Отсутствие масштабных выступлений в армии и на флоте сократило число каторжан.

Изменения произошли и в партийном составе политической ссылки. Согласно анкеты Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, охватившей 794 человека из Иркутского землячества, большая часть ссыльных, размещенных на территории губернии в тот период, принадлежала к социал-демократам – 41,2 %. Второе место занимали представители эсеровских организаций – 33,9 %. Число анархистов было незначительным и составляло 6,4 %. Чуть больше 20 % приходилось на ссыльных представителей других партийных формирований, прежде всего, бундовцев, серповцев, белорусских «громадовцев», армянских «дашнаков», польских социалистов и т. д. Учитывая, что анкетирование было проведено в 1931 г., когда по стране уже прокатился целый ряд процессов над бывшими эсерами, и принадлежность к этой партии могла стоять бывшему «царскому» ссыльному жизни, есть основание предположить, что представителей этой партии в Иркутской губернии было больше, а социал-демократов, наоборот, меньше¹.

Главной фигурой политической ссылки, в том числе и в Иркутской губернии, стал рабочий – 348 человек из 794 обследованных (43,8 %). Число ссыльных из служащих было значительно меньшим и составляло лишь 194 человека или 24,4 %. Большинство рабочих представляли крупные фабрично-заводские предприятия, горняков и железнодорожников Украины, Прибалтики, Москвы, Петербурга, Урала. Национальный состав ссылки отражал ведущую роль русских людей в радикальном оппозиционном движении – 49,4 % осужденных. Далее шли евреи – 21 %, латыши – 7,4 % и поляки 6,2 %².

Коренные преобразования социального состава политической ссылки привели и к резкому изменению ее образовательного уровня. На смену интеллигенту, имевшему высшее образо-

¹ Штульман Р.О. О составе Иркутского землячества Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 251–256.

² Штульман Р.О. Указ соч. С. 251–256.

вание, закончившему гимназию или училище, в ссылку пришел малограмотный пролетарий – согласно подсчетам Р. Штульмана, 49,1 % членов иркутского землячества имели, как указано в анкете, «низшее» образование и лишь 9,4 процента – высшее [Штульман Р.О. Указ соч. С. 250]. Данные в целом по Сибири – еще более показательны – 56,1 % ссыльных – с «начальным» и только 5,7 % – с высшим¹.

Трудные условия жизни в Сибири, необходимость постоянного преодоления материальных и бытовых проблем способствовали объединению, сплочению ссыльных. В местах скопления осужденных революционеров всегда возникали внепартийные объединения, коммуны со своим уставом, выборным исполнительным органом, денежным фондом, кассой взаимопомощи, столовой, библиотекой или «общественной квартирой». Такие организации принимали прибывших в ссылку товарищей, помогали найти жилье, оказывали первую материальную помощь, связывали с представительствами Красного Креста в России и за рубежом, организовывали учебу и досуг.

Партия политссыльных, следующая по Лене в Якутск

¹ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 1997. Вып. 4: Социал-демократы. С. 94.

Самое большое количество ссыльных в годы войны, как, впрочем, и ранее, было сосредоточено в Иркутске. По подсчетам исследователей, в 1914–1917 гг. в городе насчитывалось не менее 562 ссыльных различной партийной принадлежности, больше, чем в каком-либо другом городе Сибири¹. При этом надо сразу оговориться, что это – далеко не конечная цифра: здесь не учтены закончившие срок гласного надзора и уже приписавшиеся к другому сословию (например, «крестьяне из ссыльных»), а также так называемые «временно проживающие в городе» из близких к Иркутску уездов и волостей. Достаточно было такому ссыльному обратиться к местному врачу или фельдшеру, как тот безотказно выписывал направление в город на несколько недель, а нередко и месяцев. Затем это направление продлевалось и продлевалось, ссыльный снимал квартиру или комнату и практически легально жил в городе.

С большой долей уверенности можно утверждать, что удельный вес «временно проживающих» в Иркутске политических ссыльных составлял едва ли не третью часть всей «официальной» колонии. Думается также, что и М.М. Бирман, оставивший свои воспоминания об Иркутске времен империалистической войны, был весьма близок к истине, утверждая, что в городе в это время находилось около тысячи политических ссыльных².

Помимо Иркутска, наиболее крупные колонии ссыльных в годы Первой мировой войны сложились также в Бодайбо, Братском, Витиме, Жигалово, Зиме, Качуге, Киренске, Манзурке, Нижнеилимском, Тулуне, Усть-Куте, Усть-Уде, Черемхово, а также Тунке. Колонии ссыльных в Киренске, Черемхово, на приисках Бодайбо доходили до 200–300 человек, в Качуге, Манзурке, Усть-Уде, Казачинском, Тунке единовременно проживало до 100–150 «политиков».

Основная масса ссыльных жила бедно и постоянно нуждалась. Надо иметь в виду, что поселенцы существовали в ссылке исключительно собственным трудом, административные же получали небольшое денежное пособие от казны, размер которого зависел от региона и происхождения ссыльного, составляя

¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 384.

² Бирман М.В. В дни войны // Кандальный звон. Одесса, 1925. № 2. С. 98–104.

в годы Первой мировой войны от 10 до 20 руб. ежемесячно, что, с учетом дороговизны и хронического недостатка рабочих мест на севере губернии, было крайне незначительным.

Киренская ссылка на маевке 1 мая 1916 г. ИОКМ

Потребность в хлебе заставляла политических братья за любую работу. Большая часть из них зимой перебивалась поденным заработком у крестьян, летом составляла бригады пильщиков дров, заготовителей рыбы или орехов. Хорошо известны примеры объединения политссыльных на Лене в артели грузчиков. Например, самая крупная – витимская артель – насчитывала в годы войны до 100 «политиков». Многолюдными были артели в Жигалово (до 70 человек), Киренске, Усть-Куте, Качуге. Тяжелый труд, необходимость борьбы за существование сближали ссыльных различных партийных программ, национальностей, социального происхождения.

Труд грузчика оценивался сравнительно высоко: в день можно было заработать от 6 до 10 руб., за сезон – 200–250 руб. и «тянуть» их затем весь год. Общий заработок в артеле всегда делился поровну. Рабочий день продолжался 12–13 часов с двухчасовым перерывом на обед. Грузчики работали «конвейером»: после 10–15 «ходов» с парохода на пристань и далее в склад – непродолжительный перерыв, «закурка», затем опять погрузка.

Несмотря на кажущуюся простоту такой работы, люди, неприличные к ней, падали от усталости, их освобождали от «очереди», давали несколько лишних минут отдыха¹.

Повсюду, где селились ссыльные, они давали уроки, готовили к экзаменам, обучали грамоте детей и взрослых. Как вспоминал П. Пономарев, только в Иркутской губернии в годы войны действовало не менее «40 или даже 50» вольных школ². Как правило, крестьяне не требовали с нанимавшегося в учителя ссыльного рекомендации или ходатайства. Достаточно было прийти в деревню, объявить в первой же избе о своем намерении учительствовать, как через несколько дней сельчане давали положительный ответ. По сведениям Е. Бабакиной, в Орленге, да и не только, «учителя оплачивались по пастушечьей системе – 1 рубль с ученика в месяц и подворная кормежка по очереди у родителей ученика». При этом программы или «плана» занятий никто не спрашивал. Родители учеников просили: «Учи всему, что сама знаешь»³.

В 1914–1917 гг. самым острым вопросом в колониях «политиков» стал вопрос об отношении к войне. С началом военных действий ссылка быстро разделилась на оборонцев, пораженцев, интернационалистов, немало было и центристов, а также неопределившихся. Состояние ссылки хорошо передано помощником начальника ИГЖУ в Балаганском, Нижнеудинском и Верхотенском уездах Иркутской губернии в докладе начальству за октябрь 1915 г.: «Ссыльнопоселенцы в своих мнениях как о войне, так и в вопросах общественного движения разделились, причем одни желают призыва их на войну, другие ждут амнистии, а третьи – относятся отрицательно как к войне, так и ко всякого рода действиям правительства»⁴.

А вот свидетельство от самой ссылки. По словам каторжанина П.Н. Фабричного, отбывавшего наказание в Александровском центре за убийство офицера, «... война расколола политических на два лагеря: на сторонников, с одной сторо-

¹ Амбросевич Л. Ссылные грузчики на Лене // Иркутская ссылка: сб. Иркутского земледельчества. М.: Изд-во ВОПиС, 1934. С. 90.

² Пономарев П. Вольные школы // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 102.

³ Бабакина Е. Орленга // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 65.

⁴ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 891. Л. 50.

ны, победы союзников, так называемых патриотов, и с другой, – победы центральных держав, пораженцев. Разумеется, что деление – грубое; была также очень небольшая группа заключенных, державшаяся нейтрально, но в общем именно таково было разделение большинства политических. Эта группировка, конечно, не была окостеневшей, некоторые из товарищей становились то «пораженцами», то «патриотами» – в зависимости ...от политики, слагавшейся в России... Кого среди политических было больше – патриотов или пораженцев, я затрудняюсь сказать... Впрочем, в вопросе о войне произошла большая неразбериха: некоторые и левые оказались «патриотами» и, наоборот, правые – «пораженцами», партийные группировки тоже перепутались»¹.

Группа политссыльных. Третий слева А. Кругликов. Иркутск. 1916 г.

А вот как о своем восприятии войны писал М.В. Фрунзе из Манзурки в январе 1915 года: «Вы спрашиваете, каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов? Принципиально я, конечно, против войны, но я не смогу сказать, что всегда и везде целиком стоял за осуществление этого принципа... Что же касается современной войны, то, по-моему, русским социалистам ни с каких точек зрения невозможно выска-

¹ Фабричный П. Каторга о мировой войне // Каторга и ссылка. 1927. № 1. С. 70-71.

зываются за активное участие в войне с нашей стороны. Это и принципиально недопустимо и практически бессмысленно. Вот вам мой взгляд. В общем я смотрю на положение дел довольно оптимистически. Воинственный задор ... схлынет, выплывут на сцену все старые больные вопросы нашей жизни, ибо война их только обострит, и снова закипит работа»¹.

Как видим, в отношении к войне у ссыльных Иркутской губернии, как и всей Сибири, не было и не могло быть единства. Разногласицу мнений усиливали вести из России. Так, П.А. Кропоткин занял оборонческие позиции: «При данных условиях, – писал теоретик анархизма, – всякий, кто чувствует в себе силы что-нибудь делать и кому дорого то, что былого лучшего в европейской цивилизации, и то, за что боролся рабочий Интернационал, может делать только одно, – помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий империализм»².

Ярым оборонцем и сторонником войны до победного конца стал и Г.В. Плеханов. С началом военных действий Георгий Валентинович опубликовал брошюру «О войне», где вся ответственность за ее развязывание возлагалась на Австро-Венгрию и Германию. С другой стороны, В.И. Ленин, как известно, издал в августе 1915 г. в Женеве статью «Социализм и война», в которой выдвинул лозунг поражения своего правительства и бескомпромиссно потребовал превращения империалистской войны в гражданскую.

Ленинское требование, в конечном итоге, поддержала меньшая часть политической ссылки. Большинство иркутских «политиков» заняли интернационалистскую позицию, заключавшуюся в неприятии войны как империалистической, а значит, захватнической, в борьбе за скорейший мир без аннексий и контрибуций.

Вопрос об отношении к войне был для политических ссыльных действительно «насущным» и необычайно острым. Из предмета сугубо теоретического, дискуссионного, он моментально превращался в вопрос стратегии работы на ближайшую

¹ Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.) / Ответ ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1978. С. 274-275.

² П.А. Кропоткин о войне. М.: Типография т-ва Рябушинских, 1916. С. 5.

и отдаленную перспективу – желавшие победы «своему» правительству незамедлительно должны были отказаться от революционной борьбы, а выступавшие за поражение России – без промедления развернуть подпольную работу.

Качугская ссылка. 1914 г. ИОКМ

В годы мировой войны в Иркутске было сосредоточено по меньшей мере 284 ссыльных социал-демократа. Составляя большинство колонии Иркутска, эсдеки боролись в основном за влияние на пролетарские слои города. Обладая рабочими специальностями и проживая среди рабочих, пользуясь у них вполне заслуженным профессиональным авторитетом, ссыльные имели все условия для влияния на самые широкие пролетарские слои. «Подход наш к массе, – писал впоследствии ссыльный эсер В. Кухарченко, – был особенно удобен в том отношении, что для работы не нужно было слишком конспирироваться: ссылка непосредственно вливалась в массу, политики стояли за одним станком, вместе с шахтерами ломали уголь, сидели в конторах»¹.

Наличие в Иркутской губернии значительного контингента ссыльных социал-демократов, имевших опыт революционных выступлений в Европейской России, стало одним из факторов

¹ Кухарченко В. Черемховские копи // Иркутская ссылка. М., 1927. С. 165.

быстрого подъема оппозиционного движения. Ни одно партийное формирование Иркутской губернии в интересующий нас период не испытывало столь сильного влияния ссыльных как возникший в декабре 1914 г. «Союз сибирских рабочих». Сама идея создания «Союза» принадлежала политическим ссыльным во главе с С.Ф. Васильченко и М.П. Жаковым. Состав «Союза» практически полностью был укомплектован поднадзорными революционерами: здесь были большевики, меньшевики-интернационалисты, эсеры, беспартийные. Цель организации выражалась в статье «Неотложная задача» первого номера журнала «Товарищ пролетарий»: «Объединение отдельных партийных организаций и объединение всего пролетариата – такова неотложная задача для всех социал-демократов» [ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 796. Л. 14].

«Союз» пытался стать чисто пролетарским объединением, противопоставив себя «околопартийной» ссыльной интеллигенции города. По всей видимости, в нем было и немало от махаевщины – сам И.К. Махайский был связан с Иркутском самым непосредственным образом: поселившись здесь после Вилуйской ссылки в 1902 году, он вместе с В.Д. Гулари-Бучульской пытался распространять идеи своего «Умственного работника», призывал не доверять интеллигенции, объединяться корпоративно, но быстро был выдворен из города¹.

За семь месяцев своей деятельности (ликвидирован в ночь на 20 июля 1915 г.) «Союз» сумел значительно расширить сеть пролетарских ячеек в городе, установил контакты с рабочими Черемхово и фабрики Перевалова в Хайте. «Союз» сочетал нелегальную работу с легальной. Его члены имели связи в кооперативах, профсоюзах, просветительских обществах, среди солдат Иркутского гарнизона, где они выступали против и оборонцев, и пораженцев, неуклонно проводя мысль о скорейшем окончании империалистической войны и подписании мира без аннексий и контрибуций.

После разгрома «Союза» в партийной работе в городе наступает временное затишье. Попытки организации нового цен-

¹ Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Иркутск, 1973. С. 82.

тра предпринимают в это время отдельные ссыльные социал-демократы. Так, Охранное отделение отмечало устройство в 1915 г. конспиративных рабочих сходов, на которых опять же ссыльные В.Е. Евдокимов, А.П. Станчинский, П.П. Старостин, Д.М. Трофимов, В.П. Файдыш, помимо антивоенных тем, обсуждали и вопросы возобновления партийной деятельности¹.

5 декабря 1916 г. нелегальное собрание иркутских социал-демократов, в котором участвовали представители от типографий, обозных мастерских, кожевенного завода Фукса и других предприятий города, оформило создание новой организации под названием «Союз Иркутских рабочих». Инициаторами объединения были И.Н. Годовский, С.И. Лебедев, И.В. Молазовский, А.Г. Орлов, П.П. Старостин. Уже на учредительном собрании 18 участников «Союза» представляли 14 рабочих коллективов. При этом среди печатников работали ссыльные С.И. Лебедев и И.П. Лобанов, металлистов и швейников – А.Ю. Ремишевский, кожевенников – А.М. Винокамень, рабочих электростанции – П.П. Постышев, рабочих-латышей – Я.Д. Янсон².

На собрании 1 января 1917 г. был принят устав «Союза». В его основе лежала программа РСДРП, однако организаторы группы приняли решение об объявлении ее беспартийной, «чтобы не пугать некоторых вновь поступающих рабочих названием социал-демократического союза». «Союз Иркутских рабочих» также носил некоторый синдикалистский оттенок, что подтверждается и высказыванием В.И. Вельмана: «...большевиков и большевизма там не было... Основным его лозунгом был «освобождение рабочих»³.

Социал-демократическое подполье Иркутска в годы мировой войны имело еще одно партийное формирование – с апреля 1915 по январь 1916 г. здесь действовала группа, получившая впоследствии по имени ее создателя наименование «группы Преображенского». Е.А. Преображенский, будущий «крупный» советский и партийный руководитель, экономист, приехал в

¹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916. Д. 5. Ч. 27. Лит. «Б». Лл. 45-68; Ф. 533. Оп. 1. Д. 1028. Л. 5.

² Зольников Д.М., Максимова Л.О. О стачечном движении в Сибири в годы Первой мировой войны // Рабочие Сибири в борьбе за победу социалистической революции и построение социализма. Новосибирск, 1975. С. 307.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1026. Л. 5.

апреле 1915 г. в Иркутск из Нижнеилимской ссылки. Через несколько дней на квартире ссыльного П.О. Коваленко, с участием нескольких поднадзорных, было решено сформировать отдельную группу и развернуть среди рабочих, во-первых, пропаганду поражения своего правительства в империалистической войне, во-вторых, объединить всех революционных социал-демократов города под руководством единого партийного центра¹.

В мае 1915 г. в город прибыл М.Б. Здырский. К этому же времени сложилось и руководящее ядро группы. В нее вошли ссыльные: Е.А. Бабушкин, Г.И. Бруно, М.Ф. Завадский, М.Б. Здырский, П.А. Коваленко, С.А. Коваленко, Н.Н. Ромм, М.Б. Самсонов. Возглавил группу Е.А. Преображенский. В отличие от первых двух партийных формирований, эта группа была большевистской, пропагандировала ленинское отношение к войне. К лету 1915 г. группа насчитывала уже 18 человек и успела наладить контакты с рабочими железнодорожного депо, обозных мастерских, кожевниками Фукса².

Через Е.А. Преображенского революционеры имели связи с партийными организациями Москвы и Петрограда, получали отдельные экземпляры «Социал-демократа». Летом 1915 г. группой было проведено несколько нелегальных собраний, в которых участвовало не менее 20–30 человек рабочих и ссыльных. К этому времени организация возглавлялась комитетом, и, судя по тому, что М.Б. Здырский был официально принят в его состав на общем собрании, комитет избирался, а не кооптировался. М.Б. Самсонов, а после его отъезда М.Б. Здырский, взялись за постановку нелегальной типографии. К лету 1915 г. группа готова была уже выпустить несколько антивоенных листовок и прокламаций. Кроме этого Е.А. Преображенский получил согласие И.Г. Церетели о том, что «Иркутская литературная группа» в своих изданиях «будет печатать и статьи большевиков»³.

Нелегальную деятельность ссыльные сочетали с использованием легальных возможностей. Так, Е.А. Преображенский 14 августа 1915 г. в выступлении на собрании членов Иркутского отделения Союза городов требовал отмены черты оседлости,

¹ Коваленко П.О. О Союзе Сибирских рабочих // Иркутская ссылка. М., 1934. С. 197.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1025. Л. 15; Ф. ДП, ОО. 1915. Д. 5. Ч. 27. Лит. «Б». Л. 65.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1025. Л. 17.

амнистии политическим ссыльным, осуществления свобод Манифеста 17 октября 1905 г. В декабре 1915 г. В.И. Вельман, Е.А. Преображенский и М.Б. Самсонов вошли в состав районных попечительств о беженцах. Члены группы поддерживали постоянные связи с рабочими и через городское общество «Знание»¹.

Группа стремилась к консолидации всех революционных сил Иркутска. По инициативе Е.А. Преображенского, были проведены переговоры с правлением «Союза сибирских рабочих» об объединении, выработана совместная платформа, изложенная в прокламации «Открытое письмо к социал-демократам» г. Иркутска. Слияние разрозненных организаций предполагало создание единого партийного комитета, общей литературной группы и типографской базы. Лишь аресты членов «Союза» не позволили довести до конца дело объединения.

Этап на отдыхе. Манзурка. 1914 г. ИОКМ

После провалов лета 1915 г. группа, исходя из конспиративных соображений, объявила о своем роспуске. Остался небольшой кружок «проверенных» ссыльных, члены которого поставили перед собой задачу активной пропаганды с помощью

¹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1915. Д. 5. Ч. 28. Лит. «Б». Лл. 48, 128.

издания листовок и прокламаций. Однако участвовавший в работе группы агент Охранного отделения Д. Крут сводил на нет все усилия революционеров, и в январе 1916 г., с выездом Е.А. Преображенского в Читу, группа по существу прекратила существование¹.

Ссылные меньшевики, составлявшие в годы войны не менее 30–40 % от всех социал-демократов губернии, участвовали в революционном движении в основном через легальные формы. Яркий пример их оппозиционной деятельности – издание двух журналов – «Сибирская жизнь» от 10 декабря 1914 г. и «Сибирское обозрение» – 1 января 1915 г. Продвинуть журналы дальше первых номеров не позволила цензура – редакции были закрыты, а выпуски конфискованы. Тем не менее, хорошо заметная интернационалистическая позиция авторов, показ войны как вооруженной борьбы империалистических держав за передел рынков сбыта и сфер политического влияния, разоблачение официальной шовинистической пропаганды, в которой буквально тонули народы противоборствующих сторон, выгодно выделяло эти два номера из потока оборонческой прессы Сибири, да и России в целом.

Идея создания журналов, по всей видимости, принадлежала В.С. Войтинскому, просившему в 1914 г. А.М. Горького поучаствовать в этом деле своими материалами, расширив, таким образом, региональные рамки изданий. Горький статью не написал, но свою позицию в отношении войны изложил: «В этой войне, – писал он в Иркутск, – есть одна положительная сторона: война эта с неопровержимой ясностью доказывает, что при наличии национализма невозможна общечеловеческая, планетарная культура. Творцом планетарной культуры, основанной на факте, на изучении, – может явиться только идея интернационализма, – всякая иная идеология культуры является идеологией, основанной на догмате и внушении»².

Редакционные статьи в оба номера написал также В.С. Войтинский. В издании активно участвовала целая плеяда талантливых публицистов и политиков – Ю.С. Вайнберг, С.Л. Вайнштейн,

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1025. Л. 18.

² Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. (Серия Литературное наследство. Т. 95). С. 920.

Ф.И. Дан, Н.А. Рожков, И.Г. Церетели. Заслуга выработки программы «Сибирского журнала», – вспоминал В.С. Войтинский позднее, – принадлежала главным образом Церетели. ... А на мне лежала организация издания и литературное редактирование журнала. ... Журнал имел огромный успех и обратил на себя внимание не только в России, но и в интернационалистически настроенных кругах социал-демократической эмиграции в Европе. Само собой разумеется, что № был тотчас же конфискован, против редактора-издательницы ... начато преследование, и сама она была арестована¹.

«Сибирская жизнь» и «Сибирское обозрение» содержали в основном публицистические материалы, однако часть статей была основана на результатах подлинно научного, всестороннего исследования сложившейся социально-экономической и политической ситуации. Так, Н.А. Рожков в статье «Война и хозяйство России» дал глубокий и разносторонний анализ экономики страны военного времени. Историк показал, что война по-разному воздействует на российское население: с одной стороны, она неизбежно ведет к обнищанию пролетарских масс, способствует безработице, продовольственному и товарному дефициту, а значит, многократно усиливает социальную напряженность, с другой, приносит баснословные прибыли узкой группе предпринимателей-капиталистов, обогащает и без того богатых².

Под псевдонимом «А. Яковлев» в «Сибирском обозрении» была опубликована статья «Евреи и война», осуждавшая националистическую политику России, еврейские погромы, антисемитизм. Кардинальное решение национального вопроса А. Яковлев видел только в победе пролетарской революции. По мнению В.В. Кудряшова, автором статьи был ссыльный меньшевик А.Я. Горнштейн, более известный по книге «Евреи в Иркутске», написанной в соавторстве с В.С. Войтинским и ставшей заметным событием в общественной жизни города³.

¹ Войтинский Вл. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 393-394, 395, 396

² Сибирский журнал. 1914. № 1. С. 22-30.

³ Кудряшов В.В. Ссылные меньшевики и мировая война // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во Отгис, 2009. Вып. 5 (17). С. 396.

Александровский централ. 1916 г.

«...Журнал» и «...обозрение» помещали на своих страницах не только антивоенные материалы. Здесь были и корреспонденции, рассказывающие о рабочем движении шахтеров, обзор положения портных, строителей и торговых служащих губернии. Журналы имели успех в пролетарской среде, распространялись среди политических ссыльных Иркутска, Нижнеилимска, Манзурки, Черемхова. Экземпляры журналов были изъяты и при обысках членов «Союза сибирских рабочих»¹.

Большое место в работе ссыльных меньшевиков занимало кооперативное движение Иркутской губернии. Быстрый рост снабженческо-сбытовых и производственных товариществ в 1914–1916 гг. – заметная примета военного времени, порожденная стремлением населения к созданию материальной, прежде всего продовольственной, определенности в завтрашнем дне. Кооперативное движение шло в основном снизу, от мелкого производителя, было инициативой во многом общественной, а потому просто не могло остаться без внимания ссыльных.

¹ Сосновская Л.П. Участие политических ссыльных в издании «Сибирского журнала» и «Сибирского обозрения»// Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 108.

Поднадзорные «политики» возглавляли большинство кооперативных объединений Иркутской губернии. Здесь работали Л.И. Гольдман, М.А. Жедык, А.С. Емельянов, П.Г. Измайлов, Ф.Г. Виноградов-Ягодин, Н.Г. Ольховский и другие. Исполняя обязанности бухгалтеров, счетоводов, возглавляя конкретные участки производства и сбыта готовой продукции, ссыльные социал-демократы, честно и инициативно выполняя свои обязанности, пользовались заслуженным авторитетом у сельских и городских жителей Иркутской губернии¹.

Столь основательное отношение ссыльных к работе производственных товариществ объяснялось представлением о кооперации как форме совместной деятельности и распределения, которая и есть самый близкий путь к созданию равноправного справедливого общества. Так, Н.А. Рожков, в статье «Исторический эскиз» писал: «Кооперация – вот знамение этой организации и залог грядущей полной самостоятельности и сознательности. Вооруженное им, сибирское крестьянство и городское население, сознательно встретит грядущие великие перемены.... Все устроится, все будет достигнуто, все сделано, если мы будем помнить и осуществлять в жизни великий демократический принцип «в единении сила»².

Ссыльные социалисты-революционеры составляли по численности вторую колонию Иркутска – около 180 человек. Представители этой партии переживали в годы Первой мировой войны те же противоречия, что и социал-демократы. С одной стороны, часть эсеров, пользуясь завоеваниями Первой русской революции, отказались от террора и стремились работать только легально, используя для этого печать, кооперативные и просветительские учреждения, с другой, ограничение демократических свобод как следствие военного времени вынуждало обратиться к прежним нелегальным формам. У эсеров было немало и тех, кто сохраняя оппозиционное отношение к царскому правительству и местной власти, революционной работы не вели, оправдывая прозвание «околопартийной интеллигенции». Сложившуюся ситуацию в общественно-политической жизни города, передает в своих воспоминаниях В.С. Войтинский: «Среди ссыльных в Иркутске отчетли-

¹ Кудряшов В.В. Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907 – февраль 1917 г.). Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2008. С. 139.

² Рожков Н.А. Исторический эскиз // Сибирский студент. 1915. № 1-2. С. 83–88.

во выделялись две группы, почти что два лагеря: социал-демократы и эсеры. Эсеры были гораздо теснее связаны с местной жизнью, чем социал-демократы. Иркутские адвокаты эсерствовали, симпатии к ним можно было заметить и среди местной еврейской буржуазии. В местной общественности установилось отношение к ссыльным эсерам, как к «своим», а к эсдекам – как к «чужим». Если эсеры сливались с обывательской средой, то эсдеки держались по отношению к этой среде с раздражавшим ее высокомерием...»¹.

Сыльная «эсерствующая» интеллигенция активно сотрудничала с местными газетами, занимая здесь, скорее, центристские позиции и проповедуя при этом легальные формы борьбы. Так, в «Сибирь» активно писали В.Г. Архангельский, А.Р. Гоц (Рафаилов), А.А. Краковецкий, Д.И. Кутузов (Илимский), В.И. Родионов, Е.М. Тимофеев и другие. Редактором газеты был иркутянин, эсер, прошедший ссылку в 1907–1912 гг., будущий известный советский писатель Исаак Гольдберг.

О влиянии «Сибири» на настроения иркутского общества, а также (попутно) о «тяготах» каторжной ссылки тех лет могут свидетельствовать и воспоминания М.А. Кроля. Так, говоря о жизни в Иркутске времен мировой войны, поднадзорный эсер Кроль пишет: «Чрезвычайно удачными были военные обзоры «Сибири», которые появлялись за подписью Г.Ш. И многих очень интриговал вопрос, кто же этот таинственный Г.Ш., который так хорошо разбирается во всех этих сложных перипетиях... И велико было удивление публики, кода как-то стало известно, что составителем военных обзоров ... является группа политических каторжан, отбывавших свой срок в Александровском центре... Режим в центре был настолько либеральным, что каторжане могли аккуратно читать журналы и газеты ... и составлять свои «военные обзоры». Это были Е.М. Тимофеев, бывший офицер Краковецкий и еще несколько человек...»².

Группа эсеров склонявшихся к оборончеству, группировалась вокруг издания вполне легальной газеты «Народная Сибирь». Здесь в состав редколлегии входили Л.Н. Николаев, М.А. Кроль, А.Г. Ржосницкий, С.М. Клячко. С газетой сотрудничали В.Г. Архангель-

¹ Войтинский Вл. Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин, 1924. С. 356, 364.

² Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим, 2008. С. 440-441

ский, М.А. Веденяпин, П.Г. Измайлов, И.М. Бланков, А.В. Сазонов и другие. В апреле 1915 г. власти закрыли издание, а попытка ссыльных начать выпуск новой газеты «Отголоски Сибири» привели к высылке Л.Н. Николаева в отдаленный Верхотенский уезд. Часть иркутских эсеров, конкурируя с меньшевиками, вели легальную работу в общественных и просветительских организациях: М.А. Веденяпин и В.В. Сикорский – в иркутском отделе союза городов, Л.Н. Николаев – в городском военно-промышленном комитете¹.

Группа ссыльных Александровского централа. Март 1917 г. ИОКМ

Меньшая часть иркутских эсеров заняла в этот период интернационалистическую позицию. Их важным отличием было стремление к возобновлению нелегальной работы. Так, группа «молодых» эсеров во главе с местным рабочим А.И. Сартакowym, в которую входили и ссыльные, сумела выпустить антивоенную листовку «Товарищи рабочие и крестьяне!» и готовила выпуск газеты «Набат» (осень 1914 г.). Однако 8 января 1915 г. по доносу провокатора В. Хорхоруни весь состав «молодых» эсеров был арестован, после чего в организации возобладали обо-

¹ Шиловский М.В. Иркутск в период Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.). // Сибирский город XVIII–XX веков. Иркутск, 2011. Вып. VIII. С. 200–201.

ронцы. Эсеры, не согласные с ними, вошли в Союз сибирских рабочих, группу объединенных социалистов и Союз иркутских рабочих¹.

Перед Первой мировой войной оживилась и деятельность ссыльных анархистов. На территории Иркутской губернии были зафиксированы группы анархистов в Иркутске, Черемхово, Зиме, Тулуне. Понятие «организованных» применимо к ним достаточно условно, так как хорошо известно отношение анархистов к любой организации. В апреле 1914 г. в Манзурке наиболее активной части ссыльных удалось провести конференцию «анархистов-коммунистов Сибири», главным вопросом которой было создание обособленной организации. Лидером конференции, собравшей около 30 делегатов, был И.М. Гейцман (Хаим Лондонский). Конференция постановила объединить анархистов в федерации по местам ссылок, собирать по мере необходимости съезды, избрать руководящий секретариат. Пропаганда идей анархизма, а также организация подготовки террора против представителей власти – объявлялись центральными задачами².

Такой всплеск активности привел к оформлению группы анархистов и в Иркутске. Незадолго до Первой мировой войны в группе насчитывалось около двадцати членов: И.Б. Байковский, Н. Вакуленко, переехавший сюда И.М. Гейцман, И.А. Рабинович, Т.И. Шаталов и другие. Материальную помощь ссыльные получали через Киевский Красный Крест, а также через комитет анархистов в Лондоне. С началом мировой войны эта помощь существенно сократилась, что не могло отрицательно сказаться и на внутрипартийной работе. К тому же уже в октябре 1914 года наиболее активная часть ссыльных анархистов во главе с Гейцманом была арестована, а с этим прекратилась и их организованная деятельность³.

¹ Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.). Краснодар, 2012. С. 222.

² Ноздрин Г.А. Деятельность организаций мелкобуржуазных партий в сибирской деревне в 1907–1914 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С. 135.

³ Евсеева А.Н. Из истории мелкобуржуазных партийных группировок в Сибирской ссылке//Ссыльные революционеры в Сибири... Иркутск, 1981. Вып. VI. С. 86.

Февральская революция не только свергла власть царского правительства. В Сибири, в небольших селах, рабочих поселках и городах, она существенно изменила взаимоотношения внутри колоний политических ссыльных: времена совместного пребывания в общих организациях безвозвратно заканчивались. Центральные органы партий, стратегия их развития требовали решительного организационного и идейного обособления. По существу, после Февраля ссылка стала делиться на два лагеря: на большевиков, провозгласивших курс на немедленное взятие государственной власти в центре и на местах, и на сторонников «социалистического блока», состоявшего из части эсеров, меньшевиков, бывших народников, местных чиновников и интеллигенции, выступавших за продолжение войны и созыв Учредительного собрания.

Иркутская епархия в годы Первой мировой войны

Иркутская епархия образована в 1727 г. По данным на 1912 г., на ее территории проживало православного населения 401 846 человек (83,3 % от всего населения). Церквей было 326, часовен – 205, монастырей – 4, церковно-приходских попечительств – 35. В 232 церковных школах обучалось 8763 учащихся. К 1917 г. в Иркутске было 55 церквей, 9 часовен, действовали духовная семинария и два духовных училища: мужское и женское.

Церковно-приходские попечительства боролись с религиозной индифферентностью, изыскивали средства на постройку и ремонт храмов, стремились к улучшению материального положения духовенства.

В епархии действовало «Иркутское церковное Братство во имя святителя Иннокентия», открытое 2 декабря 1902 г. Деятельность этого Братства заключалась в содержании религиозно-нравственной библиотеки-читальни, в организации публичных лекций на религиозно-общественные темы, помощи духовенству при ведении внебогослужебных бесед¹.

¹ ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 448. Л. 23.

Казанский кафедральный собор. Иркутск. МБУК МИГИ

Штат церковнослужителей Иркутской епархии насчитывал 17 протоиереев, 266 священников, 77 диаконов, 262 псаломщика. Миссионерскую деятельность осуществляли 24 стана, находившихся в трех уездах: Иркутском, Балаганском и Верхотенском. В 13 миссионерских школах обучался 481 человек. В 1914 г. в Иркутской епархии было 20 благочиннических округов.

Архиепископы

С 25 июля 1911 г. Иркутскую епархию возглавлял архиепископ Серафим (в мире Яков Михайлович Мещеряков). Родился в семье крестьянина села Хлыстовка Пензенской губернии. В 1881 г. окончил Пензенскую гимназию. 13 октября 1884 г. пострижен в монашество. В 1885 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и направлен смотрителем Холмского духовного училища, в Люблинскую губернию. С 1888 г. инспектор Холмской духовной семинарии, с 1890 г. – архимандрит, ректор Самарской духовной семинарии, в 1893–1898 гг. – ректор Тифлисской духовной семинарии, одним из студентов которой был

И.В. Джугашвили. С августа 1898 г. Я.М. Мещеряков – епископ Острожский, викарий Волынской епархии, с июня 1902 г. по июль 1911 г. – епископ Полоцкий и Витебский, способствовал открытию новых приходов и развитию духовного образования.

В Приангарье архиепископ Серафим пользовался репутацией «умного, образованного, хорошего проповедника, но излишне строгого к провинившимся». При нем построены каменные храмы в Иркутске, в селах Голуметь, Тулун, Кутулик и до 40 деревянных церквей, преимущественно в переселенческих поселках. 16 декабря 1915 г. архиепископ Серафим уволен на покой с местожительством в Успенском монастыре (в 7 км от Красноярска). Поводом к увольнению, по данным Н.С. Романова, послужило критическое высказывание архиепископа о правительстве, сделанное в переписке с дальним родственником, игуменом одного из монастырей. Серафим отбыл из Иркутска в Красноярск 30 декабря 1915 г. В 1916 г. назначен управляющим Николо-Бабаевского монастыря Костромской епархии.

Архиепископ Серафим
(Мещеряков)

В 1922–1924 гг. Серафим участвовал в обновленческом расколе, был митрополитом Могилевским, затем Нижегородским, за что в сентябре 1924 г. принес публичное покаяние. 25 сентября 1925 г. арестован и заключен в Соловецкий лагерь. После освобождения в 1927 г. архиепископ Тамбовский, с января 1928 г. – архиепископ Ставропольский, с апреля 1932 г. – митрополит Ставропольский и Кавказский. 17 января 1933 г. арестован в г. Кропоткин (136 км северо-восточнее Краснодара), 2 апреля

тройкой ОГПУ приговорен к расстрелу. Приговор исполнен 7 мая 1933 г.

13 января 1916 г. архиепископом Иркутским назначен Иоанн (в мире Федор Иванович Смирнов), прибыл в Иркутск 16 февраля. Родился в 1857 г. в семье псаломщика в с. Полон Симбирской губернии. Первоначальное образование получил в Алатырском духовном училище.

В 1880 г. с отличием окончил Симбирскую духовную семинарию, в 1884 г. – Московскую духовную академию. С сентября 1884 г. преподаватель Харьковской духовной семинарии, с декабря 1885 г. учитель Витебского духовного училища, с ноября 1886 г. преподаватель Самарской духовной семинарии. С октября 1889 г. – преподаватель, а с августа 1901 г. – инспектор Вятской духовной семинарии.

Пострижен в монашество в сентябре 1901 г. С 31 июля 1903 г. – настоятель иркутского Князе-Владимирского монастыря. 15 августа 1903 г. возведен в сан архимандрита. 11 мая 1908 г. хиротонисан в епископа Киренского, викария Иркутской епархии. 20 декабря 1912 г. назначен епископом Забайкальским. В январе 1916 г. возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. Скончался 3 декабря 1918 г., погребен в левом предделе иркутского Богоявленского собора. Позднее перезахоронен на территории Знаменского монастыря.

Монастыри

Иркутский Вознесенский Святителя Иннокентия мужской монастырь 1-го класса был основан в 1669–1672 гг. в 4 верстах от Иркутска на левом берегу р. Ангары старцем Герасимом. В 1914 г. в монастыре 143 насельника, к началу 1918 г. – 196 человек. Настоятелем монастыря в 1914–1918 гг. был Зосима (в мире Александр Александрович Сидоровский), епископ Киренский, викарий Иркутской епархии.

В монастыре имелись 4 церкви и еще 5 церквей в скиту. В главном храме во имя Вознесения Господня (1872 г.) хранились мощи святителя Иннокентия. Монастырская библиотека насчитывала до 1300 изданий.

Монастырю принадлежали огороды у монастыря, дом в Иркутске по Ланинской улице, участок земли по Медведниковской улице, рыбные ловли на озере Байкал, до 60 десятин покосов,

Архиепископ Иоанн
(Смирнов)

до 20 коров и 10-12 лошадей. Монастырь взял у крестьян Подгородно-Жилкинского селения 30 десятин земли в аренду на 80 лет. На собственной и арендованной земле монахи построили скотный двор, маслобойню, кирпичные заводы, приносившие стабильный доход.

Училище при монастыре было учреждено еще в 1724 г., затем неоднократно преобразовывалось. С 1900 г. дети получали образование в одноклассной школе, с 1909 г. – в двухклассной для детей сирот, обладающих слухом и голосом – на 1918 г. 26 учеников¹.

Историк Д.В. Поспеловский особо подчеркивал, что

«в последнее предреволюционное столетие открылось в стране больше монастырей, чем за какое-либо другое столетие в истории России. Уровень богословской науки никогда не стоял так высоко»².

Князе-Владимирский мужской монастырь учрежден в 1903 г. на средства, завещанные строителем каменного монастырского храма В.А. Литвинцевым. При монастыре находились богадельня, церковно-учительская семинария, дом причта, сторожка. Настоятелем монастыря в годы Первой мировой войны был архимандрит Иоанн.

¹ Цырепилова И.С. Иркутский Вознесенский монастырь в конце 1917–1918 гг. // История Белой Сибири: Материалы 5-й межд. науч. конф., Кемерово, 4-5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 7-8.

² Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 35.

Киренский Свято-Троицкий монастырь 2-го класса был основан в 1663 г. иеромонахом Гермогеном при впадении р. Киренги в р. Лену. До 1669 г. обитель именовалась Усть-Киренской Пустынью, а затем Свято-Троицким Киренским монастырем. При монастыре имелось 4 церкви. Монастырь владел рыбными ловлями на озерах Байкал и Орон. Настоятелем монастыря был иеромонах Ириней.

Знаменский женский монастырь 2-го класса был основан в 1693 г. на правом берегу р. Ангары в устье р. Иды (Ушаковки). Монастырь дал начало Знаменской слободе г. Иркутска. В начале XX в. монастырь имел свечной завод, просфоропекарню, рукодельную и переплетную мастерские, оранжерею, церковно-приходскую школу, приют для девочек. Во время Первой мировой войны при монастырях действовали школы для детей беженцев. Настоятельницей монастыря была игуменья Рафаила (в мире Евстолия Семеновна Хлыновская). Только в Иркутске к 15 января 1916 г. зарегистрировано до 6400 беженцев.

Трудная работа военного духовенства

В ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства на 1912 г. числилось 25 соборов, 420 полковых, 33 судовых и 174 церкви при различных учреждениях: госпиталях, местных командах и т. д. При этих храмах состояло 145 протоиереев, 585 священников, 134 дьякона и 99 псаломщиков¹. Протопресвитер Г.И. Шавельский тщательно лично отбирал кандидатов, стремясь привлечь «лучшие духовные силы».

В 1-м съезде военного и морского духовенства 1–14 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге участвовало 49 его выборных представителей, которые составили «Памятку военному священнику» – инструкцию, пригодившуюся уже через пять дней. В ней указывалось, что во время боя священник полка или артиллерийской бригады должен находиться не в тылу, а на передовом перевозочном пункте. Но и из этого пункта он должен пойти вперед – в окопы и даже за окопы, если требуется дело.

¹ Шавельский Г.И. Русская церковь пред революцией. М., 2005. С. 417.

Помимо совершения богослужений, напутствований, погребений, наставлений и ободрений, инструкция возлагала на священника много дополнительных обязанностей. «Священнику строевых частей вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, заведывать уборкою с боевого поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать возможно обстоятельнее родственников убитых, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов, развивать походные библиотеки и т. д. Госпитальному священнику вменялось в обязанность: возможно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма от больных на родину, об умерших извещать их родственников, погребать покойников с возможною торжественностью, обязательно устраивать библиотеки и т. д.»¹

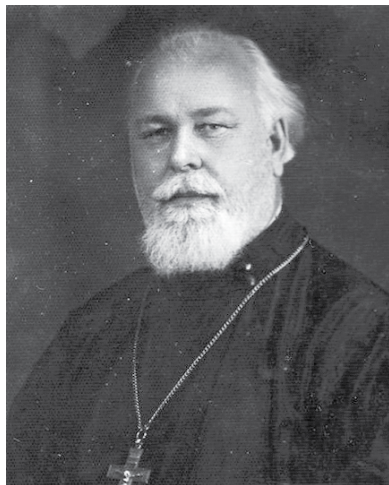
Молебен в действующей армии

С началом Первой мировой войны штат военных священников вырос до 2200, увеличившись почти в 5 раз. Они несли

¹ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 94.

службу в полках, артиллерийских бригадах, госпиталях, на кораблях. Убыль восполнялась, а постоянный рост числа воинских частей обеспечивался мобилизованными священниками, командироваемыми из епархий и соответствующими требованиями протопресвитера. Всего же в армии за годы войны выполняли свой долг свыше 5000 священников.

«В Великую войну военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности войны, возбуждали их дух, своим участием согревали уставшие души, будили совесть, предохраняли наших воинов от столь возможного на войне ожесточения и озверения»¹. По данным

о. Павел (Крохмалев) – полковой священник 28 Сибирского стрелкового полка. Частная коллекция

Г.И. Шавельского, убито более 30 священников, свыше 400 ранено, более 100 попали в плен. Последнее свидетельствует о том, что священники до конца находились на своих постах.

Несколько полковых священников были убиты, когда они с крестом в руках шли впереди своих полков. Например, именно так 19 октября 1916 г. погиб священник 318-го пехотного Черноярского полка Александр Григорьевич Торноружский.

Из воспоминаний протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского

Протоиерей 7-го Финляндского стрелкового полка Сергей Михайлович Соколовский, прозванный французами (вторую половину войны он провел на французском фронте) за свою храбрость «легендарным священником», дважды раненый, во второй раз с потерей кисти

¹ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 93, 102.

правой руки, совершил такой подвиг: 7-му Финляндскому полку на австрийском фронте нужно было разрушить неприятельское проволочное заграждение. Было сделано несколько попыток, с большими потерями, но успеха не было. Охотников не находилось на новые попытки. Тогда вызвался отец Сергей.

– Ваше ли это дело, батюшка? – ответил ему командир полка.

– Оставим, господин полковник, этот вопрос, – возразил отец Сергей. – Полк должен уничтожить заграждения... Почему же я не могу сделать это? Это же не убийство.

Командир полка дал разрешение. Отец Сергей отправился в одну из рот.

– Кто со мной рвать заграждения? – обратился он к солдатам. Вызвалось несколько десятков человек. Он облек их в белые саваны – дело было зимой – и, двинувшись под покровом ночи, разрушил заграждения. Георгиевская Дума присудила ему за это орден Георгия 4-й степени.

9-й драгунский Казанский полк должен был двинуться в атаку на австрийцев. Раздалась команда командира полка, но полк не тронулся с места. Жуткая минута! Вдруг вылетел на своей лошаденке скромный и застенчивый полковой священник отец Василий Шпичек и с криком: «За мной, ребята!» понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а за ними весь полк. Атака была чрезвычайно стремительной; противник бежал. Полк одержал победу.

Многие военные иереи за подвиги в Первой мировой войне получили высокие награды: 14 человек – орден святого Георгия 4-й степени, 85 – орден Владимира 3-й степени с мечами, 204 – золотой наперстный крест на Георгиевской ленте и т. д.¹ Среди награжденных золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте священник сформированного в Иркутске 45-го Сибирского стрелкового полка Василий Васильевич Архангельский. В

¹ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1796–1920. Биобиблиографический справочник. Отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 914–918.

1919 г. Василий Архангельский служил в храме в поселке Иннокентьевском.

Молебствования в Иркутске о даровании победы

В Иркутске 21 июля 1914 г. в кафедральном соборе Казанской иконы Божией матери совершено молебствование о даровании победы и объявлен Высочайший манифест. Затем на Тихвинской площади состоялась патриотическая манифестация.

20 августа при Иркутском архиепископе восстановлен существовавший в период Русско-японской войны комитет Андреевского Красного Креста по обеспечению больных и раненых воинов и семейств призванных на войну чинов запаса армии и флота.

Иркутск. Церковь 28-го Сибирского стрелкового полка

Молебствование в кафедральном соборе и последующая манифестация с участием учащейся молодежи состоялись и 28 октября 1914 г.

20 февраля 1915 г. в Иркутске провели «День солдатского погона» – сбор в пользу раненых воинов. После молебствования в городской управе начат сбор пожертвований по улицам города,

собрано более 8000 рублей. 21 мая 1915 г. состоялся «День сибирского стрелка», позволивший собрать более 5000 рублей.

18 июня 1915 г. в Иркутской городской думе состоялась передача городским самоуправлением знамени 716-й Иркутской пешей дружине государственного ополчения. После вручения на Тихвинской площади совершено молебствие. Штаб и четыре роты этой дружины дислоцировались в Иркутске, две роты – в Нижнеудинске. Наименование «Иркутские» имели также 631-я и 632-я дружины, находившиеся на охране Китайско-Восточной железной дороги.

1 сентября 1915 г. в общественном собрании г. Иркутска состоялась лекция «Мировая война и ее сокровенный смысл, будущее России и славянства». Ее прочел представитель Черногоории отец Мардарий (Ускокович).

23 июня 1916 г. состоялась литургия и молебствие по случаю 25-летия посещения Иркутска наследником цесаревичем, будущим императором Николаем II. 28 июня в Иркутск прибыл протоиерей И. Восторгов для участия в совещании по поводу учреждения в Иркутске духовной академии. 19 августа открылся 48-й съезд духовенства Иркутской епархии.

Далекий от фронта Иркутск не избежал перебоев в снабжении. Не хватало муки для жителей и угля для отопления зданий. Поэтому в январе 1917 г. пришлось перенести богослужения из кафедрального собора Казанской иконы божьей матери в Бого-явленский.

После Февральской революции 1917 г.

Церковь в целом спокойно встретила известия о падении монархии. 5 марта 1917 г. архиепископ Иоанн призвал верующих подчиниться новой власти и сплотиться вокруг своих пастырей. Собрание священников Иркутских церквей постановило признать законность местных органов Временного правительства. Собрание избрало 5 представителей в Комитет общественных организаций, в том числе известного монархическими взглядами священника Ф. Верномудрова¹. 7 марта архиепископ Иоанн

¹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 507 а. Л. 260.

распорядился «за отречением Государя от Престола впредь до особого распоряжения поминовение лиц царствовавшего дома за богославением не совершать». Члены консистории были приведены к присяге на верность Временному правительству.

10 марта в Иркутске праздновали день Свободы. «В 12 часов дня после литургии в Казанском соборе на Тихвинской площади торжественный молебен с провозглашением многолетия Богохранимой державе Российской и Временному Правительству и вечной памяти павшим в борьбе за свободу»¹. В этот же день Комитет общественных организаций Иркутска предложил отстранить Ф. Верномудрова от преподавательской деятельности за агитацию против Временного правительства. 23 марта архиепископ Иоанн в кафедральном соборе отслужил панихиду по павшим на улицах Петрограда борцам за свободу. Таким образом, духовенство Восточной Сибири продемонстрировало лояльность Временному правительству.

В то же время Церковь усиливает самоорганизацию и готовится к возможным эксцессам. Каждому приходу предписано составить списки действительных прихожан, чтобы для взаимной поддержки образовать тесный союз.

Ночью 18 апреля 1917 г. в Богоявленском соборе произошел пожар, уничтоживший гробницу святителя Софрония. 22 апреля на обсуждение приходских собраний Иркутска был вынесен вопрос о мерах «самого бдительного надзора за сохранностью и целостью храмов, священных сосудов, икон и утвари, а особенно беречь, где имеются, чудотворные и чтимые иконы, святые мощи и части их». О случаях похищения святынь, покушений на поджог, разрушение или осквернение храмов следовало незамедлительно доносить епархиальному начальству и гражданской власти. Комитет общественных организаций Иркутска сообщил, что «ответственность за сохранность святынь: церквей, часовен, ризниц и других церковных хранилищ остается в полной мере на духовенстве и в необходимых случаях гражданские и военные власти будут оказывать содействие».

В Иркутске 29 мая – 11 июня 1917 г. проходил 49-й экстренный Епархиальный и 1-й общий съезд депутатов от клира и

¹ Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 234.

мирян Иркутской епархии. На съезде присутствовало 108 чел. Председательствовал архиепископ Иоанн. По поводу отношения к текущему политическому моменту съезд при небольшом числе воздержавшихся большинством в 61 голос принял резолюцию: «1) Христианство не связано с какой-либо определенной формой правления; 2) Монархическая абсолютная власть подорвала всякое доверие к себе и довела Россию до полной разрухи. Возврат к этой власти совершенно немыслим. Поэтому наиболее приемлемой формой государственного правления Россией является демократическая республика; 3) Ввиду того, что существующие политические партии то по исходной точке зрения, то по методам своей деятельности, то по конечным целям значительно, а порой и глубоко расходятся с истинно христианским мирозерцанием, русскому духовенству... не считается возможным активное участие в той или иной политической партии...»¹. Съезд постановил возбудить ходатайство о «причтении к лику святых угодников и об открытии честных останков святителя Софрония для поклонения верующих».

Нарастание политической активности в России особенно проявилось в работе чрезвычайного Епархиального съезда духовенства и мирян в Иркутске 28–31 июля 1917 г. Присутствовало свыше 60 чел. Съезд избрал делегатов на Всероссийский поместный церковный собор: от клириков – инспектор классов Иркутского женского духовного училища священник М.Ф. Околович и псаломщик Михаило-Архангельской церкви с. Шерагул Нижнеудинского уезда В.П. Шергин; от мирян – преподаватель Иркутской духовной семинарии, статский советник М.В. Одинцов, крестьянин с. Хомутово Д.А. Зюзин и крестьянин с. Голуметь И.А. Можаяев. Съезд обсудил подготовку и организацию выборов в земства и Учредительное собрание, принял резолюцию о сохранении преподавания Закона Божия во всех школах на прежних основаниях.

На выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г. курировал и список № 6 православных приходов, получивший

¹ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. С. 46–47.

в Иркутске и Иннокентьевской 810 голосов, а в Иркутской губернии – 3276.

Помимо участия в событиях всероссийского масштаба, иркутское духовенство занималось обычными церковными делами: совершались богослужения, исполнялись требы и т. д. Много внимания священнослужители уделяли делам милосердия, образования и культуры. Церковь принимала активное участие во всех сколько-нибудь значимых событиях. Революция затронула все стороны национальной жизни, произвела коренной переворот в отношениях между государством и Церковью.

Иностранные дипломатические представительства в Иркутске в годы мировой войны

Начало Первой мировой войны дало серьёзный положительный импульс деятельности представительств иностранных государств в Сибири. В условиях военного времени Россия была крайне заинтересована в укреплении отношений с иностранными государствами, соблюдавшими нейтралитет или находившимися в союзнических отношениях с государством. Именно Первая мировая война дала ход делу открытия на территории Сибири первых штатных консульских представительств. Российскому правительству было необходимо улучшать отношения с иностранцами не только на западе, но и на востоке страны. К примеру, после мобилизации русских подданных на многих предприятиях ощущалась нехватка рабочих рук, которую планировали решить путём привлечения китайских рабочих. Япония была заинтересована в расширении торговли на территории Сибири. Права иностранных подданных нуждались в защите, и открытие консульских представительств могло бы помочь этому делу.

Согласно имеющимся данным, к началу Первой мировой войны на территории Иркутского генерал-губернаторства существовали следующие консульства и консульские представительства:

1. Нештатное бельгийское вице-консульство в Иркутске, нештатный консул – М.С. Стравинский, русский подданный, член местного общества присяжных поверенных¹. У горожан М.С. Стравинский пользовался устойчивым авторитетом, власть его почитала за лицо вполне благонадёжное. Избирался депутатом городской думы в 1914–1919 гг. Особо активное участие в жизни города как нештатный консул он стал проявлять после начала Первой мировой войны. В ноябре 1914 г. М.С. Стравинский организовал сбор денежных средств в пользу пострадавших от войны жителей Бельгии. Удалось собрать 3609 руб.

Русские военнопленные. МБУК МИГИ

В 1915 г. М.С. Стравинский получил следующие общественные поручения: член губернского по налогу с недвижимых имуществ присутствия, товарищ председателя Восточно-Сибирского окружного управления Российского общества Красного Креста, товарищ председателя благотворительного общества «Утоли моя печали», член дирекции Иркутского городского банка.

Авторитет М.С. Стравинского оказался востребован и после революции 1917 г. От гласных городской думы он был из-

¹ Сибирь (Иркутск). 1907. 3 июня. С. 2.

бран в Комитет общественных организаций города Иркутска. По представлению М.С. Стравинского как бельгийского консула, бельгийский король Альберт I пожаловал иркутянину Михаилу Малахову Золотой крест 1-й степени. Этой наградой была отмечена его выдающаяся храбрость, проявленная при охране бельгийского консульства в Иркутске 18 декабря 1917 г. во время боев с большевиками.

Последняя известная информация о М.С. Стравинском относится к началу июня 1919 г. Тогда в Иркутске, в многолюдном заседании Славянского общества, под его председательством было решено издавать свою газету. Уже было собрано 75 тыс. рублей и решено объявить подписку еще на 100 тысяч. Председателем общества являлся присяжный поверенный П.А. Разумовский¹.

2. Нештатное греческое вице-консульство в Иркутске, нештатный консул – Э. Маринакис, греческий подданный, занимался торговлей продуктами питания.

3. Нештатное норвежское вице-консульство в Красноярске, нештатный консул – Й. Лид, норвежский подданный, торговец².

4. На правах нештатного французского консула в Иркутске состоял французский коммерческий агент П. Вильмонт, преподаватель одного из местных учебных заведений³.

Таким образом, все имевшиеся на тот момент в Иркутском генерал-губернаторстве иностранные представительства носили нештатный характер.

13 февраля 1915 г. в адрес Иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева пришло отношение из 4-го политического отдела МИД (дальневосточного). В нём сообщалось, что японское посольство обратилось с ходатайством о разрешении открыть в Иркутске японское консульство. Министерство просило генерал-губернатора составить заключение по этому вопросу⁴. Местными властями принимались во внимание союзнические

¹ Звягин С.П. Профессиональная и общественная деятельность иркутского присяжного поверенного М.С. Стравинского в годы Первой мировой войны. С. 3-5, 9.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 2. Л. 82.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 87.

отношения России и Японии и перспективы их развития, а также то, что японское консульство могло обслуживать интересы корейцев. Поэтому препятствий к учреждению консульства генерал-губернатор не встречал¹.

8 июня 1915 г. пришло подтверждение из Министерства иностранных дел о том, что японскому правительству дано разрешение на высочайшем уровне открыть консульство в Иркутске. Впредь до устройства отдельного консульского поста в Иркутске обязанности японского консула возлагались на генерального консула Японии в Москве господина Хирата, компетенция которого таким образом распространялась на все губернии Европейской России, а также на губернии Енисейскую, Томскую, Тобольскую и Иркутскую. Согласно циркуляру из Департамента общих дел МВД, подписанному товарищем министра внутренних дел князем Волконским, Хирата официально вступил в должность временно управляющего консульством в Иркутске 11 января 1916 г.²

С Китаем дело обстояло значительно сложнее. Следует отметить, что с Китаем были более близкие отношения, чем с Японией, и в Иркутскую губернию приезжало достаточно много китайцев – главным образом, мелких торговцев и чернорабочих³.

24 июня 1915 г. русский посланник в Пекине В.Н. Крупенский сообщил, что китайское правительство ходатайствует об открытии генерального консульства в Кяхте и консульств в Иркутске и в Чите. Рассмотрев ходатайство, 4-й политический отдел МИД сообщил генерал-губернатору, что в силу этих сообщений, ходатайство предполагается удовлетворить частично: разрешить открыть китайское консульство в Иркутске, но отклонить просьбу открыть генконсульство в Кяхте и консульство в Чите, сославшись на то, что в Чите и в Кяхте представительств иностранных государств не имеется. В отношении Иркутска, разумеется, такое соображение силы иметь не могло, особенно учитывая тот факт, что разрешение на открытие официального представительства дали японцам.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 2. Л. 91-92.

² Там же. Л. 93, 100, 114.

³ Там же. Д. 125. Л. 1.

В своём ответе в МИД от 31 июля 1915 г. генерал-губернатор Л.М. Князев сообщил, что считает учреждение китайского консульства в Иркутске нежелательным, по крайней мере, в настоящее время. Кроме названных посланником Крупенским причин, он присовокупил следующее: все китайские предприятия в Иркутске незначительны, и есть основание полагать, что роль консула сведётся к осведомительской деятельности. Ввиду неурегулированных пограничных споров, присутствие такого агента особо не желательно. Генерал-губернатор полагал, что китайский консул сможет доставлять для своего правительства сведения о слабых сторонах закрепления русских интересов, и эти данные будут использовать резиденты в Урге и Улясутае, к которым обращаются за содействием все русофобские силы Монголии.

Министру С.Д. Сазонову удалось убедить генерал-губернатора, что китайское консульство в Иркутске всё же необходимо открыть, и в своей ответной телеграмме от 20 августа 1915 г. последний признал, что препятствий к учреждению китайского консульства в Иркутске не встречает¹.

26 января 1916 г. указом Правительствующего Сената Гуан Шаньпин был признан китайским консулом в Иркутске, о чём были сделаны высочайшие распоряжения. 25 июня 1916 года штат консульства пополнился секретарём Гуан Юйэнь и делопроизводителем Се Юнь, официально командированными из

Сибиряки в Русском Экспедиционном корпусе во Франции. МБУК МИГИ

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 2. Л. 95-97 а, 99.

Китая¹. Таким образом, китайское консульство в Иркутске являлось не только одним из двух штатных, но и имело наиболее полный штат сотрудников. Отдельный консульский пост Японии продолжал оставаться неукomплектованным. Такое положение сохранилось и после Февральского переворота, падения царской власти и упразднения должности генерал-губернатора.

Таким образом, до 1917 года на территории Восточной Сибири действовали 6 представительств иностранных государств, из них официальных было два – китайское и японское. Китайское консульство было единственным консульством с полностью укомплектованным штатом. До революции оно успело разрешить лишь одно дело, касающееся китайских подданных – китайских рабочих, которые приехали с заработков на угольных копях в Перми и застряли в Иркутске без средств к существованию. Об этом 4 марта 1916 г. сообщил консулу иркутский полицмейстер Андреев². Китайцы были отосланы консулом на родину, консул попросил генерал-губернатора

Сибиряки в Русском Экспедиционном корпусе во Франции. МБУК МИГИ

расследовать обстоятельства этого недоразумения. Однако никакого конкретного ответа он получить не смог. До сведения японского генерального консула в Москве Хираты, исполнявшего должность консула в Иркутске, также было доведено лишь одно дело. К нему обратился иркутский биржевой комитет с просьбой, заверять многочисленные обращения японских

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 2. Л. 120.

² Там же. Д. 125. Л. 12-13.

фирм, предлагавших принять на себя распространение рекламных материалов¹. Ответ японский генеральный консул дать не успел ввиду начала революции.

Отдельно следует рассмотреть вопрос деятельности иностранных представительств по защите военнопленных и интернированных подданных Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны. Согласно отношению из Департамента полиции в адрес иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева от 14 июля 1915 года, посольство САСШ и Датская миссия обратились с ходатайством о разрешении нештатному датскому консулу в Омске Вадстеду взять на себя попечение в пределах введенной генерал-губернатору территории заботы об интересах германских подданных. Департамент полиции со своей стороны препятствий не встречал и просил генерал-губернатора сообщить его мнение². Генерал-губернатор препятствий не встречал, однако сделал высочайшее распоряжение Иркутскому, Енисейскому, Якутскому и Забайкальскому губернаторам с тем, чтобы они в каждом конкретном случае входили в подробное рассмотрение относительно существа помощи³.

Из имеющихся в нашем распоряжении документов явствует, что помощь военнопленным и интернированным оказывали самые разные организации, как принадлежащие нейтральным странам, так и странам-неприятелям. Содержание военнопленных в Сибири не давало гарантии отсутствия побегов из лагерей – рядом находился Китай, в котором благодаря «политике открытых дверей», наряду с другими иностранцами, сильным влиянием пользовались и немцы, и австрийцы.

Согласно доверительному отношению заместителя министра внутренних дел В.Д. Степанова генерал-губернатору Л.М. Князеву от 28 декабря 1915 г., в Пекине, Шанхае и в Тяньцзине были созданы австрогерманские организации, целью которых стала помощь немецким и австрийским военным служащим при побеге из сибирского плена. Вследствие деятельности этих организаций участились побегі водворённых в сибирские лагеря австрийцев и германцев. Генерал от инфантерии Беляев, сделав

¹ Сибирь (Иркутск). 1917. 24 февр. С. 3.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 114. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

распоряжение об усилении охраны военнопленных, просил об оказании самого широкого содействия со стороны местных органов внутренних дел командованию Омского, Иркутского и Приамурского военных округов в деле розыска и поимки сбежавших военнопленных¹.

Если говорить об организациях нейтральных государств, то в официальных документах наиболее часто упоминается должность уполномоченного американского посольства в Петрограде. Согласно копии циркуляра из Департамента полиции от 10 мая 1916 г. за № 29082, американское посольство возбудило ходатайство об учреждении в местах водворения неприятельских подданных комитетов для помощи последним. Ходатайство было удовлетворено МВД, но при условии соблюдения некоторых предварительных правил. Деятельность американского посольства по помощи интернированным должна была носить исключительно благотворительный характер. В состав комитетов по помощи военнообязанным следовало входить чинам местной администрации для контроля за деятельностью комитетов. Сами неприятельские подданные могли быть приглашены лишь для получения сведений о деятельности комитета. Представители американского посольства не могли председательствовать в комитете, хотя и являлись его полноправными членами².

Согласно сообщению канцелярии генерал-губернатора от 6 февраля 1916 г. за № 1319, генерал-губернатор Л.М. Князев разрешил русскому подданному Мечиславу Юльевичу Мыслинскому в качестве уполномоченного американского посольства в Петрограде по призрению военнообязанных австрийских и германских подданных посещать места расселения военнообязанных в Иркутской губернии и оказывать им денежную (30 рублей в месяц на человека) и продовольственную помощь³. Генерал-губернатор к такому назначению отнёсся благосклонно, высказав мысль, что среди австрийских подданных большинство – славяне и с назначением М.Ю. Мыслинского устраняется возможность назначения немца – американского подданного, за которым пришлось бы постоянно следить. Из справки Губерн-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 78. Л. 16.

² Там же. Оп. 12 доп. Д. 140. ЛЛ. 1-2, 6.

³ Там же. Л. 1-2.

ского жандармского управления: Мыслинский Мечислав Юльевич, 39 лет, дворянин Варшавского уезда, католик, паспорт выдан Главным управлением Варшавского уезда 22 марта 1907 г., в Иркутске проживает по адресу: ул. Троицкая, д. № 48¹.

Довольно много внимания в переписке уделено одной административной коллизии, произошедшей в сфере помощи военнообязанным и военнопленным. М.Ю. Мыслинский, как оказалось, был не единственным человеком, получившим от американцев полномочия по оказанию помощи военнообязанным. В конце августа 1916 г. в Иркутск прибыл некий Уильям Б. Уэбстер, который в январе 1917 г. образовал в Иркутске бюро помощи с большим штатом из интернированных. При этом для сношений с местными властями были заготовлены бланки «Американское посольство. Бюро помощи в Иркутске», и употреблялась печать особо уполномоченного посольства САСШ в Петрограде². Постепенно Уэбстер оттеснил М.Ю. Мыслинского от дела оказания помощи интернированным. М.Ю. Мыслинскому американское посольство в Петрограде предлагало стать «ассистентом» Уэбстера, Мыслинский от работы в таких условиях отказался. Мыслинский и Уэбстер неоднократно подозревались в шпионаже и помощи побегам военнопленных, однако убедительных доказательств собрано было недостаточно, и потому Американское бюро помощи военнопленным продолжало свою работу до самого апреля 1917 года, когда САСШ вступили в войну и утратили статус нейтрального государства³.

В описании деятельности нештатного бельгийского консула М.С. Стравинского в Иркутске в годы Первой мировой войны также присутствует обвинение в шпионаже. В 2000 г. доктор исторических наук Н.В. Греков в своей монографии отметил, что в контрразведывательных сводках Иркутского военного округа упомянут иркутский присяжный поверенный М.С. Стравинский. Он был уличен в связях с якобы шпионом из Владивостока А. Бутенгоф-Штауфахером.

Данная информация уточнена на сайте кандидата юридических наук Р.Г. Мельниченко. Во время Первой мировой

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1033. Л. 4.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 140. Л. 21.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1033. Л. 2., Ф. 25, Оп. 12 доп. Д. 140. Л. 15.

войны М.С. Стравинский подозревался в работе на германо-австрийскую разведку: «Во Владивостоке на поприще шпионажа работали двое швейцарских подданных – Адольф Бутенгоф и Франц Вальден. В этом им содействовали находившиеся в Иркутске Александр Гезе, аптекарь Жинжерова и присяжный поверенный Стравинский». Никакие меры уголовного преследования к нашему герою приняты не были¹. Вполне возможно, что это было проявление шпиономании в годы Первой мировой войны.

После самоустранения от дел Американского бюро по помощи военнопленным функция защиты прав военнопленных и интернированных была передана датчанам. Впредь до окончания Первой мировой войны отношения между консульствами и местными властями ограничивались именно защитой прав военнопленных и интернированных. Некоторые изменения произошли, когда к власти в Иркутске пришли большевики, начавшие массовые реквизиции. Иностранные консулы в меру своих сил старались защитить своих подданных и их имущество, хотя большевики были непреклонны и навстречу просьбам консулов обычно не шли. После свержения власти большевиков летом 1918 г. отношения консулов и новых властей активизировались. Незадолго до окончания войны консульскому корпусу Иркутска даже удалось оказать влияние на кадровую политику Временного Сибирского правительства. Военный министр А.Н. Гришин-Алмазов, допустивший некорректные высказывания в адрес союзников, по настоянию консульского корпуса был уволен со своего поста². Официально иностранные дипломаты прилагали усилия к тому, чтобы русская армия вернулась на фронты Первой мировой войны и помогла нанести окончательное поражение немецким войскам. Неофициально же прилагались усилия к укреплению на территории России дружественного державам Антанты правительства. Однако ни до окончания Первой мировой войны, ни после её окончания, эта цель достигнута не была.

¹ Звягин С.П. Указ соч. С. 5-6.

² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г.К. Гинс. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 126-127.

Военнопленные мировой войны в Приангарье

Во время Первой мировой войны в русском плену оказалось 2 104 146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167 082 военнопленных германской армии. Военные власти России при регистрации пленных отмечали только их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных весьма сложно. По подсчетам российских историков, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22 % всех военнопленных габсбургской армии, т. е. приблизительно 400–500 тыс. человек. Вместе с пленными германской армии немцы и австрийцы составляли примерно 24–28 % военнопленных армий государств Центрального блока. Так, в списке эвакуируемых из Черемхово бывших военнопленных, из 341 человека – 259 были венграми, 65 немцами, 12 румынами, 3 – русинами и по одному поляку и словaku. А в дополнительном списке на 193 человека фиксируются немцы – 63 чел., чехи – 82 чел, венгры – 7 чел. и украинцы¹.

г. Любартов Люблинской губернии. Пленные. ИОКМ

¹ ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-9.

Еще до начала Первой мировой войны положение военнопленных было закреплено в международно-правовых актах. Главным документом по этому вопросу было Положение «О законах и обычаях сухопутной войны», принятое на Гаагской конвенции 1899 г., которое было пересмотрено в 1907 г.

Вначале воюющие государства на двустороннем уровне пытались урегулировать этот вопрос. На Международной конференции «Высших Договаривающихся Держав» в Гааге, была пересмотрена и принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г. В состав Высших Договаривающихся Держав вошли представители 44 государств, включая Россию, Великобританию, Германию, Францию, Австрию, Италию, Северо-Американские Соединенные Штаты, Японию, Китай и даже такие малоизвестные страны, как Республика Таити, Гватемала, Никарагуа и т. д.¹

В преамбуле конвенции говорилось о том, что «высшие договаривающиеся страны», желая «служить делу человеколюбия и сообразоваться с постоянно развивающимися требованиями цивилизации, ... признали необходимым восполнить и, по необходимости, сделать более точными труды Первой Конференции Мира, которая ... приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны.

Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны ... в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие страны остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»².

По Гаагскому положению государства обязаны были предоставлять военнопленным следующие имущественные и личные права: право на гуманное обращение; право собственности на принадлежащие им вещи, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг (ст. 4); право на оплачиваемую работу; право на

¹ Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири /А.И. Гергилева. Красноярск: Изд-во Сиб. ГТУ, 2007. С. 17.

² Колосов, Ю.М. Действующее международное право: в 3 т. / Ю.М. Колосов. М.: Юрид. лит., 1996. Т. 2. С. 575.

получение части заработка для улучшения своего положения и остававшегося при освобождении за вычетом расходов на содержание (ст. 6); право пользования такой же пищей, полотенцем и одеждой, какой пользуются войска правительства, взявшего в плен (ст. 7); право на письма, переводы, посылки (ст. 16); право на духовное завещание (ст. 19); право на возвращение на родину по заключению мира (ст. 20).

Игра в карты австро-венгерских офицеров. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Помимо прав, в положении были предусмотрены и обязанности военнопленных: не удаляться за границы лагеря (ст. 5); выполнять работу сообразно с чинами и способностями (ст. 6); подчиняться законам, уставам, распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся (ст. 8); на поставленный вопрос объявить свое настоящие имя и чин (ст. 9); если освобождается под честное слово (возможность чего предусматривается данной статьей), добросовестно исполнять принятые на себя обязательства (ст. 10).

Преимущества военного плена могли быть и ограничены, в случае, если пытавшийся бежать из плена задерживался и, как следствие, привлекался к дисциплинарной ответственности (ст. 8), или если военнопленный отказывался назвать свое настоящее имя и звание (ст. 9). В то же время военнопленные, «удачно

совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» (ст. 8)¹.

Гаагская конвенция 1907 г. провозгласила принципы гуманного отношения к военнопленным, исключала для них тюремный режим; заключение под стражу могло применяться в исключительных случаях. Допуская привлечение военнопленных солдат к труду, конвенция указывала, что работа должна справедливо *оплачиваться*, не должна быть тяжелой и связанной с военными действиями.

Следует отметить и различия в правах военнопленных. Согласно ст. 6 Конвенции офицеры имели право работать, но не были обязаны, в отличие от рядовых. В соответствии со ст. 17 военнопленные офицеры получали оклад, на который имели право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такого расхода их правительством.

В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. Значительная часть этих пленных была расквартирована в двух сибирских военных округах – Омском и Иркутском. К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс.²

Первые эшелоны военнопленных проследовали через Иркутск 29 сентября 1914 г., а первый факт следования небольшой партии зафиксирован 2 августа, когда поездом № 3 проследовало через Иркутск 32 военнопленных в сопровождении офицера и 8 нижних чинов охраны (возможно, речь идет о интернированных лицах)³. Чаще всего военнопленные следовали крупными партиями. Так, 4 октября 1914 г. через станцию Иннокентьевская проследовал эшелон № 56 в составе 31 офицера и 1448 нижних чинов, с соответствующей охраной, а 18 октября

¹ Щелокаева Т.А. Эволюция правового статуса военнопленных в XX веке / Т.А. Щелокаева // История государства и права. 2001. № 2. С. 40-41.

² Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967. С. 16.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 510.

пришла телеграмма о прохождении нового эшелона в составе 72 офицеров и 1089 нижних чинов¹.

*Иннокентьевский концентрационный лагерь для военнопленных.
Иркутск. 1916. ИОКМ*

По всему пути следования местные органы полиции и особенно ГЖУ и жандармские управления железных дорог тщательно контролировали движение эшелонов и особенно остановки и контакты с местным населением. Контроль был предельно жестким – регламентировалось абсолютно всё. Так, унтер-офицер ст. Михалёво обращал внимание на то, что при прибытии эшелона с военнопленными на станцию запирался общий туалет и пленные разбредались по станции, особый же туалет с надписью «Для военнопленных» (на русском языке) расположен на противоположной стороне станции и пленные не знают о его существовании².

По приказу начальника штаба Иркутского военного округа № 15824 от 3 октября 1914 г. было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности приняло Министерство

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530.

² Там же. Л. 980.

внутренних дел – все ГЖУ получили секретное распоряжение, по которому запрещалось допускать посторонних к военнопленным, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым. Хотя указания эти нередко игнорировались. Так, из циркуляра помощника командующего Иркутским военным округом следовало, что «военнопленные при остановке эшелона на станции Иннокентьевской пользуются неограниченной свободой и ходят по поселку и самой станции, ... общаясь с посторонней публикой»¹.

Военные власти пытались принять соответствующие меры. Так, комендант ст. Иннокентьевская штабс-капитан Белозёров издал приказ: «Ввиду того что прибывшие пленные ... имеют свободный доступ прохода на все станционные сооружения ... обнаружено сегодня их присутствие около депо ст. Иннокентьевской. Назначить патрули из состава команды продовольственного пункта, а старшему сопровождающему пленных приказано мной никого из пленных ночью не выпускать из вагонов»².

Летом 1915 г. количество пленных в округах Сибири резко возросло и достигло в Иркутском военном округе 200 000 чел., а в Омском – 152 000 чел. Постепенно в 1916–1917 годах размещение военнопленных на территории России приобрело иной характер за счет сокращения числа пленных, отправляемых в Восточную Сибирь, и перевода больших контингентов военнопленных в Европейскую Россию для участия в тыловых и сельскохозяйственных работах. Поэтому к 1 января 1917 г. на территории Иркутского военного округа находилось около 135 тыс. военнопленных.

Крайне ограниченный жилой фонд Восточной Сибири не мог вместить всех прибывающих. Условия содержания австро-венгерских военнопленных были очень сложны. Проблема теплого жилья в условиях Сибири – являлась главной для исследуемого периода. Жизни тысяч пленных оказались в полной зависимости от ее разрешения. Дело в том, что военное ведомство заранее не позаботилось о строительстве специальных помещений для военнопленных. Поэтому вопросы размещения много-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530.

² Там же. Л. 545.

тысячных контингентов пленных солдат и офицеров вражеских армий решались уже после начала боевых действий. Военные нашли очень простой выход из создавшегося положения: попросту обязали городские власти любыми путями изыскивать жилье для прибывающих пленных. Все вопросы решались в крайней спешке, и зачастую не учитывая объективные возможности регионов.

Постоянно прибывавшие эшелоны с военнопленными сводили к нулю все ухищрения местных властей: будь то размещение военнопленных в скотобойнях, городских амбарах, продовольственных складах и даже в школьных зданиях¹. Казарм для пленных не хватало.

Пленные офицеры играют в лаун-теннис. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Выход был один – строительство концентрационных лагерей для военнопленных, где было бы расположено необходимое число утепленных жилых бараков и иных, прежде всего, хозяйственных построек. В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевской и Заиркутном военном городке) и г. Нижнеудинске, где в наличии

¹ Греков, Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. Гл. 2. С. 156–159.

имелись казармы воинских частей, ранее дислоцированных в этих гарнизонах. Так, в Заиркутном городке лагерь был развернут в казармах 26-го Сибирского стрелкового полка.

Таким образом, в первое время бремя вопросов, связанных с размещением военнопленных, было возложено на плечи городских управлений, пока ситуация не достигла критического момента. До 1915 г. все военнопленные разных национальностей размещались в концлагерях все вместе. Обычно это не вызывало трений в отношениях между немцами, венграми и славянами. С 1915 г. на территории России началось формирование воинских частей из пленных словаков, чехов и румын. Эти части предназначались для военных действий против Германии. В то время как немцы и венгры оставались в лагерях, чехи и словаки получали свободу и готовились к отправке на фронт. Между военнопленными, бывшими еще недавно союзниками, а теперь – противниками, начались столкновения. Во многом эти конфликты предопределяли активное участие военнопленных Центральных держав в Гражданской войне на территории Сибири.

В Сибири в 1914–1917 годах размещали и так называемых «гражданских пленных». Это были, в большинстве своем, германские и австро-венгерские подданные, находившиеся в запасе армий своих государств, и проживавшие к началу войны на территории России. Позднее к этой группе причислили вообще всех германцев, годных к военной службе.

28 июля 1914 г. Штаб корпуса жандармов и Военное министерство телеграфировали в военные округа России о том, что «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту, а запасные чины также признаются военнопленными и высылаются из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутию». В телеграмме особое значение уделялось тому, что «мирно занимающиеся трудом австрийцы и германцы, находящиеся вне всякого подозрения, могут оставаться в своих

местах и пользоваться покровительством наших законов или выезжать за границу»¹.

Особую озабоченность ГЖУ вызывали иностранцы, работающие на строительстве железной дороги, и МВД приняло превентивные меры. Ротмистр отдельного корпуса жандармов Попов сообщал начальнику Иркутского отделения ЖПУ Забайкальской железной дороги: «По имеющимся в моём распоряжении сведениям в полосе отчуждения Забайкальской железной дороги проживают австрийские подданные, работающие по постройке второго пути в районе от ст. Иркутск до ст. Танхой, ... которые имеют фотографические аппараты и производят ими снимки железно-дорожных сооружений»². Были составлены списки граждан враждебных государств, работавших на железной дороге или проживающих в полосе отчуждения, и был отдан приказ об обыске домов и их аресте.

Осмотр больных военнопленных врачами. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

¹ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1996.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 130.

Начальник отделения разведки штаба Иркутского военного округа в своей телефонограмме от 28 июля 1914 г. информировал: «...все австрийские военнопленные подлежат высылке под конвоем на сборный пункт в Иркутск». Впоследствии часть германских и австро-венгерских подданных призывного возраста были высланы на север Иркутской губернии (в г. Киренск и г. Балаганск). Все они были обвинены в шпионаже, особенно интересна история итальянского подданного Виктория Викарио, который был задержан на платформе ст. Иркутск, при личном обыске у него был изъят пистолет «Франкот», а в его квартире найден фотоаппарат. Всего задержали 14 иностранцев, в том числе 1 немца – Людвиг Фрезе и 13 австро-венгерских подданных. Чуть позже такая же участь постигла 15 человек турецких подданных. Большая часть задержаний носила превентивный характер, хотя встречается и другое – в ГЖУ поступил донос, что австрийский подданный парикмахер ст. Иркутск С. Зиолковский собирает сведения о мобилизации и передвижении войск. После более чем месячного заключения задержанные были освобождены, но за ними устанавливалось негласное наблюдение, и им было запрещено проживать в полосе отчуждения железной дороги¹. Впоследствии, подданные враждебных Антанте держав, были поставлены под жёсточайший контроль, многие были уволены или лишились собственного дела, и жили за счёт пособий Красного Креста.

Еще одной важной проблемой, касающейся условий содержания австро-венгерских военнопленных и соблюдения их прав в Восточной Сибири, был вопрос питания. В соответствии с официальными распоряжениями русских властей, «способ довольствия» военнопленных был единым по всей стране. Пленные солдаты питались из общего котла по нормам, установленным для нижних чинов русской армии. Ежедневно пленному полагался обед из щей или супа с 0,25 фунтами мяса, 0,43 золотника чая, 6 золотников сахара, 3 фунта хлеба, что полностью соответствовало нормам русской императорской армии.

Так, в Иркутске офицеры ежемесячно тратили на питание от 18 до 20 руб. Но со временем и питание офицеров ухудшилось. Питание офицеров и нижних чинов, прикрепленных к лагерным

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 368.

кухням, существенно ухудшилось в июле-августе 1915 года. Сокращение норм питания наблюдалось в канун революции и во времена Керенского. По воспоминаниям бывших военнопленных, до сокращения норм питания, рацион был такой же как у русских солдат: на завтрак чай, в обед – суп с мясом и каша, вечером снова суп или чай, кроме того ежедневно два-три куса сахара и вдоволь хлеба. В некоторых лагерях меню позволяли разнообразить за счет урожаев огородов, принадлежащих лагерям или самостоятельно разведенных пленными. В постные дни варилась уха. В 1915 г. рацион питания сокращался дважды. Вначале 3 июля были сокращены вдвое нормы мяса и хлеба. Затем был полностью отменен чай с сахаром на завтрак и обед. На завтрак и ужин предлагался просто кипяток. Норма мяса была вновь сокращена в два раза, а рыба вообще исчезла из меню. В некоторых лагерях уху давали почти каждый день, но чай на завтрак был почти везде отменен¹.

Раздача обеда военнопленным. Ст. Заиркутский городок. 1916. ИОКМ

¹ Hahn, Wilhelm: Streifzttge durch Sowjetrussland. Eigene Erlebnisse und Erfahrungen aus dem Lande der Bolschewiken. Wien. 1921. S. 8-9.

Понятно, что нормы питания нижних чинов далеко не всегда выдерживались на практике. Так, по заявлению представителей Международного комитета Красного Креста Тормейера и Форрьера, осмотревших осенью 1915 г. лагеря Сибири, питание пленных было неудовлетворительным. Однако в Восточной Сибири пленные не голодали, и это во многом определялось как богатством края, так и широким привлечением пленных к участию в сельскохозяйственных работах, труду в частных мастерских и на железной дороге.

Весьма существенными были различия в положении пленных офицеров и солдатской массы. Все воюющие стороны признавали за пленными офицерами, классными чиновниками и кадетами право на уважительное отношение и пристойные условия содержания. Каждая сторона внимательно наблюдала: не ущемляет ли противник права попавших в плен офицеров, и если таковые нарушения становились известны, – тут же отвечала соответствующими изменениями в положении пленных на своей территории.

Общий вид госпиталя. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Однако при отсутствии международного контроля, вряд ли привилегии офицеров были бы соблюдены. Например, в мае

1916 г. Военный министр отдал распоряжение командующим округам не только строго следить за выделением пленным германским и австрийским офицерам пристойных помещений, но и за счет военного ведомства снабдить их необходимой мебелью. Министр вынужден был обратить внимание на положение военнопленных, поскольку общества Германского и Австро-Венгерского Красного Креста указали правительству Николая II на то, что русским пленным офицерам предоставлены надлежащие обставленные комнаты, а пленным германцам и австрийцам – нет¹.

Помимо обеспечения, выдаваемого из русской казны, пленные офицеры получали денежные переводы с родины, широко пользовались помощью представителей Красного Креста. В концентрационных лагерях существовали специальные офицерские столовые, клубы, библиотеки, где вопреки официальным запретам, пленные вывешивали на стены флаги Германии и Австро-Венгрии и даже портреты кайзера Вильгельма.

Далеко не всем удавалось получить денежные переводы, помощь Красного Креста, либо обеспечить себе сносное существование. К тому же само положение пленника унизительно. Это и ограничение свободы, и обязательное соблюдение требований придирчивых караульных, и белая повязка на рукаве мундира. Ощущение безысходности, подавленности у солдата, оказавшегося в неприятельском стане, порождало внутреннее стремление к противодействию. Серьёзных нареканий условия содержания пленных не вызывали, ни с их стороны, ни со стороны делегаций Красного Креста, однако в фонде Губернского жандармского управления ГАИО были выявлены и жалобы на содержание в лагере (ст. Сретенская и г. Нерчинск).

Военнопленные жаловались на грубое обращение охраны, несвоевременную выдачу молока и сахара, непригодность бани и редкие разрешения посещать таковую, высокие цены в лавке и отсутствие развлечений. Это вполне логично, ведь в плен попадали молодые люди, которые тяжело переносили вынужденное бездействие. Следует отметить, что большинство военноплен-

¹ Приказы войскам Омского военного округа. Омск, 1916. – Приказание 13 июля 1916 г. № 192.

ных составляли 20-40-летние мужчины, нижняя возрастная граница, выявленная автором – 23 года (на 1918 г.), соответственно, в плен попадали военнослужащие 21-летнего возраста, а верхняя граница – 74(!) года (на 16.05.1919 г.) – офицер турецкой армии Мустафа Сулейман, содержащийся в Заиркутном городке¹. Оказавшись в вынужденной изоляции, которую особенно сложно переносили офицеры, лишённые возможности работать, военнопленные ответили массовыми побегами. Это было вполне логично – офицерский состав сохранял частичную свободу передвижения, имел свободные денежные средства для покупки поддельных документов.

Одним из вопросов, решаемых местными властями, был вопрос об использовании труда военнопленных. Первая мировая война резко сократила рынок рабочей силы в России. Ее производительные силы были истощены неоднократными мобилизациями мужского населения. В результате, правительство вынуждено было использовать труд военнопленных.

Согласно Положения о военнопленных от 7 (20) октября 1914 г., в которое были включены дополнения 8 (21) марта 1915 г. «Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ», военнопленным устанавливался режим содержания, по которому вводилось их обязательное привлечение к работам, указывалось, что эти работы оплате не подлежат². При этом ведомствам предоставлялось право выдавать военнопленным денежные поощрения. Направление военнопленных на работу осуществлялось по запросам ведомств, правлений компаний и обществ в Военное министерство. Доставка, содержание и охрана военнопленных производилась за счет потребителя данного вида труда. В правилах подчеркивалось, что неповиновение или нежелание работать влекут применение к пленным «необходимых мер строгости».

Сложный порядок отпуска военнопленных на работы, неподготовленность организаций создавали сначала помехи для массового использования ими дешевого труда. Однако, если на 1 (14) июня 1915 г., например, на работах Министерства путей

¹ ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

² Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири /А.И. Гергилева. Красноярск: Изд-во Сиб. ГТУ, 2007. С. 36-37.

сообщения было занято 27 087 военнопленных, то уже к 1 (14) сентября 1915 г. их было 70 тыс., а к 1 (14) сентября 1916 г. – свыше 140 тыс. Военнопленные использовались в основном на крупном железнодорожном строительстве, ремонте железных и шоссейных дорог.

Достаточно широко труд военнопленных использовался в сельском хозяйстве. Согласно утвержденным 28 февраля (14 марта) 1915 г. правилам, на эти работы направлялись военнопленные низших чинов «преимущественно не немецкого и не мадьярского происхождения». Следует отметить, что в последствие, в связи с нехваткой рабочих рук и необходимостью более активного использования труда пленных, к работе стали привлекать всех трудоспособных военнопленных, без различия их национальности.

Пленные, занятые в сельском хозяйстве, помимо относительной свободы, пользовались даже и некоторым расположением со стороны местных жителей. Труд военнопленных оплачивался нанимателями, работа выступала не только материальным подспорьем, но и средством социальной и психологической адаптации к новым условиям.

*Хлебопекарня. Иннокентьевский концентрационный лагерь
для военнопленных. Иркутск. 1916. ИОКМ*

В отличие от нижних чинов, офицеров к обязательному труду не привлекали. Зато часть пленных офицеров могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Их приглашали в качестве учителей в частные дома. В основном этим промыслом занимались австрийские поляки, реже – немцы. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев¹. Правда, если пленным полякам, чехам и румынам доступ в города был свободным, то немецкие и венгерские офицеры обязаны были получать всякий раз специальное разрешение коменданта лагеря или начальника конвойной команды.

В Забайкальской области и Иркутской губернии военнопленные работали на каменоломнях (г. Чита), строительстве (курорт Ямаровка), в хлебопекарне (г. Троицкосавск), угольных копях (с. Черемхово), шорно-седельных артиллерийских мастерских, Иркутском женском институте Николая I (г. Иркутск), землемерных и гидротехнических работах. За свой труд они получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Так, в фонде 64 ГАИО сохранилось требование заведующего военнопленными Заиркутного военного городка о перечислении «... суммы 1803 руб. 83 коп. за рабочих военнопленных, работавших у вас»². Следует отметить, что военнопленные, работавшие на ряде предприятий, не находились на территории лагеря, а проживали вблизи предприятия.

В конце 1915 г. зародился новый для Восточной Сибири кустарный промысел – лагерные мастерские³. Но все же некоторые виды работ были закрыты для военнопленных. Так, в приказе № 3 по Иннокентьевскому, категорически запрещалось использовать их в качестве домашней прислуги⁴.

Ослабление контроля иногда приводило к трагедиям. Так, 5 октября 1915 г. в результате несчастного случая, погибли 8 австро-венгерских военнопленных, работавших в кузнечной

¹ Колмогоров Н. С. Красные мадьяры / Н.С. Колмогоров. Новосибирск, 1970. С. 11.

² ГАИО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 55. Л. 11.

³ Колмогоров, Н. С. Указ. соч. С. 12.

⁴ ГАИО. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

мастерской Слепцова в г. Иркутске¹. Чашё всего военнопленные привлекались к неквалифицированному, мало оплачиваемому труду. Так, из 9 военнопленных, работавших в 1-й Советской гимназии (бывшем Иркутском (женском) институте им. Николая I), было 3 кашевара, 5 истопников и один слесарь².

Столярная мастерская военнопленных. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Серьезных проблем с использованием труда военнопленных местные власти не испытывали. Встречается лишь один документ подобного рода. В 600 фонде ГАИО указано, что 22 июня 1916 г. группа военнопленных германской армии в количестве 40-50 человек (из общего числа 314 работавших на городских каменоломнях в г. Чита), отказались от работы, требуя удалить австрийского подданного переводчика Чикоша, назначив переводчиком немецкого подданного Б. Корна, который требовал от властей увеличения платы за работу. Забастовка была подавлена нарядом казаков³.

Без компенсации труд пленных имел низкую производительность. Поэтому правительство постепенно вносило изменения

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 943. Л. 19.

² ГАИО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 55. Л. 6.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 330.

в правила использования труда пленных, и отменяло ограничения на оплату. Менялась и оценка роли труда пленных. Если рескриптом от 2 сентября 1914 г. устанавливалась «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы...», то уже 17 марта 1916 г. Главное Управление Генерального Штаба предписывало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения и все было бы отдано сельским хозяйствам...»¹

Необходимо отметить, что отношения охраны и военнопленных в Восточной Сибири были достаточно лояльными и случаи конфликтов, хотя и имели место, но были достаточно редки. Так, начальник гарнизона полковник Лемберг Колль был «устранен от должности» за послабление режима в лагере Березовка².

Побеги из плена были крайне редкими, хотя такие случаи все же имели место быть. Огромные и малонаселенные территории Сибири, суровый климат был лучшим способом изоляции пленных. Попытки выбраться из сибирского плена делали только самые отчаянные. Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны и, как следствие, во второй половине 1915–1916 гг. возросло число побегов, как спонтанных, так и подготовленных. Так, начальник Жандармского управления в Забайкальской области отмечал: «военнопленные врачи, пользующиеся постоянными отлучками в город без конвоиров, берут с собой своих денщиков, причём, в платье последних переодеваются ... офицеры, и добывают в городе статское платье, при содействии местных евреев, совершают побег»³. Аналогичная ситуация выявляется и в Иркутской губернии. Так, по донесению помощника начальника Иркутского ГЖУ в Нижнеудинском уезде ротмистра Ковальского, «военнопленные в г. Нижнеудинске ... содержатся при крайнем слабом надзоре, причём замечено, что военнопленные принимают некоторые меры к тому, чтобы достать паспортные книжки...

¹ Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967. С. 35.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 100-101.

Пленные свободно выходят за покупками в близлежащие лавки, при обратном возвращении осмотру не подвергаются»¹.

Бежать можно было двумя путями: либо в сторону китайской границы, либо под чужим именем с фальшивыми документами через всю Россию. Чаще всего бежать удавалось офицерам, поскольку для организации побега нужны были немалые деньги. Но среди офицеров шанс на успех был только у тех, кто владел русским языком или хотя бы мог выдать себя за поляка или серба.

Оркестр военнопленных нижних чинов. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Некоторые побеги напоминают хороший авантурный роман. Так, турецкий лейтенант Тагир бек Рахмулла бежал из плена, переодевшись в женское платье. Были беглецы, пойманные в центральной Персии (лейтенанты германской армии фон Шпет и П. Эрнест, лейтенант турецкой армии Тагир бек Рахмулла), либо на русско-финской границе (кадет австро-венгерской армии Филипп, полковник Ф. Краличек, поручик Е. Раду), но наиболее стандартный путь побега – в Китай и Монголию.²

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп 1. Д. 1028. Л. 1.

² Там же. Д. 1245. Л. 1 и др.

Система поиска беглецов была четко отлажена, о чем свидетельствует деловая переписка. Первым документом являлось сообщение о побеге (обычно подписанное либо командиром ополченческой дружины, несшей охрану лагеря, либо начальником лагеря военнопленных), ориентировка с приметами беглеца отправлялась в ближайшие территории и по линии железной дороги, затем делалось сообщение о поимке и протоколы допроса беглеца. Кроме того, в делах сохранялся копийный материал из штаба корпуса жандармов о бегствах военнопленных по всей территории Российской империи.

Информативность данных документов различна. Особый интерес представляют протоколы допросов беглецов, при этом основной интерес для ГЖУ составляли пособия побегов. Кроме того, интерес имели установочные данные о месте и времени попадания в плен, пребывания в лагере, обстоятельства побега. По вопросу о соучастниках беглецы обычно давали недостоверные показания, либо чистосердечно признавались, хотя это было редко. Так, бежавший в конце 1915 г. из Нижнеудинского лагеря летчик, штабс-капитан Хуго Шваб и поручик 13 венгерского гонведского полка Александр Сабо, описывая покупку паспортных книжек и переговоры о переходе границы, называют абсолютно разных людей: один – некого Вишневского, второй – Пшевицкого¹. А пойманные на станции Могоча военнопленные Эрвин Пильц, Фридрих Брехер и Альберт Гоммерсбах показали, что купили поддельный вид на жительство у некоего еврея «Абрама Абрамовича», проживающего «на Блиновской улице во втором доме под дробью нижняя цифра 68»². Несмотря на явный вымысел, подобные факты проверялись МВД достаточно скрупулёзно, при этом поиск давал отрицательный результат. Хотя в документах ГЖУ есть выявленные группы, занимавшиеся подготовкой побегов за соответствующее вознаграждение из числа местных жителей, таких было немного.

При задержании большинство беглецов сопротивления не оказывали, хотя часто имели огнестрельное оружие. Так, из протокола, составленного Читинским полицеймейстером Чайкиным в

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1028. Л. 52.

² Там же. Л. 51.

отношении задержанных военнопленных К. Целбера и Ю. Хоффера следует, что у одного из них изъят револьвер Смит-Вессон, карта Азиатской России, немецко-русский словарь, у второго – аналогичный револьвер и компас¹.

Правда, имели место и случаи вооруженного сопротивления. Из рапорта начальника консульского конвоя в Угре за № 476 от 10 декабря 1916 г. следует, что «для поимки бежавших из г. Троицкосавска трех военнопленных, были командированы 4 казака под командой приказного Константина Бояркина». В результате перестрелки 11 декабря того же года при поимке бежавших военнопленных, они были убиты и захоронены «в северо-восточном углу русского православного кладбища в Угре... в общей могиле в трех отдельных гробах». Из представленного акта следует, что это были офицеры: «ротмистр 13 гусарского полка Макс Грей, обер-лейтенант артиллерии фон-Вернер и лейтенант армии, причисленный к Министерству иностранных дел фон-Рофмейстер»².

Достаточно информативные дела находятся в фонде 243 ГАИО «Иркутский окружной суд». Так, дело 310 содержит следственный материал об организации побега 5 офицеров (И. Руса, Р. Буряна, Г. Ланници, А. Ковача, Г. Шперлинга) и рядового Д. Штерна из лагеря военнопленных «Заиркутный городок» в ночь на 28 августа 1916 г. Интерес представляет схема побега и его организаторы. Фактически, сам побег находился под контролем начальника Иркутского сыскного отделения Лапинсона, получившего донос об организации побега от одного из организаторов, иркутского обывателя Маркуса, по которому беглецы были задержаны 5 сентября на станции Байкал. У них были изъяты билеты до станции Маньчжурия и поддельные паспортные книжки. Так, обер-лейтенант австрийской армии Иоганн Рус назвал себя крестьянином Николаем Ковалевым. Но главной проблемой был не сам побег – он проходил достаточно легко и просто, а перемещение по территории России, и особенно, пересечение границы. Положение усугублялось незнанием русского языка, и как следствие, арест и возвращение в лагерь. Побег

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 84.

² Там же. Д. 127. Л. 89.

были характерны как для стационарных лагерей, так и для рабочих команд.

*Военнопленные нижние чины играют в футбол.
Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ*

Последние сведения, касающиеся австро-венгерских плен-ных в Иркутской губернии, относятся к 1920 г. К этому моменту большая часть военнопленных благополучно вернулась на родину, а оставшиеся в Сибири либо примкнули к победившим в Гражданской войне, либо требовали у установившейся власти выезда домой. В фонде 780 ГАИО находятся статистические данные о численности бывших военнопленных австро-венгерской армии (даны по территориям, крайние даты – 30.11.1919 (г. Красноярск) и 1.04.1920 г. (г. Иркутск)) – 52 317 человек, из них значительная часть дожидалась выезда домой на Дальнем Востоке (14 908 в районе г. Владивостока). В Восточной Сибири основная часть бывших военнопленных находилась на крупных ж\д узлах (Красноярск – 12 414, Иркутск – 14 350), в районах лагерей остался минимум бывших пленных, не покинувших их по тем

или иным причинам. Так, в крупном лагере на ст. Сретенской осталось 420, а в Берёзовке – 2609 человек¹.

Таким образом, Первая мировая война внесла значительные коррективы в правовые и гуманитарные основы военного плена. Был апробирован опыт правового регулирования условий быта военнопленных и их использования в экономической жизни страны. Воюющими государствами были пересмотрены принципы военного плена. Характерной особенностью правовой системы того времени были выработанные за время ведения войны внутригосударственные и международные правовые акты по делам военнопленных.

В связи с большой численностью, военнопленные, находящиеся на территории Российской империи представляли весьма пестрый этнический состав. Но австро-венгерские военнопленные, как неблагонадежные и склонные к побегам, чаще размещались на территории Восточной Сибири.

Военнопленные частично решали такую проблему для Сибири, как нехватка рабочих рук, посредством привлечения их на государственные работы. Этому способствовало то, что режим содержания военнопленных в концентрационных лагерях Восточной Сибири был менее строгими, чем в центральной России.

Особенности положения военнопленных, оказавшихся на территории Сибири, определялись не только суровыми климатическими условиями, но и зачастую экономико-политическими реалиями. Законодательная власть находилась в центре России, а на огромных просторах Сибири, в условиях новой политической ситуации, менявшейся на протяжении Гражданской войны, была совсем иная реальность. Международно-правовые соглашения здесь не всегда имели силу. Да и случаи побегов свидетельствуют о том, что военнопленные находили способы нарушения установленных международным законодательством обязанностей.

¹ ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2.

Заключение

Вступление России в Первую мировую войну тревожным эхом отозвалось на всей территории страны. Первоначально патриотический подъем охватил широкие слои населения, включая и Сибирь. Успешно шла общая мобилизация. На первом этапе в Иркутской губернии активизируется хозяйственная жизнь. В аграрном секторе губернии даже наблюдались положительные тенденции (увеличение посевных площадей, рост урожайности, оживление торговли). Первый год войны был благоприятным для торговли, роста кооперативного движения. Однако в последующие годы война все более негативно сказывалась на хозяйственной жизни города и губернии, росла спекуляция, дефицит бюджета. Хозяйства теряли кормильцев, сужалась предпринимательская среда.

Начавшаяся всеобщая мобилизация привела к увеличению перемещения населения в Сибирь, в том числе в Иркутск. Здесь появились переселенцы и беженцы, осели военнопленные, раненые и демобилизованные солдаты по увечью. Они сталкивались с городской действительностью Иркутска, в том числе запретом на торговлю водкой. Заметно менялся социальный статус человека в форме. Все эти факторы ломали традиционную практику повседневной жизни иркутян. Обострялись жилищные и продовольственные проблемы города. Всё это усиливалось в условиях неудач российской армии на фронте.

С получением первых похоронок картина повседневной жизни иркутян постепенно менялась в критическую сторону. Изменились поведенческие стереотипы горожан, нарастали оппозиционные настроения, город жил слухами о поражениях на фронте, жизни царствующих особ. Слабели скрепы нравственных устоев общества, проповедуемых церковью и традиционализмом сибирского общества.

К осени 1917 г. политическая ситуация в Приангарье и Иркутске еще более обострилась. Власть не контролировала обстановку. Нарастала кризисная ситуация. Даже в провинции ощущалось приближение новых грозных событий. Они произошли в октябре 1917 г. в Петрограде. Россия вступала в эпоху новых, советских, преобразований.

Тяжело далась эта война иркутянам, почти половина трудоспособных мужчин были призваны под знамена империи. Тысячи навсегда остались на полях сражений, сотни прошли через ужас плена, тысячи и тысячи были ранены, контужены и отравлены газами. Точного числа погибших мы не знаем до сих пор. Именные списки убитым, раненым, пленным и пропавшим без вести войнам позволяют судить о масштабах потерь. Первые иркутяне погибли в августовских боях на территории Польши и в Восточной Пруссии. За 1914 и начало 1915 г. (до марта включительно) на фронте было убито, ранено и пропало без вести почти 1,5 тысячи иркутян. Сотни жителей губернии остались в братских могилах на полях Шампани и кручах северной Турции, виноградниках Румынии и болотах Беларуси, в балтийских лесах и предгорьях Карпат.

Мы помним и чтим их память, и приложим все усилия, чтобы на могилах наших земляков стояли памятные знаки от благодарных потомков и шумели сибирские кедры...

Приложение № 1

**Иркутяне – участники мировой войны, награждённые
Георгиевскими крестами и медалями**

1. **Абросимов Сергей**, Георгиевский крест 4 ст. № 290450.

2. **Аверьянов Арсений**, уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда, Тулунской волости, с. Игнатьевского. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. Георгиевская медаль 4 ст. № 929074. 8 августа 1915 г. в бою на р. Неман у дер. Пушegraдь, охраняя переправу через реку и будучи часовым у пулемета, заметил внезапное появление неприятельской колонны, самоотверженно открыл огонь из пулемета и заставил ее развернуться на невыгодной позиции.

3. **Азаренко Дмитрий Тимофеевич**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда, дер. Хенгуй (Хингуй). Стрелок 22-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 743310. В боях 3, 4, 14 и 15 июля 1916 года неустанно подвозил хлеб и горячую пищу нижним чинам, находился при батальонах под огнем противника.

4. **Азаренко Яков**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506133.

5. **Алексанов Степан**, уроженец Иркутской губернии, Верхотенского уезда, д. Степановой. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506292 (1916). 24 марта 1915 г. под г. Кальварией вызвался охотником на разведку и, подойдя на 50 шагов к окопам противника, под сильным ружейным и пулеметным огнем исследовал расположение окопов.

6. **Алексеев Кузьма**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506269, (пр. 81, 1916 г.). Георгиевский крест 3 ст. № 132871, (пр. 130, 1916 г.).

7. **Алексеев Степан**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 49926.

8. **Аликин Иннокентий Тимофеевич**, уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда, Шебертинской волости, с. Худоелань. Рядовой 1-го Сибирского е.и.в. стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 456952 за мужество и храбрость, проявленные в разновременных боях с неприятелем.

9. **Андрященко Иван**, уроженец Иркутской губернии, г. Иркутска. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290473, Георгиевская медаль 4 ст. № 61688. 23 февраля 1915 г. под дер. Таенка, вызвавшись охотником в числе других на разведку, с явной опасностью для жизни совершил таковую с полным успехом и доставил важные сведения с расположением и силами неприятеля, благодаря чему неприятель был выбит из дер. Таенки.

10. **Афонасьев Георгий**, уроженец Иркутской губернии, Киренского уезда Витимской волости д. Крестов. Младший фейерверкер 2 батареи 8-й Сибирской стрелковой артбригады. Георгиевская медаль 4 ст. № 341398. В бою 31 января 1915 г. у дер. Нейддорф, будучи орудийным фейерверкером 2 орудия, находясь со взводом, выдвинутым за реку для задержки противника, угрожающего обходом в тыл 27-го Сибирского стрелкового полка, в опасной близости от неприятеля в течение 2 суток, под сильным оружейным огнем отбивал атаки противника, не давая ему двинуться вперед. Чем и предотвратил обход противника в тыл нашему расположению.

11. **Балабушкин Иван**, уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда, Перфиловской волости, уч. Мучунь (Мугун). Фельдфебель 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 349742, Георгиевский крест 3 ст. № 132864, Георгиевская медаль 3 ст. № 801707, Георгиевская медаль 4 ст. № 801707 (пр. 143, 1916).

В бою в ночь с 21 на 22 февраля 1915 г. под дер. Новинки вызвался охотником со взводом на разведку, направился через реку и канал у Соснового шлюза, остановил свой взвод у Соснового шлюза, а сам с одним ефрейтором, пробравшись через лес между секретами противника к месту нахождения последнего, узнал о силе его и расположении окопов и своевременно доставил означенные сведения, по получении которых было начато наступление полка и немцы оттеснены с занимаемой ими позиции.

В бою 27 мая 1915 г. под фольварком Кимонт-Мензи, командуя взводом и находясь на правом фланге своей роты, умело направлял своим взводом и во время атаки немецких окопов, воодушевляя подчиненных нижних чинов, увлекая их за собой вперед, выбил противника из окопов, расположенных впереди фольварка, причем захватил в плен весь неприятельский перевязочный пункт в числе одного офицера и 32 нижних чинов.

17 сентября 1915 г. под дер. Монастырь-Суцков во время наступления на укрепленную немцами позицию, когда было приказано атако-

вать немецкие окопы, фельдфебель Балабушкин, командуя полуротой вовремя продвинул ее к окопам противника, первый бросился в штыковую атаку, чем ободрил подчиненных ему нижних чинов, и выбил противника из окопов.

12. Банщиков Василий, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Ульянской волости с. Ульянки. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506113, (1916). 10 апреля 1915 г. при 16-й роте под дер. Кальварией, будучи 6 номером при пулемете, под сильным огнем противника доставил на позицию патроны и воду в то время, когда в них крайне нуждались.

13. Башлыков Степан, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости уч. Утолай (Утай?). Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст., Георгиевская медаль 4 ст. № 506136. В бою 31 августа 1914 г. под гор. Лыкомъ, под сильным арт. пул. и руж. огнем доставил своевременно во взвод приказание, чем содействовал согласованности действий всей роты и успеху боя.

14. Бекарев Арсений, уроженец Иркутской области Нижнеудинского уезда Тайшетской волости с. Акулыно. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 799689, Георгиевский крест 4 ст. № 506274, (пр. 106. 1916 г.).

В бою 13 августа 1915 г. у м. Сапоклишки, когда 8-я рота сдерживала сильный натиск превосходящего силами противника, означенный нижний чин в числе других, среди беспрерывно рвавшихся кругом снарядов, под действительным ружейным и пулеметным огнем противника, перевязывал в цепи раненых и выносил их из сферы боя. Это самоотвержение дало возможность вынести из боя всех раненых, несмотря на стремительное наступление противника.

15. Белоголовый Сила Васильевич, уроженец Иркутской губернии, г. Иркутска. Старший унтер-офицер, прапорщик 7-ой Сибирской стрелковой дивизии. Полный георгиевский кавалер.

16. **Беломестных Архип Сергеевич**, уроженец Иркутской губернии. Старший писарь штаба 7-ой Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевская медаль 3 ст. № 43095 (1915 г.).

17. **Богданов Никифор Кириллович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости с. Азей. Рядовой 5 роты 77-го пехотного Тенгиского полка. Георгиевская медаль 4 ст. В бою 20 сентября 1916 г. у высоты 1219 под сильным огнем противника оказывал помощь раненым (?).

18. **Бородин Аким Александрович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда, д. Килим. Старший унтер-офицер 33-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 516679. Остался на поле сражения в бою 18 августа 1916 г. Пожалован приказом по 4-му Сибирскому корпусу за то, что в бою 18 августа 1916 г. по собственному почину выдвинул пулемет на опасно-близкую дистанцию и действием его поддерживал атаку.

19. **Брюханов Стефан Стефанович**, уроженец Иркутской губернии и уезда, Смоленской волости, с. Н-Ямского. Старший унтер-офицер 336-го пехотного Челябинского полка. Георгиевские кресты 4 ст., 3 ст. № 46167, 2 ст. № 11357. Георгиевские медали: 4 ст. № 331182, 4 ст. № 221898. Георгиевским крестом 4 ст. награжден, но еще не получил. Вторично награжден 4 ст. Георгиевской медалью в лечебном заведении. Награды получил, состоя на службе в 16-м Сибирском стрелковом полку.

Сведений о подвигах в Челябинском полку нет.

20. **Бугакин Давид Евдокимович**, уроженец Иркутской губернии и уезда Уриковской волости и села. Младший унтер-офицер 59-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 3 ст., Георгиевская медаль 4 ст., Георгиевская медаль 3 ст. 13 августа 1915 г., под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника удерживал связь.

21. **Бурнин Иннокентий**, уроженец Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда Братской волости, д. Бурнинской. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка Георгиевская медаль 4 ст. № 341606. При взятии окопов противника 26 февраля 1915 г. у дер. Тайпо выказал беззаветную храбрость и мужество, чем увлек за собой товарищей на неприятельские окопы.

22. **Бусель Тимофей**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 431768, Георгиевский крест 3 ст. № 112446.

23. **Бушков Петр Ефимович**, уроженец Иркутской губернии и уезда Тургайской волости. Рядовой 195-го пехотного Оровайского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 536163. В бою 5 августа 1915 г. при деревне Л., находясь в секрете, открыл наступление противника, своевременно донес об этом, а сам продолжал наблюдать за ходом наступления.

24. **Бухаров Дмитрий Павлович**, уроженец Иркутской губернии. Ефрейтор штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 28305.

25. **Быльницкий Демид Петрович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тайшетской волости д. Авдошина. Ефрейтор 15 пехотного Шлиссельбургского полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 708699. В бою 1 августа 1916 года у фольварка Цецовка при овладении неприятельскими окопами, под убийственным огнем разных родов, а равно при отражении его упорных контратак по защитникам его окопов, когда положение требовало пускать в ход пушки на смену ружейному и пулеметному огню, он первым бросился беззаветно не колеблясь на врага, увлекая своими храбрыми примерами нерешительных и слабодушных бойцов и тем способствовал сокрушению вражеских рядов под ударами штыка, приклада и захвату отступивших врагов в плен.

26. **Бычков Егор**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тайшетской волости, ст. (А)Кульшет. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 682646, Георгиевская медаль 4 ст. № 560920. Георгиевский крест 4 ст. 6 сентября 1915 г. под дер. Лынкишки, находясь на передовом пункте совместно с другими, был окружен противником, но несмотря на превосходство сил противника, рискуя своей жизнью, бросился в штыки, пробился и присоединился к своей роте. Георгиевская медаль 4 ст. В бою 7 апреля 1915 г. у фольв. Суванки-Новья доставлял патроны на место боя, когда в них была чрезвычайная необходимость и никто другой не решался на это отважиться вследствие грозящей почти неминуемой гибели.

27. **Вантеев Петр**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Иденской волости. Стрелок 26 Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 28340, Георгиевский крест 3 ст. № 3337.

Георгиевский крест 4 ст.: в бою 31 августа 1914 г. под гор. Лык захватил в плен германского унтер-офицера. Крест 3 ст.: будучи раненым 13 октября 1914 г. в бою под дер. Баржимен, остался в строю и продолжал наступать.

28. **Вантеев Григорий**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Идинской волости, д. Хиль (?). Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 77509, (пр. 51. 1915 г.) Георгиевский крест 3 ст. № 50851 (1915 г.)

Георгиевский крест 4 ст.: 11 февраля 1915 г. в бою под дер. Ясины, находясь для связи между двумя ротами боевого участка под сильным артогнем доставил важное донесение; во время доставки этого донесения под ним была убита лошадь и все же Вантеев доставил своевременно донесение.

Георгиевский крест 3 ст.: в бою 28 марта 1915 г. за дер. Сантокой на позиции 1-го батальона, будучи для связи при комбате, несмотря на личную опасность для жизни, под сильным огнем неприятеля, храбро и скоро доставил донесение, удержав этим утраченную было связь с ротами.

29. **Васильев Василий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682480 (пр. 130 – 1916 г.)

30. **Васильев Гавриил**, уроженец Иркутской губернии д. Уковской (?) (Нижеудинского) уезда, той же волости. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 3 ст. № 132866, (пр. 130. 1916 г.) Георгиевский крест 4 ст. № 73411, (пр. 94. 1914 г.)

Георгиевский крест 3 ст.: в бою при наступлении 27 мая 1915 г. на фольварке Кимонт-Мензи, будучи ранен в голову, остался в строю.

31. **Вдовенко Степан**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда уч. Кимельтей (?). Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290128 (1916 г.) 14 января 1915 г. добровольно вызвался в разведку у дер. Клейн-Грабник и с опасностью для жизни и успешно выполнил возложенную на него задачу.

32. **Вдовенко Николай Михайлович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 552379 (пр. 386. 1916 г.).

33. **Вдовенко Прохор**, уроженец Иркутской губернии. 7 Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 49909.

34. **Верещагин Андрей Федорович**, уроженец Иркутской губернии и уезда, Мальтинской волости с. Мальта. Канонир 4 батареи 101-й артбригады. Георгиевская медаль 4 ст. № 324053. В бою 2 июня 1916 г. при форс. Пляшевки (?) у м. Козин, будучи номером при орудии, несмотря на действительный неприятельский огонь, продолжал самоотверженно работать при орудии, чем давал прочей прислуги пример мужества.

35. **Володин Николай Васильевич**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда, Шабартинской волости (?). Младший фейерверкер. 2 батарея 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский крест 4 ст. № 692748 Георгиевская медаль 4 ст. № 149331. Будучи в бою 11 мая 1915 г. на передовом наблюдательном пункте батареи в пехотном окопе 47-го Сиб. стр. полка, под сильным и действительным огнем неприятеля семь раз соединял порванный неприятельскими снарядами телефонный провод и несмотря на то что был опасно ранен, оставался при исполнении своих обязанностей, чем способствовал отражению ряда яростных атак противника. Ст. 67 п. 28.

36. **Воробьев Емельян**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506251 (пр. 106. 1916 г.).

37. **Воробьев Андрей**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506284, (пр. 106. 1916 г.).

38. **Воробьев Александр**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682684, (пр. 130. 1916 г.).

39. **Воробьев Иосиф**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Перфильевской волости уч. Заборского. Ст. унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290500. 23 февраля 1915 г., будучи наводчиком, на собственном по-

сту выдвинул пулемет на фланг и открыл огонь по неприятельскому оружию, установленному на очень близкой дистанции и обстреливавшему шрапнельным огнем нашу цепь, заставил его замолчать и не допускал противника подойти к оружию, держа его под огнем пулемета с полудня до сумерек.

40. Воропаев Федор Ванифантиевич, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, с. Евсеевское. Ефрейтор 33-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 654374. Пожалована приказом по 4-му Сибирскому корпусу от 13 марта 1916 г. за то, что 26 августа 1915 г. своей храбростью и мужеством во время атаки под сильным огнем противника содействовал выбитию его из окопов.

41. Вяткин Алексей Петрович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Единской волости с. Свирск. Ефрейтор

62-го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Суворова полка. Георгиевский крест 4 ст. № 605107. В бою 27 мая 1916 г. на позиции у дер. Воробьевка, при атаке сильно укрепленных позиций противника, первым из взвода бросился в атаку, примером личной храбрости и мужества ободрил товарищей и увлек их за собой, первым ворвался в окоп противника и перерезал телефонные провода.

42. Гаврилов Терентий, уроженец Иркутской губернии. Стрелок пулеметной команды. Георгиевский крест 4 ст. № 459211 (1916 г.).

43. Гижа Афанасий, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290446, (пр. 110. 1916 г.). При форсировании переправы через реку Бобр 10 февраля 1915 г., когда рота находилась в 400-500 м (?) от неприятельских окопов, на пути наступления протекал последний рукав Бобра, шириною больше сажени, а глубиною в рост человека; под пулеметным и ружейным огнем неприятеля рота не имела возможности найти более мелкого места. Гижа первый бросился в воду и своим примером увлек остальных стрелков, при этом был ранен.

44. Гладких Андрей, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 49387.

45. Горбунов Григорий Тимофеевич, уроженец Иркутской губернии Верхоленского уезда Бирюльской волости с. Залог. Младший унтер-офицер 8-го стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 693272. Георгиевская медаль 3 ст. № 5763

(?). Георгиевский крест 4 ст. № 492219. Георгиевский крест 3 ст. № 88680 (?).

46. **Горбунов Дмитрий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 349764, (пр. 189. 1916 г.). Георгиевская медаль 4 ст. № 799482, (пр. 130. 1916 г.).

47. **Горбунов Прохор Артамонович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 552406 (пр. 386. 1916 г.).

48. **Горбунов Тихон**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 290417 (пр. 110. 1916 г.).

49. **Господников Климентий Кириллович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тангуйской волости ст. Приречье. Ефрейтор 8-го гренадерского Московского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 418437 за мужество и храбрость в бою 17 июля 1915 г.

50. **Грищенко Иван Иванович**, уроженец Иркутской губернии 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 560026 (пр. 66. 1916 г.).

51. **Губин Иннокентий Павлович**, уроженец Иркутской губернии Верхотурского уезда Илгинской волости д. Тимошинская (?). Ефрейтор 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Суворова полка. Георгиевский крест 4 ст. № 891816. В ночь с 1 на 2 августа 1916 г. на позиции у дер. Поток, будучи послан с партией разведчиков на разведку, под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника был сильно ранен в область правой грудной клетки, но несмотря на сильное ранение, продолжал выполнять свою задачу, до конца боя оставаясь в строю.

52. **Давыдов Ал.** Уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 341624, (пр. 110).

53. **Дементьев Денис Егорович**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Алонской волости и села. Рядовой (?) 77-го пехотного Тенгисского полка. Георгиевский крест 4 ст. 4 августа 1915 г. у с. Ланской, будучи в прикрытии пулемета, которому (?) угрожала опасность, но несмотря на сильный открытый противником артиллерий-

ский и пулеметный огонь, удалось вытащить пулемет и доставить своему начальству.

54. **Долгих Петр**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49945, (пр. 31. 1915 г.). В бою 5 октября 1914 г. под дер. Боржинен за выбытием из строя всех офицеров, привел роту в порядок и продолжал дальнейшее наступление на д. Соболен под сильным огнем противника.

55. **Дорошенко Семен**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тангуйской волости д. Прокопьевской. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 37990. В бою 15 сентября 1914 г. под гор. Августовым под сильным огнем противника доставил в роту патроны, когда в них была необходимость и никто не решался на это отважиться.

56. **Дурных Алексей**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Уковсковской волости, д. Амашь (?). Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49715 (пр. 94. 1914 г.). Георгиевский крест 3 ст. № 3346 (пр. 31. 1915 г.).

Георгиевский крест 4 ст.: в бою 15 сентября 1914 г., находясь в секрете на фланге расположения команды, обнаружил наступление колонны противника и донес начальнику команды, а сам остался наблюдать, несмотря на огонь противника.

Георгиевский крест 3 ст.: под действительным ружейным и артогнем противника установил утраченную связь полка с наступающим на дер. Дудкинъ 30-м Сибирским стрелковым полком, и доставил донесение в полк.

57. **Дьячков Иван**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Маломамырской волости д. Чаны. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 38436, (пр. 24). 23 сентября 1914 г. в боях под дер. Чемохен, командуя отделением под сильным огнем противника, хладнокровно управлял своим отделением и примером своей храбрости увлек подчиненных ему людей вперед.

58. **Дюпин Василий**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 3 ст. № 93457. 26 апреля 1915 г. в бою у д. Суванки-Новые под сильным оруж. и артогнем противника доставил важное донесе-

ние ком. 2 батальона, а сам оставался до конца боя подносить патроны на боев. участок роты, когда в них была надобность.

59. Евсеев Никита Осипович, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шабардинской волости д. Нижний Хингуй. Ефрейтор 59-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. В бою у дер. Боржимен 12 октября 1914 г. вызвался охотником на разведку, был окружен немецкими разведчиками, отстреливаясь возвратился обратно и принёс ценные сведения.

60. Елисеев Василий, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682502 (пр. 130. 1916 г.).

61. Елисеев Павел, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 799546 (пр. 130. 1916 г.).

62. Елисеев Федор, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Ижевской волости (?), д. Нуртог. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 343112, (пр. 51. 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 132869 (пр. 130. 1916 г.).

Георгиевский крест 4 ст.: 19 марта 1915 г. вызвался охотником про- извести разведку переправы у дер. Зубры и несмотря на то, что переправа была занята немцами, подкрался к самой позиции и выяснил расположение окопов и что мост через р. Керсну взорван. Георгиевский крест 3 ст.: в бою 27 мая 1915 г., вызвавшись охотником и проникнув сквозь сторожевое охранение противника, определил его силы и расположение позиции у дер. Дворец и Черманы.

63. Еманов Алексей, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости д. Лествянки. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506283 (пр. 106. 1916 г.). 28 марта 1915 г. при атаке укрепленной позиции противника в окрестностях Кальварии личной храбростью и хладнокровием увлек за собою прочих нижних чинов, первым бросился в штыки и занял окопы противника, чем способствовал другим атакующим частям.

64. Балуткин Василий, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Гуранской волости, с. Гуран. Стрелок (разведчик), ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка Георгиевский крест 4 ст. № 342941. В ночь с 16 на 17 марта 1915 г., вызвавшись охотником на

разведку, проник в расположение противника и определил силу и состав немцев, занимавших д. Окавоголе.

65. **Захаров Алексей**, уроженец Иркутской губернии, мещанин г. Иркутска. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 552400, (пр. 386. 1916 г.).

В бою 20 октября 1914 г. под д. Ольшанкой ефрейтор Захаров был выслан за старшего в боевом дозоре; обнаружив домик, за которым была расположена немецкая застава, он тотчас же донес об этом, благодаря чему рота приняла влево, напала на немецкую заставу и выбила ее оттуда. В домике остался немецкий пост, который приказано было взять живым. Тогда ефрейтор Захаров, проникнув в домик через крышу, ударом приклада оглушил одного, после чего были взяты в плен живыми люди поста.

66. **Жилкин Фёдор Осипович**, уроженец Иркутской губернии Калганского уезда (?). Стрелок 8-го стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 584140. Георгиевский крест 3 ст. № 135319.

67. **Забайло Степан**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Буранской волости и села. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 682607 (пр. 130.1916 г.). В бою у д. Буды 13 августа 1915 г., находясь на переднем пункте и будучи окружен неприятелем, несмотря на сильный арт., пул. и руж. огонь, пробился совместно с др. сквозь неприятельскую цепь и присоединился к своей части.

68. **Здышев Александр**, уроженец г. Иркутск, мещанин. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 459486, (пр. 210. 1916 г.). Медаль в честь 300-летия дома Романовых. Во время наступления 25 марта 1915 г. под г. Кальварией, когда в роте были израсходованы все патроны, вызвавшись охотником, под сильным огнем противника и по совершенно открытой местности, не щадя своей жизни, подносил патроны и этим содействовал успешному наступлению.

69. **Зубарев Алексей**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 341670 (пр. 170. 1915 г.).

70. **Иванов Петр Ильич**, уроженец Иркутской губернии. Старший унтер-офицер 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Полный Георгиев-

ский кавалер. Георгиевский крест 4 ст. (1914 г.), Георгиевские кресты 3, 2, 1 ст. (1915 г.).

71. **Иванов Николай Романович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тулунской (?) волости и села. Младший унтер-офицер 161 пехотного Александропольского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 774978. Георгиевский крест 3 ст. № 193538. В бою 29 мая у дер. Олеша за выбытием из строя взводного командира, принял команду над взводом, установил порядок, чем способствовал успеху боя.

72. **Ильин Пётр**, уроженец Иркутской губернии. Старший унтер-офицер 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Полный георгиевский кавалер.

73. **Казимиров Григорий**, уроженец Иркутской губернии 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 560916, (пр. 81. 1916).

74. **Казусс Степан Емильевич**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Жербаковской волости. Рядовой 195-го пехотного Оровайского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 536161. В бою 6 августа 1915 г. у деревни Л. был послан с важным донесением для восстановления связи во время сильного боя, с явной личной опасностью для жизни, выполнил таковое с полным успехом.

75. **Капустин Илья Степанович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 559857, (пр. 166. 1916).

76. **Капустин Игнатий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 552502 (пр. 713. 1917). Георгиевский крест 3 ст. № 131291, (пр. 710. 1917). Георгиевская медаль 4 ст. № 271394, (пр. 412. 1916).

77. **Карелин Яков**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Большемамырской волости. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 38438, (пр. 24. 1915). 23 сентября 1914 г. в боях под дер. Чемохен, под сильным огнем противника подносил патроны, когда в таковых была сильная нужда, но никто не решался на это отважиться.

78. **Карцев Алексей Степанович**, уроженец Иркутской губернии и уезда Хомутовской волости д. Поздняково. Младший фейерверкер.

31-й отдельной позиционной легкой батареей для стрельбы по воздушному флоту. Георгиевский крест 4 ст. Георгиевская медаль 4 ст. В бою 18 марта 1916 г. находился с офицером-наблюдателем в передовой пехотной цепи 4 роты 25-го Сибирского стрелкового полка, на которую было возложено разрушить проволочные заграждения противника. В виду того, что растущие кусты скрывали проволоку противника и её можно было наблюдать лишь малыми секторами, был послан офицером-наблюдателем на другой пункт роты, откуда он, несмотря на сильный ружейный огонь противника, давал ценные показания офицеру-наблюдателю и тем дал возможность разрушить проволочные заграждения противника.

За то, что в бою 8 августа 1915 г. у м. (?), с явной опасностью для ... под сильным ружейным огнем ползком пробрался на передовой наблюдательный пункт и своевременно доставил новый телефонный аппарат взамен поврежденного.

79. **Клюев Дмитрий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 801704, (пр. 143. 1916).

80. **Кожевников Иннокентий**, уроженец Иркутской губернии Верхотурского уезда Качутской волости, с. Анга. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 459260. 13 августа 1915 г. во время разведки около фольварка Леляны, действуя передним разъездом, обнаружил наступление противника, о чем своевременно донес командиру 4-го батальона, чем батальон был избавлен от неожиданного нападения неприятеля.

81. **Комаров Иван Васильевич**, уроженец Иркутской губернии Киренского уезда, Орлингской волости д. Тарасовка. Рядовой 258-го Кишиневского полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 984212. В бою 17 и 18 ноября 1916 г. на южном склоне выс. 1228, находясь в боевой передовой линии, под сильным огнем траншейных орудий противника, самоотверженно перевязывал и выносил раненых и убитых.

82. **Комаров Николай**, уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 50612, (пр. 81. 1916). Георгиевский крест 4 ст. № 132893, (пр. 130, 1916).

83. **Комаров Константин Никитич**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. за Русско-японскую. Георгиевский крест 3 ст. № 131282, (пр. 386, 1916).

84. **Кондаков Максим Иванович**, уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 38288 от 1. 09. 1914, серебряная шейная медаль на станиславовской ленте, медаль «За усердие».

85. **Кононов Иван**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости и села. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 349758, (пр. 189. 1915 г.). В бою 21 марта 1915 г под г. Кальварией будучи при пулемете 3-м номером, несмотря на сильный артогонь противника, доставил на позицию патроны и воду, в то время, когда в них нуждались.

86. **Кононов Семен**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 290499, (пр. 110. 1915).

87. **Коренев Николай Романович**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Нельханской волости д. Егорьевка. Младший унтер-офицер 62-го пехотного Суздальского генералиссимуса князя Суворова полка. Георгиевский крест 4 ст. № 625822. 27 мая 1916 г. на позиции у дер. Воробьевка, будучи окружен со своими товарищами перешедшим в контр-атаку противником, штыками пробилась через окружающее кольцо противника и явившись, доложил о движении на нашу позицию частей противника.

88. **Королев Федор**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 494465. Георгиевский крест 3 ст. № 112454, (пр. 62, 1916).

89. **Королев Василий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 290407, (пр. 110). Георгиевская медаль 4 ст. № 271380, (пр. 412. 1916).

90. **Кошкарёв Василий**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Кимильтейской волости с. Хорчево. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 801897 (пр. 245. 1916 г.). Будучи запасным наводчиком у пулемета, в ночь с 6 на 7 июня 1916 г. у дер. Сутково, заменив наводчика, метким огнем способствовал успеху отбития наступления противника. Когда снарядом

тяжелой артиллерии противника пулемет был разбит и засыпан, несмотря на сильную контузию, под ураганным огнем артиллерии, воодушевляя собственным примером других номеров, откопав пулемет и собрав все ленты, доставил все к резерву полка.

90. Кошулин Василий Дмитриевич, уроженец Иркутской губернии и уезда Оёкской волости. Рядовой 195-го пехотного Оровайского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 555543. Георгиевская медаль 4 ст. № 489577. В бою 8 июля 1915 г. у деревни (?) во время отхода с позиции ввиду противника, схватил пулемет и вынес его, несмотря на явную опасность для жизни. В бою 6 августа 1915 г. при деревне Л. под сильным огнем противника, примером мужества и храбрости содействовал успеху боя и отражению атак противника.

91. Крикливый Никифор Савич, уроженец Иркутской губернии и уезда с. Софийского (?). Канонир 4-й батареи 101-й артбригады. Георгиевская медаль 4 ст. № 401172. В бою с 22 по 25 мая 1916 г. при дер. Дорогостой(?), будучи за наводчика при орудии, несмотря на действительный неприятельский артиллерийский огонь, продолжал самоотверженно работать при орудии, чем давал прочей прислуги пример мужества, и этим обеспечил удачную стрельбу батареи.

92. Кручинин Никита Александрович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Кутулицкой (?) волости. Рядовой 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала князя Волконского полка. Георгиевский крест 3 ст. № 217665. За то, что в ночь с 4 на 5 октября 1916 г. у дер. Конюхи (?), при взятии неприятельской заставы, в числе первых бросился на заставу и увлекал за собой товарищей, причем противник был выбит из заставы.

93. Крылов Дмитрий, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 343150, (пр. 62, 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 131230 (пр. 249, 1916).

94. Крохин Александр Яковлевич, уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер штаба. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевская медаль 4 ст. (?).

95. Кузнецов Алексей Иванович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Гамыльской волости и села. Ефрейтор 64-го пехотного Казанского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 787253 за то, что 24 мая 1916 г. у дер. Цебров, находясь на разведке и несмотря на явную опасность, сильно подобрался к заставе противника, проделал

проход в проволочных заграждениях и провел по нему нашу атакующую часть, которая и заняла неприятельский окоп.

Георгиевские кавалеры 28-го Сибирского стрелкового полка

96. **Кузьмин Евдоким**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 342934, (пр. 240. 1915).

97. **Кузьмин Егор**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 342936, (пр. 240. 1915).

98. **Кузьмин Николай**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 3409, (пр. 94. 1914).

99. **Кузьмин Андрей Степанович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 28329, (пр. 69. 1914).

100. **Лебенков Петр**, уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506329, (пр. 106. 1916).

101. **Лебенков Василий**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Перфильевской волости, с. Перфильево. Церковник, старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 360753. Георгиевская медаль 4 ст. № 560753, (пр. 62. 1916). В бою 22 апреля 1915 г. у дер. Суванки-Новые, узнав от проходящих раненых, что полк несет большие потери и фельдшера не могут справиться с ранеными, церковник Лебенков добровольно пошел и помогая перевязывать раненых, переносил их на себе в передовой перевязочный пункт под сильным артогнем противника, заметившего их работу. Затем, когда раненых вблизи уже всех перенесли, он бесстрашно направился за ними вперед и не щадя жизни вытаскивал их из сферы действительного огня противника, на перевязочный пункт вплоть до глубокой ночи, чем помог в тот день фельдшерам справиться с большим количеством раненых.

102. **Литвинов Василий Ефимович**, уроженец Иркутской губернии Верхотурского уезда Бирюльской волости с. Золок (Залог?). Рядовой 161-го пехотного Александропольского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 734783, (1916). В бою 24 июня 1916 г. у дер. Олеша в ночь на 25 июня, имея предположение идти в ночную атаку, он выждал охотником разведать проволочные заграждения противника с большой опасностью для жизни исполнил это дело с большим успехом, точно установив место, где имеются прорывы в проволочном заграждении и место нахождения пулеметов.

103. **Логинов Алексей**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 61916, (пр. 11, 1915).

104. **Логинов Василий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4-й ст. № 560904, (пр. 81. 1916).

105. **Лыткин Владимир**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шерагульской волости и села. Старший унтер-офицер 26 Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 342828, (пр. 110). 23 февраля 1915 г. при взятии деревни Таенки умело управлял вверенной ему командой и личным примером ободрял своих подчиненных, чем способствовал быстрому захвату д. Таенки.

106. **Ляшенко Архип**, уроженец Иркутской губернии. 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 799563, (пр. 130. 1916).

107. **Малофеев Михаил**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Чаданейской волости д. Танханд. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506109 (290476), пр. 110, 1915. 10 февраля 1915 г. у дер. Чарнево под сильным огнем противника спас тонувшего ротного командира при переправе через р. Бобр.

108. **Малышев Валентин Яковлевич**, уроженец Иркутской губернии г. Иркутск, (мещанин). Старший мастеровой 4 позиционной батареи Канэ 6-го армейского корпуса. Георгиевская медаль 4 ст. За то, что в период боев с 22 по 27 мая под артиллерийским огнем противника неоднократно исправлял материальную часть орудий.

109. **Мамаев Феодосий**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда ст. Тайшетка (?) с. Бирюса (?). Ефрейтор 68-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. Георгиевский крест 4 ст. Находясь 11 февраля 1915 г. в передовых окопах при сильном ружейном огне противника, один отважился и доставлял сидящим в окопах патроны. Одна из неприятельских пуль попала в цинковую патронную коробку и вызвала пожар. Мамаев втянул коробку в окоп и потушил горящие пачки с патронами. За что и был награжден Георгиевским крестом.

110. **Марков Михаил Тихонович**, уроженец Иркутской губернии. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 552390, (пр. 386. 1916).

111. **Минеев Алексей**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Кимельтейской вол. с. Камельтино (?). Надзиратель больных 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 40949. В боях с 12 по 20 октября 1914 г. под огнем неприятельских снарядов, проявил необыкновенное самоотвержение оказывая помощь раненым нижним чинам и переносил их на перевязочный пункт в безопасное место.

112. **Михайлов Василий Михайлович**, уроженец Иркутской губернии. Стрелок 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст.

113. Петров Иннокентий Миронович, казак с. Култук Никольской волости, Иркутского уезда и губернии. Вахмистр Иркутского казачьего дивизиона. Полный Георгиевский кавалер. Георгиевский крест 2 ст. № 16434. Георгиевский крест 3 ст. № 91479. Георгиевский крест 4 ст. № 207873 за отличия в конном отряде особой важности при штабе Северного фронта.

114. Михайлов Алексей Михайлович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Тагнинской волости и села. Рядовой 1-го Сибирского е.и.в. стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 839260 за то, что в бою 1 сентября у дер. Б. под губительным артиллерийским и ружейным огнем, когда ротные санитары были разорваны снарядами, непрерывно выносил тяжело раненых, которыми были завалены окопы и ходы сообщений.

115. Михалев Василий, уроженец Иркутской губернии Иркутского уезда Оёкской волости и деревни. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. за Русско-японскую войну, № 108817. Георгиевский крест 3 ст. № 131283, (пр. 386. 1916). В ночь с 14 на 15 марта 1916 г. при наступлении на высоту Фердинандов нос был тяжело контужен и ранен, но несмотря на ранение после перевязки остался в строю до конца боя.

116. Михалев Федор, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 77504, (пр. 51. 1915).

117. Михалев Александр, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506272, (пр. 106. 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 132883, (пр. 130, 1916).

118. Мурашов Петр Яковлевич, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости и села. Младший фейерверкер 2-й батареи 12-ой Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевская медаль 4 ст. № 616972. Георгиевский крест 3 ст. № 167250. 4 июня 1916 г., находясь на передовом наблюдательном пункте в пехотных окопах на участке 1 батальона 483-го пехотного полка у заставы № 2 близ местечка С., под сильным действительным ружейным и пулеметным огнем противника неоднократно исправлял телефонное сообщение передового наблюдательного пункта и тем дал возможность батарее разрушить окопы и проволочные заграждения неприятеля и подавить ружейный и пулеметный огонь.

119. **Мухаметшин Батра**, Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская мед. 4 ст. № 799747, (пр. 130. 1916).

120. **Москвитин Иосиф**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 929066, (пр. 186. 1916).

121. **Мыльников Гавриил**, уроженец Иркутской губернии Киренского уезда Усть-Кутской волости. Старший унтер-офицер Телеграфной роты 39-го саперного батальона. Георгиевская медаль 4 ст. за то, что наводили телеграфные линии и обслуживал телеграфные ст(олбы) под действительным огнем неприятеля.

122. **Нахалов Михаил**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 559604, (пр. 188).

123. **Неизвестный Иннокентий**, уроженец Иркутской губернии г. Иркутска. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 799695, (пр. 130. 1916). 16 августа 1915 г. у дер. Нупроаны при сильном натиске противника, будучи ротным санитаром на передовом пункте, несмотря на ураганный огонь противника и угрожаемую опасность для жизни, успешно и самоотверженно исполнял свои обязанности, оказывая помощь раненым, перевязывая и вынося их из под огня.

124. **Неудачин Максим**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости д. Тюмашки. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 682887. В бою с 24 на 25 июня 1916 г. у дер. Мрацевичи-Митропольщина, находясь с пулеметом в 1-й роте и будучи пулеметным ун-оф., по собственному почину под сильным руж. пул. и артогнем противника выдвинул пулемет вперед на опасно близкую дистанцию к противнику и открыл огонь из пулемета, чтобы поддержать наступление 1-й роты и дать ей возможность продвинуться вперед.

125. **Неудачин Матвей**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Пулеметная команда. Георгиевская медаль 4 ст. № 99414, (пр. 329, 1916).

126. **Нефедьев Антон**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Идинской волости д. Хилок. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49455, (пр. 31, 1915). Георгиевский крест 3 ст. № 112395, (пр. 51, 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 799489, (пр. 130. 1916). ГК 4 ст.: в бою 13 октября 1914 г. под дер. Боржино, будучи раненым, остался в строю и продолжал наступление.

ГК 3 ст.: перед наступлением 17 марта 1915 г. на д. Боровики, занятую неприятелем, посланный вместе с другими на разведку, пользуясь складками местности, подошел на самое близкое расстояние к неприятельским окопам, выяснив расположение их, местонахождение пулеметов и кол-во сил противника и под огнем его отошел и доставил эти сведения. Благодаря добытым им сведениям, деревня и окопы впереди нее были взяты при сравнительно небольших потерях, несмотря на сильное сопротивление противника.

127. **Никитин Яков Никитич**, уроженец Иркутской губернии. Прапорщик, 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 28328, (пр. 69, 1914). Георгиевский крест 3 ст. № 36561, (пр. 41). Георгиевский крест 2 ст. № 5024, (пр. 106. 1916).

128. **Овсянников Яков**, уроженец Иркутской губ. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 38431, (пр. 24). Георгиевский крест 3 ст. № 12248, (пр. 31). Георгиевский крест 2 ст. № 5283, (пр. 412. 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 280505, (пр. 338. 1916).

129. **Огородников Степан**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Больше-Мамырской волости д. Чаны. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 231764. 2-го февраля 1915 г., будучи послан дозорным в дер. Жарнево, где находился резерв 32-го полка, который остался не известив об этом, обнаружил противника и своевременно донес об этом, благодаря чему были приняты меры от обхода противника с правого фланга. Дер. Жарнево находилась правее и сзади расположенного полка.

130. **Озаренок Кузьма Михайлович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости д. Озерки. Рядовой 1-го Сибирского е.и.в. стрелкового полка. Георгиевский крест 3 ст. № 86556 за то, что 6 марта 1916 г. в бою у фольварка Лапина охотником вызвался разведать проходы в неприятельских прово-

лочных заграждениях, успешно выполнил это под сильным огнем противника.

131. Орловский Владимир Игнатьевич, уроженец Иркутской губернии. Младший унтер-офицер команды связи 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. Георгиевская медаль 4 ст.

132. Павлов Алексей, уроженец Иркутской губернии 7 Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 49481, (пр. 31. 1915).

133. Павлов Михаил, уроженец Иркутской губернии 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 49052, (пр. 31. 1915).

134. Павличенко Федор, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Тайшетской волости, уч. Карай. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 343149, (пр. 62, 1916). В бою 21 апреля 1915 г. при атаке неприятельских окопов у фольв. Суванки-Новья, означенный ефрейтор, несмотря на открытый со стороны противника сильный руж. и пулем. огонь, совместно с другими, бросился вперед с криком «ура» и заняв кольцевой окоп, стал энергично преследовать немцев по ходам сообщения, вырытых в рост человека. В это время артиллерия противника открыла ураганный шрапнельный огонь через окопы, а немцы начали окружать 9-ю роту по другим ходам сообщения, и взвод роты, где был и ефр. Павличенко, оказался в безвыходном положении; несколько стрелков уже были захвачены в плен превосходящим противником и в виду того, что бой шел в лабиринтах ходов сообщения хорошо знакомых немцам, которые предлагали остальным сдаться в плен под угрозой расстрела. Тогда ефр. Павличенко совместно с др. шестью нижними чинами, бросившись на немцев, увлек за собой взвод, и штыковой схваткой прорвался через противника к своим позициям, остановившись на которых, открыл сильный огонь по гнавшемуся противнику, остановил его и удержался в своих окопах.

135. Павлов Петр Павлович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, уч. Усть-Укырский. Старший унтер-офицер 33-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 482581. Георгиевский крест 3 ст. № 133256. Пожалован за отличия в делах

с неприятелем 7 сентября 1915 г. В. К. Георгием Михайловичем 28 сентября 1915 г.

Пожалован приказом по 4-му Сибирскому корпусу от 16 февраля 1917 г. за то, что 18 августа 1916 г. у высоты 118,4 во время атаки первым выскочил из окопов своей линии, и, бросившись на укрепленный неприятельский пункт, первым вскочил на вал окопа противника.

136. Паршуковский Иван, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости д. Азей. Стрелок 26 (28 ?) Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 343113, (пр. 51. 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 132868, (пр. 130. 1916). 4 ст.: в бою 17 марта 1915 г. под сильным и действительным руж. и арт. огнем противника был послан с важным извещением в 26-й Сиб. стрелк. полк, доставил таковое по назначению и тем самым восстановил утерянную было связь с этим полком.

3 ст.: в бою 27 мая 1915 г. под сильным арт. и руж. огнем противника доставил важное донесение об обходе колонной противника правого фланга 28-го Сиб. стрелк. полка, благодаря чему колонна, в свою очередь, была обойдена и разбита.

137. Пентюхов Ерофей Иванович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Ново-Удинской волости с. Средне-Мун. Стрелок 8-го стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 613516. Награжден Главнокомандующим за подвиг 5.03., без описания подвига.

138. Петров Поликарп Игнатьевич, уроженец Иркутской губернии. Младший фейерверкер. Георгиевская медаль 4 ст. № 40847.

139. Петрушенко Василий, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Катарбейской волости, с. Катарбей Подпрапорщик 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49701, (пр. 94. 1914). Георгиевский крест 3 ст. № 50509, (пр. 110. 1915). ГК 4 ст.: в бою 15 сентября 1914 г., замещая мл. офицера роты и исполняя приказание командира роты, успешно вытеснил противника из окопов со своей полуротой.

ГК 3 ст.: при наступлении на д. Чарнево 10 февраля 1915 г. первый бросился на неприятельский пулемет и овладел им.

140. **Подкаменный Лука**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 560035, (п. 166. 1916). В ночь с 13 на 14 марта 1916 г. у высоты Фердинандов Нос выставлены были два поста, дабы не дать немцам укреплять заграждения. Находясь в составе этого поста, означенный стрелок, будучи тяжело ранен в руку, остался в строю до прихода ... продолжая обстреливать противника, пробыв таким образом после ранения более 3 часов.

141. **Полищук Ефим**, уроженец Иркутской губернии, ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. Георгиевский крест 3 ст.

142. **Поляков Григорий Иванович**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Перфиловской волости. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 682601, (пр. 130. 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 799561. ГК 4 ст.: в бою 15 августа 1915 г. под фольварком Юхнички, вызвавшись охотником на разведку, с явной опасностью для жизни, пробрался к лесу и узнал о кол-ве сил наступающего противника и его расположении. По получении этих важных сведений были приняты меры и наступающий противник был отбит.

ГМ 4 ст.: в бою 6-го сентября 1915 г. под дер. Олесиномь, командуя отделением и находясь на левом фланге ротного боевого участка, под сильным пулеметным и ружейным огнем противника, примером личной храбрости благоприятно действовал на своих подчиненных и частым огнем своего отделения сдерживал натиск противника, чем и содействовал отбитию неприятельской атаки.

143. **Поляков Иван**, уроженец Иркутской губернии 7-й Сибирской стрелковой дивизии, Георгиевский крест 4 ст. № 49877 (пр.9 4). Георгиевский крест 3 ст. № 50499 (пр.110).

144. **Попов Иван Арсеньевич**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда. Ефрейтор 258-го Кишиневского полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 984126. 1 октября 1916 г. во время наступления противника на позиции полка на склоне высоты 1527 против м. Кирлибаба команда разведчиков находилась на поддержке 9 и 10 роты. После отбития дневных атак с наступлением темноты, противник, силой около 2-х взводов, окопался на левом фланге 10-й роты перед самыми проволочными заграждениями, не давая людям роты привести в исправность разбитые артиллерией противника

окопы и проволочные заграждения. Вызвавшись охотником, взяв с собой несколько человек, вышел за наши проволочные заграждения, ручными бомбами и ружейным огнем выбил неприятеля из занимаемых им одиночных окопов.

145. **Поргачев Иван**, уроженец Иркутской губернии Тельминской волости д. Большой Елани. Ефрейтор 26 Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506256, (пр. 106. 1916). При наступлении 25 марта 1915 г., будучи разведчиком, совместно с другими с явной опасностью для жизни узнал, где находятся неприятельские пулеметы и своевременно донес об этом командиру роты.

146. **Потапенко Семен**, уроженец Иркутской губернии, 7-й Сибирской стрелковой дивизии, Георгиевский крест 4 ст. № 559920, (пр. 166. 1916).

147. **Потапенко Яков**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульский волости д. Утолай (?). Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49454, (пр. 31. 1915). Будучи раненым 13 октября 1914 г., в бою у дер. Боржигень остался в строю и продолжал наступать.

148. **Прибытков Павел Александрович**, уроженец Иркутской губернии Верхоленского уезда Качутской волости и села. Младший унтер-офицер 61-го пехотного Владимирского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 585582. Георгиевский крест 3 ст. № 33032. Георгиевский крест 2 ст. № 41518. ГК 4 ст.: за то, что в бою 15 сентября 1915 г. неоднократно подносил патроны и воду к беспрерывно действующему пулемету, пробираясь с громадной трудностью к позициям их, так как вследствие перекрестного огня противника доступ к ним был почти не доступен.

ГК 3 ст.: за то, что в бою 22 октября 1915 г., будучи наводчиком при пулемете, по собственному почину во время атаки выдвинул свой пулемет почти в упор противнику и действием его поддерживал контратаку.

ГК 2 ст.: за то, что 16 декабря 1916 г. при снятии полевого караула противника вызвался охотником под командой подпрапорщика Каргина, пробрался в тыл противника силой в 9 человек, невзирая на ружейный и пулеметный огонь противника, проявляя мужество и храбрость и воодушевляя своих товарищей, бросился на неприятеля, причем 7 человек были переколоты, 2 захвачены в плен.

А затем с партией отбил встречную контратаку противника силой около роты.

149. Пытлев Никита, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Уковский волости д. Балаков. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 459526. В бою 16 августа 1915 г. у переправы Тальково вызвался охотником в числе других на разведку, с явной опасностью для жизни прорвавшись через трудно проходимую часть к опушке леса, где был расположен противник, узнал приблизительное кол-во противника, и несмотря на то, что был обстрелян противником сильным ружейным огнем, своевременно доставил сведения командиру батальона, по получении которых были приняты меры и противник был отбит.

150. Розенталь Нафтолий Шмилев, Иркутской губернии г. Иркутска. Стрелок 8-го стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 821377. Георгиевская медаль 3 ст. № 4217.

151. Саввотеев Павел, уроженец Иркутской губернии Иркутского уезда Суховской волости. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 459180, (пр. 210. 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 799529, (пр. 130, 1916). Г. крест 4 ст.: 10 февраля 1915 г. при наступлении на д. Чарнево, когда рота перешла р. Бобр и открыла самый интенсивный огонь по неприятелю, стал истощаться запас патронов, а патронную двуколку, вследствие болотистой местности и ураганного огня, подвезти было нельзя, ефрейтор Саввотеев вызвался охотником, поднес патроны, когда, вследствие почти неминуемой гибели, никто не отважился это сделать.

Г. медаль 4 ст.: в бою 6 сентября 1915 г. впереди дер. Линкшики, вызвавшись охотником, под ураганным арт. огнем, по совершенно открытой местности, доставил во взвод патроны, когда в них ощущалась крайняя необходимость и никто другой не решался на это отважиться вследствие грозящей почти неминуемой гибели.

152. Семенов Никита, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Гуранской волости уч. Бородино. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский Крест 4 ст. № 290412 (пр. 110. 1915). Георгиевский крест 3 ст. № 132862 (пр. 130, 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 128615, (пр. 524. 1917). ГК 4 ст.: в бою 11 февраля 1915 г. под д. Чарнево под сильным огнем не-

приятеля с опасностью для жизни доставил вовремя патроны, когда никто на это не решался отважиться.

ГК 3 ст.: в бою 6 мая 1915 г. у гор. Мариаттоля при атаке неприятельских укрепленных окопов, будучи ранен, после перевязки вернулся в строй с полным своим вооружением и амуницией и продолжал наступление наравне со всеми вплоть до неприятельского проволочного заграждения, что повлияло на дух и настроение остальных нижних чинов роты.

153. Середа Иван Иванович, уроженец Иркутской губернии 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 799635, (пр. 130. 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 20234, (пр. 130. 1916). Георгиевский крест 2 ст. № 894? (пр. 130, 1916). Георгиевские медали 4, 3, 2 степеней.

154. Сергеев Максим Павлович, уроженец Иркутской губернии Удинского уезда (?) Курзинской волости участок Умыгинский (?). Рядовой 13-го пехотного Белозерского генерал-фельдмаршала князя Волконского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 886594. В бою с 18-21 августа 1916 г. у г. Зварова (?) под сильным пулеметным огнем, совместно с товарищами подполз к проволочным заграждениям неприятеля и прорезал проволочные заграждения, провел по ней атакующую часть.

155. Сергеев Иван Сергеевич, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куяновской волости д. Куяковской (?). Рядовой 161-го пехотного Александропольского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 774856. Георгиевский крест 3 ст. № 193537. В бою с 28 мая по 1 июня 1916 г., будучи в связи у батальонного командира, под сильным оружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, неоднократно передавал важные приказания.

156. Сидоренко Финоген Кузьмич, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда с. Адамово. Ефрейтор 297-го пехотного Ковельского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 737200 за то, что в бою у фольварка Вретополь 19 августа 1915 г. вызвался охотником провести разведку о расположении окопов противника, что под сильным действительным неприятельским огнем с успехом выполнил, а также установил, что за фольварком прибывает подкрепление противника. Был ранен оружейной пулей в ногу выше колена.

157. **Силин Алексей**, уроженец Иркутской губернии Иркутского уезда Уриковской волости д. Усть-Куда. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 38446 (пр. 24). Георгиевская медаль 4 ст. № 61695 (пр. 11). 23 сентября 1914 г в бою под Чемохен пробрался в тыл противника и выяснил местонахождение его батареи.

158. **Ситников Андрей**, уроженец Иркутской губернии. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 73441, (пр. 94).

159. **Скапцов Фаддей**, уроженец Иркутской губернии Иркутского уезда. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 3 ст. № 14350. В бою 15 сентября 1914 г., будучи послан с донесением, был тяжело ранен и, подозревая товарища, передал ему донесение для передачи.

160. **Сковыртов (?) Гавриил Игнатьевич**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Адамовской волости с. Масляногоorskого. Стрелок 22-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 1023305. В бою с австрийцами в августе 1916 года у дер. У. непрерывно работал пулемет; ему требовалась в большом количестве вода, которую можно было достать из колодца с опасностью для жизни, так как противник обстреливал деревню артиллерийским и ружейным огнем. Однако, несмотря на очевидную опасность, названный 4 часа все время доставлял воду, благодаря чему пулемет работал без отказа. Ранен пулей.

161. **Слесаревский Петр Демьянович**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Черемховской волости и села. Младший унтер-офицер 61-го пехотного Владимирского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 605223 за то, что в бою 22 мая 1916 г. во время контратаки вырвался вперед и был отрезан противником, но, не желая сдаваться в плен, с криком «ура!» бросился на австрийцев, переколов превосходящее число, забрав у них оружие и возвратился в свою роту.

162. **Сосин Михаил Митрофанович**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Заларинской волости и села. Младший унтер-офицер 61-го пехотного Владимирского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 585552. Георгиевский крест 3 ст. № 160343. ГК 4 ст.: за то, что в бою 15 сентября 1915 г. первым ворвавшись в укрепление

противника, захватил пулемет, переколов прислугу. ГК 3 ст.: за то, что в бою 8 октября 1915 г. под убийственным огнем противника, пробравшись к проволочным заграждениям его, устроил в нем несколько проходов, по которым проникли наши атакующие части.

163. Стрижев Максим, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Куйтунской волости д. Каратской (?). Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 682524, (пр. 130. 1916). 16 июня 1915 г. под дер. Паужишки, будучи назначен за старшего с партией разведчиков, проник в район расположения противника и блестяще выполнил возложенное на него поручение, точно разведал место расположения полевых караулов и других постов противника.

164. Суриков Софрон Михайлович, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Больше-Мамырской волости с. Кежма. Стрелок 8-го стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 693247 за мужество и храбрость, проявленные в боях.

165. Тарасов Тимофей, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 231768, (пр. 412. 1916). Георгиевский крест 3 ст. № 112446, (пр. 62. 1916).

166. Тарбеев Яков, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости, с. Шарагул. Ст. унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 28244. Георгиевский крест 3 ст. № 132903. ГК 4 ст.: в бою 23 сентября 1914 г. под дер. Чемухен, когда 4-й батальон наступал к лесу, что возле Корден-Липовка, ун-оф. Тарбеев, будучи послан командиром роты вперед с задачей, выяснить местонахождение окопов противника, быстро и решительно двинулся вперед и прислал донесение с точным указанием нахождения неприятельских окопов.

ГК 3 ст.: 12 августа 1915 г. при дер. Пештовяны, указанный ун-оф. во главе со своим взводом был послан для прикрытия отступления 7-й роты, которая, понеся сильные потери, вынуждена была отойти с позиции, на которой ей нужно было держаться до вечера. Своим самоотверженьем и храбростью повлиял на подчиненных, которые, невзирая на приближающиеся колонны противника и ураганный огонь тяжелой артиллерии по окопам, держались до ночи на позиции и, прикрывая собой отход 7-й роты, нанесли противнику тяжелые потери.

167. **Таробыкин Изот Иванович**, Иркутской губернии. Ефрейтор штаба 7-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 46899327, (1915 г.).

168. **Татаринов Михаил Филиппович**, уроженец Иркутской губернии Верхотенского уезда, д. М. Манзурка. Стрелок 33-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 654380. Пожалована приказом по 4-му Сибирскому корпусу за то, что с 26 по 30 августа 1915 г. проявил мужество и самоотверженность, работая при пулемете в качестве номеров, под сильным огнем противника.

169. **Татарников Борис**, уроженец Иркутской губернии Верхотенского уезда Манзурской волости, с. М. Манзурка. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 459525, (пр. 210. 1916). 30 августа 1915 г. во время разведки дер. Прашкуны, действуя передним разъездом, наткнулся на неприятельскую заставу, занимавшую деревню, которая открыла по разъезду огонь. Стрелок Татарников не растерявшись, своей личной храбростью и мужеством увлекая своих товарищей вперед, выбил противника из деревни и первый занял ее.

170. **Ташлыков Ефим**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, с. Ташлыково. Ефрейтор 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290447, (пр. 110. 1915). При занятии неприятельского берега реки Бобр в бою 10 февраля 1915 г., когда рота уже окопалась, была выслана группа разведчиков влево в лес под командою ефр. Ташлыкова, который обнаружил наступление цепи противника, немедленно донес об этом командиру роты и открыл огонь, дав возможность подойти взводу, которым и было приостановлено наступление.

171. **Таюрский Андрей Иванович**, уроженец Иркутской губернии Верхотенского уезда Усть-Кутской волости с. Таюры. Младший унтер офицер 15-го пехотного Шлиссельбургского полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 708697, 1916 г. В разгар боя при наступлении на неприятельскую позицию у дер. Цецувка, когда неприятель намеревался овладеть утерянными им окопами, он, вызвавшись окопником, с риском для жизни доставил под губительным огнем противника патроны для стрелков, бойцов и пулеметчиков, чем помог защитникам окопов нанести врагу жестокий урон и отбить ряд контратак.

172. **Терентьев Иван**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинский уезд Шабатинской волости и села. Ст. унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 290118, (пр. 88. 1915). 26 и 27 ноября 1914 г. 6-я рота подверглась сильному обстрелу тщательно скрытой неприятельской батареи. Ст. ун-оф. Терентьев, будучи назначен на разведку с целью обнаружения батареи, под сильным руж., пул. и артогнем, нашел ее местонахождение.

173. **Тимофеев Николай**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Козинской волости, д. Высоковой. Младший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 506256, (пр. 106. 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 271373. ГК 4 ст.: при наступлении 25 марта 1915 г. у гор. Кальванш вызвался охотником вместе с другими прорвать неприятельский правый фланг и успешно выполнил задачу, чем дал возможность присоединиться части окруженного 4-го взвода к своей роте. Г. медаль 4 ст.: в бою у дер. Малькинш 30 января 1915 г., будучи разведчиком, с явной опасностью для жизни, узнал, где находятся неприятельские пулеметы и своевременно донес об этом командиру роты.

174. **Тисленко Семён Матвеевич**, уроженец Иркутской губернии и уезда Молотнинской волости с. Ботайское. Рядовой 33-го Сибирского стрелкового полка. Контужен 19 июля 1916 г. и отправлен на излечение. Георгиевская медаль 4 ст. за то, что в бою с неприятелем 29 июля 1916 г. под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника в продолжении целого дня поддерживал связь с 34-м полком.

175. **Токарев Александр**, уроженец Иркутской губернии Младший унтер-офицер 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 49946, (пр. 31. 1915).

176. **Толмачев Игнатий Васильевич**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Усть-Удинской (?) вол. Бомбардир 2-й батарея 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский крест 4 ст. № 468190. 5 августа 1916 г., находясь на передовом наблюдательном пункте у заставы в передовом окопе, когда немцы открыли по этому участку ураганный огонь артиллерией, бомбометный и минометный огонь и повели наступление на наши передовые части, под этим губительным огнем своевременно и неоднократно исправлял телефонное сообщение пе-

редового наблюдательного пункта и батареи и тем давал возможность батарее вовремя открыть огонь по атакующим цепям противника и содействовал отпору неприятеля.

177. Толпышкин Павел Ефимович, уроженец Иркутской губернии Удинского (Нижеудинского) уезда Икейской волости уч. Та-льян. Старший унтер-офицер 8-го стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. Георгиевский крест 3 ст. № 15 3392. Георгиевская медаль 4 ст. № 662478. ГК 4 ст. за мужество и храбрость в бою 25 августа 1915 г. ГК 3 ст.: в бою 23 мая 1916 г., будучи ранен, остался в бою до конца боя, бодро продолжая выполнять обязанности командира взвода. ГМ 4 ст.: награжден на основании приказа Верховного Главнокомандующего от 9 марта.

178. Толстоноженко Диомид, уроженец Иркутской губернии, Иркутского уезда, Тайшетской волости, уч. Надуженского. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 560938, (пр. 81. 1916). 12 апреля 1915 г. под гор. Кальварией, будучи ездовым при патронной двуколке, под шрапнельным огнем противника с выдающейся храбростью вытащил со двора горевшего имения двуколку в безопасное место.

179. Трофимов Алексей, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Курзинской волости. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 49397. 19 октября 1914 г., будучи послан командиром батальона в разведку, с личной опасностью для жизни добыл и доставил важные с противника сведения.

180. Тумаков Степан Степанович, уроженец Иркутской губ. Верхоленского уезда, д. Зуево. Младший унтер-офицер 33-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 683310. Ранен и отправлен на излечение. Приказом по 4-му Сибирскому корпусу 1916 г. № 203 за то, что в бою с неприятелем 7 сентября 1915 г. у м. Сморгонь, будучи разведчиком, с явной опасностью для жизни доставил важные сведения о противнике.

181. Федоренко Митрофан, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Катарбейской волости с. Катарбей. Фельдфебель 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 77280, (пр. 51. 1915). Георгиевский крест 3 ст. № 112478, (пр. 81. 1916). Георгиевская медаль 4 ст. № 61935, (пр. 11). ГК 4 ст.: при

несении сторожевой службы у дер. Писсаницен 1 февраля 1915 г. Федоренко был выслан со своим отделением к дер. Легену. Заметив пехоту и конный разезд, приближавшиеся к деревне, он немедленно послал стрелка в роту с донесением о наступлении, а с оставшимися людьми открыл огонь по неприятелю; в это время подошла рота, и атака противника была отражена. ГК 3 ст.: 21 марта 1915 г., когда переправившись через реку Керсну, фельдфебель Федоренко бросился со своим взводом на неприятельские окопы, выбил из них немцев и 10 человек взял в плен.

182. **Фролов Григорий**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 561084, (пр. 106. 1916).

183. **Фролов Иван**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Гуранской волости, с. Гуран. Ст. унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 77502, (пр. 50. 1916). В бою 4-5 февраля 1915 г. у места Штабинга, находясь в секрете, при внезапном появлении конницы противника, а за ней части пехоты, был окружен. Не желая попасть в руки противника, он совместно с другим стрелком пробился атаками и присоединился к своему взводу.

184. **Фролов Пётр**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевская медаль 4 ст. № 801922, (пр. 245. 1916).

185. **Фролов Федор**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 459259, (пр. 210. 1916).

186. **Харенко Яков**, (призыв 1911 г.), уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Тыретской волости. Ефрейтор 3-го Сибирского понтонного батальона. Георгиевский крест 4 ст. за отличия, показанные в боях с австро-германцами с 17 по 23 октября 1915 г. у д. Богатковце под сильным ружейным и арт. огнем противника поддерживал непрерывную связь и доставил своевременно важные донесения и приказания.

187. **Хауст Пантелеймон Пименович**, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда. Ефрейтор 8 стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 542039. Георгиевская медаль 3 ст. № 121668. Георгиевский крест 4 ст. № 492034. ГМ 4 ст.: за проявленные под-

виги, мужество и храбрость в боях 30–31 октября 1915 г. ГМ 3 ст.: 30 апреля 1916 г. при продвижении вперед на 200 шагов на позиции противника и под его сильным ружейным и пулеметным огнем ставил рогатки, чем и укреплял занимаемый ротой участок. ГК 4 ст.: за бой 31 октября 1915 г. награжден за мужество и храбрость в.к. Георгием Михайловичем.

188. **Хлутин Иван**, уроженец Иркутской губернии. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 38235, (пр. 69). Георгиевский крест 3 ст. № 50515, (пр. 110). Георгиевский крест 2 ст. № 7558, (пр. 117). Георгиевский крест 1 ст. № 6888, (пр. 210). Георгиевская медаль 4 ст. № 799705, (пр. 130. 1916). Георгиевская медаль 3 ст. № 20262, (пр. 130. 1916).

189. **Храмцов Василий**, уроженец Иркутской губернии. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 28336, (пр. 69). Георгиевский крест 3 ст. № 3336, (пр. 31). Георгиевский крест 2 ст. № 777, (пр. 31). Георгиевский крест 1 ст. № 2464, (пр. 130. 1916 г.).

190. **Шаповалов Василий**, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Катарбейской волости. Старший унтер-офицер 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский крест 4 ст. № 77233, пр. 51. Георгиевский крест 3 ст. № 50513, пр. 110. Георгиевский крест 2 ст. № 4951, пр. 186. 4 ст.: 11 февраля 1915 г., когда полк, отходя от Штабина и Чарнево, разделился на две части, промежуток этот вызвался занять с партией наших разведчиков Шаповалов и около дер. Кунихи, открыв огонь, задержал наступление двух колонн и около эскадрона противника, направлявшихся в промежуток и могущих нанести большие потери нашим.

3 ст.: 30 января 1915 г. при отходе полка из Восточной Пруссии находился с партией наших разведчиков на переднем пункте и отбил ураганным огнем нападавшего противника силою около роты.

2 ст.: в бою 25 марта 1915 г. под гор. Каивванийей, вызвавшись в числе других охотников на разведку, под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, возвратился обратно и представил очень важные сведения о месте расположения окопов, пулеметов и о кол-ве сил противника, причем был тяжело ранен шрапнелью в обе ноги и в бок и вынесен товарищами.

191. **Шастин Александр**, уроженец Иркутской губернии и уезда Уриковской волости д. Московщина. Стрелок 26-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 560954. 25 марта

1915 г под г. Кальварией во время атаки неприятельских окопов, под сильным ружейным, пулеметным и арт. огнем противника, перевязывал и выносил раненых людей, подвергая себя явной опасности.

192. Шестерников Степан Федорович, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда, Бельской волости с. Мало-Бадоры. Ефрейтор 59-го пехотного Люблинского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 697430. 3 октября 1916 г. во время штурма 4-м батальоном немецкого редута при дер. Корытнице Владимир-Волынского уезда Волынской губернии. Под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника порезал проволочные заграждения впереди редута, чем облегчил своей роте, без больших потерь атаку этого редута, 54 пленных и трофеев.

193. Шунтиков Павел Иванович, уроженец Иркутской губернии Нижнеудинского уезда Шарагульской волости с. Азей Ефрейтор(?) 5 роты 77 пехотного Тенгисского полка. Георгиевский крест 4 ст. № 657687. В ночь с 13 на 14 июня 1916 г. у деревни ... под сильным огнем противника с другими н. ч. прорезал проволочные заграждения противника.

194. Щепитов Семен Алексеевич, уроженец Иркутской губернии Балаганского уезда Идинской волости и села. Стрелок 22-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 6722984. Состоял номером при пулемете в бою с германцами 30 июня 1916 года у дер. Элимин(?) под сильным артиллерийским огнем противника, ведущегося упорно на наше расположение, вручную набивал ленты патронами и подносил их к пулеметам. Благодаря стойкости, самоотверженности работ из пулемета развивался сильный огонь по наступающему противнику, не ощущался недостаток в патронах.

В бою с австро-германцами под городом Броды 14 июля 1916 года доставлял патроны к пулемету. За время боя названному 4 часа пришлось неоднократно приходить от пулемета к двуколкам и обратно, двигался по совершенно открытой местности, обстреливаемой ружейным и пулеметным огнем. Несмотря на исключительные опасности, которым подвергался названный стрелок, он доблестно используя свои обязанности, способствовал непрерывности действий пулемета.

195. **Юркевич Тарас**, уроженец Иркутской губернии. 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский крест 4 ст. № 290477, (пр. 110).

196. **Юрьев Гавриил Николаевич**, уроженец Иркутской губернии, Киренского уезда, Преображенской волости. Рядовой 195-го пехотного Оровайского полка. Георгиевская медаль 4 ст. № 642262. В бою 3 июля 1915 г. у деревни Ч. проявил выдающееся самоотвержение и стойкость, которые служили примером для товарищей, поднимая в них дух и сознание правильного исполнения долга службы.

197. **Яковлев Евстигней**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682604, (1916).

198. **Яковлев Иван Александрович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 506297. Георгиевский крест 3 ст. № 132867.

199. **Яковлев Иван Изотович**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682506, (пр. 130. 1916). Георгиевский крест 3 ст.

200. **Яковлев Макар**, уроженец Иркутской губернии. 7-я Сибирская стрелковая дивизия, Георгиевский крест 4 ст. № 506304, (1916).

201. **Яковлев Михаил**, уроженец Иркутской губернии, 7-я Сибирская стрелковая дивизия. Георгиевский крест 4 ст. № 682584, (1916).

202. **Ярыгин Иннокентий Иванович**, уроженец Иркутской губернии Киренского уезда Мартыновской волости, с. Новоселово. Младший унтер-офицер 33-го Сибирского стрелкового полка, Георгиевский крест 4 ст. № 965474 26.01.1917 г. за отличия в делах с неприятелем в Румынии.

Список составлен по архивным делам РГВИА (7-я Сибирская стрелковая дивизия) и делам по Георгиевским кавалерам – уроженцам Восточной Сибири (ГАИО). К сожалению, в делах 25, 27, 28 Сибирских стрелковых полков, материалы о награждениях Георгиевскими наградами не содержат данных о месте рождения и призыва Георгиевских кавалеров.

Материалы, опубликованные под заглавием «Архивный документ», являются выдержками из приказов и журналов боевых действий частей, дислоцированных и сформированных в Иркутске, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фф. 409, 3359, 3360, 3361, 3362, 3379, 3380, 3381, 3382.

Документы, собранные под заглавием «Воспоминания», являются частью фондов Ленских историко-этнографических экспедиций архива Лаборатории Истории Сибири (АЛИС) исторического факультета ИГУ за 1966–1969 гг. Для передачи колорита эпохи, авторы публикаций посчитали возможным сохранить орфографию документов, не исправлять фактические ошибки, неправильность имен и фамилий исторических деятелей и географических названий.

Воспоминания иркутян об участии в Первой мировой войне

Жарников Андрей Сергеевич. 1890 г. рождения, с. Баншиково Иркутской губернии.

Запись: 14 июля 1969 г. д. Чугуево Иркутской области.

...Меня ранило в Польше в местечке Каларьи. Пробыл в госпитале в Новгороде. Меня перевели в 177-й Лишенский полк запасной. А в этом Новгороде пробыл до 1916 г. Ну и кончилась война. Там переворот произошел. Мы на занятиях были, вдруг призвали нас оттуда, говорят: «Царя убрали». Потом опять на фронт. Я поехал в 1917 г. в отпуск домой. Доехал до Нижнеудинска, там нас остановили, потому что в Иркутске был переворот.

АЛИС. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 123-125.

Карасев Максим Петрович, уроженец д. Кундуй Иркутской губернии (1893 г.).

Запись: д. Петрово Иркутской области, конец 1960-х гг.

... Вылечили

Теперя-ка делаю побег. Услыхал, что Ленин со Сталиным уезжали из Германии. Я в Венгрии был в плену с июня 1915 года... В 1917-го году я надумался пробраться в Россию. Нас в то время пригнали в Польшу. И пробрались бы мы с украинцем ... Трое пробирались. Нам сказали, что легко пробраться из плена, и я надумался. И вот мы пошли двое. Три ночи шли. Днем-то нельзя. Однажды через линию пошли и попали на немецких. Пришлось поднять руки. Связали нас рука с рукой, привели в штаб. Положили и ноги связали. Нам пить и есть ничего не дают. Смотрят, что мы убежали в Россию и считают нас шпионами. Я не говорил, что я сибиряк, а то сибиряков они очень ненавидят. Но вот развязали нас. Дали нам кофея. По кружке выпили. И посадили нас. Месяц сидим в тюрьме у них. Говорят, что нас расстреляют. Ну, расстрел так расстрел. Из тюрьмы-то некуда деться. Давали рыбы сушеной и 200 гр. хлеба на сутки. Мы уже и сами просили, чтобы скорее расстреляли, чтоб не мотаться.

Ночью подъем. Нас везут. Днем не выпускают. Приехали. Под караулом отвели в глухие вагоны. Ни свету, никого нет. Жандарма

и того нет. Ночь-то нас привезли. Опять остановился поезд. Тут нас выпускают белого воздуха хватить. Нас уже качат. Смотрим, стоит повар и жандармы. Дали нам кофе, хлеба и по кусочку белого сала. Скушайте, мол. А у нас на уме одно: зачем? все равно смерть.

Приходит генерал их, выстроили нас. Человек 15-20 собралось бегавших в Россию. Сказал, что нам надо еще отбыть срок по 3 годинки (т. е. месяца по нашему)... Мы обрадовались. Еще бы, ведь на 3 месяца жизнь продлилась. А работа самая тяжелая. Добывали камни в шахте. Усиленная жандармерия. Выходили оттуда качаясь, 200-400 гр. хлеба, не больше. Я опять заболел. А у них врачи следят. Распух палец у меня.

Все ушли на работу, а меня увезли в город и положили в больницу вместе с солдатами. Прооперировали, вытащили волос. Пролежал я пока ноготь не вырос. А потом врач-немец полковник Лепинский и сестра-полька пообещали похлопотать, чтобы мне не возвращаться на шахту. Оставили меня при больнице служить на двойном пайке. Я такой выправился... Завел костюм хороший, брюки, штiblеты. Прямо пан польский стал. Любили меня в больнице. Даже с доктором ходил по палатам. Мне хорошо жилось тут. Называли даже помощником Лепинского. Ни чё, что я пленный, тоже паном называли, как брата родного. Тут я дождался мира. В общем, полька выручила, а то я бы погиб.

Пришел приказ пана Ленина: Царя долой». Он пленных не велел держать. Отпустили по домам. Ну, вот и нас довели до границы. Меня не пускали, пугали трудностями. Но я все-таки поехал в Россию. Кругом голодно. От границы все разбрелись кто куда. Все проел, что можно было. Как только перешли Петлюру. Они хотели Украину взять. Но Ленину-то тяжело было сразу. Он с Москвой возился – добровольцев брали...

Все пленные, пленные идут и идут. Разделили нас кому куда. Везли в простых вагонах, дошло до того, что машинисты с нами ничего поделать не могли. Залазили кто куда – наверх, на паровоз даже – а зима была.

Но поехали. Едем. Здоровье было сумасшедшее. Может слышали, Волга есть река? Подъезжаем, а здесь мадьяры и чехословаки пошли против Советской власти воевать и взорвали мост. Пришел паром. Мы погрузились. Шуга пошла, мороз, копоть, льдины большие пошли и не пошел паром.

Пошли мы поодиночке по взорванному мосту. А ветер свистит. Замерз до костей. И вернулся с полмоста обратно. Боялся замерз-

нуть совсем. Переночевали. Назавтра к обеду перешли Волгу. Город Самару слышали? Это от Волги 7 км. Что ли, ну быстро что-то. Поезд подошел и довез нас до Самары, а дальше говорят ехать нельзя. Путь прикрыт. Собрали нас большевики в бывших лагерях. Ничего, культурно содержали. Рыбу давали, хлеба сколько могли. Давай агитировать добровольцами. Это что же, снова лямка? и идти воевать против брата и отца? ... Месяц я провел в лагере ... однажды поехали с товарищем по городу. Поехали на вокзал. Уже 3 месяца прошло в Самаре. Я не хотел дожидаться Кольчука здесь. Приехали на вокзал. Идут эшелоны с лошадьми. Подъехал я до фронта с ними, куда? Слышим стрельбу кольчуковску. Раз уж рискнули приехать, надо брать оружие и воевать или пробиваться дальше. Переночевали на хуторе. Назавтра хохол показал нам дорогу прямую куда идти. Погода стихла. Пошли мы с другом. Видим, впереди эскадрон. Подняли мы руки. Окружили они нас. Куда? Откуда? Кака сила у большевиков?

А у меня одна мысль в голове: «Отпустят или голову отрубят?!» Они нас отпустили. Лишь посмотрели бумажку, что мы военнопленные. Пошли дальше. Голодуха! Кака сила была, откуда бралась, трое суток не жрамшие?

Зашли в штаб кольчуковский. Дали нам сухарьков полный мешочек и пошли мы дальше вдоль линии. Пришли на полустанок... Поезда не ходят. Пошли линией снова. Глядим, вокзал хороший, богатый. Решили окапываться тут, надо милостыньку просить. Таки молодые ... А дают, кого попросят ... дальше идти уже не могли ... ночевали на вокзале ... Поезд, говорят, будет. Глядим, и вправду, поезд идет пассажирский. Солдаты стоят, я подхожу к одному: «Брат, идем с плена, надо пробраться дальше, ближе к Иркутску. – Нельзя, – говорит, – там все начальство». Но разрешил после 3 звонка заскочить на подножку. Ладно, едем. Поезд не останавливается, дальше идет, а дело-то ночью. Увидели полку свободную. Залезли, пригреблись и уснули...

Один офицер увидел нас и спросил кто мы? Мы со слезами едва выговорили всю свою историю. Дает он нам поесть. Подскочили все другие офицеры, все выпрашивают, а мы на полке лежим. Дали они нам обед хороший и перевели в пустой вагон...

Приехали в Иркутск. Товарищ соскочил и где-то потерялся. По вокзалу уже бегают, приглашают военнопленных в баню, получить бельё и еду. Я умолел на сборный пункт, где в 1914 г. загоняли. Говорю, Тутурской волости Верхоленской волости. Говорят – живи, до-

жидайся своих. Недельку живу, втору. Прибывают, убывают, а моих нету тутурских. Встретил знакомого, он меня и научил: попроси кормовые. Тебе дадут эти 25 рублей кольчуковских и иди на постоялый двор. Выдали мне кормовые. Купил булку хлеба за 5 рублей. Прихожу на постоянный. Напился кипятку с хлебом, ложусь в угол, закрываюсь, молчу. Наутро иду по двору, вижу качутские ямщики. Говорят, то тутурские ямщики, шли где-то. Захожу, тутурские ямщики складываются. Узнали они меня и сказали, что мать меня уже в поминание записала.

Пошел я с ними. Одели они мне ноги в валенки. Едем, едем, я помагаю. Лошадей выпрягаю, запрягаю, отвык уже от этого. Слаб стал. Простыл и чуть не помер дорогой ... Поехал дальше домой. Из сил уже вышел. Наконец, доехали до Коркина ... Осталось 12 км до дома. Сват повез домой. Заехали в ограду, а сестра-то увидала, что солдат какой-то вошел. Свата-то они узнали, а меня нет. А потом сестра как заревет: «Максим приехал. Он, он». Мать выскочила, узнала и давай меня крестить ... Народ идет и идет все смотреть на меня.

АЛИС. Ф. 4. Д. 9. Л. 12-22.

Кузнецов Прохор Михайлович. Уроженец д. Громы Тулунской волости Иркутской губернии, род. в 1895 г.

Запись беседы: 8.07.1969 г., с. Алексеевский затон Иркутской области.

Я приехал с Ангары, из с. Громы Тулунского района, где жил со своими родителями, коренными сибиряками. В 1915 г. был призван в армию и попал на Украинский фронт (?) в 44-й сибирский стрелковый полк. За войну награжден двумя Георгиевскими крестами (4 и 3 степеней). Георгиевский крест 4 ст. я получил за то, что 10 июля 1917 г. Дело было на германском фронте в Вильнюсской губернии, недалеко от деревни Молодечно. Мы пошли в разведку, нас стали обстреливать. Я удалился ото всех, сел в воронку, где и просидел целые сутки. Нужно было приготовить проход в проволочных заграждениях. Я один прорезал заграждения в несколько рядов, но меня услышали, стали обстреливать. Я отполз к своим. А через 4 дня пошли в наступление...

А другой крест я получил за 14 июля. В этот день одного нашего офицера убили недалеко от речки Шара у той же деревни Молодечно. Я его вытащил. Было трудно. Кто полезет, того ухлопают. Взял с собой провод, привязал и притащил. Тогда же меня ранило. У офицера этого была одна полевая сумка с документами: карта и т.

д. немцы через речку не могли его взять. Выдали кресты после возвращения из госпиталя, вручал француз Ауэ – полковник, борода белая, большая, как ушкан.

Там получил крест в 43 полку мой одноклассник Николай Григорьевич Панов – мой односельчанин (из д. Громы). Он получил крест 4 ст. Другие имели мало наград, особенно рядовые. Много наград было только у кавалеристов и в конной разведке. За крест Георгия 4 ст. я получал 4 рубля, а за Георгия 3 ст. – 12 рублей в месяц. Кавалер 4 крестов Георгия получал 120 рублей в месяц в то время. Эти деньги можно было расходовать по своему усмотрению: справить сапоги, гимнастерку, продуктов ... Сапоги стоили рублей 15. Можно было на них играть в карты. Жалованье рядового – 1 руб. 70 коп.

В феврале 1917 г. я был в Москве в запасном полку, служил после ранения месяцев 6 там. Полком командовал полковник Белобородов. Я был солдатом. Помню, как начинался переворот в Москве.

9 мая 1917 г. поехал я на фронт в свою часть. Здесь уже всех плохих офицеров арестовали. Командирами были выбраны большевики. 44-м полком командовали подпоручик Степанов и Иванов подпоручик. Мы ожидали демобилизации. К нам Керенский в 1917 г. числа 14 или 28 июля приезжал на ст. Молодечно в дивизию. Он выступал на трибуне перед солдатами, которых собрали 15 тыс. человек. Он уговаривал нас воевать ...

АЛИС. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 31-34.

Олонцов Андрей Андреевич. Уроженец с. Коршуново Иркутской губернии, род. в 1895 г.

Запись: 23. 07. 1969 г., д. Коршуново Иркутской области.

В июне 1915 г. меня в армию призвали. Был в Иркутске, в маршевом батальоне. В роте 400 человек было. Однажды на тактических учениях ... я упал – кормили селедкой да вареной горбушей, ржаной хлеб. Командир пнул меня – «претворяешься?» Грамотка у меня была – 4 года. Учился у поселенца.

В Иркутске все считали – лучше на фронт. Нас, грамотных, в отдельный вагон собрали и в Петроград отправили: «Вы будете учиться на пулеметы». Тогда там был город Оrienбаум. Это уже было осенью.

Потом попал на южный фронт в армию Брусилова. 37 пулеметчиков нас привезли на пополнение в 394 полк. Начальник пулеметной команды – поляк Неппер, несколько раз бил меня плеткой, это-

го я никогда не забуду. Он всегда ходил с плеткой. Построит нас, идет, и каждого под зубы: «Поднять голову!»

В 1916 г., осенью, было первое крещение. В конце ноября. У нас самолетов не было. Немецкий самолет летит, а у нас его нечем бить. Чтобы стрелять (куда бы то ни было), нужно было спрашивать разрешение. Летит, ну и мне интересно ... Смотрю – кувырком. Летит в бор: солдат пулей попал. Приземлился. Они стали ремонтировать, а наши солдаты уж тут.

Пришло распоряжение, наш полк перебросить в Карпаты на румынскую территорию. Шли пешком. Тут нам досталось – с голоду пропадали. В Карпатах мы просидели долго. 10 суток шли пешком. Лошадей не хватало для перевозки грузов. У каждого 8 фунтов сухарей – неприкосновенный запас, хлеба нет, сухари, каша – и все. А для русского человека без хлеба – никак. А в декабре там самая плохая погода, грязь. Обмотки разматываются. Сядешь переобувать, а офицер плеткой. Офицеры ехали на конях. Начальник увидел, что я ем сухарь на ходу – он плеткой через плечо. Однажды, остановили обоз с хлебом и расхватали. Офицеры: «Полк! Стой! Отдайте все, что взяли. Всех не перестреляют».

После февральской революции офицеров стали звать не «Ваше благородие», а «господин».

Теперь все стали ждать, что война окончена. Немцам тоже надоело воевать».

– Эй, рус, давай поговорим!

– Кто пойдет?

– Я пойду.

Нас 5 человек пошло.

– Ну, пойдем, что будет.

– Да ничего не будет, они такие же люди.

Их командир отпустил на 10 минут.

– Знаете что, ребята, давайте бросим воевать – это немцы.

– А мы и не воюем.

Правда, мы их махоркой угощали, а они нас хлебом. Хлеб белый, но как опилки. Назавтра договорились встретиться. Один парень отказался: – А ну их, к черту! Еще убьют. Ну убьют, так убьют, – я уж как-то привык.

15 минут разговаривали. Они по-русски неплохо разговаривают, а мы по-немецки не можем. Вдруг – трах! С нашей стороны из пушки. Ну, мы ушли. Договорились – наступать не будем, и вы не будете. Это было в апреле 1917 г. Непер уже к этому времени застрелился –

в апреле же. Прав много отняли у офицеров. А лозунг так и остался – «Война до победы!»

Нам дали 4 дня отдыха, в тыл отвели. Весна.

Начальнику доложили (о неподчинении солдат), а тот его под винтовку поставил. А нельзя по закону. Солдатам же это известно. Ну и стали на старшину нажимать: «Снимай, а то надаем». Ну, он его и снял. Начальник заорал: «Зачем снял?» – А он: «Мне народ приказал». А он, начальник, и застрелился, не выдержал видимо.

Офицер у нас был – Васильев. Умный мужчина. Он нас поддерживал, жалел.

«Это не все, – говорит. – Ребята, революция еще будет...»

АЛИС. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3. Л. 78-81.

Прошутинский Гавриил Александрович. Уроженец д. Волгино Иркутской губернии, (род. в 1888 г.).

Запись воспоминаний: г. Киренск Иркутской области. 5. 07. 1968.

Исполнилось 21 год полный, взяли меня на военную службу. Служил последнему царю при дворе. Из Киренского района 6 человек взяли в Петербург на службу. Выбирали людей здоровых 2 аршина 8-9 вершков, в лейб-гвардию. Жили, конечно, не во дворце, 2 раза в месяц ходили в караул и охраняли Зимний дворец. Служил я с 1909 по 1914 г. в армии. До Иркутска ехали от Киренска 25 дней на лошадях. Служба царская – она строже, чем теперь. Осталась от тех лет карточка, где я в парадной форме. Во дворце стояли парные часовые – 32 человека, если царь идет на ужин, то часовые отдают ему честь. Ружья у часовых во дворце не были заряжены – боялись ...

Стройков И.М.,
призван из с. Будагово

Меня оставляли на сверхсрочную службу, но надо было сходить домой. А тут война 14 года, отправили на фронт ... В лейб-гвардию неграмотных не брали, а я окончил 3 класса церковно-приходской школы в Киренске. Спрашивали каждого: «Что читал?» А что читал – Алексея божьего человека, Библию. Один сказал, что читал Льва Толстого. «Ах, ты его читал», – офицеры ему говорят. Так его, голубчика, убрали из гвардии. В 15–16 году попал я на Карпаты, прошел через Польшу, но я ничего не понимал: «Седни везут сюда, завтра сюда – ничего

не понимаю. Офицеры кричат: «В атаку, за Веру, царя, Отечество». Приезжали священники, молитвы читали, целыми вагонами иконы и крестики и бесплатно раздавали солдатам.

В Восточной Пруссии разбили нашу роту, осталось 8 человек, и все попали в плен. Немец меня тыкнул штыком, но не проткнул – скатка помешала. Повели в плен, стали снимать сапоги с нас. Вот и Бог не помог...

Работали мы у помещика в Гелосберге – там лагерь был. Кормили плохо – 200 гр. хлеба давали, полуцентнеровые кули тащить еле мог. Пленные бежали. Мы с товарищем бежали тоже. Плутали 7–8 дней. Товарищ маленький и плавать не умеет – Карандашев Алексей из Вятской губернии, молотобоец. Я грамотный был, по карте знал, мы карту свиснули. Но убежать не удалось – остановились у реки, стали громко разговаривать, немцы услышали и схватили нас. Отправили в лагерь военнопленных Геммерштейн. Помню, случай с двумя пленными, которые сбежали. Леса в Пруссии чистые, видно все кругом, табуны диких кабанов напали на них и раструсили (растерзали. – *Прим. автора*). Пришли конвойные, говорят: «Там недалеко русские». Мы пошли посмотреть – их всех разорвали.

Когда царя сменили, приезжает помещик, а я знал немецкий немного, у меня самоучитель был. Выстроили нас. Переводчик – еврей, передает нам, что русского царя сменили. Мы Россию возьмем и вы, русские, не будете там так жить, а как мы – культурно. Дали нам отдых, в честь их победы будущей. Пришли мы в халупу, я говорю: «Ребятюшки, врет он, царь ведь дан богом, и там сильный караул – сам был». Газета пришла – и правда, царя сменили. Пришел конец плену, когда заключили мир с Россией. Сказали: «Будем вас отправлять домой через 14 дней». Мы не поверили, валили лес по-прежнему, но хлеба стали давать по 400 гр., после того как у них прошла революция. Стало легче, раньше денег не платили, а теперь 25 пфеннигов и даже полмарки стали платить и даже выходной дали. На станции Молодечно происходил обмен военнопленными. 300 нас на 300 германцев обменяли. Поехали домой. Ехали долго: сами дрова для паровоза пилили, воду носили, стояли по 3–4 часа ...

АЛИС. Ф. 6. Д. 9. Л. 18–22.

Пуляевский Иннокентий Федорович. Уроженец д. Пуляево Иркутской губернии, (род. в 1890 г.)

28 июля 1914 г. был призван в армию и направлен на Германский фронт. Батальон обучался в г. Иркутске. Ушел на фронт доброволь-

цем. Потом был в Нижнеудинске. 7 апреля 1915 г. выехали непосредственно на фронт через Петроград. Потом маршрут на Гродно, Варшаву. Попал в плен в 1915 г. Попали в котел и оборонялись до последнего патрона. Потом сдались. А всех пленных погнали в Германию. Раненых и не способных идти, добивали прямо на дороге. Кормили плохо. В Польше один из пленных попытался поднять яблоко с земли и был заколот штыком конвоира. Немцы очень зверствовали в самой Германии. Немецкие ребятишки бросали в пленных грязь, камни. Немцы даром не кормят. Нашли всем пленным работу. Кормили плохо, одной баландой.

За 1914–1918 гг. умерло 360 тыс. пленных. В лагере под Ламедорфом, который был расположен в лесу, насчитывалось 60 тыс. пленных. Пробыли в нем всего 1,5 месяца, и за это время в нем умерло 26 тыс. пленных. Из пленных лагеря формировали батальоны, которые посылались на работы, на шахты. Формировались батальоны и на железные дороги. Строили железные дороги на французском фронте для переброски войск. Из батальона, насчитывающего 2228 человек, в скором времени осталось 600 ...

Дохли, как мухи. Заставляли очень много работать. Поднимали в 3 утра. Били палками, прикладами, а потом гнали на работу за 9 км. Лопаты были тяжелыми, их одни только под силу поднимать здоровому человеку. Работали до глубокой ночи. На пленных возили различные тяжелые грузы, телеграфные столбы... Из немцев были и неплохие люди. Мастера, конвоиры с сочувствием относились к пленным. Одного из конвоиров за его доброту и человеческое отношение, так и называли «Добрый другом». Поляки из конвойных были хуже немцев и били больше русских, чем сами немцы. Нередко из лагеря совершались удачные побегі. Пленные строили и оборонные сооружения под Верденом ... Французы устроили немцам там сюрприз – они заминировали 3 форта и после небольшого боя, дали захватить его немцам. Немцы вошли в форты, французы форты вместе с немцами. По воспоминаниям, во время боя отдельных выстрелов не было – сильный гул стоял на месте боя. Днем сотни аэростатов с обеих сторон поднимались в воздух. Их поджигали. В другое время пленных использовали на уборке урожая. Строили шоссеыные дороги, работали в лесоцехах. Вскоре в 1918 г. началась революция в Германии...

Пленные попали к французским войскам... Белогвардейские офицеры стремились послать пленных в помощь различным генералам, которые стремились задушить Советскую власть. Сибиря-

ков думали направить в армию Колчака. Когда стали выяснять, кто из пленных сибиряк, то таковых не оказалось. Сибиряки не желали воевать... Среди пленных были солдаты Экспедиционного Русского корпуса во Франции. Французские солдаты отказывались расстреливать русских...

Пленным, которые отказывались сражаться против красных, угрожали отправлением в Альпы... В начале 1920 г. удалось наконец выбраться из плена. Через Марсель – Константинополь в Одессу сразу прибыло 9 тыс. освобожденных из плена. Сопровождающий транспорт с военнопленными миноносец наварлся на мину и затонул...

Добровольцем вступил в Красную Армию...

Демобилизовался из армии 22 июля 1922 г.

АЛИС. Ф. 4. Д. 10. Л. 66-70.

Федор Андреевич Арбатский. Уроженец д. Улькан Иркутской губернии (род. в 1895 г.).

В августе 1915 года меня забрали в Иркутск. 10 февраля нас отправили на фронт. Нас двинули к Минску. У нас отняли орудия и отправили на австрийский фронт. Нас тут и взяли 7,5 тысяч в плен. Это было в 1917 г. Пахали на нас в Эльзас-Лотарингии. Потом нас 3 дурачка решили сделать побег. Мы 12 дней проходили, и охотник нас поймал. Наказали нас, потом сунули на тяжелые работы. Потом опять 6 человек побег сделали. Нас опять поймали. Я говорю, отправляйте на крестьянские работы. Меня отправили. Я и прожил там, в деревне до Брестского мира. В 1918 г. нас повезли в Барановичи. Дали нам паек. Барановичи – станция такая, вся в кирпичках. Нас хорошо одели, накормили. Помню, мосты все взорваны. Когда Колчак отступал, все мосты взрывал. Доехали до Уфы, а там Колчак. Заболел я там брюшным тифом. Доехал до Иркутска, вымылся в бане. Доехал до Манзурки и слег...

Красноштанов Иннокентий Кампанисович был организатором восстания. Их было 2 брата. Он просто мужик был. Я его знаю, как он пошел в армию. Дослужился до прапорщика, вернулся домой. Плавал на пароходе. Потом в 1915 году опять его взяли, дослужился до штабс-капитана. Потом стал полный Георгиевский кавалер (все четыре креста) и поехал в Читу. Оттуда уехал на фронт. Вернулся раненым...

АЛИС. Ф. 6. Д. 8. Л. 119-120, 122.

Вострецов Андрей Федулович. Уроженец д. Подбельник Иркутской губернии. (Род. в 1893 г.).

Записано: д. Подбельник Иркутской области 9. 07. 1969 г.

В армию взяли в апреле 1914 г. в Иркутск. Служил в 28 полку и были еще 28(?), 27, 26 и 29 полки. Народу много взяли из Киренска и возили в Иркутск на лошадях. С деревни Подбельник взяли. Я в первый набор не попал, а вторым меня взяли. В Иркутске год пробыл. 20 января 1916 г. отправили нас через Порт-Артур, вокруг Африки, Индии... прошли и приехали во Францию. 48 суток ехали. Приехали в Марсель. Город большой, красивый. Ротный у нас был Лебедев. Больше в 28 полку были сибиряки. Во Франции хорошо было. Как с парохода сходили, и давали винтовку... 2 года 8 месяцев были во Франции. Потом отправили работать в Африку в портовый город. Работали у помещика, убирали виноград, хлеб. 7,5 франков в месяц платили. Одежда своя или иногда привозили с фронта с мертвых одежду прополоскают и дают. Со мной один был с с. Воронино...

В 1920 г. провели размен одного француза на 25 русских. В Россию везли через Турцию и в Одессу привезли.

АЛИС. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 47-48.

Содержание

Введение (Ю.А. Петрушин).	9
-----------------------------------	---

ФРОНТ

Часть 1. Иркутяне на фронтах Первой мировой войны (П.А. Новиков).	17
Боевой путь 3-го Сибирского армейского корпуса.	18
Боевой путь 7-го Сибирского армейского корпуса.	124
Иркутские казаки в боях (Г.И. Романов, П.А. Новиков).	196

ТЫЛ

Часть 2. Иркутск в годы Первой мировой войны.	229
Влияние войны на экономическую и общественную жизнь Иркутской губернии (Л.В. Шапова).	229
Военно-учебные заведения Иркутска в годы мировой войны (О.Н. Астраханцев, Т.В. Федорова)	249
Иркутское городское самоуправление накануне и в первые годы мировой войны (А.В. Петров)	310
Политическая ссылка Иркутской губернии в годы Первой мировой войны (А.А. Иванов)	327
Иркутская епархия в годы Первой мировой войны (Т.М. Новикова)	350
Иностранные дипломатические представительства в Иркутске в годы мировой войны (И.А. Воронов, С.П. Звягин)	363
Военнопленные мировой войны в Приангарье (А.В. Ануфриев)	373
Заключение (Ю.А. Петрушин)	396
Приложение № 1 Иркутяне – участники мировой войны, награждённые Георгиевскими крестами и медалями (А.В. Ануфриев, И.В. Чапыгин)	398
Приложение № 2 Воспоминания иркутян об участии в Первой мировой войне (А.В. Ануфриев)	436

**Иркутск и иркутяне
в Первой мировой войне**

Исследования и материалы.
Коллективная монография

Под ред. Ю.А. Петрушина

Верстка: И.В. Кравцов
Корректор: И.В. Миргородская

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 21.05.2014 г.
Формат 60x84 1/32

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура MinionPro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,41. Уч.-изд. л. 26,04.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 144.
664025, г. Иркутск, ул.5-й Армии, 26.
Тел./ факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru